

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ИСТОРИЯ РОССИИ**

Том 19, № 4, Ноябрь 2020

Специальная тема номера:
**ЭТНИЧЕСКОЕ И КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ МНОГООБРАЗИЕ РОССИИ И СССР:
ВОСПРИЯТИЕ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ**

Научный журнал

Издается с 2002 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61216 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF RUSSIAN HISTORY**

VOL. 19, № 4, NOVEMBER 2020

Special Theme of the Issue:
**ETHNIC AND CONFESSIONAL DIVERSITY OF RUSSIA AND THE USSR:
PERCEPTION BY POWER AND SOCIETY**

Founded in 2002

Founder: Peoples' Friendship University of Russia

DOI: 10.22363/2312-8674-2020-19-4

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

RUDN JOURNAL OF RUSSIAN HISTORY
Published by the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

Published four times a year in February, May, August, November.

Languages: Russian and English.

Indexed in Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), Russian Index of Science Citation, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, EBSCOhost.

Aims and Scope

RUDN Journal of Russian History is a periodical international peer-reviewed scientific publication in the field of historical research. The journal publishes original articles and reviews about the historical identity of the Russian state, consisting primarily in its ethno-national and ethno-confessional composition, the processes of mutual influence and enrichment of cultures. The journal also publishes materials on the history and current state of international relations and transnational connections between Russia and the peoples of the world in order to bridge the gap between the Soviet and post-Soviet periods of Russian history and in connection with the emergence of new actors in the historical process. The journal is aimed at cooperation and scientific exchange in the field of historical knowledge, publication of the results of fundamental and applied researches of Russian and foreign scientists studying the process of objective development of the peoples of our country in the context of general pre-revolutionary, Soviet and modern history of Russia. The editorial board of the journal invites researchers working in line with the above areas to prepare special thematic issues.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues since 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/russian-history>.

E-mail: rushistj@rudn.ru.

Printing run 500 copies. Open price
Peoples' Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ИСТОРИЯ РОССИИ

ISSN 2312-8674 (Print); ISSN 2312-8690 (Online)

4 выпуска в год: февраль, май, август, ноябрь.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по двум научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки) и 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat, East View, Dimensions, Directory of Open Access Journal (DOAJ), Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics), EBSCOhost.

Цель и задачи

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Журнал публикует оригинальные статьи, рецензии и обзоры, в которых раскрывается историческое своеобразие России, состоящее, прежде всего, в ее этнонациональном и этноконфессиональном многообразии, процессах взаимовлияния и взаимообогащения культур. Журнал публикует также материалы по истории международных отношений и современному состоянию транснациональных связей России с народами мира с целью преодоления разрыва между советским и постсоветским периодами российской истории и в связи с появлением новых субъектов исторического процесса. Журнал ориентирован на обеспечение сотрудничества в области исторического знания, публикацию результатов фундаментальных и прикладных научных исследований российских и зарубежных ученых, изучающих прошлое и настоящее народов нашей страны в контексте современных научных подходов. Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих в русле вышеуказанных направлений, для подготовки специальных тематических выпусков.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics): <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/russian-history>.

E-mail: rushistj@rudn.ru.

Подписано в печать 23.11.2020. Выход в свет 30.11.2020. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 21,70. Тираж 500 экз. Заказ № 1044. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов»

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

HONORARY EDITOR

Michael Kemper, *University of Amsterdam, Netherlands* (M.Kemper@uva.nl)

EDITOR-IN-CHIEF

Marina N. Moseykina, *RUDN University, Russia* (moseykina-mn@rudn.ru)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Rafael A. Arslanov, *RUDN University, Russia* (arslanov-ra@rudn.ru)

EXECUTIVE SECRETARY

Gadilya G. Kornoukhova, *RUDN University, Russia* (kornoukhova-gg@rudn.ru)

EDITORIAL BOARD

Alexander Y. Bendin, *Belarusian State University, Belarus*

David L. Brandenberger, *University of Richmond, USA*

Vladimir P. Buldakov, *Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Stephen F. Cohen, *Princeton University and New York University, USA*

Michael David-Fox, *Georgetown University, USA*

Vladimir G. Datsyshen, *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia*

Julie Hessler, *University of Oregon, USA*

Catriona Kelly, *University of Oxford, United Kingdom*

Oleg V. Khlevniuk, *National Research University Higher School of Economics, Russia*

Alexander M. Martin, *University of Notre Dame, Notre Dame, USA*

Ivan O. Peshkov, *Adam Mickiewicz University in Poznań, Poland*

Olga S. Porshneva, *Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia*

David Schimmelpenninck van der Oye, *Brock University, Canada*

Rinat N. Shigabdinov, *Institute of History of The Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan*

Irena Vladimirsky, *Achva Academic College, Israel*

Review Editor K.V. Zenkin

Layout Designer Iu.A. Zaikina

Address of the Editorial Board:

Peoples' Friendship University of Russia
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russia
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the Editorial Board of RUDN Journal of Russian History:

10 Miklukho-Makhlaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russia
Ph.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Кемпер Микаэль, *Амстердамский университет, Голландия (M.Kemper@uva.nl)*

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Мосейкина Марина Николаевна, *РУДН, Россия (moseykina-mn@rudn.ru)*

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Арсланов Рафаэль Амирович, *РУДН, Россия (arslanov-ra@rudn.ru)*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Корноухова Гадиля Гизатуллаевна, *РУДН, Россия (kornoukhova-gg@rudn.ru)*

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бендин А.Ю., *Белорусский государственный университет, Республика Беларусь*

Бранденбергер Дэвид, *Ричмондский университет, США*

Булдаков В.П., *Центр изучения новейшей истории России и политологии
Института российской истории РАН, Москва, Россия*

Владимирски Ирена, *Академический колледж Ахва, Израиль*

Дацьшен В.Г., *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

Дэвид-Фокс Майкл, *Джорджтаунский университет, США*

Келли Катриона, *Оксфордский университет, Великобритания*

Коэн Стивен Ф., *Принстонский университет и Нью-Йоркский университет, США*

Мартин Александр М., *Нотрдамский университет, США*

Пешков И.О., *Университет имени Адама Мицкевича в Познани, Польша*

Поршнева О.С., *Уральский федеральный университет*

имени Первого президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Схиммельпэннинк ван дер Ойе Давид, *Брокский университет, Канада*

Хесслер Джули, *Орегонский университет, США*

Хлевнюк О.В., *Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Москва, Россия*

Шигабдинов Р.Н., *Институт истории Академии Наук Республики Узбекистан*

Литературный редактор К.В. Зенкин

Компьютерная верстка: Ю.А. Заикина

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии:

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-23-12; e-mail: rushistj@rudn.ru

CONTENTS

IN THIS ISSUE	762
ETHNIC AND CONFESSIONAL DIVERSITY OF RUSSIA AND THE USSR: PERCEPTION BY POWER AND SOCIETY	
Vladimir S. Blokhin , The phenomenon of Conversion from Orthodoxy to the Armenian faith in the Russian Empire in the 19 th – early 20 th Century	766
Vladimir P. Litvinov , Custodians of Holy Places in Central Asia and Russian State (1865–1917)	781
Yuliya A. Lysenko, and Marina N. Efimenko , The Kyrgyz Anti-Islamic Mission of the Orenburg Diocese (1890s to Early 20 th Century)	793
Olga V. Erokhina, and Olga A. Litzenberger , German Colonists in the Migration Policy of the Russian Autocracy (Analysis of the Laws of the Russian Empire) (<i>in Eng.</i>)	810
Irena Vladimirskaia, and Mariia V. Krotova , “Pious Jew” Yakov Frizer and the Status of Jews in Siberia in the Early 20 th Century	824
Vladimir N. Shaidurov, and Tadeush A. Novogrodsky , The Gypsies and Military Service in the Russian Empire in the Second Half of the 18 th – First Half of the 19 th Century	838
Alexander V. Chernykh, and Mikhail S. Kamenskikh , Gypsies of the Urals in the National Economic Policy of the Soviet State of the 1920–1930s	851
Alexey Yu. Bezugolny , Negative Selection: Prohibitions and Restrictions in Red Army Recruitment on Ethnic Grounds During the Great Patriotic War	869
HISTORY OF REGIONS	
Dmitry S. Bakharev, and Elizaveta A. Zabolotnykh , Before the First World War: Reconstruction of the Ekaterinburg City (Urals, Russia) Population in 1913	889
Evgeniy A. Khapaev , Creation of a New Industrial Area in the Ulyanovsk District of the Middle Volga Region During the Great Patriotic War in 1941–1943	905
ARTICLES	
Nataliya V. Eylbart , The False Dmitry I in Polish-Lithuanian Public and Political Opinion 1603–1604	920
Roman S. Avilov , The Visit of the Vice-Chief of the Japanese Army’s General Staff Kawakami Sōroku to Priamur Military District (1897)	934
Elena V. Alekseeva, and Elena Y. Kazakova-Apkarimova , People’s Houses as Answers to the Challenges of Modernity in Europe and Russia (<i>in Eng.</i>)	952
Luciana Vieira Souza da Silva, and Bruno Bontempi Jr. , Gleb Vassilievich Wataghin: Physics, University and Politics in Brazil (1934–1949) (<i>in Eng.</i>)	965
REVIEWS	
Rafael A. Arslanov, and Elizaveta D. Trifonova , Russian-Central Asian Relations in the Works of Modern French Researchers (<i>in Eng.</i>)	979
Masumi Isogai (reviewer), Review on: Lyubichankovskiy, S.V. <i>Imperskaya politika akkul'turatsii i problema kolonializma (na primere kochevykh i polukochevykh narodov Rossyskoy imperii): monografiya [Imperial policy of acculturation and problem of colonialism (based on the example of nomadic and semi-nomadic peoples in the Russian Empire): a monograph]</i> . Orenburg: OGAU Publishing Center, 2019. 480 p.	996
INFORMATION	
Submission guidelines	1001
Call for papers for the 2021 annual program	1002

СОДЕРЖАНИЕ

В ЭТОМ НОМЕРЕ	762
ЭТНИЧЕСКОЕ И КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ МНОГООБРАЗИЕ РОССИИ И СССР: ВОСПРИЯТИЕ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ	
Блохин В.С. Феномен перехода из православия в армянскую веру в Российской империи XIX – начала XX в.	766
Литвинов В.П. Хранители «святых мест» в Средней Азии и Российское государство (1865–1917 гг.)	781
Лысенко Ю.А., Ефименко М.Н. Киргизская антиисламская миссия Оренбургской епархии (90-е гг. XIX – начало XX в.)	793
Ерохина О.В., Лиценбергер О.В. Немецкие колонисты в миграционной политике российского самодержавия (анализ законов Российской империи) <i>(на англ. яз.)</i>	810
Владимирски И., Кротова М.В. «Благочестивый иудей» Яков Фризер и положение евреев в Сибири в начале XX в.	824
Шайдуров В.Н., Новгородский Т.А. Цыгане и военная служба в Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX в.	838
Черных А.В., Каменских М.С. Цыгане Урала в национальной и экономической политике советского государства 1920–1930-х гг.	851
Безугольный А.Ю. Отрицательный отбор: запреты и ограничения на комплектование Красной Армии по этническому принципу в годы Великой Отечественной войны	869
ИСТОРИЯ РЕГИОНОВ	
Бахарев Д.С., Заболотных Е.А. Еще до войны: опыт реконструкции численности населения Екатеринбурга в 1913 году	889
Хапаев Е.А. Создание нового промышленного района на территории Ульяновского округа Средневолжской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.)	905
СТАТЬИ	
Эйльбарт Н.В. Лжедмитрий I в польско-литовском общественно-политическом мнении 1603–1604 гг.	920
Авилов Р.С. Поездка помощника начальника Генерального штаба японской армии Каваками Сороку в Приамурский военный округ (1897 г.)	934
Алексеева Е.В., Казакова-Апкаримова Е.Ю. Народные дома – европейский и российский «ответы» на культурно-мировоззренческие «вызовы» эпохи модерна <i>(на англ. яз.)</i>	952
Виейра Соуза да Силва Л., Бонтемпи Бруно мл. Глеб Васильевич Ватагин: физика, университет и политика в Бразилии (1934–1949) <i>(на англ. яз.)</i>	965
ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ	
Арсланов Р.А., Трифонова Е.Д. Отношения России и стран Центральной Азии в работах современных французских исследователей <i>(на англ. яз.)</i>	979
Исогай М. Рецензия на: Любичанковский С.В. Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи): монография. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2019. 480 с.	996
ИНФОРМАЦИЯ	
Правила оформления статей	1001
Тематический портфель журнала на 2021 г.	1002

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-762-765>

Редакционная статья / Editorial article

В ЭТОМ НОМЕРЕ

В.П. Литвинов

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина;
399770, Россия, Елец, ул. Коммунаров, д. 28/1; vladlenli@yandex.ru

IN THIS ISSUE

Vladimir P. Litvinov

Bunin Yelets State University; 28/1, Kommunarov St., Yelets, 399770, Russia;
vladlenli@yandex.ru

Тематика спецрубрики нового номера журнала посвящена проблемам этнического и конфессионального разнообразия России и СССР. История этноконфессиональных отношений является важным социальным и культурным фактором существования многонациональных государств. Для Российской империи, а затем и СССР этноконфессиональные отношения всегда были важным компонентом как внутренней, так и внешней политики. По этой причине изучение проблем этнического и конфессионального взаимодействия на разных этапах истории нашей страны необходимо для более полного и целостного представления о развитии и характере общественных и культурных отношений народов, населяющих Россию.

Первая статья номера В.С. Блохина посвящена проблеме перехода православных верующих в армяно-григорианское вероисповедание в Российской империи в XIX – начале XX в. Автор рассматривает мотивы и обстоятельства такого рода явлений. Показано, что в Российской империи до указа «Об укреплении начал веротерпимости» 1905 г. они рассматривались как уголовно наказуемое деяние. После 1905 г. был принят ряд нормативно-правовых актов, которые утверждали новый порядок переходов из православия в другие христианские исповедания.

В статье В.П. Литвинова исследуется малоизученная в историографии проблема, связанная с деятельностью института шейхов-хранителей «святых мест» в Средней Азии. Автор указывает, что в исламе данный феномен не получил никакого правового оформления, однако «хранительство» сакральных объектов являлось достаточно распространенным явлением во всех мусульманских регионах мира, не исключая и «колыбель» ислама – Аравию. Указывается, что в Средней Азии исторически сложился порядок, при котором «святые места» и их хранители существовали в значительной степени за счет их вакуфного имущества, а не только на пожертвования паломников. Пришедшая во второй половине XIX в. в регион русская власть пыталась придать ему некую определенность, но из-за боязни нарастания антирусских настроений действовала вяло и нерешительно.

В статье Ю.А. Лысенко и М.Н. Ефименко рассматривается деятельность Киргизской православной миссии в Оренбургском крае в период 90-х гг. XIX – начала XX в. Указывается, что Русская православная церковь пыталась наладить миссионер-

скую деятельность в этом регионе с целью противостояния укреплению позиций ислама, но эта деятельность имела ограниченный характер, поскольку незначительность православной общины и преобладание среди христиан края старообрядцев сводили практически к нулю результаты подобной работы. Более того, возникла проблема «окиргизивания» русского населения, поэтому миссия была вынуждена расширить свою деятельность среди православных крестьян-переселенцев, в частности, была налажена система миссионерского образования, что позволило приостановить рост количества переходов из православия в ислам и разнообразное сектантство.

Анализ нормативно-правовой базы переселенческой политики Российского государства из германских стран на юг России представлен в статье О.В. Ерохиной и О.А. Лиценбергер. Характеризуя цель политики, авторы связывают ее с необходимостью освоения пустующих окраин империи и формирования условий для передачи передового опыта ведения сельского хозяйства. При этом отмечается, что отсутствие четкого механизма переселения и понимания его последствий создавало множество проблем на начальном этапе, однако позже удалось наладить как сам процесс переселения, так адаптацию колонистов на новых территориях.

В статье И. Владимирски и М.В. Кротовой, на основании частных случаев, нашедших отражение в документах богатого золотопромышленника-еврея, жителя г. Иркутска Якова Фризера, авторами анализируются особенности «еврейского вопроса» в условиях Восточной Сибири в начале XX в. Убедительно показано, что сложившаяся система межнациональных и этноконфессиональных отношений в регионе, в сравнении с центральными и южными районами Российского государства, была более демократичной и лишённой излишних социальных условностей, что объяснялось особыми обстоятельствами формирования и структурой общества в Сибири, в связи с чем евреи смогли здесь достаточно успешно интегрироваться в региональный социум.

Любопытные данные представлены в статье В.Н. Шайдурова и Т.А. Новгородского. Исследователи впервые обратились к проблеме отношений Российского государства и цыган во второй половине XVIII – первой половине XIX в. с позиции привлечения их на военную службу. Авторы указывают, что лишь незначительная часть цыган оказалась вовлеченной в этот процесс. На этом основании в статье делается вывод о том, что царизм не смог выработать эффективный механизм адаптации цыган к сложившимся в стране государственным, общественным и социальным институтам.

Авторы А.В. Черных и М.С. Каменских продолжают тему адаптации цыган к государственным и общественным институтам. В их статье анализируется политика в отношении цыган уже в СССР в 1920–1930-е гг. на примере Уральского региона. Авторы указывают, что в целом молодое советское государство успешно справлялось с адаптацией цыган к новым социально-экономическим условиям, но на Урале, по их мнению, не была учтена региональная специфика и действия властей носили импульсивный и спорадический характер, породив большинство неудач.

Все статьи спецрубрики, представленные в номере, на наш взгляд, вносят определенный вклад в осмысление традиций сосуществования народов, населяющих Россию. Необходимость изучения проблем этнического и конфессионального разнообразия России и СССР в историческом контексте определяются событиями и процессами, происходящими в современном мире. В первую очередь, это связано с нарастающей тенденцией использования национализма в качестве главного идеологического фактора в государственном строительстве стран, когда-то входивших в состав Российской империи, а потом и СССР. Все представленные статьи отличаются оригинальностью, высоким научным уровнем и интересным содержанием. Мы уверены, что статьи, представленные в этом номере, являются значимыми как для научной общественности, так и для широкого круга читателей.

ENG

This issue explores ethnic and religious diversity in Russia and the USSR. Ethno-confessional relations are an important aspect of the history of multinational states. The Russian Empire and the USSR were no exception, and their governments often considered the matter in both their domestic and foreign policy. Studying ethnic and confessional interaction at different stages in the history of our country is necessary for a better understanding of social and cultural relations among its many nationalities.

V.S. Blokhin's article looks at the conversion of Orthodox believers to Armenia's Gregorian faith in the Russian Empire during the 19th and early 20th centuries. He explains that this had been a criminal offense before the decree "On strengthening the principles of religious tolerance" of 1905. However, after its approval, the laws were adjusted to approve conversion from Orthodoxy to other Christian confessions.

V.P. Litvinov considers the long neglected question of the sheikh custodians of Central Asia's holy places. The author points out that under Islamic rule they were never legally recognized, even though the practice of maintaining sacred objects was widespread throughout the Muslim world, including the cradle of Islam – Arabia. Historically, in Central Asia they were largely funded by waqf, or charitable endowments, not merely by the donations of pilgrims. After the region came under Russian rule in the second half of the 19th century, the new authorities tried to regulate their activity, but were discouraged by the local Islamic population's hostility.

The article by Yu.A. Lysenko and M.N. Efimenko examines the Orthodox Mission to the Kyrgyz of the Orenburg region at the turn of the 20th century. Its authors explain that the Russian Orthodox Church tried to institute missionary activities there to resist Islam, but the Orthodox community was too small, while the predominance of Old Believers among the Christian population greatly hampered their efforts. Moreover, the "Kirgization" of Russians forced the missionaries to limit their proselytization to settled Orthodox peasants. Nevertheless, they established a system of missionary education that halted rising apostasy from Orthodoxy.

O.V. Erokhina and O.A. Litzenberger analyze the legal framework of Russian resettlement from the German states to the empire's south. As they point out, this was carried out to develop the frontier and introduce modern agricultural practices there. At the same time, the authors note that the lack of an effective mechanism for resettlement as well as inattention to its consequences initially caused many problems, but the authorities eventually resolved these shortcomings.

I. Vladimirov and M.V. Krotova discuss the "Jewish question" in Eastern Siberia in the early 20th century through the life of the wealthy Irkutsk gold miner Yakov Frizer. They conclude that, compared to central and southern Russia, ethno-confessional relations in the region were more democratic and less restrictive. The authors attribute this to the special circumstances of Siberia's development, which made it easier for Jews successfully integrate into society there.

An interesting article by V.N. Shaidurov and T.A. Novgorodsky provides the first study of relations between the Russian state and Roma in the second half of the 18th and the first half of the 19th centuries from the perspective of recruitment for military service. As the authors note, only a small number of Roma were affected. This leads them to conclude that the Tsarist regime was unable to develop an effective mechanism for integrating the Roma into its institutions.

A.V. Chernykh and M.S. Kamenskikh continue the theme of efforts by the state to integrate its Roma by analyzing Soviet policy during the 1920s and 1930s in the Ural region. They explain that, the young Soviet state carried this out more effectively than be-

fore the Revolution. However, it did not take into account the region's specifics, resulting in often impulsive and erratic implementation, which led to many failures.

These articles all enhance our understanding of how Russia's nationalities coexisted. The need to study the history of ethnic and confessional diversity in Russia and the USSR is necessary to understand current developments, especially as the former Soviet Union's newly independent states mobilize nationalism to strengthen the loyalty of their citizens. The contributions to this issue are distinguished by their originality, research, and interesting content. We are confident that they will appeal both to scholars and the general public.

Информация об авторе / Information about the author

Литвинов Владимир Петрович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Бунинская Россия» Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина.

Vladimir P. Litvinov, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Senior Research Fellow, Scientific Research Laboratory "Buninskaya Rossiya", Bunin Yelets State University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-766-780>

Научная статья / Research article

Феномен перехода из православия в армянскую веру в Российской империи XIX – начала XX в.

В.С. Блохин

Екатеринбургская духовная семинария;
620026, Россия, Екатеринбург, ул. Р. Люксембург, 57;
Уральский государственный университет путей сообщения;
620034, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 66; vladiblok@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению феномена перехода лиц православного исповедания в армянскую веру в Российской империи на протяжении XIX – начала XX в. Подчеркивается связь данного феномена с практикой заключения смешанных браков между лицами православного и армянского исповеданий. При наличии достаточного количества работ, посвященных анализу статуса неправославных христианских исповеданий в России в синодальный период, наблюдается весьма слабая степень изученности фактов перехода из православия в армянскую веру и вопроса заключения браков между лицами, относящимися к указанному конфессиям. Новизна исследования определяется, во-первых, выявлением мотивов и обстоятельств вероисповедных переходов, особенностей заключения смешанных браков по неопубликованным документам из фондов Национального архива Республики Армения, а во-вторых, характеристикой данных явлений как неотъемлемого компонента в истории русско-армянских церковных связей на протяжении 1828–1917 гг. До 1905 г. в результате заключения смешанного брака в православной церкви каждый из супругов продолжал исповедовать свою веру, а их дети крестились в православии. Об этом свидетельствуют, в частности, сведения из метрических книг эриванского Покровского православного собора за 1880–1885 гг. Анализ архивных документов позволяет сделать вывод, что после 1905 г. большинство переходов из православия в армянскую веру предпринималось девушками, намеревавшихся вступить в брак с избранниками армянского исповедания. Это объяснялось тем, что заключение смешанных браков и крещение родившихся в них детей по-прежнему находилось в компетенции Русской православной церкви. Лишь принадлежность армянскому вероисповеданию будущих супругов служила залогом их венчания в Армянской церкви. Такой брак становился моноконфессиональным, а родившиеся дети воспитывались в армянской вере. Кроме намерения вступления в брак, в статье указываются и другие мотивы, лежащие в основе перехода из православия в армянское исповедание.

Ключевые слова: Армянская Апостольская церковь, вероисповедные переходы, веротерпимость, метрические книги, религиозно-смешанные браки, Русская православная церковь, русско-армянские отношения

Для цитирования: Блохин В.С. Феномен перехода из православия в армянскую веру в Российской империи XIX – начала XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 4. С. 766–780. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-766-780>

The Phenomenon of Conversion from Orthodoxy to the Armenian Faith in the Russian Empire in the 19th – early 20th Century

Vladimir S. Blokhin

Yekaterinburg Orthodox Theological Seminary;
57, R. Luxemburg Str., Yekaterinburg, 620026, Russia;
Ural State University of Railway Transport;
66, Kolmogorova Str., Yekaterinburg, 620034, Russia; vladiblok@yandex.ru

Abstract: The article analyzes why and how persons of the Orthodox confession converted to the Armenian faith in the nineteenth- and early twentieth-century Russian Empire. This phenomenon is linked to the practice of mixed marriages between persons belonging to the Orthodox and Armenian confessions.

© Блохин В.С., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

While the status of non-Orthodox Christian confessions in Russia during the synodal period has received a good amount of scholarly attention, not much research has been devoted to the conversion from Orthodoxy to the Armenian faith, and to the issue of marriages between persons belonging to these faiths. The present paper identifies the motives and circumstances of religious conversions and the peculiarities of mixed marriages. It does so on the basis of unpublished documents from the funds of the National Archive of the Republic of Armenia. Equally new is the authors' suggestion to consider these phenomena as an integral component in the history of Russian-Armenian church relations in the period 1828–1917. Until 1905, the regulations of the Orthodox Church demanded that after the conduction of an interreligious marriage, both spouses continued to practice their respective faiths, and their children were baptized in Orthodoxy. This is reflected in the metric books of the Erivan Pokrovsky Orthodox Cathedral (1880–1885). The analysis of archival documents allows us to conclude that after 1905, most of the conversions from Orthodoxy to the Armenian faith were performed by women who intended to marry men of the Armenian confession. The reason for this phenomenon is that interreligious marriages and the baptism of children born from mixed couples was still in the competence of the Russian Orthodox Church. Only if both partners belonged to the Armenian faith, the wedding could take place in the Armenian Church, and their children were brought up in the Armenian faith. In addition to matrimonial reasons, the article underlines some other important motives behind conversions from Orthodoxy to the Armenian confession.

Keywords: Armenian Apostolic Church, religious conversions, religious tolerance, metric books, interreligious marriages, Russian Orthodox Church, Russian-Armenian relations

For citation: Blokhin, Vladimir S. "The Phenomenon of Conversion from Orthodoxy to the Armenian Faith in the Russian Empire in the 19th – early 20th Century." *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 4 (November 2020): 766–780. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-766-780>

Введение

История взаимоотношений Русской православной церкви (далее – РПЦ) с Армянской Апостольской церковью¹ (далее – ААЦ) насчитывает почти тысячелетнюю историю. Однако наиболее тесное взаимодействие между двумя церквями началось во второй четверти XIX в., после вхождения Восточной Армении и Эчмиадзина – центра ААЦ – в состав Российской империи (1828 г.). В рамках данного взаимодействия сложился целый комплекс направлений деятельности, участниками которых выступали представители обеих церквей. Одни направления свидетельствовали об объединении общецерковных усилий (например, в сфере духовного просвещения и образования, в проведении совместной богословской полемики и др.). Другие направления, наоборот, побуждали каждую церковь к защите собственных прав. Так происходило в тех случаях, где церковные интересы сталкивались и приводили к проблемным ситуациям (к примеру, в вопросах о праве осуществления армянскими священнослужителями церковных таинств в отношении лиц православного исповедания, возможности географически близкого сосуществования православного и армянского храмов в пределах одного города, праве реализации публичных религиозных обрядов и т.д.).

Особую страницу в русско-армянских церковных связях XIX – начала XX в. составляет феномен вероисповедных переходов, которые осуществлялись как из армянского вероисповедания в православное, так и, наоборот, – из православия в армянскую веру. Если переходы из других исповеданий в православие активно поощрялись РПЦ и Российским государством в целом, то переходы из православия в иные христианские исповедания, в т. ч. в армянскую веру, на практике сопровождались обстоятельствами, заслуживающими специального анализа. Анализ феномена вероисповедных переходов из православия в армянскую веру составляет цель настоящей статьи.

Для реализации поставленной цели были поставлены следующие задачи:

¹ В Российской империи по Положению 1836 г. за Армянской Апостольской церковью закрепилось название «Армяно-Григорианская церковь», а армянское вероисповедание именовалось «армяно-григорианским».

- определить мотивы переходов из православия в армянскую веру;
- выявить механизмы государственно-церковного регулирования данных переходов как до, так и после 1905 г.;
- проследить связь между фактами вероисповедных переходов и процессом заключения религиозно-смешанных браков между лицами православного и армянского исповеданий.

В отечественной научной литературе вопросы вероисповедной политики синодального периода изучены в основном либо в контексте истории неправославных и нехристианских конфессий в России (например, католичества, протестантизма, ислама и т.д.), либо с точки зрения эволюции законодательства Российской империи в сфере религии и анализа правового статуса представителей различных исповеданий. Данные вопросы разрабатываются как усилиями историков², так и специалистов в сфере юриспруденции³.

Отдельные аспекты истории Армянской церкви в Российской империи и русско-армянских церковных связей получили свое отражение в работах современных российских ученых И.В. Амбарцумова и В.Г. Вартамяна, а среди представителей армянской исторической науки – в трудах В.Г. Туняна⁴. Что касается обстоятельств перехода лиц из армянской веры в православную, то данный вопрос частично затронут А. Айрапетяном (принятие армянами православия по экономическим мотивам).

² Амбарцумов И.В. Неправославные христианские исповедания в системе российской государственности: конец XIX в. – июль 1914 г. СПб, 2014; Батуркин А. Вероисповедная политика Российской империи во второй половине XIX в. // *Власть*. 2009. № 2. С. 77–79; Вартамян В.Г. Армяно-Григорианская церковь в политике императора Николая I. Ростов-на-Дону, 1999; Верт П. Глава Церкви, подданный императора: Армянский католикос на перекрестке внутренней и внешней политики Российской империи, 1828–1914 // *Ab Imperio*. 2006. № 3. С. 99–138; Верт П. Православие, инославиe, иновeриe: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012; Гавриленков А.Ф. Вероисповедная политика Российского государства в период империи (1721–1917 гг.): периодизация, принципы и исторические уроки // *Известия Российской академии образования*. 2015. № 4. С. 30–34; Каиль М.В. Конфессии России в политике Временного правительства, 1917 г. // *Вестник архивиста*. 2019. № 1. С. 299–311; Софронов А.А. Регулирование деятельности инославных и иноверных вероисповеданий Министерством внутренних дел // *Вестник Костромского государственного университета*. 2006. № 5. С. 32–35; Терюкова Е.А. Департамент духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика Российского государства (XVIII – начало XX вв.) // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2010. № 4. С. 204–208; Терюкова Е.А. Российское законодательство начала XX века о вероисповедных переходах // *Религиоведение*. 2013. № 3. С. 163–177.

³ Дорская А.А. Правовой статус подданного Российской империи в начале XX века: вероисповедный аспект // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2002. № 2: Гуманитарные и общественные науки (философия, история, лингвистика, экономика, социология, право). С. 213–224; Кулиев Ф.М. Правовое регулирование деятельности конфессий в Российской империи в конце XVIII – начале XX в. // *Известия СОИГСИ*. 2015. № 15. С. 14–24; Кулиев Ф.М. Формирование системы управления христианскими неправославными конфессиями в XIX веке на Северном Кавказе // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 28. С. 126–133; Миненко С.В. Российское законодательство по охране господствующей Православной Церкви о прозелитизме иноверческих Церквей (XVIII – XIX века) // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2011. № 1. С. 46–50; Моховая Т.А. Становление и развитие института брака в законодательстве Российской империи XIX века // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2014. № 4. С. 250–253; Софронов В.Ю. Государственное законодательство России по конфессиональным вопросам и православное миссионерство в конце XVII – начале XX в. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2007. № 4. С. 138–144; Шингарева Н.В. Роль Департамента духовных дел иностранных исповеданий в процессе реализации государственной политики в вероисповедной сфере // *Вестник Московского университета МВД России*. 2015. № 10. С. 54–56.

⁴ Амбарцумов И.В. Неправославные христианские исповедания... С. 76–115; Вартамян В.Г. Армяно-Григорианская церковь в политике императора Николая I. Ростов-на-Дону, 1999; Тунян В.Г. Эчмиадзин и самодержавие: вопрос адаптации // *Ежегодник богословского факультета Ереванского государственного университета*. Ереван, 2017. С. 225–240; Тунян В.Г. Эчмиадзинский престол XIX – начала XX в. Ереван, 2001.

вам)⁵, а феномен обратного перехода (из православия в армянское исповедание) вплоть до настоящего времени остается без должного внимания исследователей.

Имеются публикации, посвященные изучению правовых механизмов и особенностей регулирования смешанных браков в Российской империи в целом⁶, однако специальное внимание бракам, заключавшимся между лицами православного и армянского исповеданий, уделил в своих работах лишь петербургский исследователь И.В. Амбарцумов⁷.

Исходя из этого, основой для выявления мотивов, фактов и обстоятельств переходов из православия в армянскую веру, анализа процесса государственно-церковного регулирования браков между лицами православного и армянского исповеданий послужили неопубликованные источники (материалы делопроизводства и метрические книги) из фондов Национального архива Республики Армения (г. Ереван). Для более полного раскрытия темы использовались также частично опубликованные материалы из фондов Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург) и официальные законодательные акты Российской империи.

Мотивы и обстоятельства переходов из православия в армянское вероисповедание

Как известно, до принятия высочайшего указа 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» переход из господствующей религии – православия – в другие конфессии, равно как и переход из христианских исповеданий в нехристианские, законодательно не разрешался. Между тем что же происходило на практике, если лицо, крещенное в РПЦ, изъявляло желание перейти в армянскую веру?

В письме от 25 ноября 1843 г., адресованном в главное управление Закавказским краем, глава Грузинского экзархата РПЦ (церковного округа, охватывавшего территорию Закавказья в 1811–1917 гг.) архиепископ Евгений (Бажанов) излагал следующую ситуацию.

В 1817 г. у жительницы Тифлиса грузинки Кетеваны Манденовой родился внебрачный сын Григорий (в документах он именуется Григорием Арменовым). Он был крещен в православной церкви, однако его восприемником при крещении стал прапорщик Шергил Шергилов армянского вероисповедания. Когда Григорий достиг совершеннолетия, Шергилов взял его к себе в услужение и «разными ласками склонил его к принятию армянской веры»⁸. Узнав об этом, благочинный Тифлиса священник Григорий Чрелаев и священник Тифлисского кафедрального Сионского собора Иоанн Басхаров неоднократно пытались увещать Григория Арменова держаться православия. Отмечалось, что священники не использовали в отношении Арменова ни угроз, ни принуждений⁹.

При этом экзарх Евгений ссылаясь на указ Святейшего синода от 31 декабря 1842 г., который повелевал, что в подобных случаях епархиальное духовное начальство должно поручать местному духовенству убеждать «иноверцев к обраще-

⁵ Айрапетян А. Демографическая политика России в Восточной Армении в XIX в. и начале XX в. (на примере Александропольского уезда) // Вестник Арменоведения. 2016. № 2. С. 83–94.

⁶ Ведяев А.В. Смешанные браки в Русской Православной Церкви в Синодальный период // Христианское чтение. 2017. № 6. С. 203–219; Коркодинова А.В., Главацкая Е.М. Религиозно-смешанные браки по материалам метрических книг лютеранской общины Екатеринбург за 1886–1919 гг. // Документ. Архив. История. Современность: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 2–3 декабря 2016 г. Екатеринбург, 2016. С. 374–378.

⁷ Амбарцумов И.В. Проблемы и коллизии брачного права Российской империи (конец XIX – начало XX в.) // Христианское чтение. 2013. № 1. С. 61–63; Амбарцумов И.В. Неправославные христианские исповедания... С. 196–197.

⁸ Национальный архив Армении (далее – НАА). Ф. 56. Оп. 1. Д. 1208. Л. 13–13 об.

⁹ Там же. Л. 13 об. – 14.

нию их в православие только кроткими и благоразумными увещаниями и представлениями святости истин нашей Церкви»¹⁰. На основании этого экзарх Евгений писал, что в увещаниях православных священников, адресованных Григорию Арменову с призывом остаться в православной вере, в которой он был изначально крещен, не содержалось никакого принуждения, а подобные увещания являлись «прямой обязанностью православного духовенства»¹¹. Завершал свое письмо экзарх Евгений так: «Принуждений же к переходу из армянской в православную веру никоим из армян никогда не было, нет и быть не может»¹².

Впоследствии, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, принятом в 1845 г., ст. 195 предусматривала санкции за «совращение» из православия в иное христианское исповедание, а статья 196 – за «отступление» от православия. В качестве санкции за отступление от православной веры предусматривалось увещание от православного священника¹³. Именно путем увещания представители РПЦ старались удержать людей в православии, призывая не принимать иного вероисповедания.

Об этом свидетельствуют также материалы двух ниже указанных дел.

Предписание Эриванского губернатора И.И. Назорова Александропольскому уездному начальнику от 1 июня 1852 г. касалось того, чтобы последний «распорядился исследовать настоящее вероисповедание жителя деревни Кулиджан Шурагельского уезда Мхо (Михаила) Гевандова, а до того оставить его в свободном отправлении настоящей его веры»¹⁴. 25 июня 1854 г. начальник Шурагельского участка в ответном письме Александропольскому армянскому духовному правлению сообщал, что «в Шурагельском участковом управлении состоит в производстве следствие о совратившемся из православной в армянскую веру кулиджанском жителе Михаиле Гевандове»¹⁵, который «должен быть подвергнут троекратному увещанию через православное духовенство»¹⁶. Возможно, в судьбе Гевандова возникла сложная ситуация, выразившаяся сначала в переходе из армянской веры в православие, а затем в попытке обратного возвращения в родное армянское исповедание.

В 1854 г. Шемахинская палата уголовного и гражданского суда рассматривала дело, участниками которого были несколько армян, жители города Нухи, – Мкртич, Оган и Иван Казаровы, Петрос Нушимов и Давид Георгиев, «произвольно совратившиеся» из православия в армянскую веру¹⁷. Согласно судебному решению для увещания и вразумления они были направлены к одному из городских православных священников¹⁸.

После принятия 17 апреля 1905 г. высочайшего указа «Об укреплении начал веротерпимости» последовал пересмотр действующего законодательства по делам вероисповеданий.

18 августа 1905 г. вышел циркуляр Министерства внутренних дел за № 4628 по вопросу о порядке перехода из православия в инославные и иноверные исповедания, в котором со ссылкой на п. 1 высочайшего указа от 17 апреля 1905 г. говорилось, что отныне «отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию... причем отпавшее по до-

¹⁰ НАА. Ф. 56. Оп. 1. Д. 1208. Л. 14.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 14–14 об.

¹³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. С. 68–69.

¹⁴ НАА. Ф. 56. Оп. 1. Д. 2674. Л. 23.

¹⁵ Там же. Л. 33 – 33 об., 43–43 об.

¹⁶ Там же. Л. 43–43 об.

¹⁷ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 7. Д. 11. Л. 1–1 об.

¹⁸ Там же. Л. 6 об.

стижении совершеннолетия от православия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало». Право выбора вероисповедания для детей, не достигших четырнадцатилетнего возраста, закреплялось за их родителями¹⁹.

На основании принятых российским правительством законодательных норм Эчмиадзинский синод ААЦ издал ряд циркуляров, положения которых регулировали переход из православия в армянское вероисповедание:

– 7 октября 1905 г. синод предписал лицам, желающим перейти из православия в армянскую веру, обращаться с просьбой о том соответствующему губернатору непосредственно или через уездное начальство²⁰;

– 22 декабря 1906 г. было вынесено предписание армянским епархиальным консисториям о предоставлении всем священникам инструкций по беспрепятственному принятию в армянскую веру лиц из христианских инославных и нехристианских исповеданий по их письменным просьбам, за исключением лиц православного исповедания, в отношении которых следовало руководствоваться циркуляром от 7 октября 1905 г.²¹

Однако 26 октября 1909 г. Эчмиадзинский синод отменил циркуляр от 22 декабря 1906 г. в связи с его несоответствием законодательству. Согласно статьям 6 и 8 Устава духовных дел иностранных исповеданий (издания 1906 г.), переход как нехристиан, так и лиц инославных христианских исповеданий во всякое терпимое христианское исповедание (к которым относилась Армянская церковь) допускался «без всякого участия духовенства того исповедания, в которое перейти они желают», а лишь с разрешения губернатора²².

Следовательно, лица, желавшие перейти в армянскую веру как из православия, так и из иных христианских и нехристианских исповеданий, должны были подать особое прошение губернатору. Если проситель принадлежал к православному исповеданию, то губернатор сначала обязан был поручить просителя православному священнику для увещания. В том случае, если разговор со священником не имел успеха, тогда просьба о перемене вероисповедания удовлетворялась, а губернатор или начальник области должен был проинформировать местную армянскую епархиальную консисторию о том, что просителя можно принять в лоно Армянской церкви.

Изученные дела подтверждают, что переход из православия в армянскую веру после 1905 г. происходил именно по такой схеме.

Так, 15 декабря 1908 г. исполняющий обязанности военного губернатора Дагестанской области Г.Т. Дадешкилиани писал благочинному священнику армянской церкви города Петровска: «На основании п. 2 циркулярного распоряжения Департамента духовных дел иностранных исповеданий от 18 августа 1905 г. за № 4628 при сем препровождаю на усмотрение Ваше прошение проживающей в городе Петровске Валентины Афанасьевны Демуровой (урожденной Мажаровой) о переходе из православия в армяно-григорианство с тем, чтобы об окончательном переходе Демуровой... было сообщено с возвращением прошения военному губернатору»²³.

¹⁹ НАА. Ф. 56. Оп. 14. Д. 264. Л. 3; Именной высочайший указ, данный Сенату «Об укреплении начал веротерпимости», 17 апреля 1905 г. // Полное Собрание Законов Российской империи. СПб., 1905. С. 257.

²⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 348. Л. 5.

²¹ Там же. Л. 3.

²² Там же. Л. 12; Свод Законов Российской империи (далее – СЗРИ). Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных. СПб., 1896. С. 1–2.

²³ НАА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 3622. Л. 2.

В марте 1911 г. крестьянка Самарской губернии, проживавшая на тот момент в городе Майкопе, Евфимия Федоровна Денисова, 21 года, в прошении на имя начальника Кубанской области писала, что желает выйти замуж за армянина, и просила разрешить перейти из православия в армянскую веру²⁴.

В июне 1912 г. мещанка Калужской губернии, жительница Самарканда, Пелагея Дмитриевна Глухарева подала прошение на имя военного губернатора Самаркандской области о разрешении перехода из православия в армянскую веру, при этом о мотивах перехода ничего не было сказано. На основании прошения губернское правление выдало ей свидетельство о том, что со стороны военного губернатора «препятствий к переходу ее, Глухаревой, из православия в армяно-григорианское вероисповедание не встречается»²⁵. 5 июня 1912 г. Пелагея Глухарева отправила свидетельство в Астраханскую армянскую епархиальную консисторию с тем, чтобы консистория сделала надлежащее распоряжение²⁶.

10 февраля 1913 г. жительница города Майкопа Пелагея Мищева подала прошение на имя начальника Кубанской области, в котором выражала «личное желание», лишенное «какого-либо принуждения», перейти из православия в армянское вероисповедание²⁷. 4 августа 1913 г. Пелагея Мищева была принята в лоно Армянской церкви, о чем армянская епархиальная консистория (Ново-Нахичеванская) уведомила Кубанское областное правление²⁸.

В 1913 г. областное правление Терской области дало разрешение на переход из православия в армянскую веру жительнице станицы Бяратинской Кизлярского отдела Анне Гордиенко²⁹.

В том же 1913 г. жительница станицы Ладожской Кубанской области Тамара Гамазаспьянц подала прошение начальнику Кубанской области, содержание которого следующее: «При рождении, по случаю моей тяжелой болезни, родители мои, армяне армяно-григорианского вероисповедания сочли необходимым меня немедленно окрестить, а так как в то время армянского священника не было, то таинство крещения совершил православный священник, что изволите усмотреть из приложенной при сем метрической выписи от 25 сентября 1905 г. за № 368. С самых малых лет я находилась в среде моих родных армяно-григориан и постепенно свыклась с их жизнью. Теперь, будучи совершеннолетней и не отличая вероисповедания моих родных от православия, я покорнейше прошу Ваше превосходительство разрешить перейти мне в лоно Армяно-григорианской церкви из православия»³⁰. 22 сентября 1913 г. Тамара Гамазаспьянц была принята в лоно Армянской церкви³¹.

Весной 1914 г. к саратовскому губернатору обратилась жительница города Царицына Екатерина Антоновна Шахназарова, 22 лет, о разрешении перехода ее из православия в армянскую веру. Прошение было также удовлетворено³².

5 января 1916 г. на имя начальника Кубанской области было подано прошение дворянки Валентины Георгиевны Земской, проживавшей в станице Сенгилеевской Кубанской области, о разрешении перехода из православия в армянское вероисповедание³³.

²⁴ НАА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 3572. Л. 3.

²⁵ Там же. Д. 3582. Л. 42.

²⁶ Там же. Л. 41.

²⁷ Там же. Л. 3.

²⁸ Там же. Л. 10.

²⁹ Там же. Л. 15.

³⁰ Там же. Д. 3572. Л. 11.

³¹ Там же. Л. 19.

³² Там же. Л. 1.

³³ Там же. Д. 3666. Л. 2.

Проанализированные документы показывают, что инициаторами прошений о переходе из православия в армянскую веру после 1905 г. были, в основном, женщины, чаще имевшие русские или русифицированные имена и фамилии. Если женщина имела армянские корни и русифицированную фамилию (например, Шахназарова, представляющая русифицированный вариант армянской фамилии Шахназарян), то, возможно, в силу определенных обстоятельств ранее она была крещена в православии, а затем намеревалась вернуться к родной вере. Данный мотив четко указан в прошении Т. Гамазаспьянц.

Однако в большинстве случаев преобладающим мотивом подобных переходов являлось намерение русских женщин вступить в брак с лицами армянского исповедания. Таким образом, факты перехода из православия в армянскую веру были тесно связаны с особенностями нормативно-правового регулирования заключения смешанных религиозных браков.

Законодательное регулирование заключения браков между лицами православного и армянского вероисповеданий

В Российской империи вопросы заключения, расторжения брака и признания его недействительным находились в ведении религиозных организаций. В частности, заключение брака между лицами православного исповедания осуществлялось православным священником. У вступающих в брак лиц армянского вероисповедания первой инстанцией в брачно-семейных делах была епархиальная консистория, высшей – Эчмиадзинский синод³⁴. Феномена светского брака не существовало. Вопросы заключения и расторжения брака регулировали правовые нормы, помещенные в статьях части 1 «Законов гражданских» (Т. X. СЗРИ).

Вопрос о заключении смешанных браков лиц православного и армянского вероисповеданий, а также крещении детей, рожденных в данных браках, приобрел особую актуальность после присоединения Восточной Армении к России.

Заключение браков православных с армянами осуществлялось на основе общих законодательных требований к заключению и расторжению браков между представителями разных конфессий (наряду с католиками и протестантами). Данные вопросы регулировались статьями главы II «О браках лиц христианских неправославного исповедания между собою и с лицами исповедания православного» (статьи 61–78) части 1 «Законы гражданские» тома X СЗРИ. В частности, согласно статье 67 перед вступлением в брак с лицами православного исповедания христиане других исповеданий должны были дать подписку православному священнику о том, что они «не будут ни поносить своих супругов за православие, ни склонять их чрез прельщение, угрозы или иным образом, к принятию своей веры, и что рожденные в сем браке дети крещены и воспитаны будут в правилах православного исповедания»³⁵.

Как часто заключались смешанные браки между лицами православного и армянского исповеданий? Для определения количества таких браков, заключавшихся в разных регионах Российской империи, необходимы специальные исследования. В качестве конкретного примера приведем данные, полученные на основании метрических книг эриванского Покровского православного собора за 1880–1885 гг. Город Эривань (совр. Ереван) к тому времени был одним из трех городов Закавказья (наряду с Александрополем и Карсом), где проживало наибольшее количество православного населения³⁶.

³⁴ СЗРИ. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб., 1857. С. 177, 184, 938, 985.

³⁵ СЗРИ. Законы гражданские. СПб., 1857. С. 13.

³⁶ *Тройницкий Н.А.* Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. СПб., 1897–1905. С. 46–47, 51.

По данным метрических книг, за шесть лет в Эриванском Покровском соборе было:

- совершено крещение 140 детей, при этом в 23 случаях их родители принадлежали к разной вере (как правило, муж исповедовал православие, а жена относилась к Армянской церкви);

- заключено 48 браков, из которых 6 являлись смешанными (жених – православного исповедания, а невеста – армянского)³⁷.

Таким образом, общее количество выявленных супружеских пар равняется 188, при этом смешанных браков (как уже имевшихся, так и заключаемых) насчитывалось 29. Следовательно, в указанный период доля браков между лицами православного и армянского исповеданий в Эривани в среднем составляла около 15 %. При этом каждый из супругов продолжал исповедовать свою веру, а рожденные дети должны были обязательно принять крещение в Православной церкви.

После издания указа «Об укреплении начал веротерпимости» в 1905 г., казалось бы, законодательство о смешанных браках должно было измениться, однако, как следовало из дальнейших постановлений Эчмиадзинского синода, принятых на основании российского законодательства, приоритет в заключении смешанных браков в конечном итоге остался за РПЦ.

2 июня 1906 г. Эчмиадзинский синод вынес постановление о том, что брак лица православного исповедания с лицом армянского исповедания мог быть заключен по обряду ААЦ лишь в том случае, если лицо православного исповедания переходило в армянскую веру; в противном случае брак православного с лицом армянского исповедания совершался по обряду Православной церкви³⁸. Причиной для вынесения постановления стала адресованная в Нахичевано-Бессарабскую армянскую епархиальную консисторию просьба девушки православного исповедания Анны Ключковой о разрешении ей выйти замуж за армянина Карапета Закоянца и совершении этого брака по обряду ААЦ. Синод предписал, что в таком случае Анна Ключкова должна была перейти из православия в армянское вероисповедание³⁹.

11 сентября 1906 г. Эчмиадзинский синод подтвердил свое решение, отправив всем армянским епархиальным консисториям циркулярное постановление: в случае заключения брака между лицом армянского вероисповедания и лицом православного исповедания следовало сперва принять православного в армянскую веру, если он этого пожелает, а потом уже совершать таинство венчания по армянскому обряду⁴⁰.

Впоследствии прокурор Грузино-Имеретинской православной синодальной конторы А. Правдин докладывал прокурору Эчмиадзинского синода Л.А. Френкелю о ряде случаев, которые, по его мнению, свидетельствовали о крайне широком понимании армянским духовенством постановлений Эчмиадзинского синода.

Во-первых, в декабре 1906 г. армянский священник города Телави причастил двух православных лиц, желавших вступить в брак, а затем обвенчал их в своем храме по обряду ААЦ⁴¹.

Во-вторых, по сведениям, поступившим от священника Тифлисской православной церкви (какой – не сказано) Вениамина Контридзе (декабрь 1906 г.), жительница Тифлиса Мария Авгарозова, будучи православной и не желавшая менять свое вероисповедание, повенчалась в армянском храме на том основании, что ее

³⁷ НАА. Ф. 47. Оп. 2. Д. 282. Л. 1–152 об.

³⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 348. Л. 12.

³⁹ Там же. Л. 24 об.

⁴⁰ Там же. Л. 9.

⁴¹ НАА. Ф. 56. Оп. 2. Д. 1507. Л. 5.

жених – армянин. При этом армянский священник повенчал их без всякого на то разрешения⁴².

В-третьих, 11 февраля 1907 г. в армянском храме города Телави на основании распоряжения Грузино-Имеретинской армянской консистории, по которому предоставлялось право «сперва присоединения православных лиц к армяно-григорианскому исповеданию и причащению, а потом венчанию», была повенчана вдова Отарашвили, православного исповедания⁴³.

В-четвертых, на основании сведений, поступивших от священника Тифлисской Вознесенской церкви Алексея Тебзадзе 19 февраля 1907 г. в адрес Грузино-Имеретинской православной синодальной конторы, крестьянка Кутаисской губернии Анна Схиртладзе, проживавшая в Тифлисе, православного вероисповедания, не желавшая переходить в армянскую веру, просила разрешения на вступление в брак по обрядам ААЦ по причине того, что ее жених – армянин⁴⁴. 23 февраля 1907 г. Грузино-Имеретинская контора постановила «просьбу Анны Схиртладзе о разрешении ей вступить в брак с армянином и о крещении детей по обрядам Армяно-Григорианской Церкви, как незаконную, оставить без последствий»⁴⁵.

Прокурор А. Правдин констатировал тот факт, что в первых трех указанных выше случаях «армянским духовенством допускаются случаи венчания православных лиц с лицами армяно-григорианской веры без предварительного по установленному законом порядку перехода из православия в армяно-григорианскую веру, даже на таких условиях, чтобы дети, произошедшие от брака с армянином, были крещаемы по обрядам армяно-григорианской религии»⁴⁶. На этом основании он просил Л.А. Френкеля предоставить сведения о том, не было ли сделано Эчмиадзинским синодом каких-либо дополнительных распоряжений по порядку принятия в армянскую веру, совершения таинств причащения и венчания армянскими священнослужителями в отношении лиц, числившихся православными, и крещения детей по обряду Армянской церкви, рожденных в смешанных браках. Иными словами, А. Правдин хотел узнать, насколько законными являлись поступки армянского духовенства в приведенных ситуациях.

Ответы на поставленные вопросы становятся известны из содержания переписки между Департаментом духовных дел иностранных исповеданий и Эчмиадзинским синодом.

Дело в том, что согласно п. 4 статьи 93 нового Уголовного уложения 1903 г. духовным лицам иностранных исповеданий запрещалось «совершение брака иноверца с лицом заведомо православного исповедания прежде совершения брака православным священником»⁴⁷. Это означало, что в принципе венчание смешанного брака могло быть совершено и в ААЦ, но только лишь после первоначального его венчания в Православной церкви. На этом основании Департамент сообщал, что «закон не встречает препятствий при желании лиц, вступающих в брак, и при соблюдении указанного условия, к повторению обряда бракосочетания и в Армяно-григорианской Церкви»⁴⁸.

Вместе с тем Департамент указывал на факт несоответствия российскому законодательству постановления Эчмиадзинского синода от 11 сентября 1906 г. о возможности заключения смешанного брака по обрядам ААЦ при условии перехода

⁴² НАА. Ф. 56. Оп.2. Д. 1507. Л. 5 об.

⁴³ Там же. Л. 5–5 об.

⁴⁴ Там же. Л. 5 об. – 6.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Новое Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб., 1903. С. 40–41.

⁴⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 348. Л. 12–13.

лица православного исповедания в армянскую веру, т.к. это могло привести к «прозелитизму» со стороны армянских священнослужителей⁴⁹.

В ответ Эчмиадзинский синод защищал свою позицию. От его лица заявлялось: «...Имея в виду, что по силе действующих законоположений, смешанные браки между лицами православного и армяно-григорианского исповеданий должны быть совершаемы по обряду Православной Церкви... венчание таких браков в Армянской Церкви может быть допущено по желанию брачующихся лишь на принятии лицом православным армяно-григорианского исповедания. В этом же смысле состоялось журнальное постановление синода 11 сентября 1906 г.»⁵⁰. Принимая данное постановление, «синод и мысли не допускал о том, что подобное указание может повлечь за собой прозелитизм со стороны армянского духовенства»⁵¹.

Следовательно, Эчмиадзинский синод, во-первых, опровергал обвинения в прозелитизме (т.е. целенаправленном склонении девушек православного исповедания к принятию армянской веры в случае предстоящего заключения ими брака с женихами-армянами) и, во-вторых, вопреки светскому законодательству, считал недопустимым совершение повторного бракосочетания в Армянской церкви над лицами, уже заключившими смешанный брак в Православной церкви.

Тем не менее Департамент призвал Эчмиадзинский синод произвести коррекцию в церковно-правовом регулировании вопроса заключения смешанных браков.

18 февраля 1907 г. на основании п. 2 указа «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г.⁵², п. 2 статьи 1 положения Комитета министров «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г.⁵³ и норм высочайше утвержденного мнения Государственного совета «О согласовании некоторых постановлений Свода Законов, высочайше утвержденными 17 апреля 1905 г. положениями Комитета министров об укреплении начал веротерпимости»⁵⁴, синод сделал следующее уточнение: брак лица армянского вероисповедания с лицом православного вероисповедания *безусловно* (курсив наш. – В.Б.) отправлялся по обряду Православной церкви⁵⁵. 21 марта 1908 г. данная норма была подтверждена⁵⁶. Таким образом, заключение браков между лицами православного и армянского исповеданий продолжало оставаться в компетенции РПЦ.

Возвращаясь к примерам, приведенным прокурором А. Правдиным, становится очевидным тот факт, что в случаях, когда армянские священники совершали венчание лиц, из которых хотя бы одно принадлежало православному исповеданию, происходило нарушение требований законодательства о смешанных браках.

Заключение брака по обряду Армянской церкви разрешалось лишь при условии, если жених и невеста к моменту венчания уже исповедовали армянскую веру. Следовательно, переход девушек из православия в армянское исповедание перед венчанием приводил к снятию межконфессионального барьера при последующем

⁴⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 348. Л. 13; *Амбарцумов И.В.* Проблемы и коллизии... С. 61–63.

⁵⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 348. Л. 14–14 об.

⁵¹ Там же. Л. 14 об.

⁵² Именной высочайший указ, данный сенату, «Об укреплении начал веротерпимости», 17 апреля 1905 г. // Полное Собрание Законов Российской империи. СПб.; Пг., 1885–1916. С. 257–258.

⁵³ Высочайше утвержденное положение Комитета министров «Об укреплении начал веротерпимости», 17 апреля 1905 г. // Полное Собрание Законов Российской империи. СПб.; Пг., 1905. С. 259.

⁵⁴ Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О согласовании некоторых постановлений Свода Законов с высочайше утвержденными 17 апреля 1905 г. положениями Комитета министров об укреплении начал веротерпимости», 14 марта 1906 г. // Полное Собрание Законов Российской империи. СПб.; Пг., 1906. С. 261.

⁵⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 348. Л. 9 об.

⁵⁶ Там же. Л. 12, 28.

заключении брака с избранником-армянином. В этом случае брак становился моноконфессиональным, что, в свою очередь, позволяло крестить и воспитывать родившихся детей в армянском вероисповедании.

Выводы

Проведенное исследование показало, что в Российской империи до принятия Высочайшего указа «Об укреплении начал веротерпимости» (1905 г.) переход из православия в армянское вероисповедание, равно как и в иные неправославные исповедания, не допускался. Если же такие случаи имелись, они квалифицировались как уголовно наказуемые деяния. Санкцией, применяемой к лицам, «отпадшим» или «совратившимся» из православия в армянскую веру, являлось увещание через православного священника. В 1905 г. вследствие принятия ряда высочайших нормативно-правовых актов вероисповедное законодательство изменилось. Появился нормативно утвержденный порядок перехода из православия в иную веру, согласно которому просители должны были обращаться к местному губернатору, а затем, как и ранее, подвергнуться увещанию, которое служило последней мерой для удержания просителя в лоне РПЦ.

Именно поэтому переходы из православия в армянскую веру выявляются в большей степени по документам, относящимся к периоду после 1905 г. В ряде проанализированных документов причина перемены православного вероисповедания на армянское была связана с желанием девушки православного исповедания сочетаться браком с избранником-армянином. Поскольку заключение смешанных браков по-прежнему находилось в компетенции РПЦ, то венчание в Армянской церкви и последующее воспитание детей в армянском исповедании могли произойти только в результате заблаговременного перехода девушек из православия в армянскую веру.

Переписка Департамента духовных дел иностранных исповеданий с Эчмиадзинским синодом показывает, насколько Российское правительство и представители РПЦ были обеспокоены тем, что разрешение возможности заключения смешанных браков по армянскому обряду могло бы послужить, во-первых, дополнительным стимулом для перехода супруга православного вероисповедания в армянское, а во-вторых, причиной увеличения фактов крещения детей, родившихся в смешанном браке, по обрядам Армянской церкви. Поэтому Департамент добился от Эчмиадзинского синода признания первичного заключения смешанных браков лишь в РПЦ и крещения детей от таких браков только в православии.

Кроме предстоящего заключения брака, еще одним мотивом перехода из православия в армянскую веру мог служить факт рождения человека в этнически армянской семье и принятие им первоначального крещения в Православной церкви. Данная ситуация могла произойти в результате следующих обстоятельств:

- отсутствия армянского храма или священника на момент рождения ребенка в населенном пункте, в котором проживала армянская семья;
- необходимости срочного крещения ребенка-армянина в случае опасной болезни и наличия поблизости лишь православного священника или храма;
- длительного проживания армян в среде преобладающего православного населения и отождествления ими на бытовом уровне православия и армянской веры, т.к. при имеющихся различиях оба вероисповедания имеют много сходных позиций как в области богословия, так и в понимании церковных таинств и обрядов⁵⁷.

⁵⁷ Блохин В.С. Преодоление богословских стереотипов об Армянской Церкви в российском общественном сознании XIX – начала XX в. // Вестник Ереванского университета. Серия: Общественные науки. Арменоведение. 2013. № 141. С. 45–51.

Изучение феномена перехода из православия в армянскую веру и связанного с ним вопроса заключения смешанных браков позволяет воспринять данные явления как неотъемлемую часть русско-армянских церковных связей периода 1828–1917 гг., глубже понять особенности взаимоотношений РПЦ с неправославными христианскими исповеданиями в целом и выявить проблемы российского законодательства в области брачно-правовых отношений.

Кроме того, приведенные в статье факты и обстоятельства удачно иллюстрируют роль этнических, социальных и политико-правовых факторов в контактах между РПЦ и ААЦ. Проанализированный материал наглядно показывает степень влияния конфессиональной принадлежности людей на их судьбы, а также дает возможность прикоснуться к изучению повседневности и истории семьи.

Рукопись поступила: 15 декабря 2019 г.

Submitted: 15 December 2019.

Библиографический список

- Амбарцумов И.В.* Проблемы и коллизии брачного права Российской империи (конец XIX – начало XX в.) // *Христианское чтение*. 2013. № 1. С. 61–63.
- Амбарцумов И.В.* Неправославные христианские исповедания в системе российской государственности: конец XIX в. – июль 1914 г. СПб: СПбГУ, 2014. 230 с.
- Айрапетян А.* Демографическая политика России в Восточной Армении в XIX в. и начале XX в. (на примере Александропольского уезда) // *Арменоведение*. 2016. № 2. С. 83–94.
- Батуркин А.* Вероисповедная политика Российской империи во второй половине XIX в. // *Власть*. 2009. № 2. С. 77–79.
- Блохин В.С.* Преодоление богословских стереотипов об Армянской Церкви в российском общественном сознании XIX – начала XX в. // *Вестник Ереванского университета. Серия: Общественные науки. Арменоведение*. 2013. № 141. С. 45–51.
- Вартанян В.Г.* Армяно-Григорианская церковь в политике императора Николая I. Ростов-на-Дону: Изд-во «Фирма «Ирбис», 1999. 486 с.
- Ведяев А.В.* Смешанные браки в Русской Православной Церкви в Синодальный период // *Христианское чтение*. 2017. № 6. С. 203–219.
- Верт П.* Глава Церкви, подданный императора: Армянский католикос на перекрестке внутренней и внешней политики Российской империи, 1828–1914 // *Ab Imperio*. 2006. № 3. С. 99–138.
- Верт П.* Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 275 с.
- Гавриленков А.Ф.* Вероисповедная политика Российского государства в период империи (1721–1917 гг.): периодизация, принципы и исторические уроки // *Известия Российской академии образования*. 2015. № 4. С. 30–34.
- Дорская А.А.* Правовой статус подданного Российской империи в начале XX века: вероисповедный аспект // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2002. № 2: Гуманитарные и общественные науки (философия, история, лингвистика, экономика, социология, право). С. 213–224.
- Каиль М.В.* Конфессии России в политике Временного правительства, 1917 г. // *Вестник архивиста*. 2019. № 1. С. 299–311.
- Коркотинова А.В., Главицакая Е.М.* Религиозно-смешанные браки по материалам метрических книг лютеранской общины Екатеринбурга за 1886–1919 гг. // *Документ. Архив. История. Современность: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 2–3 декабря 2016 г.* Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2016. С. 374–378.
- Кулиев Ф.М.* Формирование системы управления христианскими неправославными конфессиями в XIX веке на Северном Кавказе // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 28. С. 126–133.
- Кулиев Ф.М.* Правовое регулирование деятельности конфессий в Российской империи в конце XVIII – начале XX в. // *Известия СОИГСИ*. 2015. № 15. С. 14–24.
- Миненко С.В.* Российское законодательство по охране господствующей Православной Церкви о прозелитизме иноверческих Церквей (XVIII – XIX века) // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2011. № 1. С. 46–50.

- Мохова Т.А. Становление и развитие института брака в законодательстве Российской империи XIX века // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4. С. 250–253.
- Софронов А.А. Регулирование деятельности инославных и иноверных вероисповеданий Министерством внутренних дел // Вестник Костромского государственного университета. 2006. № 5. С. 32–35.
- Софронов В.Ю. Государственное законодательство России по конфессиональным вопросам и православное миссионерство в конце XVII – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4. С. 138–144.
- Терюкова Е.А. Департамент духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика Российского государства (XVIII – начало XX вв.) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 4. С. 204–208.
- Терюкова Е.А. Российское законодательство начала XX века о вероисповедных переходах // Религиоведение. 2013. № 3. С. 163–177.
- Тунян В.Г. Эчмиадзин и самодержавие: вопрос адаптации // Ежегодник богословского факультета Ереванского государственного университета. Ереван: ЕГУ, 2017. С. 225–240.
- Тунян В.Г. Эчмиадзинский престол XIX – начала XX в. Ереван: ГИУА, 2001. 195 с.
- Тройницкий Н.А. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. СПб., 1897–1905. 620 с.
- Шингарева Н.В. Роль Департамента духовных дел иностранных исповеданий в процессе реализации государственной политики в вероисповедной сфере // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10. С. 54–56.

References

- Ambartsumov, I.V. “Problems and conflicts of the marriage law of the Russian Empire (late XX – early XX century).” *Christian Reading*, no. 1 (2013): 61–63 (in Russian).
- Ambartsumov, I.V. *Nepравославnyye khristianskiye ispovedaniya v sisteme rossiyskoy gosudarstvennosti: konets XIX v. – iyul' 1914 g.* St. Petersburg: SPbGU Publ., 2014 (in Russian).
- Ayrapetyan, A. “Demographic policy of Russia in Eastern Armenia in the XX century and the beginning of the twentieth century (on the example of the Alexandropol district).” *Armenovedeniye*, no. 2 (2016): 83–94 (in Russian).
- Baturkin, A. “Religious policy of the Russian Empire in the second half of the 20th century.” *Power*, no. 2 (2009): 77–79 (in Russian).
- Blokhin, V.S. “Overcoming theological stereotypes about the Armenian Church in the Russian public consciousness of the XX – early XX century.” *Bulletin of Yerevan university*, no. 141 (2013): 45–51 (in Russian).
- Dorskaya, A.A. “Legal status of the Russian Empire subjectat the beginning of the XX century: religious aspect.” *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 2 (2002): 213–224 (in Russian).
- Gavrilenkov, A.F. “Religious policy of the Russian state during the period of the empire (1721–1917): periodization, principles and historical lessons.” *Bulletin of the Russian Academy of Education*, no. 4 (2015): 30–34 (in Russian).
- Kail', M.V. “Confessions of Russia in the Policies of the Provisional Government: 1917.” *Herald of an Archivist*, no. 1 (2019): 299–311 (in Russian).
- Korkodinova, A.V., and Glavatskaya, Ye.M. “Religiozno-smeshannyye braki po materialam metriceskikh knig lyuteranskoj obshchiny Yekaterinburga za 1886–1919 gg.” In *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost': Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Yekaterinburg, 2–3 dekabrya 2016 g.*, 374–378. Yekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo universiteta Publ., 2016 (in Russian).
- Kuliyev, F.M. “Formation of a governance system for Christian non-Orthodox confessions in the 20th century in the North Caucasus.” *Chelyabinsk State University Bulletin*, no. 28 (2009): 126–133 (in Russian).
- Kuliyev, F.M. “Legal regulation of confession's activity in the Russian Empire in the end of XVIII – early XX century.” *Izvestiya SOIGSI*, no. 15 (2015): 14–24 (in Russian).
- Minenko, S.V. “Russian legislation on the protection of the ruling Orthodox Church on proselytism of the other faiths Churches (XVIII – XX century).” *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 1 (2011): 46–50.
- Mokhovaya, T.A. “Formation and development of the institution of marriage in the legislation of the Russian Empire of the XX century.” *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, no. 4 (2014): 250–253 (in Russian).

- Sofronov, A.A. "Regulation of the activities of heterodox and non-faith religions by the Ministry of Internal Affairs." *Bulletin of Kostroma State University*, no. 5 (2006): 32–35 (in Russian).
- Sofronov, V.Yu. "State legislation of Russia on confessional issues and Orthodox missionary work at the end of the XVII – early XX century." *Izvestiya of Altai State University*, no. 4 (2007): 138–144 (in Russian).
- Shingareva, N.V. "The role of the Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions in the implementation of state policy in the religious sphere." *Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 10 (2015): 54–56 (in Russian).
- Teryukova, Ye.A. "Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions and Ethno-Confessional Policy of the Russian State (XVIII – early XX centuries)." *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, no. 4 (2010): 204–208 (in Russian).
- Teryukova, Ye.A. "Russian Religious Legislation of the early 20th century about interreligious conversions." *Religiovedenie*, no. 3 (2013): 163–177 (in Russian).
- Tunyan, V.G. "Echmiadzin i samoderzhaviye: vopros adaptatsii." In *Yezhegodnik bogoslovskogo fakul'teta Yerevanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 225–240. Yerevan: YEGU Publ., 2017 (in Russian).
- Tunyan, V.G. *Echmiadzinskiy prestol XIX – nachala XX v.* Yerevan: GIUA Publ., 2001 (in Russian).
- Troynitskiy, N.A. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 goda*. St. Petersburg: [S.n.], 1897–1905 (in Russian).
- Vartanyan, V.G. *Armyano-Grigorianskaya tserkov' v politike imperatora Nikolaya I.* Rostov-on-Don: «Firma «Irbis» Publ., 1999 (in Russian).
- Vedyayev, A.V. "Mixed marriages in the Russian Orthodox Church during the Synodal period." *Christian Reading*, no. 6 (2017): 203–219 (in Russian).
- Vert, P. "Head of the Church, subject of the emperor: Armenian Catholicos at the crossroads of domestic and foreign policy of the Russian Empire, 1828–1914." *Ab Imperio*, no. 3 (2006): 99–138 (in Russian).
- Vert, P. *Pravoslaviye, inoslaviye, inoveriye: Ocherki po istorii religioznogo raznoobraziya Rossiyskoy imperii*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2012 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Блохин Владимир Сергеевич, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой церковной истории и филологии Екатеринбургской духовной семинарии; доцент кафедры «Мировая экономика и логистика» Уральского государственного университета путей сообщения.

Vladimir S. Blokhin, Kandidat Pedagogicheskikh Nauk [PhD in Pedagog.], Associate professor of the Department of Church History and Philology, Yekaterinburg Orthodox Theological Seminary; Associate professor of the Department of World Economy and Logistics, Ural State University of Railway Transport.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-781-792>

Научная статья / Research article

Хранители «святых мест» в Средней Азии и Российское государство (1865–1917 гг.)

В.П. Литвинов

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина;
399770, Россия, Елец, ул. Коммунаров, д. 28/1; vladlenli@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается институт хранительства «святых мест» в Средней Азии в дореволюционный период (1865–1917 гг.). Указывается, что несмотря на то, что данный институт не получил правового оформления в мусульманском праве (шариате), тем не менее, хранительство было достаточно широко распространено в регионе. Утверждается, что шейхи-хранители были окружены мистическим поклонением верующих, которые приписывали им сверхъестественные способности в исполнении самых разных желаний и исцелении от многообразных заболеваний. Хранительство «святых мест» всегда и везде было связано с получением доходов от паломничества. В Средней Азии вокруг «святого места», как правило, также формировался вакуфный комплекс, что давало дополнительные значительные средства шейхам – хранителям «святых мест». Наследственный порядок преемственности хранительства, при значительной собственности «святых мест», нередко становился причиной конфликтов между родственниками – владельцами прав на сакральные объекты. После прихода России в Среднюю Азию эта проблема стала одной из основных «головных болей» администрации Туркестанского края. Российскому государству необходимо было решать имущественную проблему «святых мест». В своих попытках решить ее власти Русского Туркестана так и не смогли выстроить четкую и понятную систему взаимоотношений с хранителями «святых мест». Даже через полвека присутствия в регионе власти слабо представляли себе количество «святых мест» и реальные доходы их шейхов-хранителей. Автор приходит к выводу, что причиной столь неэффективной деятельности русских властей в регионе в решении проблем «святых мест» были опасения разрушить сложившийся веками порядок, что могло, по их мнению, привести к нарастанию антирусских настроений в регионе.

Ключевые слова: хранители «святых мест», Русский Туркестан, вакуфы, ислам, «святые места», Средняя Азия, Российская империя

Для цитирования: Литвинов В.П. Хранители «святых мест» в Средней Азии и Российское государство // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 4. С. 781–792. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-781-792>

Custodians of Holy Places in Central Asia and Russian State (1865–1917)

Vladimir P. Litvinov

Bunin Yelets State University; 28/1, Kommunarov St., Yelets, 399770, Russia;
vladlenli@yandex.ru

Abstract: The article discusses the institution of custody of holy places in Central Asia in the pre-revolutionary period (1865–1917). It is indicated that despite the fact that this institution was not legitimized in Muslim Law (Sharia), nevertheless, custody was quite widespread in the region. It is stated that the sheikhs-custodians were surrounded with mystical worship of the faithful who attributed to them supernatural abilities in the fulfillment of a variety of desires and healing of various diseases. The custody of holy places has always and everywhere been associated with the acquisition of income from pilgrimage.

© Литвинов В.П., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

In Central Asia around a holy place, as a rule, a waqf complex was also formed, which made additional significant income to the sheikhs-custodians of holy places. The hereditary order of custody succession, with significant ownership holy places had, often was the cause of conflicts among relatives who had rights to sacred objects. After Russia came to Central Asia, this problem became one of the most important for the government of Turkestan. It was important for Russia to solve the property problem of holy places. In their attempts to solve it, the authorities of Russian Turkestan could not build a clear and understandable system of relations with custodians of holy places. Even after half a century of presence in the region, the authorities had little idea of the number of holy places and real income of their sheikhs-custodians. The author concludes that the reason for such an ineffective activity of Russian authorities in the region in solving problems of holy places was the fear of destroying the order that took shape over the centuries. It, in their opinion, could lead to an increase in anti-Russian feelings in the region.

Keywords: custodians of holy places, Russian Turkestan, waqfs, Islam, holy places, Central Asia, Russian Empire

For citation: Litvinov, Vladimir P. “Custodians of Holy Places in Central Asia and Russian State.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 4 (November 2020): 781–792. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-781-792>

Введение

Практика религиозного паломничества с неизбежностью приводила к формированию института хранительства при «святых местах». Безусловно, некоторые са-кральные объекты, прежде всего природного происхождения, могли и не охраняться. Однако и такие священные места требовали ухода, поскольку они со временем могли прийти в неприглядное состояние. Соответственно, при них нередко существовал «охранительский» персонал. Мы не исключаем, что его состав мог назначаться сообществами, живущими в округе «святых мест». То обстоятельство, что к святым местам паломники приносили жертвы, делало их «хранительство» выгодным не только для конкретных лиц, но и для местных жителей. Например, по свидетельству источников, огромные прибыли от паломничества получали жрецы-хранители знаменитого храмового комплекса в древнеегипетских Фивах. Крупнейший отечественный египтолог, академик М.А. Коростовцев указывал, что «клир фиванского Амона-Ра представлял собой могущественную, богатейшую корпорацию»¹.

В исламе классическим примером такой святыни является Кааба в Мекке. По словам исследовательницы Ф.М. Ацамба, «У арабов-язычников не было наследственного сословия жрецов. Каждый человек свободно совершал сам необходимые обряды, приносил жертву божествам»². Вместе с тем историк отмечала, что «должность» хранителя арабских «святых мест» (капищ) не только приносила материальную выгоду, но и повышала социальный статус. Так, хранители капищ часто выступали и как третейские судьи в разрешении конфликтных ситуаций между отдельными личностями, родами и даже племенами. Поэтому понятно, что арабские племена боролись за право быть хранителями своего главного капища – Каабы с ее знаменитым «черным камнем»³. Не будем подробно останавливаться на том, как протекала такая борьба, и констатируем лишь тот факт, что к моменту возникновения ислама хранителем Каабы был арабский род бану-хашим из племени курейш. Именно к нему принадлежал основатель мусульманской религии – пророк Мухаммед, родной дед которого был «официальным» хранителем ключей священной, тогда еще языческой, Каабы. Это обстоятельство всячески подчеркивает исламская традиция.

Доля паломнических пожертвований составляла, да и составляет немалую часть общих прибылей храмов. Так, паломничество (хадж) в Мекку и посещение могилы

¹ Коростовцев М.А. Религия древнего Египта. М., 1976. С. 64.

² Говоров Ю.Л. История стран Азии и Африки средних веков. Ч. 1. М., 1987. С. 127.

³ Большаков О.Г. История Халифата. Ислам в Аравии (570–633). М., 2000. С. 55.

пророка в Медине приносит огромные финансовые выгоды «хранителям» Каабы – ваххабитским правителям Саудовской Аравии.

Однако институт «хранительства» в исламе связан не только с материальными интересами. На наш взгляд, не менее существенным был политический фактор. Несмотря на запрещения фикха, в исламе сложилась традиция легитимации власти через обладание священными реликвиями этой религии. Так, например, султаны Османской империи после захвата Египта Селимом I Явюзом считались хранителями главных священных реликвий ислама. По мнению исследователя А.В. Мартынкина, «для мусульман всего мира большое значение имело также перемещение в Стамбул из Каира знамени и плаща пророка Мухаммеда – главных реликвий ислама, что, вместе с нахождением в Стамбуле резиденции халифа, сделало этот город столицей всего исламского мира»⁴. Церемония вступления на престол и приведения к присяге османских правителей проходила в зале священных реликвий пророка Мухаммеда во дворце Топкапы, а ключевым моментом церемониала был ритуал «подпоясывания саблей» пророка Мухаммеда⁵.

Институт «хранительства» сохраняет свою политическую роль и в современном исламском мире. Нынешние правители Саудовской Аравии имеют официальный титул «хранителя двух святынь» (Мекки и Медины). Данный титул, по словам А.А. Блинова, является «необходимым атрибутом при упоминании имени короля Саудовской Аравии, ...и отражает особые черты ментальности людей, населяющих родину ислама и не представляющих своей жизни без влияния религии»⁶.

Освященный исламской традицией институт «хранительства» является, с одной стороны, важным формообразующим элементом религиозной системы, обеспечивающим стабильность религиозной структуры в целом, с другой, – инструментом адаптации исламской догматики к конкретным историческим и культурным условиям, обеспечивающим вживание ислама в разные национально-религиозные традиции. Будучи по своей сути общественным институтом, «хранительство» преломляло в себе всю специфику социальных отношений на том или ином этапе их развития. Вместе с тем оно сохраняло некую неизменность, изучение которой, по словам О.С. Поршневой, «...обусловлено выдвиганием идеи структурной стабильности социальных институтов на протяжении длительных исторических периодов»⁷. Целью предпринятого исследования является выявление соотношения динамики и статики института «хранительства», рассмотренного на конкретном примере развития данного феномена в условиях утверждения власти России в Средней Азии 1865–1917 гг.

Актуальность данной проблемы определяется, на наш взгляд, тем, что ислам в современной Средней Азии переживает сложные процессы, во многом напоминающие те, что происходили в рассматриваемый нами период. Наряду с прочим мы видим сегодня возрождение культа «святых мест», рост паломничества, активизацию различных суфийских течений (братств), что придает институту «хранительства» заметную роль в религиозной практике.

Тема «хранительства» «святых мест» в Средней Азии фактически не изучалась. Однако, говоря о паломничестве к местным религиозным святыням, некоторые ис-

⁴ Мартынкин А.В. Исламский фактор в Османской империи в XVIII–XIX вв. // Причерноморье. История, политика, культура. 2009. № 1. С. 36.

⁵ Абидулин А. Символизм и власть во время правления султана Абдул-Хамида II (1876–1909) // Власть. 2008. № 10. С. 126.

⁶ Блинов А.А. Религиозные формулы и титулы в странах Персидского залива // Sciences of Europe. 2017. № 20. С. 30.

⁷ Поршнева О.С. Концепции и методы социологии в историческом исследовании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2006. № 2. С. 32.

следователи Средней Азии затрагивали, хотя и фрагментарно, проблему хранителей «святых мест»⁸. Любопытные данные о религиозной жизни в регионе в этот период оставили русские чиновники, подолгу служившие в Туркестанском крае⁹.

В советский период наибольшее внимание верованиям мусульман Средней Азии уделяли этнографы. Применительно к теме данной статьи особенно полезными оказались работы В.Н. Басилова и С.П. Полякова¹⁰.

В исследовании были учтены и труды российских ученых постсоветского периода. Представляют интерес работы С.Н. Абашина, Р.Г. Ланды, П.П. Литвинова и др.¹¹ Определенный вклад в исследование данной проблемы вносят и труды автора данной статьи¹².

Источниковая база исследования представлена материалами Центрального государственного архива Республики Узбекистан¹³. Существенным дополнением стали дореволюционные газеты: «Туркестанские ведомости», «Туркестанская туземная газета» и «Закаспийское обозрение».

Традиции хранительства «святых мест» в Средней Азии

Согласно мнению специалистов, «вера в покровительство святого своим родственникам создала условия для выделения особо почитаемых («священных») групп... Такие сословные группы известны... у всех коренных народов Средней Азии»¹⁴. Известный востоковед Р.Г. Ланда утверждает, что в Туркестане «шейхи и *пирь* (курс. авт. – В.Л.) («старцы» по-персидски) – наследственные хранители мазаров не только пользовались авторитетом, но и были окружены мистическим поклонением верующих, которые приписывали им сверхъестественные способности исполнения

⁸ Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М., 1963.; Бартольд В.В. История Туркестана (конспект лекций). М., 1964; Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Фергана. М., 1964; Наливкин В.П. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886; Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913; Остроумов Н.В. Характеристика религиозно-нравственной жизни мусульман, преимущественно Средней Азии // Православное обозрение. Ташкент, 1881; Наливкин В.П. Саргы. Этнографические материалы. Ташкент, 1890; Наливкин В.П. Современное правовое положение мусульманской женщины. Казань, 1911.

⁹ Венюков М.И. Очерки Заилийского края и Причуйской страны // Записки Императорского Русского Географического Общества. СПб., 1861; Венюков М.И. Путешествие по окраинам Русской Азии и записки о ней. СПб., 1868; Венюков М.И. Россия и Восток. Сборник географических и политических статей. СПб. 1896; Веселовский Н. Памятник Ходжа Ахрара в Самарканде // Восточные заметки. СПб, 1894; Гродеков Н.И. Киргизы и кара-киргизы. Сырдарьинской области. Юридический быт. Ташкент, 1889; Маев Н.А. Очерки Бухарского ханства // Материалы по статистике Туркестанского края. СПб, 1879; Малицкий Н. Ишаны и суфизм // Сборник по мусульманству. Ташкент, 1900; Хорюхин А.П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876.

¹⁰ Басилов В.Н. О пережитках тотемизма у туркмен // Труды Института истории АН, Туркменской ССР. Ашхабад, 1963; Басилов В.Н. Культ святых в исламе. М., 1970; Поляков С.П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. М., 1980; Поляков С.П. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. М., 1989.

¹¹ Абашинов С.Н. Ислам в бюрократической практике царской администрации Туркестана (вакуфное дело дахбидского медресе) // Сборник Русского Исторического общества. М., 2003; Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М., 1995; Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане (1865–1917) (по архивным материалам). Елец, 1998.

¹² Литвинов В.П. Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и Нового времени). Елец, 2006; Литвинов В.П. «Святые места» мусульман Туркестана как центры антироссийской деятельности турецкой агентуры (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник РУДН. Серия «История России». 2016. № 2. С. 45–54. Литвинов В.П. Государство и паломничество в Туркестане // Российская история. 2017. № 1. С. 139–147.

¹³ Фонды: И-1 (Канцелярия туркестанского генерал-губернатора); И-19 (Ферганское областное правление); И-22 (Управление начальника Катта-Курганского уезда, Самаркандской области).

¹⁴ Абдусамедов А.И. Ислам в СССР. Особенности процесса секуляризации в республиках советского Востока. М., 1983. С. 92.

самых различных желаний (богатого урожая, рождения ребенка, победы, удачи)¹⁵. Соглашаясь с мнением специалиста, нам хотелось бы обратить внимание на то, что институт хранителей «святых мест» нигде в мусульманском мире, в том числе в Средней Азии, не имел правовой основы. Как полагает В.Н. Басилов, «централизованной, да и вообще официальной канонизации святых в исламе не сложилось»¹⁶. Соответственно, это не могло быть зафиксировано и в мусульманском праве (шариате). Таким образом, институт «хранительства» «святых мест» ислама в Средней Азии мог опираться только на традицию. И в этом регионе она имела большое значение, в том числе и по отношению к институту хранителей «святых мест». При этом следует учесть, что местный ислам был ханифитским, впитавшим в себя многие доисламские традиции, обычаи и обряды.

В Туркестане изначально утвердился порядок, согласно которому хранителями (смотрителями) при всех мусульманских «святых местах» должны быть только родственники захороненных «праведников». Естественно, что они обладали преимущественным правом на доходы от паломничества к охраняемым ими «святым местам», состоящих из материальных и денежных пожертвований, а также от продажи «исцеляющих» амулетов с изречениями из Корана и т.п.

Понятно, что в течение нескольких веков родственные связи хранителей «святых мест» с захороненными в них праведниками становились все более сомнительными, а часто и вообще прерывались, становясь мнимыми. Однако в большинстве районов Средней Азии на это обращали мало внимания, считая «хранителей» хоть и отдаленными, но родственниками «святых». Российский этнограф С.Н. Абашин приводит пример такого отдаленного многочисленного «родства»: в одном из самых известных центров паломничества мусульман Средней Азии – мазаре «Ходжа Дагбиди», недалеко от Самарканда, где в середине XVI в. был похоронен шейх накшбендийского ордена Ахмад Касани, известный в народе как Махзум Агзам, к концу XIX в. находилось «около 50 дворов потомков Ахмада Касани»¹⁷. Ученый, сомневаясь в том, что все они были прямыми потомками «святого», подчеркнул неоспоримость факта такого родства для паломников.

По сведениям историка С.М. Демидова, после сооружения мавзолея на могиле Махзум Агзама «часть его родни обосновалась у святилища, ставшего со временем весьма популярным местом паломничества, особенно у шиитов»¹⁸. С.М. Демидов отмечал, что через какое-то время количество родственников «святого» шейха возросло, поэтому часть из них расселилась в таких районах Туркмении, как Ахал и Атек. Здесь некоторые «магтымы» (потомки «святого») приобрели среди доверчивых кочевников-туркмен славу «чудотворцев» (например: Гарры-Пир и его зять Иса-Пир). После смерти их похоронили в местности Шехр-и Джурджане, ставшее «святым местом» и центром достаточно интенсивного паломничества, которое... приносило хорошие доходы потомкам «святых пиров»¹⁹. Примечательно, что предприимчивые потомки «святого», кроме полагавшихся им «по праву» материальных пожертвований в пользу «святого места», смогли добиться и выделения им земель, а самое главное, – части поливной воды для орошения, что для пустынной Туркмении можно считать особенно ценным.

¹⁵ Ланда Р.Г. *Ислам в истории России*. М., 1995. С. 129.

¹⁶ Басилов В.Н. *Культ святых в исламе*. М., 1970. С. 7.

¹⁷ Абашин С.Н. *Ислам в бюрократической практике царской администрации Туркестана (вакуфное дело дахбидского медресе)* // Сборник Русского Исторического общества. М., 2003. С. 184.

¹⁸ Демидов С.М. *Магтымы (историко-этнографический этюд)* // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 172.

¹⁹ Там же. С. 173.

Вместе с тем следует отметить, что в Туркмении, особенно в западных ее районах, кочевники проявляли особую щепетильность по отношению к статусу «хранителей» мазаров и прочих «святых мест». По сведениям В.Н. Басилова, туркмены свято верили в то, что хранителем «святого места» может быть только потомок «святого», в противном случае «святой» «будто бы даже накажет человека из простонародья, если тот вздумает обслуживать паломников у его могилы»²⁰. Надо полагать, что традиция хранительства «святых мест» родственниками захороненных «праведников» в Туркмении действительно соблюдалась.

Таким образом, в Средней Азии сложилась система, при которой «святые места» существовали не только за счет пожертвований паломников, но и за счет значительного вакуфного имущества, которое традиционно не облагалось налогами.

«Хранительство» «святых мест» и русская власть в Средней Азии

В первые десятилетия после присоединения Средней Азии к Российской империи туркестанские власти вообще не вели никакого учета «святым местам». Отчасти это вызывалось опасением всеобщего возмущения мусульман региона, на которое его могло спровоцировать местное духовенство. Следует учесть и отсутствие у местных властей четкого понимания проблем и специфики среднеазиатского ислама. По мнению П.П. Литвинова, «...у правительства в начале присоединения Средней Азии не было ясной программы строительства отношений с местным исламским духовенством»²¹. И лишь после Андижанского восстания 1898 г. оно обратилось к этой проблеме. Естественно, что если власти не вели учета мазарам, то, соответственно, никто не вел учета и их шейхам – «хранителям». Таким образом, когда после мятежа в Андижане власти стали вести учет мазарам, то одновременно они завели «бухгалтерию» и на шейхов с их доходами от паломничества к «святым местам» и вакуфным имуществом. Первые сведения спешно собирались к 1899 г., поскольку именно к этому сроку император Николай II затребовал от краевого начальства предоставить «всеподданнейший» доклад о положении ислама и его учреждений на российской территории Средней Азии. Генерал-губернатор С.М. Духовской выполнил задание, подготовив доклад «Ислам в Туркестане», в котором он предоставил сведения по трем так называемым «коренным» областям края – Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской. Согласно его данным, шейхов – хранителей «святых мест» (мазаров) насчитывалось: в Сырдарьинской – 159, Ферганской – 177, Самаркандской – 75²². В то же время в неучтенных «всеподданнейшим» докладом «некоренных» областях их было: в Закаспийской – 27, в Семиреченской – 1²³. Любопытно, что уже в отчетности за 1900 г. фигурировали совершенно другие цифры (исключая Закаспийскую и Семиреченскую области): в Сырдарьинской – 265 шейхов-хранителей, в Ферганской – 860, в Самаркандской – 373²⁴. Таким образом, по всем областям мы видим рост численности шейхов – хранителей, особенно в Ферганской области, где он едва не достиг пятикратного размера. Как и по иным позициям, статистические погрешности «Всеподданнейшего» доклада С.М. Духовского в части шейхов – хранителей мазаров объяснялись спешным характером сбора сведений и отсутствием надежной методики при их обработке. Примером тому может служить отчет начальника Катта-Курганского уезда Самаркандской области полковника

²⁰ Басилов В.Н. *Культ святых в исламе...* С. 76.

²¹ Литвинов П.П. *Государство и ислам в Русском Туркестане (1865–1970 (по архивным материалам))*. Елец, 1998. С. 51.

²² Центральный государственный архив Республики Узбекистан (далее – ЦГА РУ). Ф. И-1. Оп. 11. Д. 1832 «а». Л. 10.

²³ ЦГА РУ. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 14258. Л. 144 об. – 145.

²⁴ ЦГА РТ. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 2833. Л. 9 об. – 10; Л. 11 об. – 12 об.

В.И. Чертова за 1898 год (год Андижанского восстания), в котором он утверждал, что в подведомственном ему уезде «шейхов, пользующихся доходами со священных мест, не имеется»²⁵. Писать такое об уезде, в котором было немало мазаров и шейхов-хранителей при них, тем более в пограничном с Бухарским ханством районе, мог только человек, или недавно принявший управление уездом, или намеренно вводящий в заблуждение вышестоящее начальство. Любопытно, что в том же отчете Чертов, отрицавший наличие «святых мест» в своем уезде, писал тем не менее о том, что при «Ишан-мазаре» имеется неутвержденный вакуф с доходом в 25 руб. в год²⁶.

Именно на основе такого рода официальных отчетов (а по сути «отписок») и был составлен «Всепопданнейший» доклад туркестанского генерал-губернатора С.М. Духовского, не отражавший, как мы видим, истинного положения вещей. В последующем количество шейхов-хранителей «святых мест» также не было точно установлено, причем не только по вине туркестанской администрации. Среди шейхов, во-первых, имела место «естественная убыль», а, во-вторых, менялось не только число «хранителей», но и нередко их функции переходили в другие руки. Полностью отследить процессы такого рода власти не могли, как, впрочем, и воспрепятствовать им серьезным образом. Наиболее достоверные данные о хранителях «святых мест» имелись только в городах, где их сбором занималась полиция. Согласно ее сведениям в 1910 г. в краевой столице – Ташкенте при 85 имевшихся там мазарах состояло 270 шейхов-хранителей²⁷. Достаточно адекватными кажутся данные по Ферганской области, где в этот же период при 309 мазарах находилось 1019 шейхов-хранителей²⁸. По данным исследователя С. Дорженова, в целом в Туркестанском крае было 1211 «святых мест» и 1142 хранителя при них. С данными С. Дорженова можно согласиться только в части количества «святых мест», но вот количество установленных им шейхов-хранителей вызывает сомнение. Используя архивные данные, можно подсчитать, что каждое «святое место» в Средней Азии «обслуживалось» 3–4 шейхами-хранителями, поэтому при 1211 «святых местах» должно было быть не менее 3–3,5 тыс. шейхов.

Представляется очевидным, что среднеазиатская статистика не давала четкого представления об институте хранительства «святых мест» в Туркестанском крае. Безусловно, это влияло на принятие властью неверных решений. В связи с этим, на наш взгляд, важным представляется не столько количество «святых мест» и шейхов-хранителей при них, сколько само отношение власти к институту хранительства. И в этом плане весьма показательными являются наиболее почитаемые сакральные объекты поклонения мусульман Туркестана.

Как известно, в Средней Азии и за ее пределами большой популярностью среди мусульман пользовалась гробница «святого» Бахаэддина Накшбанда, близ Бухары. Редактор «Туркестанских ведомостей», полковник Н.А. Маев писал в 1875 г., что активное паломничество мусульман к мавзолею Накшбанда «доставляет изрядный доход ходжам, потомкам святого, потому что каждое посещение могилы Богуэтдина сопровождается непременно посильным пожертвованием богомольца»²⁹. При этом он подчеркивал, что сами «потомки святого» не занимаются сбором жертвоприношений с паломников, а сдают гробницу в аренду 32 шейхам за 11 тыс. тенге в год (1650 российских рублей по тогдашнему курсу. – В.Л.), а после сами «шейхи, постоянно дежурящие у могилы Богуэтдина, берут уже в свою пользу все поступа-

²⁵ ЦГА РУ. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 657. Л. 8.

²⁶ Там же. Л. 7.

²⁷ Там же. Ф. И-1. Оп. 13. Д. 780. Л. 55 об.

²⁸ Там же. Л. 131.

²⁹ Маев Н.А. Очерки Бухарского ханства. Ташкент, 1875. С. 72.

ющее пожертвования»³⁰. Н.А. Маев указывал, что шейхи-арендаторы требуют с паломников за услуги по 7 тенег (около 1 руб. по тогдашнему курсу. – *В.Л.*), ссылаясь на то, что «святой» Накшбанд любил цифру «7», но хитрые паломники отсчитывали им при этом семь, но только не тенег, а – «чек» (копеек. – *В.Л.*). «Главный журналист» Русского Туркестана писал: «Толстолицы, жирные шейхи не пользуются сочувствием богомольцев, которые смотрят на них и на пожертвования в их пользу как на неизбежное зло... Сопровождавшие нас бухарцы говорили о шейхах как о величайших негодях»³¹. Естественно, что шейхи-арендаторы, занимаясь откровенным вымогательством, получали ежегодно с паломников много больше, чем платили за аренду гробницы. На наш взгляд, возможно, из-за сомнительности такого «ремесла», как сбор пожертвований у гробницы, ее владельцы – потомки «святого» Накшбанда считали для себя унизительным заниматься им, бросая тень на память о великом предке.

Неизвестно, как относились к «разнице» между арендной платой и реальными доходами, получаемыми с гробницы, потомки Бахаэддина Накшбанда. Но известно немало случаев, когда потомки разных «святых» подавали жалобы на арендаторов за то, что те устанавливали повышенные сборы с паломников, желая получить больше прибыли. Естественно, что жалобщиками двигала в таких случаях не обида за паломников, а то, что арендная плата оказалась ниже возможной. Поэтому жалобщики требовали в подобного рода случаях пересмотра договора аренды и дополнительных выплат им. Например, в 1907 г. жители кишлака Гус Ургутской волости – «хранители» комплекса мазаров «Хаузы Авзол Наби Ходжа Вали» подали жалобу в Самаркандское областное правление, указывая в ней, что арендаторы этого «комплекса» расхищают доходы, получаемые ими от его эксплуатации»³². Однако российская администрация предпочитала не вмешиваться в такие дела, направляя жалобщиков к казиям.

В Туркестане были случаи, когда потомки того или иного «святого» жили на значительном удалении от его мазара. Например, в Шейхантаурской «части» г. Ташкента проживали потомки «святого» Идриса Пейгамбара (пророка Идриса), мазар которого находился в сотнях километров, в Чаткальской долине Наманганского уезда Ферганской области. Потомки «святого» Идриса нанимали для надзора за мазаром мутеваллиев (распорядителей, смотрителей и т.п.), которые потом передавали им доходы от паломничества к мазару, оставляя себе оговоренную в «контракте» часть суммы. По просьбе родственников «святых» такого рода контракты нередко утверждались российскими властями, но только с тем, чтобы местные органы власти знали, кто официально уполномочен наблюдать за мазарами, и изгоняли бы самозванцев, которые часто являлись к таким «святым местам» и, выдавая себя за родственников погребенных в них «праведников», беспрепятственно обирали паломников, которые, понятно, не могли им не верить и не требовали от них никаких подтверждающих документов»³³.

Безусловно, нередко паломники (особенно кочевники) оказывались жертвами элементарного мошенничества со стороны мнимых родственников «святых». Чаще всего такое случалось в Семиречье и восточных уездах Сырдарьинской области, где фактически абсолютное большинство мусульманского населения было кочевым, а значит не очень твердым в исламской вере. Но почтение к «святым местам» у них было не меньше (если не больше), чем у «крепких», оседлых мусульман –

³⁰ Маев Н.А. Очерки Бухарского ханства. Ташкент, 1875. С. 73.

³¹ Там же. С. 74.

³² ЦГА РУ. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 6580. Л. 1 – 1 об.

³³ Там же. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 15–11. Л. 1–5.

узбеков, таджиков, уйгуров и др. Известный русский востоковед М.И. Венюков писал в 1861 г. о том, что кочевники «чтут некоторые памятники народов, обитавших прежде на их земле... Памятники собственной старины ценятся еще выше. Могилы предков очень почитаются»³⁴. Доверчивостью номадов нередко пользовались казанские татары, часто наезжавшие в Казахскую степь, где устраивались при мазарах и под разными предлогами вымогали у кочевников пожертвования в пользу погребенных, объявляя их «святыми». Туркестанский чиновник – мусульманин Ш.М. Ибрагимов писал в 1871 г. о них: «Единственная их забота – набить потуже карман». Например, в 1870 г. в селении Сузак Чимкентского уезда, где находилась могила известного «святого», появился некто Авуз, объявивший себя прямым потомком «праведника». Он называл себя тоже «святым» и вскоре собрал вокруг себя много «учеников» из числа доверчивых и наивных в вере кочевников. Пожертвования, собираемые им, были весьма значительными. С помощью беглого казанского татарина Ичана он организовал среди номадов торговлю залежалым товаром по высоким ценам. Так, фунт низкосортного чая он продавал по 4 руб., то есть по цене 2 баранов. Когда осенью 1870 г. он был арестован за обман «туземного» населения, то при нем оказалось 400 «пожертвованных» баранов, 60 лошадей, большое число шкур домашних и диких животных (он не успел все это продать), а также значительные суммы денег³⁵.

Зачастую туркестанская власть, в разных своих ипостасях, действовала откровенно спустя рукава, что позволяло разного рода проходимцам и мошенникам наживаться на вере. Дело в том, что часть «святых мест», с приходом России в Туркестан, была объявлена исторической и музейной ценностью, которая должна была находиться под контролем и надзором государства. В данном случае само Российское государство выступало в качестве хранителя «святых мест». При этом следует подчеркнуть, что русские власти заботились только о сохранении таких мест в должном виде и не посягали на доходы «хранителей» таковых, если они при них имелись. Поэтому прогрессивная общественность Туркестанского края была возмущена фактами откровенного разграбления знаменитого архитектурного комплекса «святых мест» в Самарканде (на Афрасиабе). Например, вскрылись вопиющие факты откровенного разграбления исторических памятников. В первом случае выяснилось, что некий туркестанский богач беспрепятственно вывез намогильный камень султана Абу-Саида из усыпальницы Шейбанидов (династия правителей Бухарского ханства). Во втором случае из усыпальницы Тимуридов «Гур-Эмир» были вывезены старинные резные двери, а на их место поставлены новые – «нелепые». Газета «Закаспийское обозрение» в сентябре 1901 г. по этому поводу писала, что в охране исторических ценностей Самарканда странно вела себя и Императорская Археологическая Комиссия, которая при откровенных фактах попустительства еще и издала распоряжение, согласно которому с ряда святых мест была снята облицовка и отправлена в столицу в художественное училище. Газета вопрошала: «Какое чувство будет вызвано у мусульман надруганием над их почитаемой святыней, привлекающей ежедневно даже из отдаленных мест паломников?»³⁶. Газета призвала краевые власти решительно защищать самаркандские ценности «святых мест», даже перед Императорской Археологической Комиссией. Последняя, как известно, находилась фактически в прямом подчинении царя (формально она была в составе Министерства двора «Его Императорского Величества»). Но на стороне краевой

³⁴ Венюков М.И. Очерки Заилийского края и Причуйской страны // Записки Императорского Русского Географического Общества (ИРГО). СПб., 1861. С. 115.

³⁵ Туркестанские ведомости. 1870. 20 ноября.

³⁶ Закаспийское обозрение. 1901. 2 сентября.

администрации выступил «старый туркестанец», бывший начальник Закаспийской области, а на тот момент военный министр А.Н. Куропаткин. Именно после его объяснений с Николаем II по поводу исторических ценностей самаркандских «святых мест» царь встал на сторону военной администрации Туркестана³⁷.

Выводы

Несмотря на то, что институт хранительства «святых мест» в исламе нигде, в том числе и в Средней Азии, не имел правовой основы, тем не менее он получил достаточно широкое распространение в регионе, поскольку являлся важным элементом региональной модели ислама. Изначально утвердилось положение, согласно которому хранителем «святого места» мог быть родственник захороненного праведника. Очевидно, что по прошествии нескольких веков родственные связи размывались, а претендентов на «святое» наследство с каждым поколением становилось все больше.

Учитывая то, что, как правило, «святые места» в регионе обладали значительными вакуфными имуществами, необлагаемыми налогами, то право на наследование тем или иным «святым местом» нередко оспаривалось действительными или мнимыми родственниками «святых», становилось причиной имущественных конфликтов. В дороссийский период в Средней Азии конфликты разрешались, несмотря на запреты мусульманским правом «святых мест», в шариатских судах казиев, доходя иногда даже до ханского двора. После прихода России в регион эта проблема стала одной из основных «головных болей» администрации Туркестанского края. Во-первых, российской власти необходимо было решать имущественную проблему «святых мест». В своих попытках ее решения Российское государство так и не смогло выстроить четкую и понятную систему взаимоотношений с хранителями «святых мест». Даже через полвека присутствия в Средней Азии власти слабо представляли себе количество и реальные доходы «святых мест». Во-вторых, русские власти недооценили значение хранителей «святых мест» в деле распространения антирусской, панисламистской и пантюркистской пропаганды. Эта проблема особенно обострилась после Андижанского восстания 1898 г., в ходе которого фанатичные исламские инсургенты вырезали свыше двух десятков русских солдат. Было установлено, что глава мятежников, Дукчи-ишан (ишан-веретенщик) – Мухаммед Али (Мадали) вербовал своих сторонников именно среди паломников у «святых мест». Поэтому после Андижанского бунта власти предприняли определенные меры, пытаясь поставить под контроль «святые места» и мусульманское духовенство. Однако спешка и отсутствие необходимых знаний не позволили сколько-нибудь серьезно изменить ситуацию с целью предотвращения антирусской агитации среди пилигримов у мазаров региона. В-третьих, Российское государство само не показывало примера рачительного хозяина «святых мест», объявленных им памятниками исламской старины. Взяв на себя заботу о сохранении мусульманских святынь в регионе, оно не справилось с этой задачей, что привело к разграблению некоторых из них, в том числе и недобросовестными шейхами-хранителями.

На наш взгляд, причиной столь неэффективной деятельности царской администрации Русского Туркестана в решении проблем «святых мест» в регионе была боязнь русских властей разрушить сложившийся веками порядок, что, как они считали, могло привести к нарастанию антирусских настроений в регионе.

Рукопись поступила: 1 марта 2020 г.

Submitted: 1 March 2020.

³⁷ *Литвинов В.П.* Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и Нового времени). Елец, 2006. С. 270.

Библиографический список

- Абашиин С.Н. Ислам в бюрократической практике царской администрации Туркестана (вакуфное дело дахбидского медресе) // Русского Исторического общества. М.: Наука, 2003. С. 163–191.
- Абдусамедов А.И. Ислам в СССР. Особенности процесса секуляризации в республиках советского Востока. М.: Мысль, 1983. 173 с.
- Абидулин А. Символизм и власть во время правления султана Абдул-Хамида II (1876–1909) // Власть. 2008. № 10. С. 125–128.
- Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М.: Восточная литература, 1963. 763 с.
- Бартольд В.В. История Туркестана (конспект лекций). М.: Восточная литература, 1964. 1016 с.
- Басилов В.Н. О пережитках тотемизма у туркмен // Труды Института истории АН Туркменской ССР. Ашхабад: Академия наук Туркменской ССР, 1963. С. 135–150.
- Басилов В.В. Культ святых в исламе. М.: Мысль, 1970. 144 с.
- Блинов А.А. Религиозные формулы и титулы в странах Персидского залива // Sciences of Europe. 2017. № 20. С. 26–38.
- Большаков О.Г. История Халифата. Ислам в Аравии (570–633). М.: Восточная литература. 2000. С. 321–355.
- Веселовский Н. Памятник Ходжа Ахрара в Самарканде // Восточные заметки. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1894. 321 с.
- Гродеков Н.И. Киргизы и кара-киргизы Сырдарьинской области. Юридический быт. Ташкент: Типография С.И. Лахтина, 1889. 205 с.
- Демидов С.М. Магтымы (историко-этнографический этюд) // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М.: Наука, 1975. С. 171–173.
- Ланда Р.Г. Ислам в истории России. М.: Восточная литература, 1995. 311 с.
- Литвинов В.П. Религиозное паломничество: региональный аспект (на примере Туркестана эпохи средневековья и Нового времени). Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. 377 с.
- Литвинов В.П. Государство и паломничество мусульман в царской России: туркестанский вариант (по архивным, правовым и иным материалам). Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2016. 565 с.
- Литвинов В.П. «Святые места» мусульман Туркестана как центры антироссийской деятельности турецкой агентуры (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2016. № 2. С. 45–54.
- Литвинов В.П. Государство и паломничество в Туркестане // Российская история. 2017. № 1. С. 139–147.
- Литвинов В.П. Региональное паломничество мусульман Русского Туркестана: малоизвестные страницы // Диалог со временем. 2017. № 58. С. 297–306.
- Коростовцев М.А. Религия древнего Египта. М.: Наука, 1976. 336 с.
- Маев Н.А. Очерки Бухарского ханства // Материалы по статистике Туркестанского края. СПб.: Туркестанский статистическая комиссия, 1879. С. 21–23.
- Маллицкий Н. Ишаны и суфизм // Сборник по мусульманству. Ташкент: Типо-литография братьев Порцевых, 1900. С. 102–105.
- Маркс К. П.В. Анненкову, 28 декабря 1846 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Политическая литература, 1962. С. 508–514.
- Мартынкин А.В. Исламский фактор в Османской империи XVIII–XIX вв. // Причерноморье. История, политика, культура. Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2009. С. 36–42.
- Наливкин В.П. Краткая история Кокандского ханства. Казань: Типография Университета, 1886. 215 с.
- Наливкин Н.В. Туземцы раньше и теперь. Ташкент: Тип. «Туркестанского Товарищества Печатного Дела», 1913. 144 с.
- Остроумов Н.В. Характеристика религиозно-нравственной жизни мусульман, преимущественно Средней Азии // Православное обозрение. 1881. С. 67–71.
- Поляков С.П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. М.: МГУ, 1980. 168 с.
- Поршинева О.С. Концепции и методы социологии в историческом исследовании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2006. № 2. С. 31–39.
- Хорошихин А.П. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб: типография и хромо-литография А. Траншеля, 1876. 583 с.

References

- Abashin, S.N. "Islam v byurokraticheskoy praktike tsarskoy administratsii Turkestana (vakufnoye delo dakhbidskogo medrese)." In *Sbornik Russkogo Istoricheskogo obshchestva*, 163–191. Moscow: Nauka Publ., 2003 (in Russian).

- Abdusamedov, A.I. *Islam v SSSR. Osobennosti protsessa sekulyarizatsii v respublikakh sovetskogo Vostoka*. Moscow: Mysl' Publ., 1983 (in Russian).
- Abidulin, A. "Symbolism and power during the reign of Sultan Abdul-Hamid II (1876-1909)." *Power*, no. 10 (2008): 125–128 (in Russian).
- Bartol'd, V.V. *Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya*. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 1963 (in Russian).
- Bartol'd, V.V. *Istoriya Turkestana (konspekt lektsiy)*. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 1964 (in Russian).
- Basilov, V.N. "O perezhitkakh totemizma u Turkmen." In *Trudy Instituta istorii AN, Turkmenskoy SSR*, 135–150. Ashkhabad: Akademiya nauk Turkmenskoy SSR Publ., 1963 (in Russian).
- Basilov, V.V. *Kul't svyatykh v islame*. Moscow: Mysl' Publ., 1970 (in Russian).
- Blinov, A.A. "Religious Formulas and Titles in the Gulf Countries." *Sciences of Europe*, no. 20 (2017): 26–38 (in Russian).
- Bol'shakov, O.G. *Istoriya Khalifata. Islam v Aravii (570–633)*. Moscow: «Vostochnaya literatura» Publ., 2000 (in Russian).
- Demidov, S.M. "Magtymy (istoriko-etnograficheskiy etyud)." In *Domusul'manskiye verovaniya i obryady v Sredney Azii*, 171–173. Moscow: Nauka Publ., 1975 (in Russian).
- Grodekov, N.I. *Kirgizy i kara-kirgizy. Syrdar'inskoy oblasti. Yuridicheskiy byt*. Tashkent: Tiplitografiya S.I. Lakhtina Publ., 1889 (in Russian).
- Landa, R.G. *Islam v istorii Rossii*. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 1995 (in Russian).
- Litvinov, V.P. *Religioznoye palomничество: regional'nyy aspekt (na primere Turkestana epokhi sredne-vekov'ya i Novogo vremeni)*. Yelets: YEGU im. I.A. Bunina Publ., 2006 (in Russian).
- Litvinov, V.P. *Gosudarstvo i palomничество musul'man v tsarskoy Rossii: turkestanskiy variant (po arkhivnym, pravovym i inym materialam)*. Yelets: YEGU im. I.A. Bunina Publ., 2016 (in Russian).
- Litvinov, V.P. "Turkestan muslims' "holy places" as centres of antirussian activities of turkish secret service (second half of 19th – early 20th centuries)." *RUDN Journal of Russian History*, no. 2 (2016): 45–54 (in Russian).
- Litvinov, V.P. "State and pilgrimage in Turkestan." *Russian History*, no. 1 (2017): 139–147 (in Russian).
- Litvinov, V.P. "Regional pilgrimage of Muslims of Russian Turkestan: little-known pages." *Dialogue with Time*, no. 58 (2017): 297–306 (in Russian).
- Korostovtsev, M.A. *Religiya drevnego Yegipta*. Moscow: Nauka Publ., 1976 (in Russian).
- Khoroshkhin, A.P. *Sbornik statey, kasayushchikhsya do Turkestanskogo kraya*. St. Petersburg: Tipografiya i khromolitografiya A. Transhelya Publ., 1876 (in Russian).
- Mayev, N.A. "Ocherki Bukharskogo khanstva." In *Materialy po statistike Turkestanskogo kraya*, 21–23. St. Petersburg: Turkestanskiy statisticheskaya komissiya Publ., 1879 (in Russian).
- Mallitskiy, N. "Ishany i sufizm." In *Sbornik po musul'manstvu*, 102–105. Tashkent: Tipo-litografiya brat'yev Portsev'ykh Publ., 1900 (in Russian).
- Marks, K. "P.V. Annenkovu, 28 dekabrya 1846 g." In *Sochineniya*, 508–514. Moscow: Politicheskaya literature Publ., 1962 (in Russian).
- Martynkin, A.V. "Islamskiy faktor v Osmanskoy imperii XVIII–XIX vv." In *Prichernomor'ye. Istoriya, politika, kul'tura*, 36–42. Sevastopol': Filial MGU v g. Sevastopole Publ., 2009 (in Russian).
- Nalivkin, V.P. *Kratkaya istoriya Kokandskogo khanstva*. Kazan: Tipografiya Universiteta Publ., 1886 (in Russian).
- Nalivkin, N.V. *Tuzemtsy ran'she i teper'*. Tashkent: Tip. «Turkestanskogo Tovarishchestva Pechatnogo Dela» Publ., 1913 (in Russian).
- Ostroumov, N.V. "Kharakteristika religiozno-nravstvennoy zhizni musul'man, preimushchestvenno Sredney Azii." *Pravoslavnoye obozreniye* (1881): 67–71.
- Polyakov, S.P. *Istoricheskaya etnografiya Sredney Azii i Kazakhstana*. Moscow: MGU Publ., 1980 (in Russian).
- Porshneva, O.S. "Concepts and Methods of Sociology in Historical Research." *RUDN Journal of Russian History*, no. 2 (2006): 31–39 (in Russian).
- Veselovskiy, N. "Pamyatnik Khodzha Akhrara v Samarkande." In *Vostochnyye zametki*, 321–355. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk Publ., 1894 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Литвинов Владимир Петрович, доктор исторических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Бунинская Россия» Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина.

Vladimir P. Litvinov, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Senior Research Fellow, Scientific Research Laboratory "Buninskaya Rossiya", Bunin Yelets State University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-793-809>

Научная статья / Research article

Киргизская антиисламская миссия Оренбургской епархии (90-е гг. XIX – начало XX в.)

Ю.А. Лысенко^а, М.Н. Ефименко^б

^аАлтайский государственный университет; 656023, Россия, Алтайский край, Барнаул, проспект Ленина, д. 61; iulia_199674@mail.ru

^бОренбургский государственный педагогический университет; 460014, Россия, г. Оренбург, ул. Советская, д. 19; efimenkom@mail.ru

Аннотация: В статье в контексте истории институционального развития Русской православной церкви в центральноазиатских окраинах Российской империи анализируется процесс создания ее миссионерских структур в Оренбургской епархии. На основе широкого круга делопроизводственной документации Оренбургской епархии, выявленной в Государственном архиве Оренбургской области и в материалах епархиального периодического издания – Оренбургских епархиальных ведомостях, определены причины создания регионального комитета Православного миссионерского общества и Киргизской миссии, этапы их деятельности, особенности организации православного миссионерства среди казахов Уральской и Тургайской области; реконструированы направления работы служащих миссий, связанные с формированием системы миссионерского школьного образования и закреплением православных начал у новокрещенных кочевников. Авторы статьи выявили, что основной причиной организации в 90-е гг. XIX в. миссионерской работы Русской православной церкви в степи стала необходимость исключения казахов из процессов всероссийской мусульманской консолидации. Вариантом стратегии, который избрало российское государство для осуществления контроля за регионами с плотным проживанием «инородцев», стал механизм аккультурации, который давал возможность реализации контролирующих функций через включение нерусских народов в культурно-религиозное русско-православное пространство. Однако в ходе решения данных задач служащим Киргизской миссии пришлось столкнуться с целым спектром объективных препятствий – особенностями этнопсихологии казахов, исключающей возможность восприятия ими христианских догм, наличием в Уральской и Тургайской степи хорошо профинансированного исламского миссионерства; слабым развитием церковно-приходской системы и недостаточным финансированием государством миссионерской работы, смещением в результате крестьянского переселения в регион акцентов в работе служащих Киргизской миссии, вынужденных наряду с миссионерскими функциями исполнять обязанности приходских священников. Все это дает основанием авторам статьи сделать вывод о низкой эффективности работы православных миссионерских структур среди казахов Оренбургской епархии.

Ключевые слова: православие, ислам, миссионерство, казахи, Миссионерское общество, церковно-школьное строительство

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено за счет средств Российского научного фонда (проект № 19-18-00180).

Для цитирования: Лысенко Ю.А., Ефименко М.Н. Киргизская антиисламская миссия Оренбургской епархии (90-е гг. XIX – начало XX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 4. С. 793–809. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-793-809>

© Лысенко Ю.А., Ефименко М.Н., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The Kyrgyz Anti-Islamic Mission of the Orenburg Diocese (1890s to early 20th century)

Yuliya A. Lysenko^a, Marina N. Efimenko^b

^aAltai State University; 61, Lenin Ave., Barnaul, Altai territory, 656023, Russia;
iulia_199674@mail.ru

^bOrenburg State Pedagogical University; 19, Sovetskaya St., Orenburg, 460014, Russia;
efimenkom@mail.ru

Abstract: As a contribution to the history of the institutional development of the Russian Orthodox Church in the Central Asian parts of the Russian Empire, the present article analyzes the emergence of missionary structures in the Orenburg diocese. The research is based on a wide range of administrative documents of the Orenburg diocese (preserved in the State Archive of the Orenburg region), and on materials published in the Orenburg Diocesan Gazette. The contribution explores the reasons for the creation of the regional Committee of the Orthodox Missionary Society and the Kyrgyz Mission, and identifies the stages of their activities. It also highlights the features of the organization of Orthodox missionary work among the Kazakhs of the Urals and Turgay regions. The authors argue that Orthodox missionary work in the Steppe was meant to exclude the Kazakhs from the ongoing all-Russian Muslim consolidation. The strategy that the Russian state chose to control regions with a dense inorodtsy (non-Russians) population was acculturation, to control the respective populations by including them into the cultural and religious Russian-Orthodox space. On the spot, however, the officials of the Kyrgyz Mission faced a whole range of obstacles, including particular attitudes of the Kazakhs about aspects of the Christian dogma. Also, there was already well-funded Islamic missionary work in the Ural and Turgai steppes. The Orthodox parish system remained weak, and state financing of missionary work was considered insufficient. The resettlement of peasants into the region required that employees of the Kirghiz mission changed their emphasis from missionary work to the ordinary duties of parish priests. All this allows the authors to conclude that the efficiency of Orthodox missionary structures among the Kazakhs of the Orenburg diocese was low.

Keywords: Orthodoxy, Islam, Kazakhs, Missionary Society, parish schools

Acknowledgements and Funding: The research was carried out at the expense of the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00180).

For citation: Lysenko, Yuliya A., and Efimenko, Marina N. "The Kyrgyz Anti-Islamic Mission of the Orenburg Diocese (1890s to early 20th Century)." *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 4 (November 2020): 793–809. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-793-809>

Введение

Завершившееся во второй половине XIX в. присоединение к России крупнейших мусульманских регионов (Степной край, Туркестан и Кавказ) кардинальным образом изменило этноконфессиональную структуру государства. Ислам стал второй по численности адептов религией в империи. В 70–80 гг. XIX в. наметились новые тенденции жизни мусульманских общин России, характеризовавшиеся политизацией ислама и зарождением общероссийского мусульманского движения. Реакцией российской политических кругов на данные процессы стало четкое убеждение в необходимости создания универсальной модели управления национальными окраинами, способной обеспечить территориальную целостность государства. Ее составляющими стали лояльность к этноэлитам и сотрудничество с ними, сохранение в этнорегионах относительной автономии, отрицание связи между национальным и социальным статусом иноверцев, создание некоторых преимуществ в правовом положении инородцев империи по сравнению с русским¹.

¹ Миронов Б.Н. Историческая социология истории. СПб., 2009. С. 41–44.

Вариантом стратегии, который избрало российское государство для осуществления контроля за регионами с плотным проживанием «инородцев», становится механизм аккультурации, который давал возможность осуществления контролируемых функций, например, в мусульманской среде, через включение нерусских народов в культурно-религиозное русско-православное пространство.

Однако следует учесть, что аккультурация, как справедливо отмечает С.В. Любичанковский, не предполагает культурную унификацию российских этносов, а представляет собой «организуемое властью культурное влияние в рамках единого государственного организма, ставящее целью создать из новоприсоединенных народов лояльных имперских подданных без утраты ими этнической и религиозной идентичности, с возможностью обратного влияния со стороны этих народов на культурный код империи»².

Аккультурацию можно рассматривать как механизм включения различных инокультурных сообществ в пространство государства, который позволяет, с одной стороны, сохранить внешнюю целостность и внутреннюю стабильность большой империи в ее поликультурном, полиэтническом и поликонфессиональном состоянии; с другой стороны, этот стратегический вариант позволял проследить не только характер влияния центра на регионы, но и выявить обратное влияние регионов на политику центра, а также проследить процесс взаимовлияния культур³.

В системе этноконфессиональной политики России большое внимание отводилось казахам Оренбургского ведомства. По мнению ряда чиновников, распространение ислама среди них объективно препятствовало их единению с русским православным народом. Поэтому концепты «казахи – плохие мусульмане» и «пока не фанатичны» выступили основой политики государства в степи. Целесообразной признавалась необходимость их исключения из процессов всероссийской мусульманской консолидации и интеграции. Практические шаги в данном направлении, как известно, нашли выражение в изъятии духовных дел кочевников из компетенции Оренбургского мусульманского духовного собрания, снижении социального статуса мусульманского духовенства, сдерживании процесса открытия мусульманских культовых и образовательных учреждений в степи, паломничества к святым местам. Важным шагом в решении задач русификации казахов стало принятие решения об открытии Православной духовной миссии.

Миссионерская деятельность Русской православной церкви, история ее внутренних и внешних миссий детально представлена в исследованиях дореволюционного периода. В освещении вопросов, связанных с данной проблематикой, сформировалось три самостоятельных направления. Представители первого исследовали ход, методы и результаты православной пропаганды в регионах компактного проживания мусульман Российской империи. Второе направление было представлено трудами по изучению миссионерства среди языческого населения Сибири. Ученые третьего направления акцентировали внимание на борьбе Русской православной церкви со старообрядчеством и сектантством⁴. Начальный этап миссионерства Русской православной церкви среди казахов Уральской и Тургайской областей пред-

² Любичанковский С.В. Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX – начало XX вв.). Оренбург, 2018. С. 5.

³ Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2010. С. 6.

⁴ Ильминский Н.И. О системе просвещения инородцев и о Казанской Центральной крещено-татарской школе. Казань, 1913; Лебедев Е.Е. Единоверие в противодействии русскому обрядовому расколу. Новгород, 1904.

ставлен в трудах дореволюционного исследователя истории Оренбургской епархии Н.М. Чернавского⁵.

В советской историографии проблемы истории Русской православной церкви в целом и вопросы православного миссионерства в частности рассматривались с позиции марксистско-ленинской методологии, которая предполагала только критический подход к оценке деятельности РПЦ и резко негативные суждения о ее роли в истории неправославных народов России. Церковь рассматривалась как «служанка царизма» в трудах Н.Н. Никольского, А.И. Клибанова, Н.П. Красникова, П.Н. Зырянова и др.⁶ Миссионерская деятельность РПЦ также исследовалась сквозь призму идеологической ангажированности. Духовные миссии определялись как средство русификации аборигенного населения российских окраин, уничтожающее их традиционную культуру⁷. Однако в 70-е гг. XX в. в трудах по региональной истории Русской православной церкви и ее миссионерства появляется положительная оценка форм и методов работы как отдельных миссионеров, так и духовных миссий с местным неправославным населением⁸.

В 90-е гг. XX в. отечественная историческая наука вступила в новый период своего развития, связанный с коренной трансформацией российского общества, в том числе и в области источниковой базы и методологических оснований научных исследований. История Русской православной церкви и ее миссионерская деятельность выступили предметной областью исследований российских историков⁹. Православное миссионерство стало рассматриваться как составная часть имперской интеграционной политики в отношении инородцев. В связи с этим самостоятельным направлением историографии стало изучение комплексной истории отдельных православных миссий, различных аспектов их деятельности – научно-исследовательской, переводческой, книгоиздательской, просветительской, благотворительной¹⁰.

История миссионерства РПЦ в центральноазиатском регионе представлена в трудах ряда современных отечественных и зарубежных исследователей. Однако в данных работах преобладающим является анализ миссионерства в срезе антимусульманской, антистарообрядческой, антисектантской деятельности РПЦ. Имеются исследования по истории православного миссионерства в Оренбургской епархии, в котором рассматривается проблема создания и основных направлений деятельности Киргизской миссии в Тургайской и Уральской областях¹¹. В то же время отдельного исследования применительно к локальному региону, а именно миссионер-

⁵ Чернавский Н.М. История Оренбургской епархии в прошлом ее и настоящем. Оренбург, 1904.

⁶ Никольский Н.М. История русской церкви. М. – Л., 1931; Клибанов А.И. История религиозно-госектантства в России (60-е гг. XIX – начало XX в.). М., 1965; Красников Н.П. Социально-этические воззрения русского православия в XX веке. Киев, 1988; Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984.

⁷ Смирнов Н.А. Миссионерская деятельность церкви (вторая половина XIX в. – 1917 г.) // Русское православие: вехи истории. URL: http://books.atheism.ru/files/russkoe_pravoslavie.html (дата обращения: 14.02.2020).

⁸ Шорохов Л.П. Церковь в Сибири в конце XVI–XVIII вв. Новосибирск, 1971; Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1975; Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX вв.). Иркутск, 1986; Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX вв.). Иркутск, 1986.

⁹ Прозич Т. Культурная гегемония, религия и Русская революция 1917 года // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1–2. С. 622–642.

¹⁰ Есикова Е.М. Николай Сейфуллин – священник-миссионер Оренбургской епархии рубежа XIX–XX вв. // Макарьевские чтения. Горно-Алтайск, 2006. С. 46–54; Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул, 2010; Софронов Ю.В. Три века сибирского миссионерства. Тобольск, 2005. 287 с.

¹¹ Есикова Е.М. Миссионерская деятельность Русской православной церкви среди нехристианского населения Оренбургской епархии: 1859–1917 гг. Челябинск, 2010.

ству среди казахов Оренбургского ведомства, не проводилось. Таким образом, в представленной статье будет предпринята попытка системного анализа причин организации православного миссионерства в отношении казахов Оренбургского ведомства, институционального развития Православной миссии Оренбургской епархии, направлений ее деятельности и результатов.

Источниковой базой статьи выступили делопроизводственные документы Оренбургской епархии, Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества, Киргизской миссии Оренбургской епархии, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве и Государственном архиве Оренбургской области (в их числе постановления миссионерских съездов, распоряжения, циркуляры епархиальных властей, протоколы заседаний, отчеты миссий, переписка по широкому кругу вопросов организации и совершенствования миссионерской работы среди казахского населения).

Методологической основой статьи является цивилизационный подход, в рамках которого Российская империя и казахское традиционное общество рассматриваются как две цивилизации – оседлая/земледельческая и кочевая /скотоводческая с присущим каждой из них специфическим набором цивилизационных констант, в том числе в ментально-мировоззренческой сфере. Миссионерскую деятельность Русской православной церкви среди казахов Оренбургского ведомства в рамках данного подхода предлагается анализировать как форму межцивилизационного взаимодействия, инициированную Россией.

Методологическим основанием исследования также становится концепция аккультурации как одно из направлений теории «новой истории империи». Даная концепция позволяет рассматривать влияние Российской империи на общую культуру, формы хозяйствования, образование, религию нерусских этносов, проживающих на национальных окраинах. Аккультурационный подход в силу своей универсальности может быть применен и применяется как в отношении взаимодействия и культурного взаимовлияния конкретных народов и отдельных регионов в пространстве Российской империи, так и при выявлении направлений внутренней и внешней политики имперских властей по отношению к населяющим империю народам. Среди конкретно-исторических методов, использованных при подготовке статьи, выступили историко-генетический и историко-сравнительный методы. Первый из них был нацелен на выявление причин организации православного миссионерства в казахской степи. Историко-сравнительный метод позволил выявить общие и отличительные тенденции организации и проведения религиозной пропаганды среди казахского населения.

Становление Киргизской православной миссии Оренбургской епархии

Как указывалось выше, главной причиной, побудившей правящую элиту инициировать в 70-е гг. XIX в. процесс создания Православной миссии в Уральской и Тургайской областях Оренбургского края, стал процесс исламизации казахского общества и его интеграции в общероссийское мусульманское движение. В результате перед Русской православной церковью и Оренбургской епархией ставилась задача создания системы противовесов дальнейшему укреплению позиций ислама среди кочевников посредством организации антимусульманской пропаганды. Данные функции были возложены на Оренбургский епархиальный комитет Православного миссионерского общества, созданный в ноябре 1875 г.

Следует отметить, что к моменту открытия Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества у Русской православной церкви был накоплен значительный опыт организации и проведения православного миссионерского просвещения инородцев Российской империи. Так, в 1771 г. была созда-

на Осетинская духовная миссия, в 1830 г. – Алтайская духовная миссия, 6 миссий с 1870-х гг. действовали в Сибири – Енисейская, Тобольская, Иркутская, Якутская, Забайкальская, Камчатская.

Открытие Киргизской православной миссии в Оренбургском крае в 70-е гг. XIX в. совпало по времени с новым этапом миссионерской деятельности Русской православной церкви среди инородцев Российской империи. Миссионерству данного периода стал присущ целый набор признаков, значительно отличавших его от предыдущих этапов. Во-первых, пропаганда христианских идей приобрела политическое звучание и стала представлять собой продуманную и взвешенную политику государства. Последнее взяло на себя функции по ее организации, координации и финансированию. Во-вторых, к середине XIX в. в Оренбургском крае, в том числе на территории Уральской и Тургайской областей, была создана относительно развитая институциональная структура РПЦ – Оренбургская епархия, которая после разделения с Уфимской епархией (1859 г.), приобрела не только новые географические очертания, но и получила возможность создать более слаженную благочинническую и приходскую системы и собственные административные центры духовного руководства, что дало возможность систематизировать миссионерскую деятельность, организовать контроль над ней со стороны епархиального архиерея и подконтрольных ему органов, а также привлечь к ее организации и государственные ресурсы.

В-третьих, с середины XIX в. происходил процесс бюрократизации миссионерской деятельности РПЦ, выразившийся, прежде всего, в создании миссионерских антиисламских, антистарообрядческих и антисектантских структур. В 1865 г. было создано Православное миссионерское общество, выступившие координатором миссионерства не только в Российской империи, но и за ее пределами. По его инициативе и финансовой поддержке осуществлялась целенаправленная работа по открытию новых миссий в инородческих и иноверческих регионах страны.

Бюрократизация миссионерской деятельности РПЦ нашла отражение и в ведении ежегодной и ежеквартальной отчетности православных миссионеров о своей деятельности. Работа служащих миссий была поставлена в жесткие рамки должностных инструкций. Например, инструкцией Оренбургского комитета Православного миссионерского общества служащие Киргизской миссии обязывались осуществлять поездки по русским заимкам и казахским аулам с целью проповеди слова Божьего. После каждой поездки они обязаны были предоставлять в Епархиальный миссионерский комитет через областного миссионера краткий дневник, «изобразив в нем, что он в миссионерском отношении сделал в приходе», а также «предоставлять областному миссионеру к 20 июня и 15 декабря полугодичные и годичные краткие отчеты: а) по миссии вообще, б) по школам, в) по миссионерским церковно-приходским братствам, г) по церковно-приходским обществам трезвости»¹². Окружные миссионеры в своей деятельности должны были следовать «Общим правилам по устройству миссии», принятым на Всероссийских миссионерских съездах, прошедших в 1888, 1908 гг., а также указаниями епархиального миссионера. Немаловажным был и тот факт, что с середины XIX в. служащие миссий стали получать жалование от Синода и миссионерских структур.

В-четвертых, работа по организации православного миссионерства в Уральской и Тургайской областях значительно осложнялась незначительной численностью православной общины в регионе, преобладанием старообрядческих общин у казаков Уральского и Оренбургского казачьих войск. Сложность данной ситуации наиболее ярко была отражена в отчете священника Ф.Д. Соколова, который по по-

¹² Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОрО). Ф. 175. Оп. 2. Д. 12. Л. 7–8.

ручению Оренбургского комитета Православного миссионерского общества совершил в 1892–1893 гг. поездку в тургайскую степь. В отчете священник представил достаточно много свидетельств культурной и религиозной аккультурации русского населения казахским. «Дети, – по свидетельству Ф. Соколова, – растут в полном неведении своей веры родной, но и народности, и совсем окиргизиваются. ...Даже взрослые из них – лет 16–17 не знают молитв и перекреститься не умеют, и крестов и поясов не носят, говорят по-киргизски, в землянках сидят в шапках, и вообще ничем не отличаются от киргизят»¹³. По мнению Ф. Соколова, данная ситуация была обусловлена отсутствием в регионе разветвленной приходской системы, нужного количества православных храмов и профессионально подготовленных священников¹⁴.

Таким образом, можно утверждать, что деятельность Оренбургского епархиального комитета осуществлялась в новых для православного миссионерства реалиях времени. Это, безусловно, наложило отпечаток на характер его работы и степень эффективности.

Структурная организация православного миссионерства среди казахов Оренбургского края

Указ Синода о создании Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества был подписан в ноябре 1875 г. Его руководство планировало сосредоточить свою деятельность исключительно на создании в епархии «антиисламской» миссии для работы среди казахского кочевого населения Уральской и Тургайской областей, и Комитет пошел по пути отказа от миссионерства среди сектантов, раскольников, язычников Оренбургской епархии¹⁵.

Однако очень скоро служащим Киргизской миссии пришлось столкнуться с ситуацией, описанной священником Ф. Соколовым по итогам его поездки в тургайскую степь. При отсутствии переселенческих участков большинство русских крестьян-переселенцев были вынуждены арендовать землю у казахов-скотоводов и селиться в отдаленных аулах. Следствием прочных и многолетних контактов двух этносов становилась религиозная аккультурация казахами русских крестьян. Поэтому определенную ранее цель деятельности Киргизской миссии пришлось скорректировать. Помимо усилий, направленных на пресечение дальнейшего распространения ислама среди казахов, важное внимание уделялось расширению религиозности среди православных крестьян-переселенцев.

Констатируя процесс «окиргизивания переселенцев», миссионеры писали в своих отчетах о том, что эти люди забывают православные храмы, отдают своих детей «учиться у мулл магометанскому вероучению»¹⁶. Необходимую пастырскую помощь в деле укрепления веры как крещеных «инородцев», так и православных переселенцев могли оказать профессиональные священнослужители, обладавшие не только крепостью веры, знанием христианского богословия, но и знанием «инороднических» языков (татарского, казахского, киргизского, башкирского), особенностей «инороднической» культуры и основ исламской теологии, вплоть до знания текстов Корана.

Не вызывало сомнения, как писали «Оренбургские епархиальные ведомости», что «православное духовенство обладает особенно высокими нравственными качествами, дабы повлиять на иноверные населения», однако имело место опасение в

¹³ ГАОрО. Оп. 1. Д. 8. Л. 20 об. – 21 об.

¹⁴ Там же. Д. 183 а. Л. 267 об.

¹⁵ Там же. Д. 5 а. Л. 2.

¹⁶ Отчет Оренбургского епархиального комитета Православного Миссионерского Общества за 1893 год // Оренбургские епархиальные ведомости. 1894. № 20. С. 251.

том, что духовные лица при недостаточной профессиональной подготовке, оказавшись на месте миссионеров скорее по необходимости, чем по личным возможностям, «оказываются нередко несоответствующими своему назначению» вплоть до того, что сами нередко забывали свою веру среди иноверного населения¹⁷.

Поэтому достаточно остро встал вопрос о подготовке священнослужителей «к особому служению, чтобы не только трудиться на поприще обращения в веру, но и поддерживать ее среди христиан»¹⁸.

Большие надежды в этом отношении возлагались на выпускников Оренбургской духовной семинарии, которая с момента открытия (1884 г.) ориентировала своих учащихся на активную миссионерскую деятельность. С целью создания хорошо подготовленного корпуса миссионеров в семинарии был принят шестилетний учебный план, адаптированный к особенностям края с «иноверческим» населением. В предметную область обучения вводилось изучение арабского, татарского, казахского языков, истории ислама и его вероучения, а также специальные предметы по обличительному богословию в отношении исламских догматов.

Профессиональной подготовке потенциальных миссионеров способствовала и библиотека семинарии. В 1894 г. ее фонды (фундаментальный и ученический) помимо необходимой христианской литературы насчитывали 1429 томов противораскольнической и противомусульманской литературы. Ежегодно выделялись денежные средства на пополнение миссионерского раздела библиотеки; из них 150 руб. выделялись на содержание противомусульманского раздела фундаментального фонда и 50 руб. – фонда ученического¹⁹.

С 1912 г. при Оренбургском Архиерейском доме функционировала двухгодичная пастырско-миссионерская школа, куда ежегодно на обучение поступало 20 человек из числа всех сословий (клирики только Оренбургско-Тургайской епархии, миряне – только проживавшие в Оренбургской губернии и Тургайской области) «с добрым прошлым, удостоверенным их прямым начальством, церковные, безусловно трезвые и некурящие»²⁰. Выпускники школы, особенно те, кто проявил прилежание в изучении татарского и казахского языков, направлялись для работы в станы Киргизской миссии.

Диверсификация работы служащих Киргизской миссии была отражена в должностной инструкции, разработанной в 1897 г. Оренбургским комитетом Православного миссионерского общества. Первый параграф «Инструкции» обязывал миссионера «делать возможно частые разъезды со словом проповеди, посещая русские заимки и в одиночку разбросанные русские селения по киргизским степям и аулам... знакомя с истинами веры Христовой и пагубности и ложности мухамеданства». Пропаганду православия среди казахов миссионерам рекомендовалось проводить завуалировано, «не явно» и «при удобном случае», во время встреч на пути к русским поселкам. Таким образом, миссионерство среди коренного населения степи становилось второстепенным, основное внимание миссионеры концентрировали на православных жителях Уральской и Тургайской областей. В рамках «Инструкции» в течение года миссионер Киргизской миссии обязывался совершать не менее пяти поездок по степи и предоставлять в Оренбургский епархиальный комитет Православного миссионерского общества отчеты. Должностной обязанностью

¹⁷ К 10-летию Оренбургской духовной семинарии // Оренбургские епархиальные ведомости. 1894. № 19. С. 319.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Панов П. Миссионерское служение Оренбургской духовной семинарии: история и современность // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. 2019. № 6. С. 57.

²⁰ Условия приема в пастырско-миссионерскую школу при Оренбургском Архиерейском доме на 1914–15 учебный год // Оренбургские епархиальные ведомости. 1894. № 9. 15 сентября. С. 85–87.

служащих Киргизской миссии также являлась работа, связанная с развитием церковно-приходской и церковно-школьной системы в крае, с созданием различных общественно-религиозных организаций, обществ трезвости, вечерних классов для взрослых, приходских библиотек²¹.

Решение о создании Киргизской миссии с центром в г. Кустанай было принято Оренбургским епархиальным комитетом Православного миссионерского общества в 1893 г. Ее руководителем стал священник Одигитриевский, которого в 1895 г. на этой должности заменил священник Ф. Соколов.

Священники-миссионеры, разъезжая по киргизским аулам, проповедовали местным «инородцам» и «окиргизившимся» переселенцам Священную историю христианской церкви, объясняли символическое значение крестного знамения и разубеждали в истинности искаженного мусульманскими «учителями» представления о его происхождении. В своем общении с населением священники способствовали не только становлению или укреплению христианской веры, но и введению местных народов в правовое и образовательное пространство государства. В ответ на утверждения, «что достаточно знать только веру мусульманскую», миссионеры объясняли пользу от знания русского языка, «практическую пользу русского образования», убеждали в практической пользе знания «царских законов», которое «не позволит всяким плутам обманывать и пользоваться их собственностью» и поможет «правильно вести собственное хозяйство»²².

Общение с христианами-переселенцами заключалось не только в поддержании их православного духа, но и в том, что из их числа немало рекрутировалось тех, кто мог «потрудиться в простоте сердца своего на пользу христианства», как, например, «русские, живущие в киргизской степи, знающие киргизский язык и русско-православную грамоту», находящиеся в тесном общении с «инородцами»²³.

В своей практической деятельности служащие Киргизской миссии уделяли первоочередное внимание организации станов миссии, на территории которых новокрещенные казахи получали земельные наделы и таким образом, возможность перехода на оседлый образ жизни. Данное обстоятельство рассматривалось как важный шаг на пути русификации скотоводов.

Всего в Тургайской области было открыто три стана Киргизской миссии: в 1893 г. – в п. Макарьевский под г. Кустанаем²⁴, в 1897 г. – в п. Александровский Кустанайского уезда²⁵, в 1897 г. – в г. Актюбинске²⁶. В Уральской области с 1900 по 1908 гг. функционировал один Чиликтинский стан²⁷. В 1908 г. он вместе с Уральской областью был передан в распоряжение Самарской епархии.

Успешность религиозно-культурной ассимиляции новокрещенных казахов, оседавших в станах Киргизской миссии, должна была обеспечить специальная Комиссия, решение о создании которой Оренбургский епархиальный комитет Православного миссионерского общества принял в 1894 г. Четыре года Комиссия оказывала православным казахам материальную поддержку, субсидируя строительство стационарных жилищ, приобретение сельскохозяйственных орудий труда, продук-

²¹ ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 12. Л. 7–10.

²² К 10-летию Оренбургской духовной семинарии // Оренбургские епархиальные ведомости. 1894. № 20. С. 281.

²³ Соколов В. Православный миссионер в киргизских аулах Тургайской области // Оренбургские епархиальные ведомости. 1894. № 10. С. 237.

²⁴ Оренбургские епархиальные ведомости. 1907. № 43. 25 октября.

²⁵ ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 5. Л. 55–56 об.

²⁶ Там же. Д. 11 а. Л. 2.

²⁷ Там же. Д. 5. Л. 228 об.

тов питания и т.д.²⁸ В 1898 г. деятельность Комиссии была свернута из-за финансовых проблем, возникших у Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества.

Следует подчеркнуть, что организация работы станов Киргизской миссии в Уральской и Тургайской областях происходила в условиях массовой крестьянской миграции из европейских губерний России. Темпы роста православных жителей в регионе оказались значительно выше темпов формирования церковно-приходской системы и храмового строительства. В сложившейся ситуации миссионерские церкви, построенные в станах Киргизской миссии Оренбургской епархии, стали центром притяжения православных крестьян. Достаточно быстро они превратились в полиэтничные, а служащие миссии перешли к выполнению функций приходских священников.

Например, на невозможность проведения миссионерской пропаганды среди казахов из-за наплыва крестьян-переселенцев в конце XIX в. жаловался миссионер Макарьевского стана Оренбургской епархии Г. Крашенинников. В своем письме Оренбургской консистории он подчеркивал, что исполняет православные требы для жителей шести переселенческих поселков, а также контролирует деятельность нескольких церковно-приходских и миссионерских школ. Г. Крашенинников подчеркивал, что занят исключительно исполнением обязанностей приходского священника и не имеет возможности заведовать Макарьевским миссионерским станом. В своем ходатайстве он просил епархиальные власти назначить в стан дополнительно второй причт, однако, как свидетельствуют источники, его предложение не нашло поддержки²⁹.

Действительно, Оренбургский епархиальный комитет Православного миссионерского общества призывал миссионеров продолжать выполнять обязанности приходских священников. Его позиция основывалась на том, что удовлетворение религиозных нужд крестьян-переселенцев является составной частью их работы. За этой завесой крылась еще одна причина нерешительности епархиальных властей в изменении ситуации. Расширение штата Киргизской миссии было невозможно из-за финансовых проблем у Оренбургского комитета Православного миссионерского общества. Единственное, что он смог сделать – это рекомендовать привлекать на службу в Киргизскую миссию (без материального вознаграждения) священников из соседних приходов, расположенных в казахской степи вблизи ее станов. Они призывались оказывать помощь «соседам»-миссионерам, а именно проводить церковные службы, внебогослужебные беседы и чтения, распространять литературу миссионерского содержания среди казахов³⁰.

Вполне очевидно, что сложившаяся ситуация корректировала работу православных миссионеров, а в некоторых случаях делала ее фактически невозможной. В связи с этим деятельность Киргизской миссии никогда не оценивалась количественными показателями. В своих годовых отчетах миссионеры иногда вообще не указывали число крещений среди казахов. Из отрывочных данных мы можем констатировать, что в 1893 г. Миссии удалось обратить в православие 16 казахов, 1898 г. – 4, в 1901 г. – 21, в 1903 г. – 21, в 1906 г. – 2, в 1910 г. – 1, в 1915 г. – 7 казахов. Установить общее количество крещений за весь период существования Киргизской миссии Оренбургской епархии не представляется возможным. Но даже исходя из имеющихся данных можно утверждать, что, несмотря на все усилия миссионеров, не произошло массового перехода кочевников в лоно православия.

²⁸ ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 5. Л. 33–34 об.

²⁹ Там же. Л. 182 об. – 183 об.

³⁰ Там же. Д. 158. Л. 52.

Несколько противоречит выявленной тенденции в работе Киргизской миссии сообщение миссионера Макарьевского поселка в отчете за 1917 г. о том, что на его территории проживало около 250 новообращенных казахов. При этом он подчеркивал успешность процесса русификации среди них как в духовном, так и в материальном плане³¹. Получив земельный надел, новокрещенные прекращали вести кочевой образ жизни, оседали и начинали заниматься земледелием. Русификация проявлялась также в появлении у них стационарных домов, интерьер которых соответствовал русской традиции и включал в том числе божницу со святыми иконами³². Столь быстрая русификация объяснялась миссионерами совместным проживанием новокрещенных с русским населением и постоянными контактами между ними³³.

В целом, представляется, что даже если в пределах Макарьевского стана Киргизской миссии в 1917 г., действительно, проживало указанное количество новообращенных казахов, это не меняет общей картины. Анализ количественных показателей, общей ситуации, в которой пришлось работать миссионерам, позволяет сделать вывод о низкой эффективности православной пропаганды среди казахского населения Тургайской и Уральской областей. Косвенным свидетельством данного тезиса является и тот факт, что на рубеже XIX–XX вв. в уральской и тургайской степях происходил рост влияния ислама на повседневную жизнь казахоскотоподов. Усилия Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества, направленные на предотвращение исламизации региона, оказались напрасными.

Деятельность Киргизской миссии Оренбургской епархии по организации церковно-школьного образования

В соответствии с поставленными задачами важным направлением работы Киргизской миссии Оренбургской епархии стало создание системы миссионерского школьного образования. Целенаправленно при станах Миссии велось строительство помещений для школ, формировался штат учителей. Большое внимание Епархиальный комитет Православного миссионерского общества уделял привлечению к обучению в миссионерских школах казахских детей. Учитывая кочевой образ жизни их родителей, Комитет пошел по пути создания на собственные средства сети интернатов при миссионерских школах Киргизской миссии³⁴. Такая система позволяла учащимся постоянно находиться и проживать в школе, покидая ее пределы лишь на время каникул.

В школах Киргизской миссии использовалась четырехгодичная программа обучения, автором которой являлся профессор Казанского университета Н. Ильминский. Использование данной программы обосновывалось рядом причин. Во-первых, следует учитывать тот факт, что во второй половине XIX в. имперское правительство исходило из понимания того, что единства и стабильности в полинациональном и поликонфессиональном государстве можно добиться и сохранить при условии такой идеологии, основные идеи которой будут воспроизводиться в рамках унифицированной системы народного образования. Поэтому государство предпринимает ряд важных шагов по организации правовой основы функционирования такой системы. В 1864 г. издаются «Устав гимназий и прогимназий», «Положение о народных училищах», в которых оговаривается введение доступного образования путем создания как светских (земские школы и училища), так и церковных

³¹ ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 183 а. Л. 267 об.

³² Там же. Д. 153 а. Л. 11 об.

³³ Там же. Д. 183 а. Л. 269.

³⁴ Там же. Д. 11 а. Л. 4.

учебных заведений (церковно-приходские училища и школы), в которых могли обучаться дети разных сословий, национальной и религиозной принадлежности. Обучение в гимназиях было платным.

В целях решения проблемы расширения образовательного пространства для «инородцев» создается в 1866 г. Особый комитет по инородческому образованию при управлении Казанского учебного округа, который возглавил талантливый педагог, миссионер, знаток восточной культуры Н.И. Ильминский. Под его руководством были разработаны «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев», в основу которых легла знаменитая «система Ильминского».

«Правила» предусматривали совместное обучение русских детей и детей «инородцев» на русском языке, но при условии необходимых пояснений на национальном языке (татарском, казахском, башкирском), поэтому основным требованием к педагогическому составу таких учебных заведений было обязательное знание «инороднического» языка, чаще всего татарского или казахского.

Разработанная Н.И. Ильминским методика преподавания преследовала в том числе цель овладения учащимися навыков разговорной речи и письма на русском языке и их приобщения к русской православной культуре как культуре империиобразующей нации. Не удивительно поэтому, что служащие Киргизской миссии в процессе занятий уделяли большое внимание воспитанию учащихся «в духе православия и русской народности»³⁵. Это обусловило вторую причину обращения Русской православной церкви к опыту Н.И. Ильминского. Следует также подчеркнуть, что РПЦ в исследуемый период была одним из институтов, который находился в системе тесного взаимодействия с государством и через который имперская власть осуществляла свою внутреннюю политику. Поэтому в миссионерских школах РПЦ напрямую реализовывался принцип совместного обучения русских и казахских детей. Как отмечалось, при организации этих школ не существовало каких-либо ограничений по религиозному признаку³⁶.

Анализ ежегодных отчетов о деятельности Киргизской миссии позволяет выявить общее количество учащихся в ее миссионерских школах. Так, в 1899/1900 учебном году в Миссии обучалось 188 детей, в 1915/1916 учебном году – 150 детей. В одном классе занимались русские, казахи, мордва, чуваш³⁷.

Однако необходимо отметить, что формирование миссионерской школьной системы в Уральской и Тургайской областях в конце XIX – начале XX в. по времени совпало с трансформацией представлений правящей имперской элиты о ее месте и роли в реализации задачи империистроительства. В политической риторике официальных властей все чаще звучала мысль о том, что все религии России являются частью единой религиозной системы, призванной обеспечить этноконфессиональную стабильность в государстве.

Возможно, причиной этому был факт невысокой эффективности миссионерской деятельности Русской православной церкви среди мусульман империи, в том числе среди казахов. Поэтому дальнейшее просвещение инородцев России планировалось осуществлять без вмешательства в их «духовную и образовательную часть». Однако следует отметить, что основные направления образовательной политики государства все же были связаны с утверждением такой системы образования для нерусских народов, которая способна была активно интегрировать нерусское (в дан-

³⁵ ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 5. Л. 173.

³⁶ Оренбургские епархиальные ведомости. 1907. № 45–46. 15 ноября. С. 312.

³⁷ *Лысенко Ю.А.* Оренбургский епархиальный Комитет православного миссионерского общества: попытка организации миссионерства в крае // Известия Алтайского государственного университета. 2009. №4/2. С. 126–135.

ном случае казахское) население в социально-экономическое и политическое пространство империи.

Казахи, прошедшие обучение в начальных русско-казахских школах, имели возможность продолжить свое образование в учебных заведениях среднего уровня, получить административные должности в системе управления Казахской степи, стать учителями начальных школ и т.д. Таким образом, как пишет С.В. Любичанковский, «казахский народ получил... фундамент для развития прослойки людей не просто грамотных, но претендующих на статус интеллигенции»³⁸.

Удар по традиционной инородческой/мусульманской школе предлагалось нанести противопоставлением ей системы светского школьного образования, траектория развития которой и контроль за ее функционированием возлагались на Министерство народного просвещения. По мнению представителей российской политической элиты, в условиях конкуренции с «прогрессивной» государственной школой мусульманская «консервативная и реакционная» школа должна была утратить доверие у казахского населения³⁹, и постепенно ее роль должна быть все менее значимой в духовной жизни казахского общества.

Исходя из данного тезиса, в начале XX в. в казахской степи активизировался процесс открытия начальных школ грамоты и аульных школ, который по темпам и размерам государственных инвестиций значительно превышал темпы миссионерского школьного строительства. Так, например, к моменту создания автономной Оренбургской губернии в 1865 г. на ее территории функционировали 3 средних, 5 неполных средних учебных заведений и 161 начальная школа с общей численностью учащихся 6,5 тыс. человек. К 1911 г. их численность возросла и насчитывала 16 средних, 9 неполных средних учебных заведений, 1416 начальных школ. При этом количество школьников возросло до 100 тыс. человек. Как отмечали учителя миссионерских школ Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества, народные школы грамоты и начальные школы Министерства народного просвещения были более популярны у казахского и русского населения Уральской и Тургайской областей. Привлекательность им придавал более длительный курс обучения, а также дополнительные курсы, по окончании которых выпускники школ имели возможность продолжать образование в средне-специальных учебных заведениях. Значительную роль при выборе учебного заведения играл и конфессиональный фактор. Миссионерские школы на религиозно-ментальном уровне вызывали отторжение у мусульманского казахского населения, в том числе из-за опасения, что детей будут насильственно обращать в православие.

Киргизская миссия Оренбургской епархии в годы революционных потрясений в России

Политический и социальный кризисы в России в начале XX в., приведшие к Первой русской революции, крайне отрицательно отразились на работе Киргизской антиисламской миссии Оренбургской епархии. Следствием данных событий стало фактическое прекращение финансирования Миссии. Это повлекло за собой закрытие в 1906 г. Александровского стана и ограничение работы Киргизской миссии в пределах сохранившихся двух станов – Макарьевского и Актюбинского. Вторым не менее важным следствием политического кризиса в стране стал отток новокрещенных из станов миссии и фактическое прекращение обращений в православие казах-

³⁸ Любичанковский С.В. Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX – начало XX в.). Оренбург, 2018. С. 209.

³⁹ Батунский М.А. Россия и ислам. М., 2003. С. 404–406.

ского населения. Это было связано, безусловно, с набиравшей темпы консолидацией мусульман России в годы революции и интеграцией в данный процесс казахов.

Последовавшая стабилизация общественно-политической ситуации в стране после 1907 г. давала Оренбургским епархиальным властям надежду на возрождение миссионерской деятельности. В этот период Епархиальный комитет Православного миссионерского общества и Киргизская миссия прилагали значительные усилия, направленные на совершенствование работы и улучшение религиозной пропаганды среди казахского населения и новокрещеных, стремились к поиску новых и стабильных источников финансирования т.д. Сотрудники миссии организовывали переводы и издание православной литературы на казахский язык, привлекали местное население к работе в миссии⁴⁰. Для решения кадровой проблемы рассматривалась возможность создания в Оренбургской епархии миссионерского института, в программу которого предлагалось включить дисциплины, направленные в том числе на формирование у слушателей навыков ведения православной пропаганды среди мусульман⁴¹. Однако все предпринимаемые Оренбургским комитетом меры носили превентивный характер и, конечно, не могли реанимировать православие в казахской степи в полном объеме. Предложенный им комплекс мероприятий так и не был реализован.

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война объективно создавала дополнительные трудности в работе Киргизской миссии Оренбургской епархии. На общем фоне экономического кризиса резко сократилось финансирование миссионерских структур со стороны Синода и Православного миссионерского общества. В новых условиях руководство Киргизской миссии было вынуждено начать сокращение штата, закрывать миссионерские школы и интернаты. Миссионерам перестали выплачивать жалование, и их работа на поприще православного миссионерства приобрела формальный характер. После Октябрьской революции 1917 г. деятельность Киргизской миссии Оренбургской епархии полностью прекратилась.

Выводы

Анализируя итоги деятельности Киргизской православной миссии в Уральской и Тургайской областях Оренбургского края, отметим, что нельзя оценивать ее результаты однозначно. Безусловно, в свете реализации интеграционных устремлений Российской империи и активного включения в орбиту ее интересов данного этнорегиона деятельность Миссии была направлена на закрепление позиций государства и Русской православной церкви в его культурно-религиозном пространстве.

С данной точки зрения работа миссионеров сводилась не только к проповеди православного учения, но и к привлечению широких слоев населения Оренбургского края к миссионерской деятельности посредством организации кружков, курсов, отделений Всероссийского православного миссионерского общества. Кроме этого, в широком смысле слова миссионерством можно назвать церковно-приходское и церковно-школьное строительство Киргизской миссии, способствовавшее закреплению религиозно-нравственных начал русского православного населения. Благодаря этому духовным властям региона удалось пресечь массовый переход русских крестьян-переселенцев в раскол, сектантство и ислам, добиться успешной адаптации институтов Русской православной церкви в культурно-религиозном пространстве и избежать конфронтации с другими религиозными системами.

В узком смысле православное миссионерство в казахской степи имело менее значимые результаты. Оренбургским епархиальным властям удалось создать целую

⁴⁰ Оренбургские епархиальные ведомости. 1907. № 43. 25 октября. С. 282.

⁴¹ ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 183 а. Л. 271 об. – 272 об.

сеть миссионерских структур антиисламской направленности, решить языковую проблему и организовать переводческую деятельность христианской литературы на казахский язык. Однако снизить масштабы влияния ислама на казахское общество миссионерам не удалось. На протяжении всего периода функционирования Киргизской миссии происходил неизменный рост влияния ислама на все сферы жизнедеятельности казахского общества, формировалась социальная группа казахских мулл, увеличивалась численность мусульманских культовых и религиозно-образовательных учреждений. Обыденным стало паломничество казахов к исламским центрам Российской империи и Турции.

Причины низкой эффективности православного миссионерства в Оренбургском крае, на наш взгляд, кроются в целой совокупности проблем. Среди них: этнопсихологические особенности казахского населения, детерминированные хозяйственно-культурным типом и отрицающие возможность восприятия ими христианских догм; наличие в регионе хорошо финансировавшегося исламского миссионерства; слабое развитие системы церковно-приходских школ, недостаточное финансирование миссионерства РПЦ со стороны государства и т.д. Представляется, что указанные проблемы носили объективный характер и предопределили низкую эффективность работы Киргизской миссии.

Рукопись поступила: 25 февраля 2020 г.

Submitted: 25 February 2020.

Библиографический список

- Батунский М.А.* Россия и ислам. М.: Прогресс-традиция, 2003. 600 с.
- Дамешек Л.М.* Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.). Иркутск: Иркутский университет, 1986. 164 с.
- Есикова Е.М.* Николай Сейфуллин – священник-миссионер Оренбургской епархии рубежа XIX–XX вв. // Макарьевские чтения. Горно-Алтайск: Издательство Горно-Алтайского университета, 2006. С. 46–54.
- Есикова Е.М.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви среди нехристианского населения Оренбургской епархии: 1859–1917 гг. Челябинск: Челябинский университет, 2010. 23 с.
- Зырянов П.Н.* Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М.: Наука, 1984. 224 с.
- Ильминский Н.И.* О системе просвещения инородцев и о Казанской Центральной крещено-татарской школе. Казань: П.В. Щетинкин, 1913. 135 с.
- Клибанов А.И.* История религиозного сектантства в России (60-е гг. XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1965. 348 с.
- Красников Н.П.* Социально-этические воззрения русского православия в XX веке. Киев: Выща школа, 1988. 177 с.
- Лебедев Е.Е.* Единоверие в противодействии русскому обрядовому расколу. Новгород: Типография Селиванова, 1904. 28 с.
- Любичанковский С.В.* Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX – начало XX в.). Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2018. 236 с.
- Лысенко Ю.А.* Оренбургский епархиальный Комитет православного миссионерского общества: попытка организации миссионерства в крае // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4/2. С. 126–135.
- Лысенко Ю.А.* Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул: Азбука, 2010. 188 с.
- Миронов Б.Н.* Историческая социология истории. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2009. 536 с.
- Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное Обозрение, 2010. 248 с.

- Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск: Наука, 1975. 308 с.
- Никольский Н.М. История русской церкви. М. – Л.: ОГИЗ, 1931. 465 с.
- Панов П. Миссионерское служение Оренбургской духовной семинарии: история и современность // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. 2019. № 6. С. 53–58.
- Прозич Т. Культурная гегемония, религия и Русская революция 1917 года // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1–2. С. 622–642.
- Соколов В. Православный миссионер в киргизских аулах Тургайской области // Оренбургские епархиальные ведомости. 1894. № 10. С. 227–251.
- Софронов Ю.В. Три века сибирского миссионерства. Тобольск: ГОУ ВПО «Тобольского государственного педагогического института им. Д. И. Менделеева», 2005. 287 с.
- Чернавский Н.М. История Оренбургской епархии в прошлом ее и настоящем. Оренбург: Типография Оренбургской духовной консистории, 1904. 346 с.
- Шорохов Л.П. Церковь в Сибири в конце XVI–XVIII вв. Новосибирск: Новосибирский университет, 1971. 21 с.

References

- Batunskiy, M.A. *Rossiya i islam*. Moscow: Progress-traditsiya Publ., 2003 (in Russian).
- Chernavskiy, N.M. *Istoriya Orenburgskoy yeparkhii v proshlom yeye i nastoyashchem*. Orenburg: Tipografiya Orenburgskoy dukhovnoy konsistorii Publ., 1904 (in Russian).
- Dameshek, L.M. *Vnutrennyaya politika tsarizma i narody Sibiri (XIX – nachalo XX v.)*. Irkutsk: Reprotsentr Publ., 1986 (in Russian).
- Il'minskiy, N.I. *O sisteme prosveshcheniya inorodtsev i o Kazanskoy Tsentral'noy kreshcheno-tatarskoy shkole*. Kazan: P.V. Shchetinkin Publ., 1913 (in Russian).
- Klibanov, A.I. *Istoriya religioznogo sektantstva v Rossii (60-ye gg. XIX – nachalo XX v.)*. Moscow: Nauka Publ., 1965 (in Russian).
- Krasnikov, N.P. *Sotsial'no-eticheskiye vozzreniya russkogo pravoslaviya v XX veke*. Kiyev: Vyscha shkola Publ., 1988 (in Russian).
- Lebedev, Ye.Ye. *Yedinoveriye v protivodeystvii russkomu obryadovomu raskolu*. Novgorod: Tipografiya Selivanova Publ., 1904 (in Russian).
- Lyubichankovskiy, S.V. *Politika akkul'turatsii sredstvami prosveshcheniya islamskikh poddannyykh Rossiyskoy imperii: istoricheskiy opyt Orenburgskogo kraya (seredina XIX – nachalo XX v.)*. Orenburg: Izdatel'skiy tsentr OGAU Publ., 2018 (in Russian).
- Lysenko, Yu.A. “Orenburg Diocesan Committee of the Orthodox Missionary Society: an attempt to organize missionary work in the region.” *Izvestiya of Altai State University*, no. 4/2 (2009): 126–135 (in Russian).
- Lysenko, Yu.A. *Missionerstvo Russkoy pravoslavnoy tserkvi v Kazakhstane (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)*. Barnaul: Azbuka Publ., 2010 (in Russian).
- Mironov, B.N. *Istoricheskaya sotsiologiya istorii*. St. Petersburg: Izdatel'skiy dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2009 (in Russian).
- Miller, A.I. *Imperiya Romanovykh i natsionalizm. Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya*. Moscow: Novoye literaturnoye Obozreniye Publ., 2010 (in Russian).
- Minenko, N.A. *Severo-Zapadnaya Sibir' v XVIII – pervoy polovine XIX v.* Novosibirsk: Nauka Publ., 1975 (in Russian).
- Nikol'skiy, N.M. *Istoriya russkoy tserkvi*. Moscow–Leningrad: OGIZ Publ., 1931 (in Russian).
- Panov, P. “Missionary Service of the Orenburg Theological Seminary: History and Modernity.” *Collection of works of the Yakut Theological Seminary*, no. 6 (2019): 53–58 (in Russian).
- Prozich, T. “Cultural Hegemony, Religion and the 1917 Russian Revolution.” *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, no. 1–2 (2019): 622–642 (in Russian).
- Sokolov, V. “Pravoslavnyy missioner v kirgizskikh aulakh Turgayской области.” *Orenburgskiyе yeparkhial'nyye vedomosti*, no. 10 (1894): 227–251 (in Russian).
- Shorokhov, L.P. *Tserkov' v Sibiri v kontse XVI–XVIII vv.* Novosibirsk: Novosibirskiy universitet Publ., 1971 (in Russian).
- Sofronov, Yu.V. *Tri veka sibirskogo missionerstva*. Tobol'sk: GOU VPO «Tobol'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. D. I. Mendeleyeva» Publ., 2005 (in Russian).
- Yesikova, Ye.M. “Nikolay Seyfullin – svyashchennik-missioner Orenburgskoy yeparkhii rubezha XIX–XX vv.” In *Makar'yevskiyе chteniya*, 46–54. Gorno-Altaysk: Izdatel'stvo Gorno-Altayskogo universiteta Publ., 2006 (in Russian).

Yesikova, Ye.M. *Missionerskaya deyatel'nost' Russkoy pravoslavnoy tserkvi sredi nekhristianskogo naseleniya Orenburgskoy yeparkhii: 1859–1917 gg.* Chelyabinsk: Chelyabinskiy universitet Publ., 2010 (in Russian).

Zyryanov, P.N. *Pravoslavnaya tserkov' v bor'be s revolyutsiyey 1905–1907 gg.* Moscow: Nauka Publ., 1984 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Лысенко Юлия Александровна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры востоковедения Алтайского государственного университета

Yuliya A. Lysenko, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Associate Professor, Professor of the Department of Oriental Studies, Altai State University.

Ефименко Марина Николаевна, доктор философских наук, профессор кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета.

Marina N. Efimenko, Doktor Filosofskikh Nauk [Dr. habil. Phil.], Professor of the Department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-810-823>

Научная статья / Research article

German Colonists in the Migration Policy of the Russian Autocracy (Analysis of the Laws of the Russian Empire)

Olga V. Erokhina^a, Olga A. Litzenberger^b

^aMoscow Pedagogical State University; 88, Vernadskogo Av., Moscow, 119571, Russia;
ov.erokhina@mpgu.su

^bBavarian Cultural Centre for Germans from Russia;
20a, Sand str., Nuremberg, 90443, Germany; litzenbergerolga@gmail.com

Abstract: The article traces the policy of resettlement of German nationals from German states to the southern outskirts of the Russian empire based on the analysis of legislative material. To analyze the laws of the Russian Empire, the authors use historical-comparative and historical-systemic methods. Analysis. Mostly farmers were invited to Russia. They were to contribute to the transfer of improved European agricultural practices to the Russian peasantry. However, the Russian authorities could not predict the possible consequences of inviting foreigners. Therefore, there was no clear mechanism for organizing and regulating this process. Immigrants were offered significant benefits and privileges, so they agreed to move. Over time, the overpopulation of the colonies due to the high birth rate and lack of land contributed to the beginning of migration movements of the Germans in the second quarter of the XIX century in various regions of Russia from the mother colonies. The geography of the colonists began to expand as new laws were passed that eventually regulated their way of life. They created new colonies in the image of their mothers in the Caucasus and the Don, Siberia and Central Asia. The loss of benefits and privileges led not only to an increase in migration processes among them, but also forced them to emigrate to America and even return to Germany.

Keywords: immigration, emigration, German colonist, resettlement policy, migration, Russian Empire

For citation: Erokhina, Olga V., and Litzenberger, Olga A. “German Colonists in the Migration Policy of the Russian Autocracy (Analysis of the Laws of the Russian Empire).” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 4 (November 2020): 810–823. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-810-823>

Немецкие колонисты в миграционной политике российского самодержавия (анализ законов Российской империи)

О.В. Ерохина^a, О.А. Лиценбергер^b

^aМосковский педагогический государственный университет; 119571, Россия, Москва,
Проспект Вернадского, д. 88; ov.erokhina@mpgu.su

^bБаварский центр культуры немцев из России; 90443, Германия, Нюрнберг;
litzenbergerolga@gmail.com

Аннотация: На основе анализа законодательно-актового материала прослеживается проведение политики переселения немецких подданных из германских государств на южные окраины Российской империи. Авторами в качестве основных методов используются историко-сравнительный и историко-системный. Следует отметить, что в Россию приглашались в основном земледельцы. С их помощью власти собирались не только защищать земли от набегов кочевых племен, но и надеялись осваивать пустующие территории. Кроме того, переселенцы должны были способствовать передаче российскому крестьянству улучшенного европейского опыта ведения сельскохозяйственных

© Erokhina O.V., Litzenberger O.A., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

работ. Однако российские власти не могли спрогнозировать возможных последствий приглашения иностранцев и такого количества желающих поселиться в России. Поэтому не было продумано четкого механизма организации и регулирования этого процесса. Чтобы немецкие подданные согласились переезжать, им предлагались значительные льготы и привилегии для обустройства на месте. Со временем удалось урегулировать многие противоречия и конфликты во взаимоотношениях местных властей и переселенцев. В конечном итоге перенаселенность колоний вследствие высокой рождаемости и нехватка земель способствовали началу миграционных движений немцев во второй четверти XIX. в различные регионы России из материнских колоний. Бывали случаи, когда они самовольно покидали места приписки в поисках свободных земель и лучшей доли. Со временем география расселения колонистов будет постоянно расширяться по мере принятия новых законов, регулировавших их образ жизни. Они создавали новые колонии по образу материнских колоний на Кавказе и Дону, в Сибири и Средней Азии. Потеря льгот и привилегий приводила не только к усилению миграционных процессов в их среде, но и вынуждала их эмигрировать в Америку и даже возвращаться в Германию.

Ключевые слова: иммиграция, эмиграция, немецкий колонист, переселенческая политика, миграция, Российская империя

Для цитирования: Ерохина О.В., Лиценбергер О.А. Немецкие колонисты в миграционной политике российского самодержавия (анализ законов Российской империи) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2020. Т. 19. № 4. С. 810–823. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-810-823>

Introduction

People have always migrated. Regardless of when or where, people have moved vast distances in search of safety or prosperity. The phenomenon certainly played an essential role in the emergence, formation, and development of ethnic German communities in Russia. Furthermore, once having arrived, they did not necessarily stay put and their continuous resettlement has given them a unique place in the Russian mentality as a “Volk auf dem Weg” (People on the Move). Their history is key to understanding the current resettlement profile of both Germans and other ethnic groups in Russia today.

To analyze the changes that took place in the migration policies the Russian state adopted for German colonists, as well as to appreciate their interconnection and interdependence, the authors reviewed the relevant legislation using the historical-comparative and historical-systemic methods. Their primary sources include laws beginning with the colonists' invitation to Russia in the middle of the 18th century to the late 19th, which are published in the Complete Collection of Laws of the Russian Empire (*Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*, or PSZ RI).

Legislative acts aimed at organizing foreign colonies in the Russian Empire

Until the early 18th century, Russian rulers strove to develop their vast Ural and Siberian lands, which they primarily carried out by colonization. However, few of their subjects were available because so many were tied to estates in European Russia by serfdom.

From the second half of the 18th century, Russia needed to develop great expanses in the south and southeast of the country that had recently been incorporated into the empire. The reign of Elizabeth Petrovna already witnessed the settlement of Serbian colonists on the Dnieper's River's eastern bank, and this served as a basis for further wide-scale invitations to foreigners to settle in Russia¹. Catherine II likewise understood this, noting, “It is a vain hope that we cherish to see help from the children who can be born in future in order to revive our Power, lacking inhabitants. We should abandon this hope as people who live in their deserts have neither inspiration, not diligence...”²

¹ М.К. Lyubavskiy, *Obzor istorii russkoy kolonizatsii* (Moscow: Moskovskiy universitet Publ., 1996), 280.

² *Orden imperatritsy Yekateriny II, vruchennyy Komissii po sostavu proyekta novogo Kodeksa* (St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1907), 181.

But where were people be found to settle the empire's southern frontier? Count P.I. Panin suggested inviting foreigners to these empty lands "by granting them plots of land with the rights of owners and free entrepreneurs."³ The preference for Germans was not arbitrary. By the 1760s, "In the German land, many craftsmen were in the desperate financial situation, lost their homes ... Others have been so impoverished that they have been forced to seek food, shelter and support in nearby towns..."⁴ Historians also point out other reasons, such as avoiding conscription, oppression, and religious prosecution.⁵

On July 22, 1763, Catherine II called for foreigners to move to Russia and granted them substantial benefits, including freedom of religion and permission to build churches; exemption from taxes and duties from 5 to 30 years, depending on the place of settlement, as well as from obligatory military and civil service; ten-year interest-free loans; and duty-free import of goods worth up to 300 rubles.⁶

The colonists were initially accommodated at temporary collection centers outside St. Petersburg where they could learn more about Russian laws and traditions and pledge allegiance to the Russian throne. At the same time, officials carried out discussions and interviews to obtain their consent to settle down in the areas specified in the Register (mainly on the Volga), thereby violating earlier promises to let immigrants freely choose where they could settle, including the capital.

Many European countries fiercely opposed the recruitment of potential colonists by Russian missions. Bavaria, Prussia, Pfalz, Saxony, Sweden, and others expressly banned the publication of the manifesto in their countries. The Austrian Empire, which also actively encouraged immigration, imposed sentences of five years in prison and penal labor for violators. However, private recruiters, or *vyzyvateli*, generally ignored such official prohibitions. Their greed for profit – the recruiters were paid a for each new colonist – and the absence of proper controls, not to mention an often poorly organized resettlement process, resulted in many abuses and breaches, ranging from forging witness signatures to diverting the money allocated for colonist transportation to the pockets of the *vyzyvateli*.⁷

In the Volga region, the authorities planned to settle the colonists in districts (*okrug*) based on their confession to avoid "any kind of hostility and hatred that tends to

³ V.G. Chebotareva, "Nemetskie kolonii v real'noy situatsii krepostnicheskoy Rossii: politika paternalizma po otnosheniyu k nemetskim krest'yanam," in *Nemtsy Rossii: evolyutsiya istoricheskogo puti (1762 g. – XX v.)* (Moscow: Mezhdunarodnyy Soyuz obshchestvennykh ob'yedineniy nemtsev, Obshchestvennaya akademiya nauk rossiyskikh nemtsev Publ., 2012), 14.

⁴ "Mneniye senatora A.B. Buturlina ob organizatsii priyema inostrannykh kolonistov v Rossii," in *Nemtsy kolonisty v Vek Yekateriny* (Moscow: Drevlekhranilishche Publ., 2004), 166–167.

⁵ N.E. Vashkau, *Shkola v nemetskiykh koloniyakh Povolzh'ya. 1764–1917* (Volgograd: Volgogradskiy Gosudarstvennyy universitet Publ., 1998); L.V. Malinovskiy, *Istoriya nemtsev v Rossii* (Barnaul: BGPU, 1995); N.V. Venger, *Mennonitskoye predprinimatel'stvo v usloviyakh modernizatsii yuga Rossii: mezhdru kongregatsiyey, klanom i rossiyskim obshchestvom (1789–1920)* (Dnepropetrovsk: Dnepropetrovskiy natsional'nyy universitet Publ., 2009); T.N. Chernova-Doke, *Nemetskiye poseleniya na periferii Rossiyskoy imperii: Kavkaz: vzglyad skvoz' stoletiya (1818–1917). (K 190-letiyu osnovaniya nemetskiykh koloniy)* (Moscow: Mezhdunarodnyy soyuz nemetskoy kul'tury Publ., 2008); A. Bosch, *Dr. Geschichte in Gedichten und Prosa. Auswanderung aus Franken an die Wolga* (Nürnberg: [S.n.], 2016); O. von Luchterhandt, A. Eisfeld, *Die Russlanddeutschen in den Migrationsprozessen zwischen den GUS-Staaten und Deutschland* (Göttingen: Göttinger Arbeitskreis, 2008); O. Larina, V. Shaidurov, "European diasporas in Russia of the late 18th and early 19th centuries: National and regional formation features (as illustrated in the case of Jews, Germans and Poles)," *Mediterranean Journal of Social Sciences* 6, no. 5 (2015): 460–466.

⁶ "O dozvoleni vsem inostrantsam, v Rossiyu v'yezhzhayushchim, poselyat'sya v kotorykh Guberniyakh oni pozhelayut i o darovannykh im pravakh № 11.880," in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Collection 1. Vol. 16 (St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy E. I. V. Kantselyarii Press., 1830), 313–316.

⁷ W. Funk, "Deutsche als russische Kolonisten," in *Blätter für fränkische Familienkunde* (Nürnberg: [S.n.], 1929), 102.

arise between people of different faiths due to the excessive religious zeal.”⁸ But this proved impossible to carry out in practice. Nevertheless, over time the colonies managed to form religiously homogeneous communities.⁹

Another problem was the number of additional colonists the Russian government was prepared to accept, based on the mistaken idea of handing over the subsequent arrangement of foreign settlements to the *vyzyvateli*. As a result, the inflow of colonists exceeded all expectations. When they invited foreigners to Russia, officials failed to predict that their numbers would rise dramatically from year to year. As a consequence, they were no longer able to cope with the ever growing influx of immigrants, and in 1766 had to announce a temporary ban “until all the colonists who had come so far received homes, implements, tools, livestock and all other items required for their needs, and until they actually started working to have their own daily bread.”¹⁰ However, in the context of rising international tensions and despite Russia’s official announcement of the halt in immigration, many private recruiters continued their work for another six months.

In considering the development of her state, Catherine II wrote that with their “works, activities, trades, handicraft factories and manufactories, the colonists can bring equal benefits to the vast... Empire in the short term.”¹¹ The colonists were provided with 30 *dessiatin* (1 *dessiatin* = 2.7 acres) of land to cultivate.¹² Despite the fact that the government’s main reason for its resettlement policy was to develop Russia’s steppe frontier, some 10 to 20 percent of those the *vyzyvateli* had recruited did not know how to farm.¹³

Furthermore, upon arrival the colonists faced many problems, such as inadequate plots, poor soil, not knowing how to farm in a new climate, and the lack of proper accommodations. For example, in 1769 only 4,560 houses were ready for the 6,433 families in the first group to arrive in the Volga region, and four years later 5,963 houses had been built for 6,175 families.¹⁴ The next group of new colonists included Mennonites, who were granted the same rights and privileges as the Volga colonists, but received more than double the land per family as the earlier immigrants: 65 *dessiatin* of usable land and another 65 *dessiatin* that were unsuitable for farming.¹⁵ At the beginning of 1789, 228 families arrived and settled in Ekaterinoslav Province, followed by another 118 in 1793–1796.¹⁶

Alexander I followed his grandmother’s colonization policy. He issued more than 15 decrees and resolutions regarding both newly arrived and established colonists and their allotments. Invited to emigrate to his empire, Mennonites and those of other confessions were offered new homesteads in the Novorossiisk Krai. At the same time, officials were obligated to ensure that “these people knew no want for anything and that, contrary to

⁸ “Vysochayshe utverzhdenny doklad Pravitel'stvuyushchego Senata o razmezhevani zemel', otvedennykh dlya poseleniya inostrannykh kolonistov, s prilozheniyem donosheniya prezidenta kantselyarii opekunstva inostrannykh grafa G.G. Orlova № 12.095,” in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*, 654.

⁹ O. Litzenberger, *Deutsche evangelische Siedlungen an der Wolga* (Nürnberg: [S.n.], 2013); *Ibid.*

¹⁰ “Vysochayshe Utverzhdennoye ob'yavleniye zhelayushchim vykhodit' v Rossiyu na poseleniye inostrantsam № 12.793,” in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Vol. 17, 1067.

¹¹ G.G. Pisarevskiy, *Izbrannyye proizvedeniya po istorii inostrannoy kolonizatsii v Rossii* (Moscow: MSNK Publ., 2011), 164.

¹² “O razmezhevani zemel', naznachennykh dlya poseleniya v"yezzhayushchikh inostrantsev № 12.095,” in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Vol. 16, 650.

¹³ *Einwanderung in das Wolgagebiet: 1764–1767* (Göttingen: Göttinger Arbeitskreis, 1999, 2001, 2005, 2008).

¹⁴ Yu.S. Gal'perina, “Economic development of the German colonies on the Volga in the second half of XVII – the first half of the XX century,” *Saratov University Bulletin. History. International relationships* 14, no. 3 (2014): 99.

¹⁵ G.G. Pisarevskiy, *Izbrannyye proizvedeniya po istorii inostrannoy kolonizatsii v Rossii* (Moscow: MSNK Publ., 2011), 164.

¹⁶ A. Klaus, *Nashi kolonii. Opyty i materialy po istorii i statistiki inostrannoy kolonizatsii v Rossii* (St. Petersburg: tip. V.V. Nusval'ta Publ., 1869), 117.

expectations, they were not left in destitution as was the case with the colonists earlier brought to Russia.”¹⁷

Minister of the Interior V.P. Kochubei introduced some amendments to the government’s resettlement policy. He pointed out that the existing practice encouraged the immigration of “bad farmers,” including unwanted artisans, senile and weak people and, making matters worse, very poor ones. Therefore, the minister argued that it would be more expedient to invite “good and well-to-do farmers,” who wielded “all the best agricultural knowledge.”¹⁸ For this reason, at the request of the City of Taganrog’s governor, B.B. Campenhausen, L. von Trefurto sent artisans from Danzig to his city in 1808.¹⁹

Kochubei’s changes also limited the number of new immigrants to 150 families every year, and they were expected to bring along starting capital or goods worth at least 300 guilders. Each household was allotted a 65 dessiatin land plot and 300 rubles to build a house and start work. He also ensured that earlier colonists enjoyed the same benefits.²⁰ For the first time the government invited farmers as well as artisans useful for rural life, such as tailors, shoemakers, carpenters, blacksmiths, potters, tinkers, weavers and stonemasons.

On March 1, 1804, a decree was issued allowing colonists to buy land in the Novorossiisk Krai. This benefitted Mennonites who left Prussia for religious reasons. L. von Trefurto, the Russian Consul in Danzig, reported that more than 300 families applied for permission to resettle. He added that most of them were financially secure and brought livestock of good breed with them. According to the estimates of the Ministry of State Property, colonists imported 450,000 rubles in silver to Russia between 1804 and 1806.²¹

In 1810, the committee charged with finding savings in state spending advised Alexander I that paying for the colonists’ transportation and household arrangements was a major drain on the treasury. It cost more than 5,000 rubles to resettle one colonist family, while this amount was enough to resettle about 50 Russian peasants.²² On February 25, 1810 these findings were followed by the decree “On discontinuing loans to colonists.” Offering no money for resettlement, the government promised to protect those who immigrated to Russia at their own expense and guaranteed them lands and privileges. In August 1819, the authorities announced they cancelled the policy of inviting foreigners to Russia.²³ That October, Russian diplomatic missions received orders banning the issue of passports to foreigners,²⁴ which led to a decline in immigration but failed to stop it entirely.²⁵

The last decree on mass immigration of Mennonites to the Russian Empire was published in 1859,²⁶ which entirely eliminated any incentives to settle in Russia. According

¹⁷ *Pis'ma gertsoga Armana Emmanuila de Rishel'ye Samuila Khristianovichu Konteniusu 1803–1814 gg.: s prilozheniyem dokumentov* (Odessa: TES Publ., 1999), 205–206.

¹⁸ “O pravilakh dlya prinyatiya i vodvoreniya inostrannykh kolonistov № 21.163,” in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Vol. 28, 137–140.

¹⁹ O.V. Erokhina, *Nemetskiye kolonii Oblasti Voyska Donskogo (vtoraya polovina XIX v. – fevral' 1917 g.)* (Volgograd: Volgogradskoye nauchnoye izdatel'stvo Publ., 2009), 47–48.

²⁰ *Ibid.*, 137.

²¹ “History and statistics of colonies of foreign settlers in Russia,” *Journal of the Ministry of state property*, no. 10 (1854): 15.

²² “O prekrashchenii vydachi denezhnoy ssudy kolonistam № 24131,” in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Vol. 31, 69.

²³ “O presechenii dal'neyshego pereseleniya v Rossiyu inostrannykh vykhodtsev № 27912,” in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Vol. 31, 325.

²⁴ “O zapreshchenii Rossiyskim missiyam davat' pasporty pereselyayushchimsya v Rossiyu i v Tsarstvo Pol'skoye inostrantsam № 27.954,” in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Collection 2. Partition 1. Vol. 31 (St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy E. I. V. Kantselyarii Press., 1857), 362.

²⁵ J. Stach, *Die deutschen Kolonisten in Süd-Russland* (Prischib: [S.n.], 1904), 23.

²⁶ “O poselenii Prusskikh mennonistov na Samarsko-Stavropol'skikh zemlyakh № 34077a,” in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Collection 2. Partition 1. Vol. 34 (St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy E. I. V. Kantselyarii Press., 1861), 494–497.

to A.A. Verigin's statistics on Germans immigration, more than 130 colonies were founded between 1764 and 1800. The number more than doubled to 272 over the next 50 years, and about 150 more from 1850 to 1864.²⁷ By 1917, there were 2,068 German settlements and resettlements²⁸ in the empire.²⁹

Internal migration processes of the second half of the XIX – early XX century

The rising number of colonies in Russia after 1850 was no longer due to Germans arriving from their fatherland. Instead, it was attributable to migration among Germans to other provinces, which occurred much earlier than the government's efforts to encourage peasant resettlement within Russia. K.E. Lindeman noted, "As the population in the colonies multiplied, the land plots allocated to them became smaller and less sufficient, which led to a need to expand these original plots. The government accordingly settled recent arrivals in recently established colonies and allotted them new plots on the same favorable terms as for the original colonies."³⁰

Catherine II decreed the first law to encourage internal migration on August 17, 1793. She allowed 270 colonists from the Petersburg colonies to move to Ekaterinoslav Province and permitted them to sell "houses and other buildings... that they cannot take with them... for their own benefit."³¹ On April 6, 1800, Paul I approved a Senate report stating that, of 314 Mennonite families in Khortitsa, 150 had been resettled to another plot of fertile land the treasury had bought.³²

Such internal migration was due to overpopulation in the original colonies and the resulting land hunger, as well nomadic raids from the steppe. Birth rates among the German colonists grew rapidly. By the middle of the 19th century they averaged 2.43% every year in the Lower Volga region – the highest in the empire – reaching 7.1% and 6.3% per annum in the Kamyshin and Novouzenskii Uezds, respectively. This resulted in smaller plots per person. If there were 20 dessiatin per male in Samara Province in 1795, their area declined to 15 dessiatin in 1833 and 6.5 dessiatin in 1858.³³ The situation was similar in many other German colonies.

Beginning in the 1830s, these scarcities gradually increased migration within Russia. Colonists moved to neighboring plots or to those in other provinces, which they bought at their own expense, sometimes with financial support from the government. The first to do so were colonists in Chernigov Province who decided to resettle in Ekaterinoslav Province because of the land shortage. The authorities provided them with 60 dessia-

²⁷ A.A. Velitsyn, *Nemtsy v Rossii. Ocherki istoricheskogo razvitiya i nastoyashchego polozheniya nemetskikh koloniy na yuge i vostoke Rossii* (St. Petersburg: Russkiy vestnik Publ., 1893), 51–54.

²⁸ A "mother" colony is a settlement founded by migrants who came to Russia from European countries; a "daughter" colony is a settlement founded after part of the "mother" colony population resettled in another region or on neighboring lands separated from the original ones.

²⁹ K.E. Lindeman, *Prekrashcheniye zemlevladieniya i zemlepol'zovaniya poselyan-sobstvennikov. Ukazy 2 i 13 dekabrya 1915 g. i 10, 15 iyulya i 19 avgusta 1916 g. i ikh vliyaniye na ekonomicheskoye sostoyaniye yuzhnoy Rossii* (Moscow: K.L. Men'shov Press., 1917), 131.

³⁰ *Ibid.*, 127.

³¹ "O pereselenii 270 dush kolonistov iz Yamburgskogo uyezda v Yekaterinoslavskuyu Guberniyu; o pribavke pashennoy zemli ostayushchimsya v onom uyezde kolonistam; o dache im l'goty na fevralya pyat' let, i o sravnenii ikh, po proshestvii sego vremeni, v platzhe podatey s Izhorskimi kolonistami № 17.147," in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Collection 1. Vol. 23, 454.

³² "O predpolagayemykh sredstvakh k popravleniyu sostoyaniya Novorossiyskikh inostrannykh poselentsev i ob uchrezhdenii pod vedomstvom Ekspeditsii gosudarstvennogo Khozyaystva, Kontory Opekunstva Novorossiyskikh inostrannykh poselentsev № 19.372," in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Collection 1. Vol. 26, 119–122.

³³ Ye.V. Ananyan, *Nemtsy Povolzh'ya: ot immigratsii k emigratsii (1760–1880-ye gg.). Dva s polovinoy veka s Rossiyei (k 250-letiyu nachala massovogo pereseleniya nemtsev v Rossiyu): Materialy 4-y mezh-dunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Moscow: Gotika Publ., 2013), 211.

tin per person and granted a five-year exemption from taxes and duties on the condition that they “arrange the resettlement at their own expense.”³⁴

Unauthorized resettlement of colonists also took place. In the 1820s, some Volga Germans moved to Orenburg Province without official permission, while others went to the Mineral Waters region in the Caucasus. To stem the exodus the government created the position of special supervisor (*smotritel'*) in 1825, and colonists could only move with formal approval.³⁵

In 1828, I.F. Paskevich reported to the Ministry of the Interior that “the Saratov colonists” were living in the Scottish colony of Karras,³⁶ but argued that their presence there was “useful, and, to help the new arrivals with their basic living needs,” he proposed “cutting the required plots from empty state-owned lands... and allowing other interested colonists to create settlements there.”³⁷ Although the Volga colonists received the right to live in the Caucasus in 1838,³⁸ not all of them did so legally.

High birth rates in the colonies together with the practice of ultimogeniture (the youngest child inherits the farm) and the lack of free land caused unemployment among youth rise dramatically. By 1855, the colonies of the Southern Krai had an annual growth rate of 28.5 people per 1,000, and in the Bessarabia Region the rate was 17.3.³⁹ This explains why unauthorized outmigration grew among the colonists.

Officials introduced various measures attempting to address such problems. For example, the Germans of the Ribensdorf colony in Voronezh Province were permitted to move to the Eisk region, while Volga Germans were allowed set up factories in the colonies.⁴⁰ But if they moved to another province without permission, they “were deprived... of the colonist status, forever lost the rights and benefits granted with the status and were re-registered in other taxable estates on a common basis.”⁴¹

The Volga scholar E.V. Ananian rightly concludes that the migration of Germans from their Saratov colonies was prompted not only by land hunger but also by the gradual

³⁴ “O pereselenii 124 semeystv Chernigovskikh kolonistov v Yekaterinoslavskuyu guberniyu № 4616,” in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Collection 2. Partition 1. Vol. 16, (St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy E. I. V. Kantselyarii Press., 1842), 421.

³⁵ “Ob opredelenii v okrugii Saratovskikh koloniy osobykh Smotriteley; i o vospreshchenii tamoshnim kolonistam perekhodit' v drugie mesta bez razresheniya Nachal'stva № 30.537,” in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Collection 1. Vol. 11, 534–535.

³⁶ “O samovol'nom poselenii kolonistov v 1809/10 gg. pishut starshina kolonii Karras A. Paterson i sovet'skiy issledovatel' S.A. Chekmenev,” in *Akty, sobrannye Kavkazskoy Arkheograficheskoy komissii* (Tiflis: [S.n.], 1873), 910; S.A. Chekmenev, “Inostrannye poseleniya na Stavropol'e v kontse XVIII i pervoy polovine XIX v.” In *Materialy po izucheniyu Stavropol'skogo kraja*, (Stavropol': [B.i.] 1971), 245.

³⁷ “Kavkazskaya oblast',” *Akty, sobrannye Kavkazskoy Arkheograficheskoy komissii*, no. 898 (1878): 939.

³⁸ Ye.V. Ananian, *Nemtsy Povolzh'ya: ot immigratsii k emigratsii (1760–1880-e gg.)*. Dva s poloviny veka s Rossiyei (k 250-letiyu nachala massovogo pereseleniya nemtsev v Rossiyu): *Materialy 4-y mezh-dunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Moscow: Gotika Publ., 2013), 212.

³⁹ V.G. Chebotareva, “Nemetskiye kolonii v real'noy situatsii krepostnicheskoy Rossii: politika paternalizma po otnosheniyu k nemetskim krest'yanam.” In *Nemtsy Rossii: evolyutsiya istoricheskogo puti (1762 g. – XX v.)* (Moscow: Mezhdunarodnyy Soyuz obshchestvennykh ob'yedineniy nemtsev, Obshchestvennaya akademiya nauk rossiyskikh nemtsev Publ., 2012), 63.

⁴⁰ “O pereselenii kolonistov kolonii Ribensdorf, Voronezhskoy gubernii, na zemli bliz g. Yeyska v Chernomorii № 26077,” in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Collection 2. Partition 1. Vol. 27 (St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy E. I. V. Kantselyarii Press., 1853), 160–162; “O dozvolenii, v vide iz'yatiya, domokhozyayevam Obshchestva kolonii Zoloturn, Nikolayevskogo uyezda, Samarskoy gubernii, uchredit' v oznachennoy kolonii tabachnuyu fabriku № 30.309,” in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Collection 2. Partition 1. Vol. 31, 157.

⁴¹ “O lishenii kolonistov, samovol'no pereselivshikhsya iz odnoy gubernii v druguyu, prav, predstavlennykh kolonistskomu zvaniyu № 41919,” in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Collection 2. Partition 1. Vol. 40 (St. Petersburg: St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy E. I. V. Kantselyarii Press., 1867), 315.

elimination of their privileges.⁴² There was another factor as well—money spent on moving to Russia had to be repaid after the grace period expired. The first settlers to come to the attention of the authorities and ordered to pay their debt and land tax (*pozemel'nyi obrok*) in 1805, were the St. Petersburg colonists.⁴³ At the end of the same year, the Khor-titsa Mennonites were also required to settle their debts, followed by the Josefstal colonists in 1808.⁴⁴

That year, a proposal by Minister of the Interior A.B. Kurakin was approved to collect taxes and debts from the Saratov colonists from 1809 “to encourage them to work harder and practice useful activities in autumn and winter” in the amount of five rubles from those living on the Meadow side of the Volga and three rubles from those on the Hillside.⁴⁵ This was the first move to bring their obligations closer to those of Russian peasants, who paid 6.28 rubles per person registered in the census (*revizskaia dusha*),⁴⁶ and in 1816 “The taxes of Saratov colonists were aligned with those of state peasants.”⁴⁷ Similar laws followed for colonists in other Russian provinces.

The second half of the 19th century was once again marked by land hunger in the German colonies as population growth outstripped economic development. To deal with the matter, Volga Germans repeatedly tried to leave their original settlements and establish daughter colonies in other locations. In 1861, according to a decree passed by the Chancellery for Foreign Settlers, the unauthorized resettlement of colonists was considered to be vagrancy and would be severely punished. But this did not stop the colonists. In 1866, the authorities polled colonists who responded that they were aware of the ban on moving to the Caucasus.⁴⁸ Subsequently, the continued scarcity of arable land and numerous appeals led the government to change its mind and allow them to resettle there.

Between the late 1850s and 1870s, the German colonists lost their privileges and were recategorized as belonging to the peasant class. The first move came in 1857, with the Statute on the Colonies of Foreigners in the Empire,⁴⁹ which designated the territories where German colonists could live. The new law also regulated their civil rights and the management of the colonies but maintained their tax benefits based on the terms and conditions set forth in their charters (*zhalovannaia gramota*). However, it obligated them to pay land duties (*zemskie povinnosti*) “on an equal basis with other inhabitants.”

In 1866 the responsibility for the German colonies began to be transferred to the regular authorities.⁵⁰ At first, the move affected those in Voronezh, Novgorod, Samara,

⁴² E.V. Ananyan, *Nemtsy Povolzh'ya*, 212.

⁴³ “Ob uravnenii sankt-peterburgskikh koloniy v platezhe dolzhnykh imi v kaznu ssudnykh i pozemel'nykh deneg, sorazmerno ikh sostoyaniyu № 21.837,” in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Collection 1. Vol. 28, 1128–1131.

⁴⁴ “O vyzskanii kazennogo dolga s Khortitskikh menonistov i Iozefstal'skikh kolonistov, i o platezhe imi pozemel'nykh deneg № 21909,” in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Collection 1. Vol. 28, 1241–1243.

⁴⁵ “O raznykh rasporyazheniyakh kasatel'no podatey, vzyaskivayemykh s kolonistov, poselivshikhsya na zemlyakh Saratovskoy gubernii № 23.408,” in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Collection 1. Vol. 26, 731.

⁴⁶ “Ob uravnenii sankt-peterburgskikh koloniy v platezhe dolzhnykh imi v kaznu ssudnykh i pozemel'nykh deneg, sorazmerno ikh sostoyaniyu № 21.837,” in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Collection 1. Vol. 28, 730.

⁴⁷ “O sravnenii Saratovskikh kolonistov v platezhe podatey s kazennymi krest'yanami № 26.013,” in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Collection 1. Vol. 33, 398.

⁴⁸ Gosudarstvennyy arkhiv Saratovskoy oblasti, f. 180, op. 4, d. 35.

⁴⁹ “Ustav o koloniyakh inostrantsev v imperii,” in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Collection 2. Partition 1. Vol. 31, 3–90.

⁵⁰ “O peredache koloniy inostrannykh poselentsev v vedeniye obshchikh po krest'yanskim delam uchrezhdeniy № 44000,” in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Collection 2. Partition 1. Vol. 41 (St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy E. I. V. Kantselyarii Press., 1868), 408.

St. Petersburg and Chernigov Provinces, and led to a new wave of migration of those who refused to accept the inferior status of the peasantry to the Caucasus, Don Host Oblast and Novorossiisk Krai.

The government attempted to stabilize the situation by abolishing the Saratov Chancellery for Foreign Settlers and the Guardianship Committee for Foreign Settlers of the Southern Region of Russia, which were the special offices to issue passports to the colonists.⁵¹ Nevertheless, the most enterprising as well as landless colonists still sought to leave the colonies and obtained their documents in district and rural administrative offices (*prikazy*).

The beginning of the emigration movement of German colonists

On June 4, 1871, the implementation of the “Rules for the Migration of Landowning Settlers” drastically changed the lives of the colonists⁵² by downgrading their social status and eliminating self-government. At the same time, the former colonists were granted the right to re-register in another estate in the next ten years or “renounce allegiance to Russia and leave it without paying a portion of the capital they accumulated to the Treasury.”⁵³ Not everyone wanted to become an ordinary peasant, and “viewed this an encroachment on their privileges and began to leave Russia on a massive scale.”⁵⁴

In 1874 the colonists – including the Mennonites – lost their most important privilege when the Law of Universal conscription made them eligible for military service as well⁵⁵. At the same time, new regulations also affected their faith. Rather than only resettle in remote Central Asian regions, the Germans also reacted by emigrating from Russia. The Don Host Oblast’s administration reported:

In the Miuskii District alone, from 1875 to 1887, up to 40 land transfers to companies of German settlers were registered.⁵⁶

As for the Volga Germans and Novorossiiia, in addition to land hunger, publicity from colonists who had already emigrated to North America and Brazil also encouraged many to follow suit. For example, in discussions with the Brazilian embassy in St. Petersburg, representatives of the former said that 30,000 fellow colonists wanted to go to that country.⁵⁷ According to Governor N.A. Durnovo, more than one thousand families from the Khortitskaia Volost (a unit of peasants’ local self-rule) in Ekaterinoslav Province left for America.⁵⁸

⁵¹ “O poryadke vydachi pasportov inostrannym poselentsam № 45922,” in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Collection 2. Partition 1. Vol. 43 (St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy E. I. V. Kantselyarii Press., 1873), 685.

⁵² “Pravila ob ustroystve poselyan-sobstvennikov (byvshikh kolonistov), vodvorennykh na kazennykh zemlyakh v guberniyakh: S.-Peterburgskoy, Novgorodskoy, Samarskoy, Saratovskoy, Voronezhskoy, Chernigovskoy, Poltavskoy, Yekaterinoslavskoy, Khersonskoy i Tavricheskoy i v oblasti Bessarabskoy № 49705,” in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Collection 2. Partition 2. Vol. 46 (St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy E. I. V. Kantselyarii Press., 1874), 813–819.

⁵³ *Ibid.*, 817.

⁵⁴ M.I. Mysh', *Ob inostrantsakh v Rossii. Sbornik ukazaniy, traktatov, konventsiy s pravitel'stvennymi i sudebnymi raz'yasneniyami* (St. Petersburg: N.A. Lebedev Press., 1888), 11.

⁵⁵ “O vvedenii vseobshchey voinskoy povinnosti № 52983,” in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Collection 2. Partition 1. Vol. 49 (St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy E. I. V. Kantselyarii Press., 1876), 2–29.

⁵⁶ O.V. Erokhina, *Nemetskiye kolonii Oblasti Voyyska Donskogo (vtoraya polovina XIX v. – fevral' 1917 g.)* (Volgograd: Volgogradskoye nauchnoye izdatel'stvo Publ., 2009), 32.

⁵⁷ A. Eisfeld, “Migration der Russlanddeutschen in der Epoche von der Gründung des Deutschen Reiches bis zur Auflösung der Sowjetunion,” 67.

⁵⁸ O.V. Erokhina, “Forest teams – an alternative Mennonite service in the Russian Empire until 1914,” *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* 24, no. 3 (2019): 72.

Most emigrants were Mennonites whose religious beliefs forbade military service. They set out for Argentina and the United States as rumors about the impending reform began to circulate. In 1873, about 900 families (approximately 4,500 people) left two *volosts* in the Tauride Province alone.⁵⁹

Not only individual Mennonite families, but entire colonies and *volosts* left the country, selling their lands and property. For example, the inhabitants of the Alexanderpol colony in the Halbstadt *Volost* and the entire Bergtal *Volost* in the Mariupol Uezd sailed to America.⁶⁰ “The Upper Mennonites” migrated to America as early as in 1874, leaving their homesteads to German Lutherans.⁶¹ According to L. V. Malinovskii, the Germans and Mennonites

were unable to sell their plot and homestead to a non-colonist, thus damaging the social homogeneity and ethnic isolation of the German village.⁶²

A year later, the State Council amended Article 157 of the Statute on Conscription to free the Mennonites from carrying weapons. However, they were still obligated to non-combat service in the workshops of the Maritime Department, fire brigades, and in special mobile teams of the Forestry Department. Despite the concessions, Germans and Mennonites continued to migrate and emigrate.

Alexander III enacted new restrictions on the German colonists in the South-Western Krai, which only led more of them to move. Attracted by uncultivated land and low prices, already in the 1860s, some Germans had emigrated from the Kingdom of Poland to Volyn. If in 1860, 11,424 Germans lived in the province, by 1890 there were 200,924. Their large numbers in the empire’s vulnerable border areas caused much concern in the war ministry, which reacted by fomenting hysteria about the “German domination” in the press that resulted in legislation not only to restrict the flow of immigrants, but also forced Germans to leave the region.

The first step came on November 1, 1886, when Western Krai’s government was authorized to issue land purchase certificates at its discretion.⁶³ On March 14, 1887, foreign nationals were forbidden to acquire real estate in 10 western Russian provinces.⁶⁴ As a result, German colonists were forced to become Russian subjects to keep their property. Officials then liquidated their self-government by integrating them with local peasants and townspeople.⁶⁵ And the final blow was delivered by the laws of March 14, 1892 and March 19, 1895, which forbade foreign nationals from settling in the Volyn Province outside of its towns as well as forbidding new migrants from owning land.⁶⁶

German colonists also saw the subordination of colonial schools to the Ministry of Public Education in 1890, mandatory teaching in Russian in their schools seven years,

⁵⁹ A.A. Velitsyn, *Nemtsy v Rossii. Ocherki istoricheskogo razvitiya i nastoyashchego polozheniya nemetskikh koloniy na yuge i vostoke Rossii* (St. Petersburg: Russkiy vestnik Publ., 1893), 162–163.

⁶⁰ S.D. Bondar', *Sekta mennonitov v Rossii. V svyazi s istoriyey nemetskoy kolonizatsii v Rossii* (Petrograd: V.D. Chernov Press., 1916), 39.

⁶¹ M. Kostyuk, D. Noytatts, “Volynskiy nemtsy,” in *Nemtsy Rossii: Entsiklopediya* (Moscow: Obshchestvennaya akademiya nauk rossiyskikh nemtsev Publ., 1999), 395.

⁶² L.V. Malinovskiy, *Istoriya nemtsev v Rossii* (Barnaul: BGPU Publ., 1995), 178.

⁶³ “O vvedenii vseobshchey voinskoy povinnosti № 52983,” in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Collection 2. Partition 1. Vol. 49, 470.

⁶⁴ “Ob ob'yavlenii vsekhn svidetel'stv, vydannykh do izdaniya pravil 27 dekabrya 1884 goda na pokupku imeny v Zapadnom kraye, poteryavshimi svoyu silu № 3985,” in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Collection 3. Vol. 6 (St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1886), 101–102.

⁶⁵ “Ob ustroystve byta inostrannykh poselentsev, vodvorivshikhsya v guberniyakh: Kiyevskoy, Podol'skoy i Volynskoy № 5357,” in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Collection 3. Vol. 8 (St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1888), 409–411.

⁶⁶ “O poryadke vydachi pasportov inostrannym poselentsam № 45922,” in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Collection 2. Partition 1. Vol. 43, 142–143.

as well as the requirement to maintain book-keeping in Russian as forced “Russification.”⁶⁷ Furthermore, Germans were forced to move to Siberia, Central Asia, the Don, or emigrate to America. Nevertheless, they did manage to establish new communities in some regions of Asian Russia, where they adapted to new conditions and became successful farmers and entrepreneurs.⁶⁸

Conclusion

The Russian Empire’s migration policy was largely shaped by economic and political considerations. Until the middle of the 19th century, the autocracy needed to populate and develop the country’s borderlands, which was impossible to accomplish by relying solely on the internal population. As a result, it invited foreigners, primarily from the German states, through a consistent policy of incentives. However, until 1914, the government’s inability to alleviate the colonists’ economic difficulties, withdrawal of benefits and privileges, as well as growing hostility between Russia and Germany encouraged many to resettle elsewhere in the empire and eventually leave it altogether.

The migrations of German colonists to and within the Russian Empire were complex, multi-dimensional social phenomena, and cannot be analyzed using a one-sided approach. Instead, there were different stages and types of migration, including immigration to Russia from the German states, resettlement within the empire, and emigrations abroad – much like those in the 20th century as a result of the Civil War, evictions, deportations, and the return of Volga Germans to their ancestral fatherland. All types of their migration can also be classified according to their causes, whether initiated by the state (both voluntary and forced), unorganized, and voluntary, as well as on the reasons for resettlement, including politics, economics and religion.

In short, migration among the Russian Germans was a multi-dimensional phenomenon that fits several models simultaneously and that had a major impact on how their diaspora evolved, as well as on the social structure of the colonists. Although at various times the state tried to control such migration for political and economic reasons, it was unable fully to do so fully. The movements of Russian German communities resembled those of other ethnic groups and regions. However, they also had distinct political, economic, and social characteristics.

Рукопись поступила: 4 марта 2020 г.

Submitted: 4 March 2020.

References

- Ananyan, Ye.V. *Nemtsy Povolzh'ya: ot immigratsii k emigratsii (1760–1880-ye gg.). Dva s polovinoi veka s Rossiei (k 250-letiyu nachala massovogo pereseleniya nemtsev v Rossiyu): Materialy 4-y mezh-dunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Moscow: Gotika Publ., 2013 (in Russian).
- Bondar', S.D. *Sekta mennonitov v Rossii. V svyazi s istoriyey nemetskoj kolonizatsii v Rossii*. Petrograd: Tipografiya V.D. Chernova Press, 1916 (in Russian).
- Bosch, A. *Geschichte in Gedichten und Prosa. Auswanderung aus Franken an die Wolga*. Nürnberg: [S.n.], 2018 (in German).
- Chebotaeva, V.G. “Nemetskiye kolonii v real'noy situatsii krepostnicheskoy Rossii: politika paternalizma po otnosheniyu k nemetskim krest'yanam.” In *Nemtsy Rossii: evolyutsiya istoricheskogo*

⁶⁷ “O poryadke vydachi pasportov inostrannym poseleltsam № 45922,” in *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Collection 2. Partition 1. Vol. 43, 245.

⁶⁸ V. Shaidurov, “The German catholic community of Marienburg from the end of the 19th till the beginning of the 20th century: some aspects of the local history,” *Rusin*, no. 2 (2018): 288–308; V. Shaidurov, “German industrial enterprises in Western Siberia in the second half of the 19th century,” *Bylye gody* 43, no. 1 (2017): 162–168.

- puti* (1762 g. – XX v.), 13–79. Moscow: Mezhdunarodnyy Soyuz obshchestvennykh ob"yedineniy nemtsev, Obshchestvennaya akademiya nauk rossiyskikh nemtsev Publ., 2012 (in Russian).
- Chekmenev, S.A. "Inostrannye poseleniya na Stavropol'ye v kontse XVIII i pervoy polovine XIX v." In *Materialy po izucheniyu Stavropol'skogo kraya*, 243–253. Stavropol': [S.n.] 1971 (in Russian).
- Chernova-Doke, T.N. *Nemetskiye poseleniya na periferii Rossiyskoy imperii: Kavkaz: vzglyad skvoz' stoletiya (1818–1917). (K 190-letiyu osnovaniya nemetskikh koloniy)*. Moscow: Mezhdunarodnyy soyuz nemetskoy kul'tury Publ., 2008 (in Russian).
- Eisfeld, A. "Migration der Russlanddeutschen in der Epoche von der Gründung des Deutschen Reiches bis zur Auflösung der Sowjetunion." In *Die Russlanddeutschen in den Migrationsprozessen zwischen den GUS-Staaten und Deutschland*, 65–115. Göttingen: Göttinger Arbeitskreis, 2008 (in German).
- Erokhina, O.V. "Forest teams – an alternative Mennonite service in the Russian Empire until 1914." *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* 24, no. 3 (2019): 68–78. DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.3.6 (in Russian).
- Erokhina, O.V. *Nemetskiye kolonii Oblasti Voyska Donskogo (vtoraya polovina XIX v. – fevral' 1917 g.)*. Volgograd: Volgogradskoye nauchnoye izdatel'stvo Publ., 2009 (in Russian).
- Funk, W. "Deutsche als russische Kolonisten." In *Blätter für fränkische Familienkunde*, 101–124. Nürnberg: [S.n.], 1929 (in German).
- Gal'perina, Yu.S. "Economic development of the German colonies on the Volga in the second half of XVII – the first half of the XX century." *Saratov University Bulletin. History. International relationships* 14, no. 3 (2014): 98–103 (in Russian).
- German, A.A., and Pleve, I.R. *Nemtsy Povolzh'ya: kratkiy istoricheskiy ocherk*. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta Publ., 2002 (in Russian).
- Klaus, A. *Nashi kolonii. Opyty i materialy po istorii i statistiki inostrannoy kolonizatsii v Rossii*. St. Petersburg: V.V. Nusval't Press., 1869 (in Russian).
- Kostyuk, M., and Noytatts, D. "Volynskiyemy nemtsy." In *Nemtsy Rossii: Entsiklopediya*, 395–399. Moscow: Obshchestvennaya akademiya nauk rossiyskikh nemtsev Publ., 1999 (in Russian).
- Larina, O., and Shaidurov, V. "European diasporas in Russia of the late 18th and early 19th centuries: National and regional formation features (as illustrated in the case of Jews, Germans and Poles)." *Mediterranean Journal of Social Sciences* 6, no. 5 (2015): 460–466. DOI:10.5901/mjss.2015.v6n5s1p460.
- Lindeman, K.E. *Prekrashcheniye zemlevladieniya i zemlepol'zovaniya poselyan-sobstvennikov. Ukazy 2 i 13 dekabrya 1915 g. i 10, 15 iyulya i 19 avgusta 1916 g. i ikh vliyaniye na ekonomicheskoye sostoyaniye yuzhnoy Rossii*. Moscow: K.L. Men'shov Press., 1917 (in Russian).
- Litzenberger, O. *Deutsche evangelische Siedlungen an der Wolga*. Nürnberg: [S.n.], 2013 (in German).
- Litzenberger, O. *Deutsche katholische Siedlungen an der Wolga*. Nürnberg: [S.n.], 2018 (in German).
- Lyubavskiy, M.K. *Obzor istorii russkoy kolonizatsii*. Moscow: Izd-vo Moskogo universiteta Publ., 1996 (in Russian).
- Malinovskiy, L.V. "Obshchina nemetskikh kolonistov v Rossii i yeye regional'nyye osobennosti v XIX – nachale XX veka." *Istoriya SSSR*, no. 2 (1992): 175–182 (in Russian).
- Malinovskiy, L.V. *Istoriya nemtsev v Rossii*. Barnaul: BGPU Publ., 1995 (in Russian).
- Mysh', M.I. *Ob inostrantsakh v Rossii. Sbornik ukazaniy, traktatov, konventsiy s pravitel'stvennymi i sudebnymi raz'yasneniyami*. St. Peterburg: N.A. Lebedev Press., 1888 (in Russian).
- Pisarevskiy, G.G. *Izbrannyye proizvedeniya po istorii inostrannoy kolonizatsii v Rossii*. Moscow: MSNK Publ., 2011 (in Russian).
- Pleve, I.R. "Priyem inostrannykh kolonistov v Rossii i otpravka k mestu poseleniya v 60-kh godakh XVIII v." In *Migratsionnye protsessy sredi rossiyskikh nemtsev: istoricheskiy aspekt*, 13–26. Moscow: Gotika Publ., 1998 (in Russian).
- Shaidurov, V. "German industrial enterprises in Western Siberia in the second half of the 19th century." *Bylye gody* 43, no. 1 (2017): 162–168.
- Shaidurov, V. "The German catholic community of Marienburg from the end of the 19th till the of the 20th century: some aspects of the local history." *Rusin*, no. 2 (2018): 288–308. DOI: 10.17223/18572685/52/20/.
- Stach, J. *Die deutschen Kolonisten in Süd-Russland*. Prischib: [S.n.], 1904 (in German).
- Stumpp, K. "Die deutsche Auswanderung nach Russland, 1763–1862." In *Heimatbuch der Ostumsiedler*, 162–171. Stuttgart: [S.n.], 1961 (in Russian).
- Vashkau, N.E. *Shkola v nemetskikh koloniyakh Povolzh'ya. 1764–1917*. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo gos. un-ta Publ., 1998 (in Russian).

Velitsyn, A.A. *Nemtsy v Rossii. Ocherki istoricheskogo razvitiya i nastoyashchego polozheniya nemetskikh koloniy na yuge i vostoке Rossii*. St. Petersburg: Russkiy vestnik Publ., 1893 (in Russian).

Venger, N.V. *Mennonitskoye predprinimatel'stvo v usloviyakh modernizatsii yuga Rossii: mezhdru kongregatsiyey, klanom i rossiyskim obshchestvom (1789–1920)*. Dnepropetrovsk: Izd. Dnepropetrovskogo nats. un-ta Publ., 2009 (in Russian).

Библиографический список

Ананян Е.В. Немцы Поволжья: от иммиграции к эмиграции (1760–1880-е гг.). Два с половиной века с Россией (к 250-летию начала массового переселения немцев в Россию): Материалы 4-й международной научно-практической конференции. М.: Готика, 2013. 320 с.

Бондарь С.Д. Секта меннонитов в России. В связи с историей немецкой колонизации в России. Петроград: Тип. В.Д. Чернова, 1916. 208 с.

Ваишкау Н.Э. Школа в немецких колониях Поволжья. 1764–1917. Волгоград: Изд-во Волгогр. Гос. ун-та, 1998. 208 с.

Велицын А.А. Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России. СПб.: «Русский вестник», 1893. 282 с.

Венгер Н.В. Меннонитское предпринимательство в условиях модернизации юга России: между конгрегацией, кланом и российским обществом (1789–1920). Днепропетровск: Изд. Днепропетровского нац. ун-та, 2009. 696 с.

Гальперина Ю.С. Хозяйственное развитие немецких колоний на Волге во второй половине XVIII – первой половине XIX века // Известия Саратовского университета. История. Международные отношения. 2014. Т. 14. № 3. С. 98–103.

Герман А.А., Плева И.Р. Немцы Поволжья: краткий исторический очерк. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. 144 с.

Ерохина О.В. Лесные команды – альтернативная служба меннонитов в Российской империи до 1914 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 3. С. 68–78. DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.3.6.

Ерохина О.В. Немецкие колонии Области Войска Донского (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.). Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2009. 195 с.

Клаус А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб.: тип. В.В. Нусвальта, 1869. 102 с.

Костюк М., Нойтатц Д. Волыньские немцы // Немцы России: Энциклопедия. М.: Общественная академия наук российских немцев, 1999. С. 395–399.

Линдеман К.Э. Прекращение землевладения и землепользования поселян-собственников. Указы 2 и 13 декабря 1915 г. и 10, 15 июля и 19 августа 1916 г. и их влияние на экономическое состояние южной России. М.: Тип. К.Л. Меньшова, 1917. 384 с.

Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 682 с.

Малиновский Л.В. История немцев в России. Барнаул: БГПУ, 1995. 181 с.

Малиновский Л.В. Община немецких колонистов в России и ее региональные особенности в XIX – начале XX века // История СССР. 1992. № 2. С. 175–182.

Мышь М.И. Об иностранцах в России. Сборник указаний, трактатов, конвенций с правительственными и судебными разъяснениями. СПб.: Тип. Н.А. Лебедева, 1888. 532 с.

Писаревский Г.Г. Избранные произведения по истории иностранной колонизации в России / Г.Г. Писаревский. М.: МСНК, 2011. 224 с.

Плева И.Р. Прием иностранных колонистов в России и отправка к месту поселения в 60-х годах XVIII в. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М.: Готика, 1998. С. 13–26.

Чеботарева В.Г. Немецкие колонии в реальной ситуации крепостнической России: политика патернализма по отношению к немецким крестьянам // Немцы России: эволюция исторического пути (1762 г. – XX в.). М.: Международный Союз общественных объединений немцев, Общественная академия наук российских немцев, 2012. С. 13–79.

Чекменев С.А. Иностранное поселение на Ставрополье в конце XVIII и первой половине XIX в. // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь: [Б.и.] 1971. С. 243–253.

Чернова-Дёке Т.Н. Немецкие поселения на периферии Российской империи: Кавказ: взгляд сквозь столетие (1818–1917). (К 190-летию основания немецких колоний) / Т.Н. Чернова-Дёке. М.: Международный союз немецкой культуры, 2008. 208 с.

- Bosch A.* Geschichte in Gedichten und Prosa. Auswanderung aus Franken an die Wolga. Nürnberg: [S.n.], 2018. 444 p.
- Eisfeld A.* Migration der Russlanddeutschen in der Epoche von der Gründung des Deutschen Reiches bis zur Auflösung der Sowjetunion // Die Russlanddeutschen in den Migrationsprozessen zwischen den GUS-Staaten und Deutschland. Göttingen: Göttinger Arbeitskreis, 2008. P. 65–115.
- Funk W.* Deutsche als russische Kolonisten // Blätter für fränkische Familienkunde. Nürnberg: [S.n.], 1929. P. 101–124.
- Larina O., Shaidurov V.* European diasporas in Russia of the late 18th and early 19th centuries: National and regional formation features (as illustrated in the case of Jews, Germans and Poles) // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. № 5. P. 460–466. DOI:10.5901/mjss.2015.v6n5s1p460.
- Litzenberger O.* Deutsche evangelische Siedlungen an der Wolga. Nürnberg: [S.n.], 2013. 704 p.
- Litzenberger O.* Deutsche katholische Siedlungen an der Wolga. Nürnberg: [S.n.], 2018. 676 p.
- Shaidurov V.* The German catholic community of Marienburg from the end of the 19th till the beginning of the 20th century: some aspects of the local history // Rusin. 2018. № 2. P. 288–308. DOI: 10.17223/18572685/52/20/.
- Shaidurov V.* German industrial enterprises in Western Siberia in the second half of the 19th century // Bylye gody. 2017. Vol. 43 № 1. P. 162–168. DOI: 10.13187/bg.2017.1.162.
- Stach J.* Die deutschen Kolonisten in Süd-Russland. Prischib: [S.n.], 1904. 26 p.
- Stumpp K.* Die deutsche Auswanderung nach Russland, 1763–1862 // Heimatbuch der Ostumsiedler. Stuttgart: [S.n.], 1961. P. 162–171.

Информация об авторах / Information about the authors

Ерохина Ольга Викторовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Московского педагогического государственного университета.

Olga V. Erokhina, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor of the Chair of the History of Russia, Moscow Pedagogical State University.

Ольга Андреевна Лиценбергер, доктор исторических наук, профессор, научный сотрудник Баварского центра культуры немцев из России.

Olga A. Litzenberger, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor, Research Scientist of the Bavarian Cultural Centre for Germans from Russia.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-824-837>

Научная статья / Research article

«Благочестивый иудей» Яков Фризер и положение евреев в Сибири в начале XX в.

И. Владимирски^а, М.В. Кротова^б

^аАкадемический колледж Ахва, Израиль;

7980400, Arugot, POB Shikmim, Israel; irena@achva.ac.il

^бСанкт-Петербургский государственный экономический университет;

191023, Россия, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21; mary_krot@mail.ru

Аннотация: В настоящей статье авторами анализируются несколько документальных источников, затрагивающих в той или иной степени правовое положение и социальный статус Якова Фризера (1869–1932), еврея, жителя г. Иркутска и купца первой гильдии, одного из крупнейших частных золото-промышленников Восточной Сибири. В личной истории Фризера отразились проблемы религиозной толерантности, проявлений национализма и антисемитизма в Восточной Сибири. Сибирь на рубеже веков представляла собой пеструю этноконфессиональную картину, в которой можно было встретить представителей многих народностей и религиозных течений Российской империи. Еврейская община в Сибири также не была однородным и замкнутым сообществом. В отличие от евреев черты оседлости, местные евреи успешно интегрировались в сибирский социум, и судьба Якова Фризера, сына ссыльнопоселенца, ставшего одним из влиятельных купцов Восточной Сибири, тому подтверждение. Частные случаи религиозно-этнической неприязни, отразившиеся в личных документах Фризера, показывают сложность и многогранность межконфессиональных отношений в Восточной Сибири. В сибирском обществе несколько поколений евреев добились того, что потом П. Бурдые назовет «символическим капиталом» – уважения, статуса, связей, основанных на доверии, отношении к ним как к полезным членам общества. «Еврейский вопрос» для Восточной Сибири, отличавшейся индифферентностью в вопросах веры, не имел той остроты, как в западных российских губерниях. Его проявления в Сибири были отголоском негативных стереотипов по отношению к евреям, глубоко укоренившихся в российском обществе и сознании рядового обывателя. Статья основана на неопубликованных источниках личного происхождения – дневниках и документах архива еврейского купца Якова Фризера, а также материалах Российского государственного исторического архива и Государственного архива Российской Федерации.

Ключевые слова: Я.Д. Фризер, купечество, Восточная Сибирь, «еврейский вопрос», религиозная толерантность, антисемитизм

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено по международному гранту Центра «Сэфер» на исследования по истории и культуре российского еврейства в различные исторические периоды. Грант предоставлен в рамках благотворительной программы «Академическая иудаика на постсоветском пространстве», реализуемой при поддержке фонда «Генезис» (Genesis Philanthropy Group).

Для цитирования: Владимирски И., Кротова М.В. «Благочестивый иудей» Яков Фризер и «злополучный еврейский вопрос» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 4. С. 824–837. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-824-827>

“Pious Jew” Yakov Frizer and the Status of Jews in Siberia in the Early 20th Century

Irena Vladimirsky^a, Mariia V. Krotova^b

^aAchva Academic College; POB Shikmim, Arugot, 7980400, Israel; irena@achva.ac.il

^bSt. Petersburg State University of Economics;

21, Sadovaya St., St. Petersburg, 191023, Russia; mary_krot@mail.ru

Abstract: The present article analyses some documents concerning the legal and social status of Yakov D. Frizer (1869–1932), who was a Jew, a resident of Irkutsk, a merchant of the First Guild and one of the biggest gold miners of East Siberia. The story of his life in East Siberia describes religious

tolerance along with manifestations of nationalism and antisemitism. On the threshold of the 20th century, Siberia was a colorful mosaic of numerous religious groups and confessions existing in the Russian Empire. Jewish communities of Siberia were characterized by openness and heterogeneity. In contrast to the Jews from the Pale of Settlement, Jews of Siberia were successfully integrated into Siberian society. Being a son of a criminal exile, Yakov Frizer in a course of time became one of the biggest Siberian entrepreneurs. Diaries from Frizer's private archive sometimes pointed out to the cases of religious and ethnic disaffection, thereby demonstrating the complexity and versatility of interfaith relations in East Siberia. Using the definition of Pierre Bourdieu, several generations of Siberian Jews succeeded to build a "symbolic capital" that became a part of their social status, ensured their social respect, and business connections built on mutual trust, making Jews as useful society members. East Siberia in general was tolerant to questions of religious faith. The so-called "Jewish question" in East Siberia did not have the same sharpness as it had in Western provinces of the Russian Empire. The "Jewish question" in Siberia was rather an echo of anti-Semitic stereotypes that traditionally have deep roots in the Russian society, and common people consciousness. The article is based on unpublished sources and diaries from Frizer's private archive, as well as on archival sources from the Russian State Historical Archive and the State Archive of the Russian Federation.

Keywords: Ya. D. Frizer, merchants, the East Siberia, "Jewish question," religious tolerance, anti-Semitism

Acknowledgements and Funding: The research was carried out with the support of an International grant of the SEFER Center for University Teaching of Jewish Civilization. The grant was provided within the framework of philanthropical program "Academic Judaica in the post-Soviet space" (Genesis Philanthropy Group).

For citation: Vladimirsky I., and Krotova Mariia V. "Pious Jew" Yakov Frizer and the Position of Jews in Siberia in the Early 20th Century." *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 4 (November 2020): 824–837. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-824-837>

Введение

История межнациональных отношений в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. представляет собой широкое поле для исследований. Пространство империи было очень разнородным в этническом, географическом, экономическом и социально-политическом плане. Изучение региональных особенностей дает возможность понять не только специфику той или иной местности, но и наличие там общероссийских проблем. Сибирь представляла собой особый регион, отличавшийся от центральной России, на который среди прочего наложила заметный отпечаток политическая и уголовная ссылка.

По данным переписи 1897 г. состав населения в Восточной Сибири по вероисповеданию распределялся следующим образом: по Иркутской губернии: православных – 429 104, старообрядцев – 1991, католиков – 4224, лютеран – 824, иудеев – 7478, магометан (мусульман) – 1650, буддистов – 11 609, остальных вероисповеданий – 52 042; по Забайкальской области: православных – 443 044, старообрядцев – 36 623, католиков – 1869, лютеран – 666, иудеев – 7973, магометан (мусульман) – 3182, буддистов – 174 227, остальных вероисповеданий – 4406¹. В Енисейской губернии, Приамурье и Приморье также жили католики (поляки), лютеране (финно-эстонцы), иудеи (евреи), магометане (татары Казанской, Астраханской и Таврической губерний) и прочие. Здесь было очень много корейского и китайского населения, занимавшегося огородничеством и работавшего на приисках². Представители разных народностей не были обособлены, культурные границы идентичностей зачастую были условными. Авторы монографии «Сибирь в составе Российской империи» указывали, что здесь наблюдался процесс «стихийного культурного единения» разных народностей³.

¹ Азиатская Россия. СПб., 1914. С. 241.

² Сведения о Сибири. Описание Енисейской губернии. Хозяйство у корейцев в Уссурийском Крае. СПб., 1895. С. 11–12.

³ Демешек Л.М., Ремнев А.В. Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 69.

Особую роль в изучении разных сторон религиозной жизни населения Сибири играют эго-история и эго-документы (дневники, мемуары, письма), позволяющие сфокусировать взгляд на индивидуальных практиках и конкретном опыте человека. Отдельные микросюжеты показывают неоднозначность межэтнических и межконфессиональных отношений, поэтому представляется актуальным и целесообразным рассмотреть проблемы религиозной толерантности и проявления национализма и антисемитизма в Сибири в начале XX в. через личную историю сибирского еврея, золотопромышленника, филантропа Якова Фризера.

На этой далекой российской окраине для еврейских, как и других этнических сообществ, религия нужна была по большей части как маркер для сохранения национальной идентичности и передачи новому поколению религиозных обрядов и предписаний. Как отмечали авторы обстоятельного дореволюционного исследования «Евреи в Иркутске», применительно к 1915 г. религия «давно уже не является единственной объединяющей идеологией значительных масс еврейского населения», а духовный мир общинной интеллигенции «давно уже ушел от религиозной традиции, но питается определенными идеалами национального самосохранения»⁴. Занятие должностей в религиозных общинах должно было осуществляться по правилам, принятым среди сибиряков, – не по кумовству, а по деловым качествам и степени личного успеха в делах. Так, на протяжении нескольких лет издаваемая в Иркутске газета «Восточное Обозрение» освещала споры в городской еврейской общине, которые, к общему удовольствию, завершились победой сил прогресса. «В еврейском обществе, как и в остальном мире, идет так же внутренняя борьба старого с новым. У нас в Сибири при низкой степени культурности еврейства, эта борьба не захватывает еще религиозных вопросов или суеверий Талмуда»⁵.

«Еврейский вопрос» и проблемы религиозной толерантности в Сибири неоднократно затрагивались в научной литературе. Ю. Островский отмечал особый тип еврея-сибиряка, поддерживавшего «дружелюбные отношения» с окружающим населением, отмечая, что «еврейский вопрос» насаждается в Сибири искусственно⁶. В. Войтинский и А. Горнштейн заметили, что иркутские евреи придерживались «ассимиляторских взглядов»: хотели, чтобы «их единоверцы как можно меньше походили на евреев “черты”», чтобы слиться «с образованным иркутским обществом того времени»⁷.

Современные исследователи при анализе межэтнических и межконфессиональных отношений также приходят к выводу о том, что взаимоотношения между еврейской общиной и сибирским социумом были в значительной степени толерантными; религиозным отличиям не придавалось особого значения, и евреи смогли успешно интегрироваться в сибирское общество, они заняли прочные позиции в экономической жизни региона⁸. Л. В. Кальмина писала о том, что иркутские евреи «преобразились даже внешне, ничем – ни говором, ни одеждой, ни привычками или менталитетом – не выделяясь из городской среды»⁹. Положение евреев в Восточной Сибири отличалось от положения евреев в черте оседлости: проявления антисемитизма встречались редко, черносотенные настроения, характерные для Европейской России начала XX в., не были ярко выражены, а еврейских погромов Восточная

⁴ Войтинский В.С., Горнштейн А.Я. Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. С. 188.

⁵ Раздоры среди городского еврейства // Восточное Обозрение. 1890. 17 июня. С. 3.

⁶ Островский Ю. Сибирские евреи. СПб., 1911. С. 60–61.

⁷ Войтинский В.С., Горнштейн А.Я. Евреи в Иркутске... С. 227–228, 233.

⁸ Meyerovich A., Vladimirska I. In search of self-identity: Jews in the context of the Russian culture // *RUND Journal of Russian History*. 2018. № 2. С. 236–240.

⁹ Кальмина Л.В. Евреи в дореволюционном Иркутске: отблеск губернского лоска // *Известия Иркутского государственного университета. История*. 2012. № 1. С. 122.

Сибирь вообще не знала¹⁰. Еврейское население Сибири, по словам Ю.М. Гончарова, не имело образа «чужака», порождающего враждебность», как это было в европейской части страны¹¹. В.А. Герасимова отметила, что сибирские евреи неожиданно оказались «успешным проектом» империи¹².

Казалось бы, что в поликонфессиональном сибирском обществе, объединенном общностью экономических и социальных факторов, не было места проявлениям религиозной нетерпимости, но в действительности все обстояло гораздо сложнее. Так, прибывавшие в Сибирь чиновники, ссыльные, военные чины воспроизводили ту религиозную иерархию, которая отражала существующую в России социальную структуру, основанную на союзе политических, военных и экономических элит¹³. В местной прессе встречались характерные для европейской России темы «еврейского засилья», специфических «еврейских» черт, «эксплуатации» местного населения, обвинения евреев в «спаивании» русского народа¹⁴. В.Ю. Рабинович заметил, что в общественном мнении по отношению к еврейской колонии в Сибири, как и в империи в целом, преобладали «разные краски: от спокойного безразличия до открытой ненависти и вражды. Антиеврейские стереотипы сохранялись уже в силу того, что сибирское общество, при всей его специфике, было частью империи»¹⁵.

В связи с этим еврейское общество Восточной Сибири было очень чувствительно к вопросам ущемления своих прав, как, например, запрещение евреям в 1887 г. заниматься винокурением и питейной торговлей, ограничение свободного передвижения, требования, чтобы евреи жили в местах своего причисления вплоть до выселения из городов и т.п.¹⁶ Отношение к евреям было тесно связано с внутривнутриполитической ситуацией в Российской империи: волны относительного либерализма и общественного подъема (например, в первой половине 1900-х гг.) сменялись реакцией, а надежды на изменение отношения к евреям – разочарованием. Проявления антисемитизма в Восточной Сибири авторы книги «Евреи в Иркутске» связывали также с сильными экономическими позициями, «зажиточностью» евреев, среди которых было немало состоятельных людей.

Исследователь Ю.М. Гончаров также заметил, что «жесткая антиеврейская позиция представителей властных структур зависела от личных качеств губернаторов»¹⁷. Отсюда – повышенное внимание к политическим и идеологическим воззрениям столичных чиновников. Так, В.С. Войтинский и А.Я. Горнштейн выделяли «эпоху Горемыкина» – иркутского генерал-губернатора в 1889 – 1900 гг., известного своим антисемитизмом, а также антиеврейские настроения А.Н. Селиванова, иркутского генерал-губернатора в 1906–1910 гг.¹⁸ И наоборот, иркутский генерал-губернатор в 1910–1916 гг. Л.М. Князев заслужил репутацию «искреннего добро-

¹⁰ Гончаров Ю.М. Сибирская идентичность евреев дореволюционной Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2012. № 2. С. 28.

¹¹ Гончаров Ю.М. Особенности формирования еврейской общины Сибири XIX – начала XX века // Известия Алтайского государственного университета. История. 2012. № 4. С. 71.

¹² Герасимова В.А. Сибирь толерантная? К вопросу об отношении к евреям в Западной Сибири в дореволюционный период // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 3. С. 60.

¹³ Ray T. Bourdieu on Religion. Imposing Faith and Legitimacy. New York, 2014. P. 5–6; Crisp O., Edmonson L. Religious Toleration in Late Imperial Russia. Oxford, 1985. P. 103–119.

¹⁴ Кружалина А.А. «Еврейский вопрос» по материалам сибирских газет второй половины XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2013. № 2. С. 161–162; Несколько слов об Ангарске // Сибирь. 1885. № 8. 17 февраля. С. 9; Из Витимской тайги // Восточное обозрение. 1899. № 95. 6 мая. С. 2.

¹⁵ Рабинович В.Ю. Еврей или сибиряк? // Ab Imperio. 2003. № 4. С. 132–133.

¹⁶ Островский Ю. Сибирские евреи. СПб., 1911. С. 18–26, 49–56.

¹⁷ Гончаров Ю.М. Особенности формирования еврейской общины Сибири XIX – начала XX века // Известия Алтайского государственного университета. История. 2012. № 4. С. 70.

¹⁸ Войтинский В.С., Горнштейн А.Я. Евреи в Иркутске... С. 247–268, 328.

желателя и друга иркутской общественности». Когда в 1916 г. он был назначен членом Государственного Совета и вынужден был покинуть Иркутск, 22 февраля 1916 г. он принял депутацию от всего еврейского населения края, которая преподнесла ему адрес. И.И. Серебренников отметил в своем дневнике, что во время чтения адреса Князев прослезился, а евреи, расставаясь с гуманным администратором, плакали¹⁹.

Источниками для исследования стали неопубликованные материалы личного архива Якова Фризера, который в настоящее время находится у его наследников в Израиле, а также документы Российского государственного исторического архива и Государственного архива Российской Федерации. Целью статьи является анализ личных документов Якова Фризера и их контекстуализация для выяснения специфики «еврейского вопроса» в Сибири в начале XX в. Отсутствие межконфессиональных конфликтов в Восточной Сибири, ассимиляционные практики местных евреев нуждаются в детальном рассмотрении и уточнении. Представляется необходимым обратить внимание на потребность евреев в уважении, отношении к ним как к полезным членам общества – то, что известный французский социолог Пьер Бурдьё в своей работе «Практический смысл» назвал «символическим капиталом», связанным с такими понятиями, как «честь», «престиж», «доверие», «признание», «взаимные услуги»²⁰.

Яков Фризер – «благочестивый иудей»

Яков Давидович Фризер (1869–1932), уроженец г. Баргузин, внук ссыльнопоселенца и сын золотопромышленника, был неординарным представителем еврейского купечества Сибири²¹. Семья Фризеров была верующей и соблюдала все еврейские праздники и обычаи, что несколько не мешало отцу Якова Фризера поздравлять рабочих своих золотых приисков с христианскими праздниками и выставлять им соответствующее празднику угощение²². Не получив систематического образования, Фризер постоянно занимался самообразованием как в плане расширения общего кругозора, так и в профессиональном. Начиная с юношеских лет, он постоянно вел дневник, куда записывал все события, впечатлившие его и давшие толчок какой-либо новой инициативе или размышлению. Помимо интенсивной экономической деятельности, Яков Фризер проявлял большой интерес к общественной и культурной жизни и часто сталкивался с двойственным отношением к себе со стороны местных администраторов и тех, с кем ему приходилось общаться в повседневной жизни: деловых партнеров, местной интеллигенции, приисковых рабочих и служащих. Чуткость к традициям представителей различных религиозных конфессий стала одним из основополагающих условий его общественных благотворительных проектов.

Побывав в Иркутске первый раз подростком, Фризер задался мечтой приблизить по уровню культуры родной Баргузин к губернскому центру. 1888 г. ознаменовался в истории Баргузина поистине историческим событием: подающий надежды 19-летний молодой золотопромышленник Яков Фризер решил организовать в городе общественную бесплатную библиотеку. С этой целью он привлек к работе местную интеллигенцию, разработал устав правления библиотеки, собрал книги, составил планы на дальнейшее формирование библиотечного фонда, купил здание для библиотеки. В своих записях Фризер отмечал: «Все это делал интуитивно, даже не уяснял, что

¹⁹ *Серебренников И.И.* Претерпев судьбы удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008. С. 195.

²⁰ *Бурдьё П.* Практический смысл. СПб., 2001. С. 229–231.

²¹ *Владимирски И., Кротова М.В.* Мемуары сибирских купцов Я.Д. Фризера и С.В. Востротина как зеркало регионалистики // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4. № 2. С. 18–30.

²² Личный Архив Якова Фризера. (далее – ЛА) Тетрадь 2. Л. 6–7 об.

делаю серьезное культурное дело. Мною не руководило, как и впоследствии в более серьезные созданные мною культурно-образовательные организации (так в тексте. – *И.В., М.К.*) ни честолюбие, ни тщеславие»²³. С раннего утра в библиотеку выстраивалась очередь желающих ознакомиться с новинками книг, газет и журналов. Поскольку в Баргузине евреи составляли почти треть населения²⁴, было решено, что библиотека будет открыта и по субботам, и по воскресеньям, чтобы позволить равное пользование ресурсами библиотеки для представителей всех религиозных конфессий, проживающих в Баргузине. В отделе периодики можно было прочитать газеты на русском, польском и немецком языках. В 1891 г. общественностью Баргузина 22-летний Фризер был избран попечителем городского ремесленного училища, при котором он открыл стипендиальный фонд и постоянный фонд на развитие училища. Избрание формально должно было быть утверждено иркутским генерал-губернатором, который в данном случае отказался утвердить решение городского самоуправления по причине того, что Яков Фризер был иудеем²⁵.

В 1897 г. Фризером были обнаружены богатейшие золотые прииски по течению речки Королон в Олекминско-Витимской тайге. Весть о нахождении столь богатых приисков молниеносно разнеслась по тайге, и очень скоро в узком горном ущелье собралось до 5 тыс. искателей легкой добычи, так называемых «хищников», старающихся намыть побольше золота до прибытия фактического хозяина приисков и казаков с урядником. Прибыв на место с казаками, Фризер обнаружил весьма пеструю толпу «хищников», куда неизвестно каким образом попали и две монашки из Афонского монастыря, разъезжавшие по приискам для сбора пожертвований. Впоследствии в своем дневнике Яков Фризер так описал эту встречу: «Я их встретил в ущелье речки с кружками. <...> Я также зашел в воду (вместе с золотоискателями. – *И.В., М.К.*) и нагнувшись в течение нескольких минут достал золотников десять или больше золота. Это золото я бросил в кружку довольно миловидной монашенки. Эти монашенки потом по всей России разносили весть о богатейшем открытии и о моем первом пожертвовании. В течение целого ряда лет я получал благословения и амулеты с Афонского и других монастырей. Интересно то, что в большие монастырские благословения меня именовали “Благочестивый Иудей”»²⁶.

На Королонских золотых приисках Якова Фризера работали сотни рабочих разного вероисповедания. В отличие от обычно принятой на золотых приисках практики нанимать сезонных рабочих Фризер предпочитал использовать рабочих на постоянной основе. Для находившихся на приисках рабочих строилось соответствующее жильё с комнатами для семейных и для одиночек, библиотека, театр, стационар, амбулатория, школа для приисковых детей. Сам Фризер проводил на приисках много времени, там находился его рабочий кабинет и даже оранжерея. Яков Фризер был садоводом-любителем и разводил разнообразные сорта роз на радость всем желающим насладиться их ароматом. До 1902 г. постоянного священника на приисках не было, по приглашению золотопромышленников священник-миссионер с разрешения епархии посещал прииски, чтобы позволить всем желающим исполнить религиозные обряды. Расстояния между приисками были огромны, в несколько сот верст, да и прииски были многочисленны. Священники, стараясь уложиться в выделенную на год сумму затрат на посещение приисков, могли посещать только соседствующие прииски, находящиеся друг от друга на расстоянии до 300 верст, да и это расстояние было не всегда возможно преодолеть, особенно в межсезонную распутицу.

²³ ЛА. Тетрадь 2. Л. 8.

²⁴ *Гениатулин Р.Ф.* Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Новосибирск, 2004. С. 332.

²⁵ ЛА. Тетрадь 2. Л. 17–18.

²⁶ Там же. Л. 56.

Летом – осенью 1900 г. в иркутской газете «Восточное обозрение» появились публикации, вызванные жалобами «недовольных христиан» на некоего золотопромышленника Ф. (это был прямой намек на Якова Фризера), препятствующего рабочим своих золотых приисков исполнять «христианский долг исповеди и святого причастия»²⁷. Рабочий прииска, некто Усольцев, обвинил в лице золотопромышленника Ф. всех золотопромышленников-евреев в недопущении своих рабочих к исполнению христианского долга и нарушении распоряжения военного губернатора Забайкальской области. Газета провела свое расследование и пришла к выводу, что скорее всего за обвинениями Усольцевым золотопромышленников-евреев кроются личные мотивы и надежды на то, что евреи, веками приученные к молчаливому перенесению всяких обид и притеснений, не поднимут голоса к своему оправданию, а высшие административные и духовные власти примут предъявленное обвинение без всякой проверки. Кроме того, золотопромышленник-еврей не мог не знать о наказании, угрожающем ему за притеснение лиц господствующего в империи вероисповедания. По донесению Усольцева было назначено проведение расследования. Но задолго до того, как расследование было закончено, редакция газеты получила ответ и опровержение от «золотопромышленника Ф.».

В своем опровержении Яков Фризер писал о том, что он первый ходатайствовал перед властями о разрешении открытия на Королонских приисках школы-церкви. Кроме того, на съезде золотопромышленников Баргузинской тайги в мае 1899 г. он был первым, кто обратился с письменным предложением об открытии в Муйском поселке школы и церкви на средства золотопромышленников²⁸. По обвинению же Усольцева Фризер счел нужным обратиться к миссионеру о. Михаилу Белоногову, письмо-ответ которого, нотариально заверенное, было переслано в редакцию с просьбой быть напечатанным целиком²⁹. В письме-ответе Я. Фризеру о. М. Белоногов отмечал, что от посещения золотых приисков Фризера им было вынесено хорошее впечатление и никаких препятствий исполнения рабочими православных треб со стороны евреев не замечалось. Напротив, евреи-золотопромышленники повсюду оказывали ему радушный прием и заявляли о насущной потребности в духовном лице для совершения массы накопившихся среди приискового люда различных религиозных треб – крещений, отпеваний, венчаний и служения молебнов. В день совершения треб рабочие получали увольнительную от работ. Управляющий Королонскими приисками С.А. Гольдберг упросил священника остаться на приисках несколько дополнительных дней, чтобы отслужить молебен по всем пяти станам и казармам приисков и на Сретенье обойти всех со Св. Крестом. За две поездки на Королонские прииски миссионером о. М. Белоноговым было совершено до 60 крещений, приобщено до 300 младенцев и такого же количества взрослых, а также масса молебнов, исключая таинства брака за неимением венцов³⁰.

11 ноября 1901 г. Яков Фризер обратился с ходатайством к его Преосвященству Пресвятейшему Мефодию, Епископу Забайкальскому и Нерчинскому, с просьбой о назначении на свои Королонские прииски священника с постоянным там местожительством. Соответствующее объявление было опубликовано в «Забайкальских Епархиальных Ведомостях» с целью поиска подходящего кандидата, желающего занять вакансию. Не лишним будет отметить, что Фризер обещал выделить священнику безвозмездно квартиру с отоплением и 300 рублей на проезд и путевые расходы, предполагая, что все прочие расходы будут оплачены доходами за испол-

²⁷ Восточное обозрение. 1900. 28 сентября. С. 2.

²⁸ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 49. Оп. 1. Д. 42. Л. 209.

²⁹ Восточное обозрение. 1900. № 240. 28 октября. С. 3.

³⁰ Там же. С. 4.

няемые религиозные требы³¹. В Канцелярии Синода был открыт формулярный список о службе «чина духовного ведомства» Фризера Якова Давидовича. По Синодальным сведениям, 34-летний Фризер успел побывать в Баргузинских купцах второй и первой гильдии, был награжден серебряной медалью за пожертвование 2000 руб. на постройку Баргузинского Городского училища, под судом и штрафами не состоял³². По факту представления Якова Фризера Епископом Забайкальским и Нерчинским к званию почетного гражданина можно предположить, что вакансия приискового священника была занята и строительство православного храма на приисках успешно завершено.

Антисемитская карта

Другой документ, связанный с именем Якова Фризера и огульным обвинением всех золотопромышленников-евреев в жульничестве, относится к 1913 г. Ожидание войны и неспособность правительства справиться с проблемами политического и социального характера способствовали усилению националистических тенденций и активности русских националистических партий.

Некто В.Л. Томчик, «омский мещанин» и золотопромышленник, обратился с письмом к известному черносотенцу, главе «Русского народного Союза имени Михаила Архангела» В.М. Пуришкевичу, в котором изложил свою жалобу на несоблюдение Я. Фризером условий продажи ему четырех золотых приисков. Стиль и содержание письма, полученного канцелярией Русского народного Союза 13 ноября 1913 г., говорили сами за себя: «Нам, людям правых взглядов и убеждений, здесь, на далекой окраине не к кому обратиться за защитой и поддержкой: кругом или евреи, единомышленники Фризера, или нечто в этом роде, симпатии которых вряд ли на нашей стороне. <...> Обыкновенными, законными мерами здесь сделать ничего нельзя, если противник со специфической фамилией, нужны героические [усилия], а результат все-таки сомнителен»³³. Прямой вывод, следовавший из письма, заключался в необходимости наведения законности и порядка в Олекминско-Витимской тайге, где, по мнению автора, «процветают евреи, скупившие всю прессу, подкупившие все власти».

Из документов, приложенных к письму, вырисовывается следующая картина: золотопромышленники братья Антон и Викентий Томчики по договору 20 декабря 1902 г. продали Я. Фризеру 4 золотых прииска в бассейне р. Королон за 15 тыс. руб., причем по условиям договора Фризер обязался платить Томчикам так называемые «попудные» – по 300 руб. с каждого добытого им на этих приисках пуда золота. По заявлениям Томчиков, Фризер «уклонился» платить эти деньги, якобы скрывая сведения о добыче золота на приисках. Параллельно Томчики обвинили Фризера в «сокрытии» добываемого им золота, чтобы не платить горную подать Кабинету Его Императорского Величества, но никаких доказательств не представили, завалив ходатайствами и жалобами все возможные инстанции. Любопытно, что Томчики в своих кляузах жаловались на «непонятное недоброжелательство» со стороны местных представителей Забайкальского горного округа, подозревая их в симпатиях к Фризеру.

Межведомственная переписка по поводу жалобы Томчика продолжалась несколько месяцев 1912–1913 гг. В ней были задействованы и Иркутский окружной суд, и канцелярия Министра Императорского двора и уделов, и горные исправники Баргузинской тайги, и канцелярия военного губернатора Забайкальской области.

³¹ Забайкальские Епархиальные ведомости. 1902. № 1. 1 января. С. 3.

³² РГИА. Ф. 796. Оп. 238. Д. 4510. Л. 2.

³³ Государственный архив российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 117. Оп. 1. Д. 529. Л. 1.

Ни одно из вовлеченных вольно или невольно ведомств не могло подтвердить достоверность притязаний Томчиков к Фризеру. Скорее наоборот, документы свидетельствовали об использовании Томчиком давления на свидетеля (местного урядника) с целью добиться любой ценой обвинения Фризера в неправомерных действиях. Заключение Баргузинского горного исправника Попрядухина от 8 марта 1912 г. не оставляет сомнения в достойном ответе на запугивания: «Обвинение мешанином Томчиком урядника, которого он застрачивал в своих заявлениях, требуя производства промером выработок, не заслуживает малейшего уважения, и действия урядника, отказавшегося принять на себя обязанность маркшейдера, мною признаны правильными»³⁴.

По требованию предписания Мирowego судьи 1-го участка Олекминского золотопромышленного района Яковом Фризером были даны исчерпывающие сведения о количестве золота, намытого на купленных приисках во временных рамках, оговоренных договором. После повторного разбора жалобы в суде с опросом свидетелей и проверки заявленных фактов В.Л. Томчик получил окончательный ответ по поводу заявления о злоупотреблениях Фризера. В нем, в частности, говорилось: «Прииска, купленные у Вас Фризером, значатся по реестру неработающими: Антоновский – с 1903 г., Викентьевский – с 1910 г., Крутой – с 1909 г. Вы можете защищать судом нарушение Ваших интересов Фризером. Для возобновления утраченных границ на Королонских приисках окружным инженером будет своевременно откомандирован отводчик»³⁵.

Не найдя справедливости у местных органов власти, Томчик принял решение обратиться к главе ультраправой националистической организации, пытаясь разыграть антисемитскую карту, оставленную без должного внимания. Иркутская судебная палата, рассмотрев в публичном судебном заседании 20 марта 1914 г. дело по иску А.Л. Томчика к Я.Д. Фризеру о возвращении приисков, постановила в иске отказать и возложить на истца судебные издержки. 24 сентября 1914 г. А.Л. Томчик подал кассационную жалобу в Правительствующий Сенат с просьбой отменить решение Иркутской судебной палаты, но и здесь его ждало разочарование³⁶.

В этом случае представляет интерес, как братья Томчики, не найдя сочувственного отношения у местного сообщества в «неравной борьбе» с «таким влиятельным и богатым противником как Фризер», хотели заручиться поддержкой центральных властей в этом конфликте, явно рассчитывая на успех. Их неудача показывает не только торжество справедливости, но и является примером сотрудничества сибиряков, независимо от их принадлежности к определенной социальной, этнической, конфессиональной группе. Фризера поддержали самые разные люди: из содержания переписки и приложенных к ней документов видно, что он пользовался большим авторитетом среди горных инженеров, исправников, отводчиков, урядников. Дело в том, что Фризер являлся, в отличие от Томчиков, знатоком своего дела, был рекомендован местным съездом золотопромышленников Баргузинского округа представлять их интересы в Петербурге в Постоянной совещательной конторе золото и платинопромышленников, организованной в 1903 г. Его кандидатуру предложил окружной инженер Баргузинского округа Левицкий, а утвердил 16 января 1904 г. членом конторы министр земледелия и государственных имуществ³⁷. Судя по активной переписке и участию в совещаниях, Фризер был хорошо известен не только в местных кругах, но и в Петербурге, регулярно поднимая «злополучный еврейский вопрос»³⁸ на всех уровнях.

³⁴ ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 529. Л. 7.

³⁵ Там же. Л. 16.

³⁶ РГИА. Ф. 1364. Оп. 14. Д. 306. Л. 2–5.

³⁷ Там же. Ф. 49. Оп. 1. Д. 4. Л. 96.

³⁸ Там же. Д. 30. Л. 88.

О еврейском патриотизме

В одной из своих тетрадей Яков Фризер упомянул об операциях с золотом в 1916 г., которые приняли «большие размеры»³⁹. Обращение к архивным документам позволило уточнить некоторые детали этих операций. В фонде Отделения заграничных операций конторы Государственного банка РГИА находится переписка Фризера с отделениями Государственного банка и своими доверенными лицами, которая затрагивает и «еврейский вопрос».

В период Первой мировой войны остро встала проблема сохранения и увеличения золотого запаса Российской империи. Государственный банк начал закупки золота у золотопромышленных компаний и населения, предпринимая различные меры против утечки золота за границу. Фризер был представителем забайкальских золотопромышленников на совещаниях в Петрограде, где ходатайствовал о назначении премии (бонификации) на сдаваемое государству золото, чтобы оно не уходило «на сторону». В 1915 г. Фризер купил золота около 69 пудов и сдал его государству⁴⁰.

В марте 1916 г. Фризер обратился в Иркутское отделение Государственного банка с предложением без кредита банка, на собственные средства скупать золото во всех золотопромышленных районах Восточной Сибири для сдачи его через золотосплавочные лаборатории отделениям Банка за 10 коп. комиссии (бонификации) с золотника чистого золота. Управляющий Иркутским отделением банка Е.Х. Гадзяцкий обратился к Управляющему Государственным банком И.П. Шипову в Петроград за разъяснениями. После некоторых раздумий Шипов ответил зашифрованной телеграммой от 15 апреля 1916 г. с разрешением заключить соглашение с Фризером, предупредив при этом, что это соглашение «не подлежит оглашению»⁴¹. Получив разрешение, Фризер организовал через своих представителей, доверенных лиц и знакомых евреев скупку золота в разных уголках Восточной Сибири и Приамурья, выдавая авансы, иногда значительные, на покупку золота в разных местах.

Механизм был следующим. Фризер предлагал скупать золото и сдавать его в Государственный банк по цене 7 руб. 98 коп за золотник, обещая добавлять от себя по 10 коп за золотник. В письме от 1 июня 1916 г. одному из доверенных лиц Фиселю Исаевичу Лангоцкому в Читу он объяснял этот странный жест: «Вероятно Вас удивит, почему я буду платить из своих средств по 10 копеек за золотник, то это делаю в виду моего обещания Государственному банку принять меры для удержания золота от ухода его за границу и такое обещание обойдется мне несколько тысяч или более рублей. <...> Сдавая золото в казну, вы действуете вполне легально (законно)..., спокойны от подозрений в сбыте золота за границу. Кроме этого, *нам, евреям, важно доказать, что мы содействовали накоплению золотых запасов в Государственном банке и этим раз навсегда докажем нашим врагам всю ложь и неверность распространяемых ими слухов о вывозе евреями золота за границу* (курсив наш. – И.В., М.К.). <...> Если примите мое предложение, то будьте уверены, что все ваше золото поступит государству, которое в нем сильно нуждается для победы над коварным врагом»⁴².

Проблема была в том, что Государственный банк скупал золото по фиксированной цене (7 руб. 98 коп. за золотник чистого золота с бонификацией 10 коп.), а частные банки (например, Сибирский) и скупщики (в том числе китайцы) платили на местах гораздо дороже. Таким образом, золото утекало за границу, в Китай и Корею, а также в частные банки. Фризер, судя по письмам, вложил значительные

³⁹ ЛА. Тетрадь 3. Л. 24 об. – 25.

⁴⁰ РГИА. Ф. 588. Оп. 3. Д. 579. Л. 73.

⁴¹ Там же. Л. 3.

⁴² Там же. Л. 63.

средства для скупки золота, раздавая авансы как деньгами (15 тыс. руб. он перевел П.Я. Румарчуку в Николаевске-на-Амуре), так и товарами. Чтобы покрыть расходы, он был вынужден отправлять часть золота в Москву «для продажи частным банкам и ювелирам по значительно высшей цене, чем 7 руб. 98 коп., которая могла бы покрывать стоимость покупки и расходы и дать небольшую прибыль»⁴³. Тут же пошли слухи, что Фризер действовал незаконно. Управляющие местными отделениями Государственного банка (Красноярским, Бодайбинским и Читинским) не верили в искренность намерений Фризера, подозревая какой-то подвох.

В одном из писем в Петроград от управляющего Красноярским отделением Госбанка от 5 мая 1916 г. говорилось: «Фризер, по мнению одного из золотопромышленников, не может брать ассигновок для получения по ним из Госбанка по невыгодности, если же и будет, то в небольшом количестве и только для того, чтобы, прикрываясь этим, иметь право скупать золото, которое будет сбывать в Китай». На этом письме сохранилась надпись товарища Управляющего Госбанком Д.Т. Никитина: «Это очень вероятно»⁴⁴. Управляющие Иркутской казенной палатой и золотосплавочной лабораторией Лабазников и Лавров дали о Фризере отрицательные отзывы. Они считали, что он преследовал «свокорыстные цели наживы вопреки государственным интересам»⁴⁵. В письме Е.Х. Гадзяцкого в Петроград 23 сентября 1916 г. говорилось: «В патриотические побуждения Фризера никто не верит и всякий, особенно не знающий о его соглашении с банком насчет бонификации, подозревает его в свокорыстных интересах». Гадзяцкий предлагал отказаться от посредничества Фризера в деле приобретения золота «во избежание дальнейших толков и недоразумений»⁴⁶.

Фризер оправдывался: «Принимая поручение банка покупать для него золото, я личных корыстных выгод не преследовал и не получал, так что даже если получу бонификацию за сданное в Бодайбо золото, то все-таки потерплю некоторый убыток. Последнее меня не смущает, но меня удручает ложное освещение моей деятельности по скупке золота для Государственного банка»⁴⁷.

Таким образом, репутация для Фризера была важнее выгоды и денег. Он подготовил для банка копии всех телеграмм и писем в Николаевск-на-Амуре, Читку, Благовещенск, Зею, Нерчинск, Вилуйск, Баргузин, Минусинск своим доверенным лицам, в основном евреям – Абраму Топазу, Касриэлю Брудно, Александру Цехарию, Матвею Рейхбауму, Мейеру Ицковичу, Абраму Шмулевскому, Ицинею Мееровичу, Павлу Румарчуку, Иосифу Короть, Иуде Лазовскому и др., подтверждая свою правоту. Более того, ответные письма от доверенных лиц доказывали, что конкуренция Сибирского банка и скупщиков-китайцев была слишком высока, покупать золото по предложенной Госбанком цене было невыгодно, и все агенты Фризера отказались сдавать золото. Часть возвратила выданные им авансы, об остальных Фризер заметил: «Возможно, что и сполна не получу»⁴⁸.

Дело дошло до самых вершин власти, о деле Фризера было доложено министру финансов 25 октября 1916 г. После знакомства со всеми документами выяснилось, что, действительно, благодаря высоким ценам скупщиков и частных банков от 5 до 10 пудов золота в месяц «утекало» в Китай, от 300 до 500 пудов золота (через частные банки) поступало ювелирам, которые платили до 8 руб. 60 коп. за золотник⁴⁹. Банк при этом знал, что в связи с «настоятельной необходимостью всемерного привлечения золота в

⁴³ РГИА. Ф. 588. Оп. 3. Д. 579. Л. 60.

⁴⁴ Там же. Л. 42.

⁴⁵ Там же. Л. 56.

⁴⁶ Там же. Л. 56 об.

⁴⁷ Там же. Л. 61.

⁴⁸ Там же. Л. 93.

⁴⁹ Там же. Л. 81.

Казну» следовало бы «повысить стоимость золота, понизить размер удержаний лабораторий, воспретить почтовую пересылку»⁵⁰. Фризеру выплатили (правда, не в полном размере) в ноябре 1916 г. бонификацию за сданное золото (на 1 декабря 1916 г. он сдал 28 пудов 26 фунтов 83 золотника 66 долей чистого золота)⁵¹, но от соглашения с ним в дальнейшем отказались. Государственная машина оказалась неповоротливой, не могла быстро реагировать на требования рынка в условиях войны. Российские чиновники предпочитали проверенные административные меры, которые в условиях кризиса не работали. После этого Фризер стал покупать и сдавать золото через Русско-Английский банк, зарабатывая, по его словам, «десятки тысяч за одни сутки»⁵².

Недоверие к евреям, несмотря на их лояльность власти, сыграло свою роль во время Русской революции 1917 г., когда антисемитизм в сибирском обществе усилился. Те же антиеврейские настроения присутствовали в эмиграции в Харбине, в котором оказался Я.Д. Фризер в 1918 г. Нападки на евреев и обвинения их в захвате власти в России стали обычным делом, а антисемитизм, как и монархизм, стали отличительной чертой эмигрантской идеологии⁵³.

Выводы

Изучение сложного и изменчивого ландшафта поведения людей в конкретных обстоятельствах показывает, что любые схемы оказываются условными при внимательном рассмотрении. Поэтому контекстуализация документов, подробная детализация отдельных сюжетов представляются перспективной исследовательской стратегией. Анализ приведенных документов в целом позволяет сделать заключение о религиозной толерантности сибирского общества, обусловленной условиями его формирования и структурой, а также слабой степенью политизации. В отличие от метрополии с ее четкой вертикальной социальной иерархией на далекой сибирской окраине система социальных взаимоотношений была более демократичной и лишеной принятых социальных условностей. Сибирское общество, состоявшее из специфического человеческого ресурса, исключенного из рамок этих условностей и пораженного в гражданских правах, сформировало свой особый тип взаимоотношений, основанный на уважении к умеющему добиться успеха и возвращающего ему стоицей за возможность реализовать себя. Однако частные случаи, отразившиеся в личных документах Якова Фризера, показывают, что реальная картина межконфессиональных и межэтнических отношений была гораздо сложнее и драматичнее. Она зависела от многих факторов, в том числе и от внутривластной ситуации в стране, личностных характеристик чиновников, проекции государственного антисемитизма на всю территорию Российской империи. Интеграция евреев в сибирский социум, несомненно, была успешной, еврей-сибиряки активно участвовали в общественной жизни, дорожили своей репутацией и добрым именем, доказывая лояльность режиму при каждом удобном случае, однако во время серьезных кризисов именно евреи оказывались удобной мишенью для критики и способом оправдания ошибок и просчетов власти. «Еврейский вопрос» не был актуален в Восточной Сибири, отличавшейся индифферентностью в вопросах веры, но на поверку оказался глубоко укорененным в российском обществе.

Рукопись поступила: 17 июля 2020 г.

Submitted: 17 July 2020.

⁵⁰ РГИА. Ф. 588. Оп. 3. Д. 579. Л. 83.

⁵¹ Там же. Л. 93.

⁵² ЛА. Тетрадь 3. Л. 30.

⁵³ *Розенталь И.С.* Русское зарубежье, еврейский вопрос... (20-е – 40-е годы XX века) // *Россия XXI*. 2012. № 1. С. 130–157.

Библиографический список

- Бурдые П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
- Войтинский В.С., Горништейн А.Я. Евреи в Иркутске. Иркутск: типолитография П.И. Макушина и В.М. Посохина, 1915. 393 с.
- Владимирски И., Кротова М.В. Мемуары сибирских купцов Я.Д. Фризера и С.В. Востротина как зеркало регионалистики // Северные архивы и экспедиции. 2020. Т. 4. № 2. С. 18–30.
- Дамешек Л.М., Ремнев А.В. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
- Гениатулин Р.Ф. Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Новосибирск: Ин-т природ. Ресурсов, экологии и криологии, 2004. 419 с.
- Герасимова В.А. Сибирь толерантная? К вопросу об отношении к евреям в Западной Сибири в дореволюционный период // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 3. С. 54–63.
- Гончаров Ю.М. Особенности формирования еврейской общины Сибири XIX – начала XX века // Известия Алтайского государственного университета. История. 2012. Т. 1. № 4. С. 68–72.
- Гончаров Ю.М. Сибирская идентичность евреев дореволюционной Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2012. № 2. С. 26–32.
- Кальмина Л.В. Евреи в дореволюционном Иркутске: отблеск губернского лоска // Известия Иркутского государственного университета. История. 2012. № 1. С. 118–126.
- Кружалина А.А. «Еврейский вопрос» по материалам сибирских газет второй половины XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2013. № 2. С. 157–166.
- Островский Ю. Сибирские евреи. СПб.: тип. И. Лурье, 1911. 62 с.
- Рабинович В.Ю. Еврей или сибиряк? // *Ab Imperio*. 2003. № 4. С. 115–142.
- Розенталь И.С. Русское зарубежье, еврейский вопрос... (20-е – 40-е годы XX века) // Россия XXI. 2012. № 1. С. 130–157.
- Серебрянников И.И. Претерпев судьбы удары. Дневник 1914 – 1918 гг. Иркутск: Издатель Сапронов, 2008. 592 с.
- Crisp O., Edmonson L. *Religious Toleration in Late Imperial Russia*. Oxford: Oxford University Press, 1985. 240 p.
- Meyerovich A., Vladimirsky I. In search of self-identity: Jews in the context of the Russian culture // *RUDN Journal of Russian History*. 2018. № 2. С. 236–240.
- Terry Ray. *Bourdieu on Religion. Imposing Faith and Legitimacy*. New York: Routledge, 2014. 224 p.

References

- Burd'ye, P. *Prakticheskiy smysl*. St. Petersburg: Aleteyya Publ., 2001 (in Russian).
- Crisp, O., and Edmonson, L. *Religious Toleration in Late Imperial Russia*. Oxford: Oxford University Press, 1985.
- Dameshek, L.M., and Remnev, A.V. *Sibir' v sostave Rossiyskoy imperii*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2007 (in Russian).
- Geniatulin, R.F. *Entsiklopediya Zabaykal'ya. Chitinskaya oblast'*. Novosibirsk: In-t prirod. Resursov, ekologii i kriologii Publ., 2004 (in Russian).
- Gerasimova, V.A. "Is Siberia tolerant? On the issue of attitudes towards Jews in Western Siberia in the pre-revolutionary period." *Perm University Bulletin. History*, no. 3 (2018): 54–63 (in Russian).
- Goncharov, Yu.M. "Features of the formation of the Jewish community of Siberia XIX – early XX century." *Izvestia of Altai Article University* 1, no. 4 (2012): 68–72 (in Russian).
- Goncharov, Yu.M. "Siberian identity of Jews in pre-revolutionary Siberia." *The Bulletin of Irkutsk State University». Series «History»*, no. 2 (2012): 26–32 (in Russian).
- Kal'mina, L.V. "Jews in pre-revolutionary Irkutsk: a glimpse of the provincial gloss." *The Bulletin of Irkutsk State University». Series «History»*, no. 1 (2012): 118–126 (in Russian).
- Kruzhalina, A.A. "«The Jewish Question» Following Materials from the Siberian Newspapers of the Second Half of the XIXth Century." *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, no. 2 (2013): 157–166 (in Russian).
- Meyerovich, A., and Vladimirsky, I. "In search of self-identity: Jews in the context of the Russian culture." *RUDN Journal of Russian History*, no. 2 (2018): 236–240.
- Ostrovskiy, Yu. *Sibirskiye yevrei*. St. Petersburg: tip. I. Lur'ye Publ., 1911 (in Russian).
- Rabinovich, V.Yu. "Jew or Siberian?" *Ab Imperio*, no. 4 (2003): 115–142 (in Russian).

- Rozental', I.S. "Russian Diaspora, the Jewish Question ... (20s – 40s of the XX century)." *Russia XXI*, no. 1 (2012): 130–157 (in Russian).
- Serebrennikov, I.I. *Preterpev sud'by udary. Dnevnik 1914 – 1918 gg.* Irkutsk: Izdatel' Sapronov Publ., 2008 (in Russian).
- Terry, Ray. *Bourdieu on Religion. Imposing Faith and Legitimacy*. New York: Routledge, 2014.
- Voytinskiy, V.S., and Gornshteyn, A.Ya. *Yevrei v Irkutske*. Irkutsk: tipolitografiya P.I. Makushina i V.M. Posokhina Publ., 1915 (in Russian).
- Vladimirski, I., and Krotova, M.V. "Memoirs of Siberian merchants Ya.D. Frizer and S.V. Vos-trotina as a mirror of regionalism." *Northern Archives and Expeditions* 4, no. 2 (2020): 18–30 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Владимирски Ирена, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории общественной мысли Академического колледжа Ахва.

Irena Vladimirska, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Head of the History of the Ideas Department, Achva Academic College.

Кротова Мария Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений, медиалогии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Maria V. Krotova, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor of the Department of International Relations, Medialogy, Political Science and History, St. Petersburg State University of Economics.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-838-850>

Научная статья / Research article

Цыгане и военная служба в Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX в.

В.Н. Шайдуров^а, Т.А. Новгородский^б

^аЛенинградский государственный университет имени А.С. Пушкина; 196605, Россия, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10; s-w-n@mail.ru

^бБелорусский государственный университет; 220030, Республика Беларусь, Минск, ул. Красноармейская, 6; tadeush_minsk@mail.ru

Аннотация: Одним из последствий активной внешней политики Российской империи в XVIII – XIX вв. стало не только включение в ее состав новых территорий, но и усложнение национального состава населения за счет новых этнических групп. Поляков, евреев, цыган, финнов и многих других необходимо было инкорпорировать в существовавшие государственные, общественные, социальные институты. Большая часть мероприятий, проводившихся в отношении, скажем, евреев или цыган, была нацелена на их насильственную адаптацию. Под знаком борьбы с бродяжничеством в 1770-х – 1820-х гг. царская администрация предпринимала многократные попытки склонить различные группы цыганского населения к оседлому образу жизни. Включение их в податные городские и сельские сословия предполагало возложение на них казенных и земских податей и повинностей. В полной мере это относилось к рекрутской повинности в ее натуральной либо денежной форме. Однако цыгане, в отличие от евреев-ашкеназов, не представляли единый народ. Это заставило правительство по-разному подходить к несению ими рекрутской повинности в разных регионах. В Крыму и Бессарабии цыгане являлись неотъемлемой частью местных сообществ. Власти сочли невозможным отделить их, например, от крымско-татарских мусульманских обществ. На этом основании они, как и татары, были освобождены от рекрутчины. Однако некоторые воензированные и военные институты (исправительные роты инженерного ведомства, батальоны военных кантонистов) использовались в репрессивно-воспитательном духе. Если первые должны были пресечь бродяжничество цыган и способствовать их оседлости, то вторые должны были способствовать социализации малолетних цыган и сделать их «полезными членами общества». В данной статье впервые в историографии поднят вопрос об отношении государства к цыганам России с точки зрения военной службы. Статья написана на основе опубликованных источников и неопубликованных документов из центральных и региональных архивов, которые впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: цыгане, Российская империя, русская армия, рекрутская повинность, кантонисты, национальная политика

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-59-00010 “Этнические меньшинства в Беларуси и России в условиях общественных трансформаций 19–20 вв”.

Для цитирования: Шайдуров В.Н., Новгородский Т.А. Цыгане и военная служба в Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 4. С. 838–850. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-838-850>

The Gypsies and Military Service in the Russian Empire in the Second Half of the 18th – First Half of the 19th Century

Vladimir N. Shaidurov^a, Tadeush A. Novogrodsky^b

^aPushkin Leningrad State University; 10, Peterburgskoye Sh., Pushkin,
Saint Petersburg, 196605, Russia; s-w-n@mail.ru

^bBelarusian State University; 6, Krasnoarmeyskaya St., Minsk, 220030,
Republic of Belarus; tadeush_minsk@mail.ru

Abstract: The complication of the national composition of the population due to new ethnic groups as well as incorporation of new territories into the Russian Empire were ones of the consequences of an active foreign policy in the XVIII – XIX century. The Poles, Jews, Gypsies, Finns, and many others needed to be incorporated into existing state, public, social institutions. Most of the activities carried out against, for example, the Jews or Gypsies, aimed at their violent adaptation. The tsarist administration made repeated attempts to persuade various groups of the gypsy population to a settled way of life under the aegis of combating vagrancy in the 1770s – 1820s. Their incorporation in the taxable urban and rural estates implied the imposition of state and district taxes and duties on them. This fully related to recruitment service in its natural or monetary form. But, the Gypsies, unlike Ashkenazi Jews, was not a united nation. This fact forced the government to take different approaches to their recruiting duties in different regions. In Crimea and Bessarabia, the Gypsies were an integral part of local communities. The authorities found it impossible to separate them, for example, from the Crimean Tatar Muslim societies. On this basis they were freed from recruitment same as the Tatars. But some militarized and military institutions (correctional troops of the engineering department, battalions of military cantonists) were used in a repressively educational spirit. If the first were supposed to stop the vagrancy of the Gypsies and promote their sedentary, the second were to contribute to the socialization of young Gypsies and make them ‘useful members of society’. This article for the first time in historiography raises the question of the attitude of the state towards the Gypsies of Russia from the point of view of military service. The article is written on the basis of published sources and unpublished documents from the central and regional archives, which are first introduced into scientific circulation.

Keywords: Gypsies, Russian Empire, Russian army, recruiting duty, cantonists, national politics

Acknowledgements and Funding: The reported study was funded by RFBR and BRFR, project number 20-59-00010 "Ethnic minorities in Belarus and Russia in the conditions of social transformations of the XIX–XX centuries".

For citation: Shaidurov, Vladimir N., and Novogrodsky, Tadeush A. “The Gypsies and Military Service in the Russian Empire in the Second Half of the 18th – First Half of the 19th Century.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 4 (November 2020): 838–850. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-838-850>

Введение

История русской армии XVIII – первой половины XIX в. чрезвычайно популярна. Это объясняется активной внешней политикой Российской империи, в которой армия выступала одним из действенных инструментов. В период реформ Петра I были заложены основы комплектования армии и флота, базировавшиеся до середины XIX в. на рекрутской повинности, которая была распространена на податное население страны. В это же время было положено начало специализированной подготовке нижних чинов. Однако некоторые аспекты исполнения рекрутской повинности и иные формы участия в пополнении частей сухопутной армии и военно-морского флота в дореформенный период по-прежнему вызывают дискуссии либо вовсе не попадали в поле зрения исследователей, оставаясь *tabula rasa*. В полной мере это можно отнести к национальной составляющей этого явления.

Общая картина несения населением рекрутской повинности и присутствия в батальонах военных кантонистов в настоящее время восстановлена. К ней обращались уже в период подготовки и проведения военной реформы в 1860-е гг.¹ Из ра-

¹ Сидоренко Г. Рекрутская повинность: Значение ее в ряду систем формирования и комплектования войск и историческое развитие ее в России. Значение рекрутской повинности в ряду систем формирования и комплектования войск. СПб., 1869.

бот советского периода можно выделить монографию К.М. Ячменихина «Военные поселения в России (История социально-экономического эксперимента)»². В 2000-е гг. отечественные авторы обращались к изучаемой проблеме с разных позиций. Можно обратить внимание на кандидатскую диссертацию В.К. Ячменихина «Военные кантонисты Русской армии (1797–1836 гг.)»³. Несмотря на то, что в реконструкции быта кантонистов использовались источники личного происхождения, авторами которых были в том числе евреи (В.Н. Никитин, И.И. Ицкович и др.), исследователь не акцентировал внимание на положении в батальонах представителей этнических меньшинств. Из работ последних лет можно выделить монографию В.Н. Горелова «Карательная функция рекрутчины в России 1705–1874 гг.»⁴, в которой автор развивает тезис о том, что среди рекрутов определенное место занимал асоциальный элемент. Отдача в рекруты являлась механизмом социального воздействия, а сама военная служба должна была улучшить морально-нравственный облик вчерашнего правонарушителя.

Обращаясь к историографии затронутой темы, следует учитывать, что работ по национальной тематике не так много. Например, в 2001 г. была опубликована монография В. Цабана «Служба рекрутов из Королевства Польского в царской армии в 1831–1878 гг.»⁵.

В историографии на сегодняшний день большинство исследований посвящено евреям-кантонистам. Первые работы публицистического характера появились во второй половине XIX в., их авторами зачастую становились бывшие колонисты, успешно продвинувшиеся по карьерной лестнице. Среди них выделяется, в первую очередь, В.Н. Никитин – автор ряда произведений о русских евреях XIX в.⁶ На его произведения давно обращают внимание современные исследователи, однако оценка их значимости различна. Для некоторых он является автором работы невысокой филологической ценности, которая может быть интересна как одно из воспоминаний о странице социальной истории России второй четверти XIX в.⁷ Для исследователей истории русских евреев он выступает как аутентичный носитель информации⁸.

В контексте истории русских евреев тема военной службы звучит в работе Б. Натанса «За чертой. Евреи встречаются с поздней имперской Россией», опубликованная в 2002 г. на английском языке и изданная на русском языке в 2007 г. В ней автор утверждал, что, в отличие от своих предшественников, император Николай I для решения «еврейского вопроса» (подразумевалась ликвидация еврейской обособленности и автономии) решил прибегнуть не к «зачаточной иерархии сословий, а прежде всего ... помощи армии»⁹.

Работы Дж. Клира и Й. Петровского-Штерна определили основные тенденции в изучении рассматриваемого явления. Первый охарактеризовал правительственную политику в отношении еврейского населения в последней трети XVIII – первой четверти XIX в. как прагматичную; в ходе ее реализации «власть стремилась получить максимальную выгоду от их присутствия в империи»¹⁰. В своей монографии,

² Ячменихин К.М. Военные поселения в России (История социально-экономического эксперимента). Уфа, 1984.

³ Ячменихин В.К. Военные кантонисты Русской армии (1797–1836 гг.). М., 2000.

⁴ Горелов В.Н. Карательная функция рекрутчины в России 1705–1874 гг. Севастополь, 2015.

⁵ Caban W. Służba rekrutów z Królestwa Polskiego w armii carskiej w latach 1831–1873. Warszawa, 2001.

⁶ Никитин В. Многострадальные. Очерки быта кантонистов // Отечественные записки. 1871. № 8–10.

⁷ Ячменихин В.К. Военные кантонисты Русской армии (1797–1836 гг.). М., 2000. С. 25.

⁸ Шайдуров В.Н. Евреи и их место в хозяйственной жизни Западной Сибири во второй половине XIX в. // Новый исторический вестник. 2014. № 39. С. 21–35; Shaidurov V.N. Jews and their social status in the society of Siberia in XIX century // Bylye gody. 2014. № 32. С. 239–244.

⁹ Натанс Б. За чертой. Евреи встречаются с поздней имперской Россией. М., 2007. С. 42.

¹⁰ Клир Дж. Россия собирает своих евреев. М., Иерусалим, 2000. С. 239–316.

посвященной службе евреев в русской армии¹¹, Петровский-Штерн рассматривал военную службу под иным углом зрения, отмечая, что она позволяла евреям преодолеть черту оседлости.

Современная академическая иудаика обогатилась исследованиями о евреях-кantonистах в отдельных регионах Российской империи. В некоторых работах отмечается факт их влияния на институционализацию жизни еврейских сообществ Севастополя¹², Екатеринбурга¹³, Томска¹⁴, других городов¹⁵. Эти работы могут быть базисом для изучения политики в отношении разных этнических меньшинств.

Однако следует помнить, что рекрутчина и набор мальчиков в кантонистские части стали тяжелым бременем не только для евреев России. Эта практика была распространена, например, и на разные группы цыган. Однако данный вопрос до настоящего времени не попадал в поле зрения отечественных исследователей.

Следует отметить, что подобного рода работы постепенно становятся базисом для обобщающих исследований, в которых национальная тематика получает свое звучание. Примером тому может служить работа Ф.Н. Иванова «История рекрутской повинности в России (1699–1874 гг.)»¹⁶, в которой автор не только в историографической части, но и при описании отдельных сюжетов обратился к еврейской тематике.

Рассматривая разные пересекающиеся аспекты социальной и военной истории применительно к некоторым этническим меньшинствам, следует опираться на широкий круг источников. Опубликованные источники представлены в первую очередь законодательными и нормативно-правовыми актами, включенными в Полное собрание законов и Свод законов Российской империи. Эти документы могут быть сгруппированы в несколько блоков: 1) регламентировавшие процедуру отбывания рекрутской повинности и набор кантонистов; 2) определявшие права и обязанности кантонистов в период несения военной службы; 3) разъясняющие права бывших кантонистов (после отставки и ликвидации института кантонистов в русской армии).

Среди неопубликованных материалов выделяется многочисленный блок делопроизводственных документов, которые представлены рапортами, отношениями, справками, списками и прочими источниками, которые позволяют рассмотреть практику правоприменения существовавших законов. Данные документы отложились в фондах как центральных (Российский государственный исторический архив), так и региональных архивов (г. Выборг). Важная информация содержится также в публицистических изданиях второй половины XIX в., авторами которых выступали бывшие кантонисты или очевидцы событий.

Методологически данная тема рассматривается с позиций перехода от традиционного общества к современному, в ходе которого нивелировались этно-конфессиональные критерии и шел процесс формирования единообразного социума.

¹¹ *Петровский-Штерн Й.* Евреи в русской армии. М., 2003.

¹² *Гельман Б.* Кантонисты: путь преодоления черты оседлости (на примере Севастополя) // Проблемы еврейской истории. Материалы научных конференций Центра «Сэфер» по иудаике 2007 года: памяти профессора Джона Дойла Клира. М., 2008. С. 194–206.

¹³ *Главацкая Е.М., Заболотных Е.А.* Еврейская религиозная община Екатеринбурга во второй половине XIX – начале XX в.: численность и институты // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2017. Т. 19. № 4. С. 206–221.

¹⁴ *Shaidurov V.N.* Jews and their social status in the society of Siberia in XIX century // *Bylye gody*. 2014. № 32. С. 239–244.

¹⁵ *Нутрихин Р.В., Савченко С.П.* Еврейские солдаты-кантонисты. Евреи на Ставрополье: с древнейших времен до 1917 года. Ставрополь, 2016. С. 59–63.

¹⁶ *Иванов Н.Ф.* История рекрутской повинности в России (1699–1874 гг.): учебное пособие. М., 2017.

Цыгане в России

Вопрос о кантонистах напрямую связан с рекрутской повинностью. Сам термин пришел на смену «солдатским детям» в начале правления Александра I, приобретая более широкое наполнение. Теперь в кантонисты определялись не только малолетние и несовершеннолетние сыновья нижних чинов, но и представители некоторых иных (в том числе этнических) групп населения Российской империи. Одни – по праву рождения, другие – в силу закона оказывались в особой социальной группе, которая, возникнув еще в 1721 г. и находясь в ведении Военного министерства, с некоторыми изменениями просуществовала до 1856 г.

Цыгане несколько раньше евреев оказались в составе Российской империи. Произошло это в результате присоединения новых территорий на протяжении XVIII – первой четверти XIX в. Их положение упрощалось принадлежностью к той же конфессии, к каковой относилось большинство населения. Так, цыгане Крыма исповедовали ислам, ингерманландские цыгане были лютеранами, цыгане, проживавшие в белорусских землях, были преимущественно православными. Так что отсутствовала почва для религиозного антагонизма. Главным злом, исходившим от цыган, считался их образ жизни – кочевой на ограниченной территории.

На протяжении 1780-х – 1840-х гг. царское правительство предпринимало попытки перевести цыган к оседлости, приписывая их в городские и сельские общества. Однако в подавляющем большинстве случаев они заканчивались провалом. Правда, властям удалось добиться от небольшого числа цыганских семей приписки в мещанство либо разряд государственных крестьян. Это позволяло им избегать обвинений в бродяжничестве: ежегодно такие семьи получали от своих обществ паспорта, которые давали им возможность свободного перемещения в границах губернии.

В законодательных актах первой половины XVIII в. встречаются единичные упоминания о цыганах, но они напрямую были связаны с содержанием слободских полков, в пользу которых с цыган взимался особый денежный сбор¹⁷. Эти акты свидетельствуют, во-первых, о факте проживания цыган в Малороссии, Слободской Украине и примыкающих к ней уездах Великороссии, а во-вторых, о замене для цыган военной службы (рекрутской повинности) денежным налогом.

Формальное прикрепление цыган к городским (купеческим и мещанским) и сельским обществам, запись в разряд дворовых людей за помещиками в 1780-е – 1810-е гг. – все это возлагало на них обязательство выполнять, как и прочие податные сословия, рекрутскую повинность. Однако фактическое отсутствие цыган в городах и сельских поселениях свидетельствовало о невозможности ее исполнения. В этот период правительство больше заботилось о взыскании с цыган подушной и прочих податей, чем об исполнении ими натуральных повинностей, в том числе рекрутской.

Цыгане на окраинах Империи и освобождение от рекрутчины

Устав образования Бессарабской области 1818 г. регламентировал права и обязанности различных групп населения региона¹⁸. Коронные и частновладельческие цыгане, наряду с евреями, составляли особые «состояния». На первых была возложена обязанность уплаты в казну особого денежного налога – «даждии, по основанию имеющейся у них грамоты». Помещичьи цыгане, согласно закону, были полностью освобождены «от всех вообще как казенных, так и общественных податей, сборов и повинностей»¹⁹. Законодатель особо акцентировал внимание на факте ис-

¹⁷ Полное собрание законов Российской империи. Издание I (далее – ПСЗ РИ-I). Т. 9. № 6430, 6454.

¹⁸ Там же. Т. 35. № 27357.

¹⁹ Там же.

ключения цыган и евреев Бессарабии от возможности поступления на государственную службу (военную и гражданскую). Таким образом, цыгане были освобождены в том числе от рекрутчины.

В 1828 г. император Николай I утвердил «Учреждение для управления Бессарабской областью»²⁰. Этим документом было прекращено действие Устава 1818 г., но права и обязанности населения региона были полностью сохранены, о чем было заявлено в § 1 нового акта. Особо было обращено внимание на тот факт, что цыгане, как коронные, так и помещичьи, наряду с прочими были «от рекрутской повинности свободны на неопределенное время» (§ 2). Эта формулировка отличалась от той, которая, например, была использована в царствование Екатерины II в отношении иностранных колонистов (им это право было даровано «на вечные времена»), что давало властям возможность при необходимости в любой момент распространить рекрутчину на коренное население Бессарабии.

В конце 1828 – начале 1829 г. в разных ведомствах обсуждался вопрос об устройстве цыган в Бессарабской области²¹. Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор М.С. Воронцов, министр финансов Е.Ф. Канкрин и другие заинтересованные лица высказали мнение по этому поводу. В центре внимания оказались вопросы, связанные с возможными льготами, которые следовало предоставить цыганам при водворении в казенных селениях. В итоговом документе упомянуто освобождение цыган на четыре года от уплаты казенных податей, военного постоя²². Неупоминание среди предоставленных льгот рекрутской повинности вполне объяснимо, поскольку от нее местные цыгане были уже освобождены.

В 1828 г. освобождение от рекрутской повинности вместе с другими городскими жителями получили цыгане Феодосии. По седьмой ревизии (1815 г.), по данным магистрата Феодосии, в городе числилось «цыган-ремесленников магомедан мужеска 125 и женска пола 121 душа»²³, что составляло около 5% городского населения. Подобного рода послабления городским жителям Юга России не были внове. Так, на рубеже XVIII – XIX вв. от платежа казенных податей, рекрутской и квартирной повинностей были освобождены горожане Одессы. Подобный шаг в отношении населения бывшей столицы Крымского ханства был связан с необходимостью поддержки роста экономического значения Феодосии как черноморского порта. Данная льгота была дарована на 25 лет²⁴.

Но не только цыгане Бессарабии и Крыма получили освобождение от рекрутчины. На Кавказе власти также шли на точечное предоставление цыганам некоторых послаблений, что могло быть связано с людскими и материальными потерями, которые несли цыганские сообщества. Например, проживавшие в селениях Кавказской области находились под угрозой нападений со стороны горцев. В 1828–1829 гг. разорению были подвергнуты некоторые селения Пятигорского округа. В законодательных актах можно встретить упоминание о предоставлении цыганам селения Незлбного освобождения от уплаты податей и рекрутской повинности. Этот факт стал основанием для обращения начальника Кавказской области Е.И. Мечникова к министру финансов Е.Ф. Канкрину с просьбой о сложении с цыган селения Нижнеподгорного Пятигорского округа недоимок по казенным и местным податям. Одновременно с этим в декабре 1832 г. было объявлено об освобождении цыганского общества от несения рекрутской повинности. Подобные послабления были мотивированы людскими потерями (жертвами нападения стали 28 мужчин и женщин,

²⁰ Полное собрание законов Российской империи. Издание II (далее ПСЗ РИ-II). Т. 3. № 1834.

²¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1152. Оп. 1. 1828. Д. 140.

²² ПСЗ РИ-II. Т. 4. № 2665.

²³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 2. 1819. Д. 198. Л. 1 б – 1 б об.

²⁴ ПСЗ РИ-II. Т. 3. № 2057.

из которых 6 были убиты, 22 взяты в плен) и материальным убытком, который был оценен начальником Пятигорского округа более, чем в 13,6 тыс. руб.²⁵

Укрепляя безопасность приграничных районов на Кавказе, правительство формировало за счет местного населения новые казачьи полки. Цыгане Пятигорского округа оказались связаны с Волгским казачьим полком (с конца XVIII в. был расквартирован на Кавказе), в который они должны были поставлять рекрутов. В 1837 г. истек срок объявленной выше льготы. Главноуправляющий гражданской частью и пограничными делами Грузии, Армянской области, Астраханской губернии и Кавказской области и командир Отдельного Кавказского корпуса генерал Г.В. Розен обратился к императору Николаю I с просьбой о ее продлении. Летом 1838 г. военный министр А.И. Чернышов уведомил генерала Е.А. Головина, который сменил на посту главноуправляющего и командира Кавказским корпусом Розена, о том, что цыганам казенного селения Нижнеподгорного распоряжением императора освобождение от рекрутчины продлено на следующие 5 лет²⁶.

В 1831 г. был обновлен рекрутский устав²⁷. Некоторые его положения косвенно затронули и цыган. Так, в § 10 были перечислены податные люди, которые были освобождены от натуральной либо денежной рекрутской повинности. Среди них были упомянуты ссыльно-поселенцы в Сибири, которые получали льготу на 20 лет с момента поселения (п. 14). Факт присутствия таких цыган подтверждается документально. Например, по предписанию Томской Экспедиции о ссыльных от 2 апреля 1840 г. в Богородской волости Томской губернии был водворен «из цыган на поселение Немцов Егор 19 лет»²⁸. И это был не единичный случай.

К концу 1820-х – началу 1830-х гг. положение разных групп цыган в Российской империи не отличалось однообразием. Это было связано, с одной стороны, с крайне поверхностным кооптированием их в общегосударственные сословия с автоматическим распространением на них всех прав и обязанностей. С другой стороны, присоединение новых территорий (Бессарабии, Кавказа) требовало от властей проведения осторожной политики в отношении местного населения, что сопровождалось в течение некоторого времени сохранением за населением прежних прав и обязанностей.

Цыгане и репрессивная политика Николая I

В царствование Николая I правительственные круги активизировали борьбу с бродяжничеством. В течение 1832–1834 гг. появилось несколько законодательных актов, на основании которых бродяг, в том числе и цыган, задержанных полицией, следовало обращать в рекруты либо направлять в кантонистские школы.

Один из первых шагов в этом направлении был сделан в феврале 1832 г. Сенатским указом «О разрешении вопросов, как поступать с бродягами от 17 до 20 и от 20 до 25 лет»²⁹, основу которого легли предшествующие законодательные акты и возникшая в течение 1828–1832 гг. полицейско-судебная практика в Бессарабии, Области Войска Донского и Воронежской губернии (к слову, в регионах, где кочевали различные группы цыган). Несмотря на заголовок акта, значительное место в его содержании отведено действиям в отношении малолетних бродяг (до 17 лет). Уже на основании Высочайше утвержденного мнения Государственного Совета от 22 марта 1828 г. таковых следовало направлять в кантонистские батальоны. По донесению начальника Штаба по военным поселениям генерал-адъютанта П.А. Клейн-

²⁵ ПСЗ РИ-II. Т. 7. Ч. 1. № 5834.

²⁶ Там же. Т. 13. Ч. 1. № 11318.

²⁷ Там же. Т. 6. Ч. 1. № 4677.

²⁸ Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 3. Оп. 36. Д. 323. Л. 1 об.

²⁹ ПСЗ РИ-II. Т. 7. № 5145.

михеля, в Области Войска Донского возникла практика направления малолетних бродяг в Дмитриевский батальон «как ближайший по месту расстояния»³⁰. Эта практика и была теперь закреплена законодательно. В силу существовавшей в Российской империи правовой практики указания, направленные Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору и Донскому Областному Правлению, автоматически распространялись на всю страну.

Уже в марте того же года было дано дополнительное разъяснение вопросу о зачислении малолетних бродяг в кантонисты. Если февральский указ определил верхнюю возрастную границу (17 лет), то теперь был определен минимальный возраст для отправки в батальоны и полубатальоны – 8 лет. Эта мера распространялась как на одиночных малолетних бродяг, так и на «детей, при бродягах находящихся»³¹. Основанием для такого решения стало мнение Николая I, уравнившего их с детьми, находившимися в ведении губернских Приказов общественного призрения: «детей сих передавать... в батальоны военных кантонистов по достижении восьми-летнего возраста»³².

Однако, как показывает практика, бродяжничество было повсеместно распространенным явлением. О присутствии тут цыган свидетельствовали современники. Так, писатель-этнограф П.М. Шпилевский в одном из самых известных своих произведений «Путешествие по Полесью и Белорусскому краю» (впервые было опубликовано в журнале «Современник» в 1853 г.; в 1858 г. отпечатано отдельным изданием) упомянул применительно к Несвижской ярмарке странствующих с медведями цыган и хорошеньких цыганок, которые развлекали публику фокусами и плясками. О том, что они являлись неотъемлемой частью историко-культурного ландшафта, свидетельствует и то, как писал Шпилевский, что «куда ни пойдешь здесь, непременно наткнешься на это племя: уж именно справедлива пословица несвижская: цыган скачет, цыган пляшет, цыганка песенки поет на ярмарке»³³. Окрестности Гродно, Слонима, Мира, Несвижа, Минска, Борисова и почти весь Слуцкий уезд были местом активной цыганской жизни³⁴. Цыгане Беларуси в основном занимались ремеслами либо торговали «на постоянных местах», при этом факт приписки к сельским и городским обществам в белорусских губерниях не мешал некоторым из них сохранять полукочевой образ жизни. В том числе и против таких бродяг в 1834 г. власти предприняли новые репрессивные шаги в западных (белорусско-литовских) губерниях. В шестинедельный срок местные помещики, городские и сельские общества, кагалы должны были известить полицию о тех, кто находился в зоне их ответственности без паспортов или с просроченными видами, кто незаконно был причислен к обществам, сословию почетных граждан, однодворцам. Выявленных беглых и бродяг следовало передавать в ведение военных властей: годных к военной службе отдавать в рекруты, негодных по состоянию здоровья к военной службе направлять в военно-арестантские роты, женщин и девок передавать на фабрики и военные поселения, а малолетних причислять в разряд военных кантонистов³⁵.

В начале 1830-х гг. на Юге России стали массово создавать арестантские роты гражданского ведомства, которые комплектовались в том числе за счет беглых, бродяг и преступников. Так, в июле 1830 г. по инициативе Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора графа М.С. Воронцова были сформированы подоб-

³⁰ ПСЗ РИ-II. Т. 7. № 5145.

³¹ Там же. № 5222.

³² Там же.

³³ Шпилевский П.М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. СПб., 1858. С. 67.

³⁴ Там же. С. 74.

³⁵ ПСЗ РИ-II. Т. 9. Ч. 1. № 6733.

ные роты в Одессе, Измаиле, Херсоне и Симферополе³⁶. Сам принцип комплектования отделений позволяет говорить об их преимущественном применении на строительных и ремонтных работах. Так, п. 5 гласил, что «роты делятся на отделения, в коих должно быть не более 10 человек и в кои помещать арестантов по возможности ожних и тех же мастеров, как то: отделение каменщиков, плотников, каменотесцев и пр.»³⁷. В августе 1831 г. это решение было дополнено важным принципом: роты укомплектовывались только арестантами из трех губерний Новороссийского края и Бессарабской области³⁸.

В 1833 г. было принято общероссийское «Положение об арестантских ротах Инженерного ведомства»³⁹. Роты комплектовались рядовыми от 100 до 140 человек из числа осужденных срочно или бессрочно в крепостную работу, бродяг и преступников, осужденных Уголовным гражданским судом.

По штатному расписанию две арестантские роты следовало сформировать в Севастополе. В 1834 г. Рекрутский устав был дополнен некоторыми статьями и пояснениями. Некоторые из них касались уклонявшихся от рекрутинской службы. Так, предусматривалось наказание Уголовным судом с отправкой в арестантские роты⁴⁰. По всей вероятности, именно из таких преступников к октябрю 1838 г. в Севастополе уже была сформирована 1-я исправительная рота⁴¹. Согласно именному указу Николая I рота была укомплектована цыганами Таврической губернии. Уже 14 октября того же года последовал новый указ, в соответствии с которым предлагалось «из цыган Таврической губернии сформировать еще две исправительные роты»⁴². Таким образом, в короткий срок были созданы три роты общей численностью не менее 300 цыган. Через них, вероятно, Николай I намеревался «исправить» многовековой уклад жизни цыган Крыма, отвратив их от полукочевого образа жизни. Достоверно известно лишь то, что в 1843 г. последовало Высочайшее распоряжение «находящуюся в Севастополе исправительную роту для цыган упразднить; состоящих в этой роте офицеров, нижних чинов и цыган распределить по особому назначению»⁴³. Привлечение новых источников позволит со временем более подробно изучить эту страницу истории цыган России.

В 1840 г. Выборгский губернатор представил традиционный всеподданнейший отчет императору Николаю I, в котором нашли отражение разные стороны жизни губернии и ее населения. В частности, он обратил внимание на «жалкое положение цыганских детей, которых родители не имеют ни роду жизни, ни пропитания, или даже заключены в остроги»⁴⁴. В ноябре 1841 г. финляндский генерал-губернатор князь А.С. Меншиков известил своего подчиненного о том, что при изучении отчета император «изволил высказать мысль, что таких детей можно было бы брать в кантониты, ежели по соображению с местными законами и обстоятельствами это окажется возможным»⁴⁵.

В течение декабря 1841 г. – февраля 1842 г. была проведена подготовительная работа. Обоснование для зачисления малолетних цыган в разряд кантонитов было подготовлено Выборгским губернатором. На территории Финляндии законодательно в 1805 г. было разрешено частным лицам принимать на воспитание сирот. Эта практика

³⁶ ПСЗ РИ-II. Т. 5. Ч. 1. № 3786.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Т. 6. Ч. 1. № 4772.

³⁹ Там же. Т. 8. Ч. 1. № 6584.

⁴⁰ Там же. Т. 9. Ч. 2. № 7535.

⁴¹ Там же. Т. 13. Ч. 2. № 11578.

⁴² Там же. № 11632.

⁴³ Там же. Т. 18. Ч. 1. № 17104.

⁴⁴ Ленинградский областной государственный архив в г. Выборг (далее – ЛОГАВ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2374. Л. 1.

⁴⁵ Там же. Л. 1 об.

была сопряжена с освобождением воспитателей «от платежа следующих за их приемышей казне податей», которое зависело от возраста принятого сироты⁴⁶. Подобный механизм давал бесплатные рабочие руки, за которые не нужно было платить подати. Опираясь на многолетнюю практику, в своем донесении А.С. Меншикову 4 декабря 1841 г. губернатор высказал мнение, что «правительство еще более должно иметь право брать на воспитание и попечение бедных сирот»⁴⁷. Кроме того, губернатор был полностью убежден, что это сделает из них полезных членов общества.

С февраля 1842 г. малолетних ингерманландских цыган, оставшихся без попечения родителей, стали отправлять в Санкт-Петербургский батальон военных кантонистов. Первыми среди выявленных на сегодняшний день стали Генрих Лингрэн 14 лет и Александр Густавсон Дальгрэн 13 лет, которые 7 июня 1842 г. были переданы выборгскому плац-майору⁴⁸. В 1843 г. ему же из Куопиоской губернии были направлены цыгане Александр Болстрём 9 лет и Герман Линдемман 8 лет⁴⁹. Подобная география не случайна: самые многочисленные цыганские таборы были вблизи Выборга, Куопио, Фридрихсгама (ныне Хамина)⁵⁰. В последующие годы эта практика сохранялась. За 1842–1853 гг. в Санкт-Петербургский батальон военных кантонистов было направлено не менее 16 цыган в возрасте от 8 до 17 лет.

Вне всякого сомнения, отправка мальчика в Санкт-Петербург становилась для него культурным шоком, поскольку он не владел русским языком. Все это очень затрудняло процесс адаптации к новым условиям. Впервые он оказывался вырванным из привычной бытовой среды. Его друзьями могли быть лишь такие же подростки из финляндских губерний.

В то же время кооптирование в военную систему имело и некоторые положительные последствия для таких детей. В частности, они были вовлечены в образовательный процесс. Проходя службу, дети в обязательном порядке получали начальное образование⁵¹. Чрезвычайно важным при этом было обучение «отечественному» (русскому) языку. С 1849 г. для преподавания кантонистам из лютеран (цыгане, проживавшие в финляндских губерниях, исповедовали лютеранство) Закона Божия и совершения духовных треб был допущен генерал-суперинтендант Флитпер⁵².

В 1853 г. Санкт-Петербургский батальон военных кантонистов был реорганизован. В соответствии с указом Николая I, цыганских мальчиков следовало направлять в первый учебный карабинерный полк в Финляндии⁵³. Успешно сдавшие теоретические экзамены и прошедшие практические испытания направлялись для дальнейшей военной службы на должности фельдфебелей и унтер-офицеров; прочих зачисляли рядовыми с последующей возможностью получить унтер-офицерское звание⁵⁴.

Таким образом, инкорпорированные в военную систему Российской империи некоторые цыгане оказались ассимилированы. В отличие от евреев по причине своей малочисленности они не смогли создать устойчивое этническое ядро.

В 1852 г. в правительственных кругах вновь возник вопрос о цыганах и рекрутской повинности. Поводом к тому стал рапорт флигель-адъютанта князя Волконского, которому было поручено наблюдать за проведением очередного рекрут-

⁴⁶ ЛОГАВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2374. Л. 3.

⁴⁷ Там же. Л. 3–3 об.

⁴⁸ Там же. Л. 11.

⁴⁹ Там же. Л. 16.

⁵⁰ Там же. Ф. 531. Оп. 2. Д. 80.

⁵¹ *Кандаурова Т.Н.* Российские военные поселения в кльтурологическом измерении: новые образовательные проекты и институты // Вопросы культурологии. 2010. № 4. С. 44.

⁵² ПСЗ РИ-II. Т. 24. Ч. 2. № 23696.

⁵³ Там же. Т. 28. Ч. 1. № 27387.

⁵⁴ *Шакирзянов Э.М.* Становление системы подготовки унтер-офицерских кадров Русской армии в первой половине XIX в. // Вестник Военного университета. 2010. № 1. С. 48.

ского набора в Таврической губернии. Волконский обратил внимание на тот факт, что проживавшие в губернии цыгане не поставляли рекрутов. Результатом стал указ, согласно которому местные цыганские общества должны были отбывать натуральную рекрутскую повинность наравне с прочими сословиями⁵⁵.

Однако этот шаг со стороны властей вызвал негативную реакцию цыган Таврии. Уже на заключительном этапе Крымской войны (октябрь 1855 г.) власти вынуждены были изменить свою позицию. Причиной стало особое положение местных цыган, которые в сословном отношении были приписаны в разряд государственных крестьян, исповедовали ислам, но были кооптированы в татарские общества, освобожденные от рекрутчины⁵⁶.

Только в январе 1856 г. на высшем уровне было выработано отношение к отправлению цыганами в Российской империи рекрутской повинности. Оно было оформлено мнением Государственного Совета, закрепившим сложившуюся многолетнюю практику. Так, ссылаясь на Рекрутский устав, цыгане рассматривались как неотъемлемая часть общероссийского социума, а потому, причисленные к податным сословиям городских и сельских обществ, они несли повинность наряду с прочими⁵⁷. В то же время в соответствии с действовавшим законодательством были допущены и изъятия некоторых групп. Так, записанные в купеческие гильдии цыгане, согласно ст. 13 п. 1 Рекрутского устава, были освобождены от рекрутчины как в натуральном, так и денежном исполнении. Законодатели подтвердили право цыган Таврии на замену натуральной повинности денежной выплатой (ст. 9 п. 7).

Выводы

Таким образом, на протяжении второй половины XVIII – первой половины XIX в. правительство не выработало единообразного подхода в вопросе военной службы цыган. Это было связано, в первую очередь, с неоднородностью цыганского сообщества Российской империи. Одна его часть была прикреплена к различным городским (купечество, мещанство) либо сельским сословиям (государственные крестьяне) и в их отношении действовало общероссийское законодательство. Другая часть в отдельных регионах (например, Таврия) являлась неотъемлемой частью местных сообществ, которые после вхождения в состав Российской империи пользовались особыми правами. Для третьих (например, цыган Бессарабии) законодательно были оформлены льготы, в том числе и относительно рекрутской повинности. Та незначительная часть цыган России, которая оказалась вовлеченной в различные военные структуры (регулярные части, исправительные роты, батальоны военных кантонистов), оказалась вырванной из традиционной среды и в силу малочисленности была ассимилирована русским большинством. Общий ход развития социальной истории России свидетельствовал о том, что государство не смогло выработать эффективный механизм для спешного перехода цыган к оседлому образу жизни.

Рукопись поступила: 20 мая 2020 г.

Submitted: 20 May 2020.

Библиографический список

Гельман Б. Кантонисты: путь преодоления черты оседлости (на примере Севастополя) // Проблемы еврейской истории. Материалы научных конференций Центра «Сэфер» по иудаике 2007 года: памяти профессора Джона Дойла Клира. М.: Книжники, 2008. С. 194–206.

⁵⁵ ПСЗ РИ-II. Т. 27. Ч. 1. № 26893.

⁵⁶ Там же. Т. 30. Ч. 1. № 29766.

⁵⁷ Там же. Т. 31. Ч. 1. № 30028.

- Главацкая Е.М., Заболотных Е.А. Еврейская религиозная община Екатеринбурга во второй половине XIX – начале XX в.: численность и институты // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2017. Т. 19. № 4. С. 206–221. DOI: 10.15826/izv2.2017.19.4.074.
- Горелов В.Н. Карательная функция рекрутчины в России 1705–1874 гг. Севастополь: Телескоп, 2015. 222 с.
- Иванов Н.Ф. История рекрутской повинности в России (1699–1874 гг.): учебное пособие. М.: Перо, 2017. 107 с.
- Кандаурова Т.Н. Российские военные поселения в культурологическом измерении: новые образовательные проекты и институты // *Вопросы культурологии*. 2010. № 4. С. 43–48.
- Клир Дж. Россия собирает своих евреев. М., Иерусалим: Мосты культуры, 2000. 410 с.
- Натанс Б. За чертой. Евреи встречаются с позднейимперской Россией. М.: РОССПЭН, 2007. 436 с.
- Никитин В. Многострадальные. Очерки быта кантонистов // *Отечественные записки*. 1871. № 8–10. С. 120–132.
- Нутрихин Р.В., Савченко С.П. Еврейские солдаты-кантонисты. Евреи на Ставрополье: с древнейших времен до 1917 года. Ставрополь: Тэсэра, 2016. 230 с.
- Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 556 с.
- Сидоренко Г. Рекрутская повинность: Значение ее в ряду систем формирования и комплектования войск и историческое развитие ее в России. Значение рекрутской повинности в ряду систем формирования и комплектования войск. СПб.: СПбГУ, 1869. 137 с.
- Шайдуров В.Н. Евреи и их место в хозяйственной жизни Западной Сибири во второй половине XIX в. // *Новый исторический вестник*. 2014. № 39. С. 21–35.
- Шакирзянов Э.М. Становление системы подготовки унтер-офицерских кадров Русской армии в первой половине XIX в. // *Вестник Военного университета*. 2010. № 1. С. 46–51.
- Шпилевский П.М. Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. СПб.: [Б.и.], 1858. 242 с.
- Ячменихин В.К. Военные кантонисты Русской армии (1797–1836 гг.). М.: МГУ, 2000. 29 с.
- Ячменихин К.М. Военные поселения в России (История социально-экономического эксперимента). Уфа: [Б.и.], 1984. 194 с.
- Caban W. *Śłużba rekrutów z Królestwa Polskiego w armii carskiej w latach 1831–1873*. Warszawa: DiG, 2001. 268 s.
- Shaidurov V.N. Jews and their social status in the society of Siberia in XIX century // *Bylye gody*. 2014. № 32. С. 239–244.

References

- Caban, W. *Śłużba rekrutów z Królestwa Polskiego w armii carskiej w latach 1831–1873*. Warszawa: DiG Publ., 2001 (in Polish).
- Gel'man, B. “Kantonisty: put' preodoleniya cherty osedlosti (na primere Sevastopolya).” In *Problemy yevreyskoy istorii Materialy nauchnykh konferentsiy Tsentra «Sefer» po iudaike 2007 goda: pamyati professora Dzhona Doyle Klira*, 194–206. Moscow: Knizhniki Publ., 2008 (in Russian).
- Glavatskaya, Ye.M., and Zabolotnykh, Ye.A. “Jewish Religious Community of Yekaterinburg in the Second Half of the 19th – early 20th centuries: number and institutions.” *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts* 19, no. 14 (2017): 206–221. DOI: 10.15826/izv2.2017.19.4.074 (in Russian).
- Gorelov, V.N. *Karatel'naya funktsiya rekrutchiny v Rossii 1705–1874 gg.* Sevastopol': Teleskop Publ., 2015 (in Russian).
- Ivanov, N.F. *Istoriya rekrutskoy povinnosti v Rossii (1699–1874 gg.): uchebnoye posobiye*. Moscow: Pero Publ., 2017 (in Russian).
- Kandaurova, T.N. “Russian military settlements in the cultural dimension: new educational projects and institutions.” *Issues of Cultural Studies*, no. 4 (2010): 43–48 (in Russian).
- Klier, J. *Rossiya sobirayet svoikh yevreyev*. Moscow, Iyerusalim: Mosty kultury Publ., 2000 (in Russian).
- Natans, B. *Za chertoy. Yevrei vstrechayutsya pozdneimperskoy Rossiiyey*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2007 (in Russian).
- Nikitin, V. “Mnogostradal'nyye. Ocherki byta kantonistov.” *Otechestvennyye zapiski*, no. 8–10 (1871): 120–132 (in Russian).
- Nutrikhin, R.V., and Savchenko, S.P. *Yevreyskiye soldaty-kantonisty. Yevrei na Stavropol'ye: s drevneyshikh vremen do 1917 goda*. Stavropol': Tesera Publ., 2016 (in Russian).
- Petrovskiy-Shtern, Y. *Yevrei v russkoy armii*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2003 (in Russian).

- Sidorenko, G. *Rekrutskaya povinnost': Znachenije yeye v ryadu sistem formirovaniya i komplektovaniya voysk i istoricheskoye razvitiye yeye v Rossii. Znachenije rekrutskoy povinnosti v ryadu sistem formirovaniya i komplektovaniya voysk*. St. Petersburg: SPGU Publ., 1869 (in Russian).
- Shaydurov, V.N. "The Jews and their Place in the Economic Life of Western Siberia in the second half of the 19th century." *The New Historical Bulletin*, no. 39 (2014): 21–35 (in Russian).
- Shakirzyanov, E.M. "Formation of the system of training non-commissioned officers of the Russian army in the first half of the 19th century." *Military University Bulletin*, no. 1 (2010): 46–51 (in Russian).
- Shaidurov, V.N. "Jews and their social status in the society of Siberia in XIX century." *Bylye gody*, no. 32 (2014): 239–244.
- Shpilevskiy, P.M. *Puteshestviye po Poles'yu i Belorusskomu krayu*. St. Petersburg: [S.n.], 1858 (in Russian).
- Yachmenikhin, V.K. *Voyenniye kantonisty Russkoy armii (1797–1836 gg.)*. Moscow: MGU Publ., 2000 (in Russian).
- Yachmenikhin, K.M. *Voyennyye poseleniya v Rossii (Istoriya sotsial'no-ekonomicheskogo eksperimenta)*. Ufa: [S.n.], 1984 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Шайдуров Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий Научно-образовательным центром исторических исследований и анализа, профессор кафедры истории России Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина.

Vladimir N. Shaidurov, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Associate Professor, head of the Scientific and educational center for historical research and analysis, Professor of the Department of Russian history, Pushkin Leningrad State University.

Новгородский Тадеуш Антонович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой этнологии, музеологии и истории искусств исторического факультета Белорусского государственного университета.

Tadeush A. Novogrodsky, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor, Head of the department of ethnology, museology and art history of the historical faculty, Belarusian State University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-851-868>

Научная статья / Research article

Цыгане Урала в национальной и экономической политике советского государства 1920–1930-х гг.

А.В. Черных, М.С. Каменских

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН; 614001, Россия,
Пермь, ул. Ленина, 13а; atschernych@yandex.ru, pomidorrr@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу политики государства в отношении цыган в 1920–1930-е годы на Урале. Имеющийся историографический опыт позволяет проводить исследования на микроуровне, в том числе на примере отдельных регионов с учетом их специфики. В статье история цыган рассматривается на примере Уральского региона. Несмотря на обилие работ, посвященных истории российских цыган, авторы уверены, что наиболее корректным на сегодняшний день представляется дифференцированный подход к изучению цыган, учитывающий особенности отдельных этнических групп, каждая из которых обладает собственной исторически сложившейся спецификой. Имеющиеся опубликованные источники и документы, впервые вводимые в научный оборот, позволяют провести такое исследование в рамках одного региона, рассмотрев на примере двух этнических групп цыган – руска рома и кэлдэрары. Авторы выдвигают гипотезу, согласно которой численность цыган на Урале могла быть намного выше, поскольку в официальных документах они значились как русские или как выходцы из отдельных европейских стран (румыны, болгары, австрийцы, сербы и др.). В статье представлен анализ эффективности политики органов власти Уральской области по созданию цыганских колхозов, промышленных артелей, а также культурная политика в отношении цыган. Несмотря на ряд успешных примеров в целом по стране, на Урале попытки создания цыганских колхозов не были успешными, хотя необходимые для этого условия были, а областные власти прилагали немало усилий, чтоб сохранить создаваемые колхозы. В источниках сохранились также сведения о деятельности промышленных цыганских артелей, которые, в отличие от колхозов, успешно функционировали. Период репрессий второй половины 1930-х годов незначительно отразился на цыганском населении. Отдельных «цыганских» операций на Урале зафиксировано не было.

Ключевые слова: цыгане, Урал, Уральская область, национальная политика, цыганские колхозы, кооперация, репрессии

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 20-09-00092 «Цыганские сообщества России: формирование, этнокультурные особенности, взаимодействие с обществом и властью».

Для цитирования: Черных А.В., Каменских М.С. Цыгане Урала в национальной и экономической политике советского государства 1920–1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 4. С. 851–868. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-851-868>

Gypsies of the Urals in the National Economic Policy of the Soviet State of the 1920–1930s

Alexander V. Chernykh, Mikhail S. Kamenskikh

Perm Federal Research Center Ural Branch Russian Academy of Sciences;
13 a, Lenina St., Perm, 614001, Russia; atschernych@yandex.ru, pomidorrr@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the analysis of the state policy on Ural Gypsies in the 1920–30s. Historiographical experience allows to undertake micro-level studies including examples of certain regions taking into account their specificity. The article observes the history of Ural Gypsies. Despite a great

© Черных А.В., Каменских М.С., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

amount of works devoted to the history of Russian Gypsies the authors are sure that a differentiated approach to the study is the most appropriate taking into account the peculiarities of certain ethnic groups each of them having its own historical specificities. Available published sources and documents that are introduced into scientific circulation for the first time allow to undertake such studies inside one region on the example of two ethnic groups of Gypsies – Russian Roma and the Kalderash Gypsies. The authors have a hypothesis that the number of Ural Gypsies could be much bigger because in official documents they were named Russians or the citizens of certain European countries (Romanians, Bulgarians, Austrians, Serbs, and others). The article analyses the effectiveness of Ural authorities' policies aimed at organizing Gypsy collective farms (kolkhoz), industrial artels as well as cultural policies on Gypsies. Despite several successful examples in the country in general Ural attempts of organizing Gypsy collective farms were not that successful though there were all the necessary conditions and regional authorities were making a lot of efforts to maintain those farms that were organized. The sources give information on the activities of Gypsy industrial artels which unlike collective farms were functioning well.

Keywords: Gypsies, Ural, Ural region, national policies, Gypsy collective farms, cooperation, repressions

Acknowledgements and Funding: The research has been undertaken within the framework of RFBR grant 20-09-00092 “Gypsy communities of Russia: formation, ethno-cultural specificities, interaction with society and authorities”.

For citation: Chernykh, Alexander V., and Kamenskikh, Mikhail S. “Gypsies of the Urals in the National Economic Policy of the Soviet State of the 1920–1930s.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 4 (November 2020): 851–868. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-851-868>

Введение

Период 1920–1930-х годов в истории России характеризовался значительными изменениями в политической, социально-экономической и идеологической сферах. Новая экономическая политика, индустриализация и коллективизация создавали новые формы общественных отношений в рамках социалистической организации экономики. Эти масштабные изменения коснулись всего населения, включая представителей отдельных этнических сообществ. Центральные власти предпринимали попытки их интеграции в социалистическую экономику и новую советскую культуру путем предоставления определенных преференций, в том числе в экономической сфере¹.

Цыгане, одно из многочисленных и сложных по своему составу этнических сообществ, также не могли остаться в стороне от проводимых преобразований. «Цыганский вопрос», попытки решения которого неоднократно предпринимались в России и в предыдущие периоды², вновь стал одним из актуальных в повестке, прежде всего, национальной политики государства. В 1920–1930-е годы на уровне СНК СССР был принят целый ряд постановлений, посвященных интеграции и обустройству цыган³. Основными направлениями работы стали вовлечение цыган в процессы кооперативного движения и колхозного строительства на селе, обеспечение их участия в производстве путем создания промышленных артелей. Создание цыганской письменности и литературной нормы языка, книгоиздание и становление цыганской литературы, средств массовой информации на цыганском языке,

¹ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2001. С. 10.

² Shaidurov V.N. On the history of the roma in the Russian empire (second half of the 18th–first quarter of the 19th century // Былые годы. 2017. № 4. С. 1207–1218; Смирнова-Сеславинская М.В. Законодательство и государственная политика Российской империи в отношении цыганского населения // Genesis: исторические исследования. 2017. № 8. С. 1–21.

³ Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 01.10.1926 «О мерах содействия переходу кочующих цыган к трудовому оседлому образу жизни». Консультант плюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=26850#0> (дата обращения: 20.10.2017); Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. Р-88. Оп. 18. Д. 640; ГАСО. Ф. 88 р. Оп. 5. Д. 55. Л. 2 об.; ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 18. Д. 640. Л. 10; Там же.

цыганских школ, театра «Ромэн» и других творческих коллективов были важными направлениями и результатами проводимой в отношении этого народа политики. «Необходимо развивать работу по отраслям и территориям там, где живут (кочуют) цыгане в смысле скорейшего их трудоустройства, поднятия и развития их экономики, культуры и улучшения быта», – говорилось на совещании ЦИК СССР по трудоустройству и культурно-бытовому обслуживанию цыган в 1936 году⁴. Другим не менее важным направлением национальной политики были усилия по повышению уровня образования и культуры. Интеграция цыган приобретала и особое политическое значение. Принуждение их к оседлому образу жизни могло стать демонстрацией преимуществ советского образа жизни перед западным, где проблема цыган также существовала. Безусловно, изучение истории цыган и политики их интеграции в советское общество в 1920–1930-е годы, оценка успешности и эффективности этой политики представляет научный интерес.

Период истории цыган России и СССР в первые десятилетия советской власти и до начала Великой Отечественной войны уже отражен в ряде российских исторических исследований, среди которых можно выделить коллективные монографии «История цыган: новый взгляд»⁵, том «Цыгане» серии «Народы и культуры» ИЭА РАН⁶, исследование Н.Ф. Бугая «Цыгане России»⁷. В этих работах в общих чертах раскрыты особенности советского довоенного периода и результаты проводимой в отношении цыган политики. Значительная часть работ, затрагивающая политику оседания цыган в СССР, посвящена участию цыган в колхозном строительстве и кооперативном движении⁸, переселенческих кампаниях⁹. Из последних российских исследований по этой теме отметить изучение участия цыган-кэлдэраров в промкооперации, становление и развитие цыганского языка и книгоиздания на нем¹⁰. Политика в отношении цыган становилась и предметом исследований зарубежных цыганологов, в которых рассматриваются преобразования этого периода в контексте советской идеологии и национальной политики, конструирования идентичности, попытки включить цыган в систему «советского социалистического строительства»¹¹. Интерес к теме цыган на Западе подтверждает вышедший в 2020 году спе-

⁴ Каменских М.С. Совещание по трудоустройству и культурно-бытовому обслуживанию цыган // Революция и национальность. 1936. № 2. С. 63.

⁵ Деметер Н., Бессонов Н., Кутенков В. История цыган – новый взгляд. Воронеж, 2000.

⁶ Деметер Н.Г., Черных А.В. Цыгане. М., 2018.

⁷ Бугай Н.Ф. Цыгане России: общество, адаптация, консенсус (1900–2010). М., 2012.

⁸ Бугай Н.Ф. Забытые страницы жизни сообщества цыган в Союзе ССР 1930–1960-е гг. // Приволжский научный вестник. 2015. № 7. С. 46–65; Иващенко В.И. Цыганские судьбы. История, труд, этнография. Ростов-на-Дону, 2011; Каменских М.С. Вовлечение цыганского населения в колхозное строительство на Урале в конце 1920-х – 1930-е гг. // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2017. № 4. С. 10–17; Клилин А.П. Создание цыганских колхозов на Урале: Интересы сторон // Материалы конференции: Четвертые Татищевские чтения. Природа, быт и культура Урала, Екатеринбург, 18–19 апреля 2002 года. Екатеринбург, 2002. С. 261–264.

⁹ Клилин А.П. Политика перевода цыган на оседлый образ жизни: проблемы реализации (1926–1937) // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2005. № 5. С. 187–226; Киселева Т.Ф. Цыгане Европейской части Союза ССР и их переход от кочевания к оседлости. М., 1952; Платунов Н.И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917–июнь 1941 гг.). Томск, 1976.

¹⁰ Chernykh A. The Kalderash Gypsies of Russian Industrial Cooperation of the 1920s–1930s // Social Inclusion. 2020. Vol. 8. № 2. P. 358–366.

¹¹ Beissinger M.H. Occupation and Ethnicity: Constructing Identity among Professional Romani (Gypsy) Musicians in Romania // Slavic review. 2001. Vol. 60. № 1. P. 24–49; Lemon A. Roma (Gypsies) in the Soviet Union and the Moscow Teatr ‘Romen’ // Nationalities Paper. 1991. Vol. 19. № 3. P. 359–372; Lemon A. Between Two Fires: Gypsy Performance and Romani Memory from Pushkin to Postsocialism. Durham, London, 2000; Lemon A. “Form” and “Function” in Soviet Stage Romani: Modeling Metapragmatics through Performance Institutions // Language in Society. 2002. Vol. 31. № 1. P. 29–64; Marushiakova E,

циальный выпуск «Gypsy Policy and Roma Activism: From the Interwar Period to Current» журнала «Social Inclusion», в котором представлены наиболее актуальные исследования современных российских и зарубежных авторов¹².

В целом, на сегодняшний день общая история цыган России советского довоенного периода представляется, с нашей точки зрения, недостаточно исследованной. В то же время имеющийся богатый историографический опыт создает условия для проведения более предметных микроисследований. Современное изучение цыганского сообщества представляется продуктивным, если учитывать особенности его внутренней структуры различных цыганских этнических групп и их особенностей. В России цыганское население представлено около тридцати этническими группами, каждая из которых характеризуется не только спецификой диалекта цыганского языка, этнокультурными особенностями, проявлениями идентичности, но и такими важными для нашего исследования отличительными чертами, как экономические ниши, проявления мобильности, формы взаимодействия с окружающим социумом. Без учета этих особенностей полноценное историческое и антропологическое изучение цыганской тематики на современном этапе не представляется перспективным и корректным.

В рамках данной статьи планируется проанализировать эффективность государственной экономической и национальной политики в отношении разных групп цыган в первые два десятилетия советской власти в условиях Урала. В статье с учетом дифференцированного подхода будет представлен анализ деятельности цыганских колхозов и артелей, культурная политика в отношении цыган, а также репрессии в отношении цыганского населения, пик которых пришелся на вторую половину 1930-х гг.

Урал для исследования выбран неслучайно. Данный регион обладает собственной спецификой ввиду своего евразийского положения, нахождения на границе центральных областей, Поволжья и Сибири, является одним из крупных добывающих и промышленных центров. Все это влияет и на характер этнических и миграционных процессов на его территории. Географические рамки, обозначенные в статье, охватывают границы Пермской, Свердловской и Челябинской областей (к 1939 г.). С 1923 по 1934 г. эти территории входили в состав одного субъекта – Уральской области, что позволяет рассматривать их как один регион с собственной исторически сложившейся спецификой¹³.

Необходимо отметить, что тематика Урала еще слабо представлена в цыгановедческих исторических исследованиях¹⁴, однако имеющийся источниковый материал позволяет расширить наши представления о специфике исторических событий и этнических процессов на примере конкретного региона.

Основными источниками исследования выступила делопроизводственная документация о цыганах, отложившаяся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Государственного архива Свердловской области (ГАСО). Значимыми источниками, содержащими важную информацию, стали материалы

Popov V. Gypsies in central Asia and the Caucasus. London, 2016; *O'Keefe B.* New Soviet Gypsies: Nationality, Performance, and Selfhood in the Early Soviet Union. Toronto, 2013.

¹² Gypsy Policy and Roma Activism: From the Interwar Period to Current Policies and Challenges // *Social Inclusion*. 2020. Vol. 8. № 2. P. 201–215.

¹³ *Плешков А.М., Альтишуллер М.И.* Урал после районирования. Свердловск, 1926.

¹⁴ *Черных А. В., Вайман Д.И.* Цыгане г. Перми: история и культура. СПб., 2018; *Каменских М.С.* Вовлечение цыганского населения в колхозное строительство на Урале в конце 1920-х – 1930-е годы // *Вестник Пермского научного центра УрО РАН*. 2017. № 4. С. 10–17; *Килин А.П.* Создание цыганских колхозов на Урале: Интересы сторон // *Материалы конференции: Четвертые Татищевские чтения. Природа, быт и культура Урала, Екатеринбург, 18–19 апреля 2002 года.* Екатеринбург, 2002. С. 261–264.

архивно-следственных дел из коллекций Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО), Пермского государственного архива социально-политической истории (ПермГАСПИ), Государственного архива административных органов Свердловской области (ГААОСО). К работе привлечены также опубликованные статистические материалы Всесоюзных переписей 1926 и 1939 гг., включая списки сельских населенных мест 1928 г., материалы из журналов и газет 1930-х гг., таких как «Революция и национальности», «Советское строительство», «Известия ВЦИК». Имеющийся источниковый материал позволяет достаточно полно проанализировать особенности истории цыган региона и реализации политики в отношении цыганского населения на Урале.

Цыгане Урала в 1920–1930-е гг.: вводные замечания и проблемы учета

Цыгане Урала в рассматриваемый период представлены несколькими этническими группами, среди которых две наиболее значительные – *руска рома* [русские цыгане] и *цыгане-кэлдэрары*. В условиях социально-экономических модернизаций 1920–1930-х гг. каждая группа имела свой опыт и особенности реализации социально-экономической деятельности. Этническая группа *руска рома* относится к старожильческому населению России, и ее расселение на Урале относится уже к первой половине – середине XIX в., основными занятиями группы были мена лошадей, торговля, попрошайничество. Для группы характерно большая интеграция с русской культурой¹⁵.

Цыгане-кэлдэрары формировались в России на рубеже XIX–XX вв. за счет мигрантов из стран Юго-Восточной Европы, и для них была характерна большая мобильность, постоянное передвижение на большие расстояния. Основным занятием кэлдэраров было лужение, работа с металлом¹⁶. Другие цыганские группы России в тот период были лишь единично и эпизодически представлены на Урале. Эта «групповая» особенность цыган стала исходной точкой для серьезной и характерной для цыган проблемы – статистического учета этнического состава. В переписях населения, делопроизводственных документах и материалах архивно-следственных дел представители группы *руска рома* фигурируют чаще всего как цыгане, а цыгане-кэлдэрары, помимо собственно «цыган», в графе национальность чаще указывали «серб», «мадьяр», «румын», «австро-венгр», «грек», «болгарин» или места, связанные с местом исторического выхода, в графе социальное происхождение или принадлежность могли быть обозначены «кочевыми цыганами».

В этом случае определение принадлежности к цыганам возможно только по ряду косвенных признаков (имя, фамилия, компактность проживания и характер передвижения, социальное происхождение, род занятий). Так, например, фиксируемое в источниках 1920–1930-х гг. компактное проживание в небольшом по численности населенном пункте Урала десятков румын или выходцев из бывшей Австро-Венгрии, не характерных для этой местности народов, скорее всего, свидетельствует об их принадлежности к цыганам-кэлдэрарам. Известно, например, о группе цыган, «бывших сербских подданных», разместившихся в Челябинском уезде в 1920 г. Среди занятий названы два характерные для цыган вида – «артист» и «медник», но по национальности они значатся сербами и русскими¹⁷. В 1936 г. в

¹⁵ Черных А.В. Цыганское население Среднего Урала в конце XVIII – начале XX века // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 2. С. 5–15.

¹⁶ Деметер Н.Г., Черных А.В. Цыгане. М., 2018. С. 84–86; Черных А.В. Цыгане-кэлдэрары в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 1. С. 138–148.

¹⁷ Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. Р. 172. Оп. 1. Д. 263. Л. 1–3.

отчете отдела НКВД небольшого по численности Карагайского района Свердловской области указывалось на постоянное проживание на территории 8 семей цыган, тогда как в переписи населения 1939 г. в районе было учтено только 2 семьи, но при этом зафиксировано проживание 10 сербов, появление которых на данной территории даже в таком небольшом количестве исторически трудно объяснить¹⁸. Среди репрессированных в 1937–1938 гг. народов Урала есть записанные русскими и румынами граждане, имя и род занятий которых также подтверждают их цыганские корни. Так, арестованные в 1938 г. лудильщики артели имени Калинина Кизеловского района Пермской области братья Василий и Вадим Иванусы, отнесенные в личных делах к грекам, вероятней всего были цыганами¹⁹.

Такие особенности этнической идентичности цыган позволяют не только критически осмыслить данные переписей населения, но и смело предположить, что реальная численность цыган могла быть в 1,5–2 раза выше, чем указано в источнике. Таким образом, в статистических материалах чаще всего цыганами записаны и посчитаны цыгане группы *руска рома*, в то время как *цыгане-кэлдэрары* чаще учтены в составе других народов. Если же говорить о переписях населения, то они, тем не менее, позволяют взглянуть на цыган в рамках региона и выделить ряд особенностей, связанных с характером их проживания и расселения. Основными источниками по рассматриваемому периоду выступают данные всесоюзных переписей 1926 и 1939 гг., а также составленные по материалам переписи 1926 г. «списки сельских населенных мест», где указаны доминирующие для отдельных населенных пунктов народности²⁰.

В 1926 г. на территории Уральской области было зафиксировано проживание 2516 цыган, что составляло примерно 6 % численности цыган РСФСР (или 0,04 % от населения области). Для 86 % из них родным языком был язык своего народа, для остальных – русский (к этой группе в основном относились *руска рома*)²¹. В 1939 г. численность цыганского населения на Урале выросла на треть и составила 3723 человека (6 % всех цыган РСФСР), или 0,05 % от населения всего региона. Прирост объясняется общим увеличением численности населения Урала в этот период. Гендерный анализ учтенного цыганского населения не позволил выделить каких-либо особенностей – процент мужчин и женщин коррелировал с данными по Уралу и РСФСР в целом.

Обращает на себя внимание характер расселения. В 1926 г. в сельской местности жили 79 % цыган Урала, в 1939 г. – 80 %, в то время как для региона в целом этот показатель составлял 80 % и 52 % соответственно. При этом, если в целом по Уралу городское население выросло за 13 лет на 30 %, то данные по цыганам перепись не фиксирует. Более высокий процент сельского населения среди цыган может быть объяснен и тем фактом, что проживавшая в городах группа *кэлдэраров* учитывалась в переписи не как цыгане. По крайней мере, странным выглядит наличие в 1939 г. 18 сербов в г. Чусовом (треть всех сербов Пермской области), 59 сербов в г. Невьянске (80 % сербов Свердловской области)²², 11 румын в г. Реже Свердловской области²³, 67 сербов в г. Шадринске (80 % сербов Челябинской области)²⁴.

¹⁸ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4417. Л. 128. Л. 141.

¹⁹ Пермский государственный архив социально-политической истории (далее – ПермГАСПИ). Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6988, 3318.

²⁰ Народность – официальный термин в переписи 1926 года, определяющий этническую принадлежность.

²¹ Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. С. 106–149.

²² Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения районов, городов и крупных сел РСФСР // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ga.php?reg=1640 (дата обращения: 20.06.2020).

²³ Там же.

Но даже с учетом городского «потенциально цыганского» населения более характерным для них на протяжении всего рассматриваемого периода было проживание в сельской местности. При этом в небольших населенных пунктах численность цыган могла превышать 200 человек.

Анализ расселения по материалам переписей 1926 и 1939 гг. позволят говорить и о предпочтительных для цыган районах расселения. Так, в обеих переписях наибольшая численность цыган фиксировалась в южных и юго-восточных районах Урала. В 1926 г. самыми населенными цыганами районами были Челябинский (288), Шадринский (215) и Курганский (438) округа Уральской области, где проживало 37 % цыган Урала. В 1939 г. наибольшее количество цыган зафиксировано в Егоршинском районе Свердловской области и Варгашинском, Катайском и Бродокаламском районах Челябинской (29 % цыган Урала)²⁵.

Рассматривая образ жизни цыган, стоит обратить внимание на их статус в перечне народов России с точки зрения организаторов переписей населения. В 1926 г. цыгане находились в одной группе с нагайбаками, башкирами, калмыками и мишарями²⁶. В 1939 г. все народы были разделены на группы. Сначала шли славянские народы (русские, украинцы, белорусы), затем в алфавитном порядке титульные народы СССР, титульные народы республик РСФСР, затем остальные народы РСФСР и СССР, а уже после – национальности иностранных государств (например, латыши или поляки в иерархии 1939 года считались иностранцами). Вопросы о том, какие народы считать советскими, а какие – иностранными в тот период вызывали большие дискуссии²⁷. Цыганам в этой иерархии принадлежало весьма символическое место. Они замыкали список народов, которые считались советскими. Находясь в общем списке между уйгурами и американцами, они как бы находились на границе между СССР и остальным миром.

Частичные сведения о численности цыган в 1930-е гг. отражены в переписке представителей облисполкома с районными органами власти по поводу цыган. В апреле 1936 г. отдел национальностей и Всесоюзный переселенческий комитет направили запрос в области с целью выяснения численности и рода занятий кочевых и оседло проживающих цыган. Свердловский облисполком 15 мая 1936 г. направил запрос во все районные отделы внутренних дел с поручением предоставить сведения о количестве «кочующих, а также живущих оседло, но не трудоустроенных цыган». Ответы на этот запрос формируют облик цыганского населения Урала второй половины 1930-х гг. Всего по итогам ответов облисполкомом на 1936 г. было учтено в Карагайском районе – 8 семейств (20 человек, не трудоустроены)²⁸, в Пермско-Ильинском районе – 1 семья (трудоустроены в п. Сылва)²⁹, в Чернушинском районе – 7 семейств³⁰, в Красноуфимском районе – 21 семья (112 человек), в Кишертском районе – 3 семьи. Особо отмечалось, что оседлых цыган на тот момент не имелось. В Усть-Кишертском районе, по данным РОНКВД, проживало три семьи цыган общей численностью 10 человек. Все они трудились на Алебастровом заводе³¹. При этом большинство районов написали, что на их территории цыгане не проживают, одна-

²⁴ Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения районов, городов и крупных сел РСФСР // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ga.php?reg=1875 (дата обращения: 20.06.2020).

²⁵ Там же.

²⁶ Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. С. 106–149.

²⁷ *Елисеева И.И.* История переписей населения в России. М., 2013. С. 234–246.

²⁸ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4417. Л. 141.

²⁹ Там же. Л. 144.

³⁰ Там же. Л. 149.

³¹ Там же. Л. 128.

ко временами фиксируется пребывание таборов. Это также свидетельствует о высокой мобильности цыган на территории Урала в рассматриваемый период.

Таким образом, в 1920–1930-е гг. численность цыган на Урале, несмотря на их постоянные миграции, была стабильна и составляла от 0,04 до 0,06 % от всего населения. Говорить о постоянных местах проживания цыган применительно к 1920–1930-х гг. некорректно, поскольку в большинстве своем они были достаточно мобильны. Однако компактность проживания и низкий уровень интеграции позволяли им быть заметными в социокультурном пространстве. При этом цыгане не стремились поселиться в крупных населенных пунктах, предпочитая им небольшие по численности населения сельские районы. Отсутствие между ними какой-либо связи позволяет заключить, что цыгане не проживали там постоянно, а просто находились на их территории в период переписи населения.

Цыгане в экономических стратегиях государства: колхозное строительство

Политика в отношении цыганского населения прослеживается и по отдельным мероприятиям советской власти, связанным с преобразованиями сферы трудовых и производственных отношений в 1920–1930-е гг. В этот период приветствовалось вовлечение «отсталых народов» в создание собственных колхозов или артелей, сформированных по национальному признаку, а внедрение передовых форм хозяйства в местах проживания национальных меньшинств провозглашалось одной из важнейших задач³². Применительно к цыганам коллективизация означала не только обобществление собственности, но и принуждение к оседлому образу жизни, что требовало от органов власти дополнительных усилий.

После принятия постановления ВЦИК «О наделении земель цыган, переходящих к трудовому оседлому образу жизни» 20 февраля 1928 г.³³ Наркомзем РСФСР в письме от 11 июля 1928 г. обязывал местные земельные органы на местах «направлять особые заботы на земельное устройство цыган»³⁴, а отдел национальностей ВЦИК в своем письме облисполкомам РСФСР обращал внимание на необходимость «перехода кочующих цыган к оседлому трудовому образу жизни»³⁵. Следуя этим указаниям, Уральский облисполком в конце 1920-х гг. несколько раз рассматривал вопрос о цыганах, их учете и адаптации, но никаких реальных мер не принималось. На Урале работа по созданию цыганских колхозов началась после принятия постановления ВЦИК от 1 апреля 1932 г. «О состоянии работы по обслуживанию трудящихся цыган», в котором предписывалось укреплять возникающие цыганские колхозы, привлекать на работу в мастерские при МТС цыган, владеющих ремеслами (кузнецов, лудильщиков, шорников), поддерживать существующие и создавать новые артели, открывать школы для цыган³⁶. В этот период цыганские колхозы активно создавались по всей стране³⁷.

В архивах Урала имеется информация о нескольких цыганских колхозах: «Нэви бахт» («Новое счастье») Сарапульского района, «Красный Восток» Чернушинского района, имеются сведения о подобном колхозе в Красноуфимском районе Уральской области. В источниках упоминаются также «Новая жизнь» и «Колхоз имени Ста-

³² Резолюция областного совещания партработников нацмен (15–18 мая 1927 г.). Свердловск, 1927. С. 18.

³³ ГАСО. Ф. Р-88 р. Оп. 5. Д. 55. Л. 2 об.

³⁴ Там же. Л. 2 об.

³⁵ Там же Л. 3.

³⁶ Там же. Оп. 18. Д. 640. Л. 10.

³⁷ *Иващенко В. И.* Цыганские судьбы... С. 52.

лина», возникшие в Куединском районе «по инициативе самих цыган»³⁸. Колхоз «Новая жизнь» был создан в Кунашакском районе Челябинской области³⁹. Однако источники позволяют реконструировать деятельность только первых двух.

Колхоз «Нэви бахт» в Сарапульском районе было решено создать ввиду массового наплыва цыган (общей численностью около 300 человек) в окрестностях Сарапула в начале 1930-х гг. Колхоз начал работать в октябре 1933 г. и прекратил существование уже в 1935 г. Колхоз «Красный Восток» был создан 25 декабря 1933 г. из 24 хозяйств общей численностью 105 человек. Колхоз занимался главным образом овцеводством⁴⁰. Примечательно, что первым председателем колхоза «Красный Восток» был выходец из среды цыган М.Ф. Волков.

Деятельность цыганских колхозов не была успешной. Источники показывают, что несмотря на усилия центральных властей местное население и органы власти не стремились содействовать адаптации цыган. В записке «О состоянии работы по трудовому устройству и социально-культурному обследованию трудящихся цыган по Свердловской области», в частности, указывается, что в Бисарском сельсовете колхозники отказывались принимать у себя цыган. Председатель колхоза мешал их обустройству, а заведующий районным земельным отделом отказывал в выдаче хлеба. В один день после сильного наводнения цыгане стали собирать плывущий лес, после чего, как говорилось в записке, «в сельсовете им сказали, что будут судить их за хищение»⁴¹. В течение года после создания у колхоза сменилось три председателя. В результате был сделан вывод о недостаточной оценке местными властями «значения работы среди трудящихся цыган»⁴².

Схожая ситуация сложилась и в Чернушинском районе. Инструктор национальностей облисполкома Казанцев по итогам поездки в колхоз «Красный Восток» указывал, что в результате несправедливой нарезки земли от других колхозов была создана атмосфера «антицыганизма». Он писал в отчете следующее: «Участковый приезжал в колхоз и махал наганом с угрозой разогнать колхоз, но милиция никаких мер к нему не приняла... Цыгане... при таком голодном пайке пополняют его прежним своим ремеслом (попрошайничеством, гаданием, похищением коней и т.д.)»⁴³.

В 1935 г. цыгане «Красного Востока» говорили инструктору отдела национальностей облисполкома, что опасаются ходить по улицам, так как местные жители могут на них напасть, и вообще делают все, чтоб они уехали⁴⁴. Работа руководства колхоза также критиковалась. Инструктор орготдела облисполкома Романенко, командированный в колхоз в октябре 1935 года, так описывал работу председателя колхоза «Красный Восток» Еремеева: «Методы его работы сводятся к обходу каждое утро домов колхозников и, как он выражается, «не выгонишь силой, на работу не пойдут»⁴⁵.

Судя по всему, руководство райисполкомов еще и обогащалось за счет цыганских хозяйств. В марте 1936 г. за «бесхозяйственное расходование средств, низкое качество строительства и халатное отношение к своим обязанностям» к уголовной ответственности были привлечены прораб райисполкома Злобин, заведующий районным земельным отделом Волканин и председатель колхоза «Красный Во-

³⁸ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 18. Д. 640. Л. 41.

³⁹ Бугай Н.Ф. Забытые страницы жизни сообщества цыган в Союзе ССР в 1930–1950-е годы // Приволжский научный вестник. 2015. № 7. С. 52.

⁴⁰ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 18. Д. 640. Л. 69.

⁴¹ Там же. Л. 10.

⁴² Там же. Оп. 1. Д. 4417. Л. 25–26.

⁴³ Там же. Л. 42.

⁴⁴ Там же. Л. 68.

⁴⁵ Там же. Л. 189.

сток» Еремеев, сменивший на этой должности М.Ф. Волкова⁴⁶. Но ситуация принципиально не изменилась. В ноябре 1936 г. вновь назначенный на должность председателя М.Ф. Волков обращался в отдел национальностей ВЦИК с заявлением, в котором обвинял районные власти в нежелании помогать цыганам в устройстве колхоза. Его заявление было опубликовано в газете «Уральский рабочий», после чего в адрес Свердловского облисполкома со стороны ВЦИК и прокуратуры поступило несколько директив с требованием исправить ситуацию, а в колхозе была проведена серия проверок⁴⁷.

В результате местные органы власти были объявлены главными виновниками в неудачах по созданию колхозов. Президиум Свердловского облисполкома отдельным постановлением отметил, что со стороны исполнительных комитетов района «не принято необходимых мер по укреплению и хозяйственному устройству цыганских колхозов»⁴⁸.

Объясняя причины неудач, местные власти указывали на неумение и нежелание цыган трудиться. Инструктор отдела национальностей облисполкома Сташкина, побывавшая в феврале 1935 г. в цыганских колхозах, так описывала их быт: «Пьянствуют, ездят друг к другу в гости, да еще воруют. До меня посадили двоих цыган за конокрадство... Цыгане живут на иждивении у русских крестьян, не платят за проживание, на почве этого большие неполадки»⁴⁹. Критическое отношение к цыганам отражено в докладной записке секретаря отдела национальностей облисполкома С.Г. Нураева, который ездил с инспекционными поездками в сентябре 1936 года по «нацмен колхозам» в Красноуфимском районе. Он сообщал: «Также и в цыганском колхозе труддисциплина расшатана. Развито пьянство. Летом цыгане напившись причинили большую драку. Выбили окна с рамами в нескольких домах... имели случаи кражи хлеба»⁵⁰.

Деятельность председателя колхоза М.Ф. Волкова была раскритикована в письме областной прокуратуры, проводившей проверку. В частности, в письме сообщалось, что М.Ф. Волков не обобществил имеющихся у него двух лошадей, одну из которых продал, раздал колхозникам коров, похитил и реализовал имеющийся семенной запас. За совершенные проступки Волков был осужден на два года лишения свободы. В докладной записке областного земельного управления «О состоянии цыганского колхоза «Красный Восток» сообщалось, что из имеющихся 23 лошадей в цыганском колхозе обобществлены только 9. Остальных цыгане-колхозники использовали в личных целях, с ними «ездят на базар, меняют их и торгуют»⁵¹.

Комиссия по обследованию цыганского колхоза «Красный Восток», работавшая в октябре 1936 г., раскритиковала имевшуюся в нем организацию труда. В отчете комиссии говорилось: «Пристапули к молотье 22 октября. Молотят конной молотилкой сами колхозники. В поле у молотилки весовщика нет, ответственный за отправку зерна на склад Волков Андрей 24 октября на работе отсутствовал... Ударница колхоза Живых Анна отметила, что отдельные колхозники, благодаря отсутствию взвешивания зерна в поле, прячут и уносят зерно... качество работы в части по уборке зерновых совершенно неудовлетворительно... за утерю и хищение ни с кого не взыскано, виновники не установлены. В рамках проверки был установлен факт «обмена коров колхозниками цыганами, за которыми эти коровы закреплены, с единоличника-

⁴⁶ ГАСО. Оп. 1. Д. 4417. Л. 77.

⁴⁷ Там же. Л. 21–21 об., Л. 24–25.

⁴⁸ Там же. Оп. 18. Д. 640. Л. 88.

⁴⁹ Там же. Ф. 88. Оп. 1. Д. 4417. Л. 52.

⁵⁰ Там же. Л. 71.

⁵¹ Там же. Ф. Р-88. Оп. 18. Д. 640. Л. 160.

ми окружающих деревень на коров худшего качества», при этом «колхозникам, допустившим обмен, никаких административных взысканий не наложено»⁵².

Таким образом, ни местные органы власти, ни цыгане не стремились к тому, чтобы адаптироваться к условиям колхоза и перейти на оседлый образ жизни. Но с учетом важности вопроса для центральных властей ликвидация действующего цыганского колхоза на Урале не представлялась возможной. Власти предпринимали усилия, чтоб сохранить последний цыганский колхоз. Свердловский облисполком, в частности, четырежды (28 июля и 22 сентября 1935 г., 31 июля и 28 декабря 1936 г.) издавал постановления об укреплении колхоза «Красный Восток». Наиболее активных цыган даже выдвигали в ударники труда, чтоб добиться более активного участия всех цыган в жизни колхоза, выделялись новые кредиты на покрытие долгов и развитие колхоза, но все было безуспешно⁵³. Численность колхозников в 1937 г. начала резко сокращаться: со 112 человек и 26 семей в январе до 62 человек и 12 семей в феврале⁵⁴. Официальной даты расформирования колхоза в источниках не зафиксировано, но, судя по интенсивности делопроизводства в марте 1937 г., колхоз уже перестал существовать. О его председателе М.Ф. Волкове известно, что он скрылся с долгами на сумму 1 295 рублей и за его поимку было обещано вознаграждение⁵⁵.

Появившиеся в 1930-е гг. цыганские колхозы были скорее политической необходимостью. Ситуация с созданием колхозов, получением ими субсидий, текучка кадров, невыполнение планов и постепенное опустение колхозов – все это было характерно и для других территорий. Однако подобный опыт сыграл важную роль в дальнейшей интеграции цыганского населения, поскольку создавал для этого народа альтернативные варианты личных жизненных стратегий. Н.Ф. Бугай приводит в своем исследовании немало конкретных примеров успешной интеграции цыган и реализации ими своего потенциала в период 1930-х гг.⁵⁶

Неудачи в создании цыганских колхозов на Урале могут быть объяснены по-разному. Некорректно утверждать, что идея создания колхозов была нереализуемой, поскольку уже в тот период возникло несколько десятков цыганских колхозов. В свою очередь, неумение областных властей создавать колхозы из представителей национальных меньшинств с учетом их специфики также не может быть единственной причиной неудач в деле организации колхозов, поскольку они создавались повсеместно в Уральской области, а территория Сарапульского и Чернушинского районов исторически формировалась как благоприятная для сельского хозяйства. Таким образом, условия и возможности для создания колхозов были. Возможно, отсутствие опыта работы именно с цыганами, слабое внимание к их проблемам, недооценка культурной работы, которая по факту просто не проводилась, могли повлиять на ту часть цыганского сообщества, которая потенциально была готова к интеграции. Свою роль, безусловно, сыграла промышленная ориентация Урала, где сельское хозяйство не рассматривалось областным руководством как приоритетное направление развития региона. Политику колхозного строительства среди цыган на Урале между тем нельзя признать полностью неудачной. Опыт работы с цыганами был учтен в последующем властями разных уровней.

⁵² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4417. Л. 63–66.

⁵³ Там же. Оп. 18. Д. 640. Л. 163.

⁵⁴ ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 4417. Л. 4–7.

⁵⁵ Там же. Л. 7.

⁵⁶ Бугай Н.Ф. Забытые страницы жизни сообщества цыган в Союзе ССР в 1930–1950-е годы // Приволжский научный вестник. 2015. № 7. С. 59.

Цыгане в промышленной кооперации: производственные артели

Одним из направлений политики в отношении цыган в период 1920–1930-е гг. было вовлечение их в производственную кооперацию. В первую очередь, этот пункт касался ремесленных групп цыган, оказывающих различные услуги населению и организациям. Постановления Президиума ЦИК и СНК СССР о содействии цыганам обычно рассматриваются в контексте мероприятий по оседанию и созданию цыганских колхозов, в то же время они сыграли роль и в развитии промкооперации. Постановление Президиума ВЦИК «О состоянии работы по обслуживанию трудящихся цыган» от 1 апреля 1932 г. напрямую указывало: «Вопросам вовлечения цыган в промышленность и промысловую кооперацию должно быть уделено специально внимание»⁵⁷.

На Урале реализация этого постановления также приводит к организации цыганских артелей и участию цыган в промышленном производстве. Как было отмечено, цыгане-кэлдэары, представлявшие в регионе ремесленную группу, присутствовали в этот период в разных районах Урала. Документы позволяют в некоторых случаях проследить характер их занятости и ход реализации мероприятий по их вовлечению в промкооперацию. Из выявленных документов известно о создании в феврале 1936 г. артели «Национал» в г. Первоуральск из «кочевников нацменов» из «сербо-румын», которая специализировалась на металлоремонте⁵⁸. В данном случае под «кочевниками нацменами» «сербо-румынами», занимающимися металлообработкой, имеются ввиду цыгане-кэлдэары, обычным занятием которых в этот период было лужение и изготовление металлических изделий. Официально артель подчинялась Облразнопромсоюзу. Как и в других регионах России, металлопроизводство требовало использования металла и химикатов для производства и лужения, в чем всегда ощущалась нехватка. С этой проблемой сталкивалась и первоуральская артель. Председатель правления Облразнопромсоюза Боровских даже обращался в облисполком с просьбой о предоставлении артели листового железа и соляной кислоты. Он формулировал задачу следующим образом: «Учитывая всю важность необходимости укрепления бывших кочевников нацмен в кооперативной системе, дать членам артели оседлую жизнь и привить им трудовые навыки»⁵⁹.

Табор кэлдэаров г. Надеждинск, скорее всего, не был организован в промкооперацию. Хотя среди их специальностей и значится медник-лудильщик, что все они являлись кустарями и не имели определенных занятий, а в некоторых анкетах их специальность обозначена как «кочующий кустарь лудильщик». Для легализации своей деятельности, видимо, табор также планировал в 1937 г. по приезду в город Надеждинск создать артель лудильщиков под названием «Группа Сербия», однако была ли она создана, установить не удалось⁶⁰. Артель котельщиков как место работы обозначена и у цыган кэлдэарского табора в пос. Потанино Копейского района Челябинской области⁶¹.

Таким образом, вся имеющаяся информация о занятости цыган-кэлдэаров на Урале в 1930-е гг. свидетельствует об их включенности в процессы производственной кооперации. Как в целом в этот период для ремесленных групп цыган, промкооперация и артели были способом и возможностью легально им включиться в экономическую систему, наладить получение сырья и сбыт готовой продукции. Информа-

⁵⁷ Бриль М. Трудящиеся цыгане в ряды строителей социализма // Революция и национальности. 1932. № 7. С. 66.

⁵⁸ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4417. Л. 115, 118.

⁵⁹ Там же. Л. 118.

⁶⁰ Там же. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 51219. Л. 6.

⁶¹ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 4. Д. 5721, 5722, 5723.

ция о цыганских производственных артелях на Урале относится ко второй половине 1930-х гг., позднее, чем в центральных регионах России. Возможно, кэлдэрарские таборы, приезжавшие в регион, уже имели опыт работы и организации подобных артелей в других местах. Однако мобильность цыганских таборов, постоянные передвижения из региона в регион были причинами кратковременности функционирования артелей, во многом формального характера их создания и деятельности.

Цыгане Урала в культурной политике

Крайне мало сведений сохранилось о культурной жизни цыган. Во всех принимаемых на уровне страны документах по цыганам указывалось на необходимость проведения культурной работы и ликвидации неграмотности среди представителей этого народа. Цыгане были одним из самых неграмотных народов СССР. В материалах переписи 1926 г. только 11 % цыган указали на наличие грамотности на русском языке, что в принципе коррелирует с данными по стране⁶².

Особое значение вопрос о культурной жизни среди цыган обрел в 1930-е гг. На заседании Президиума ЦИК 7 апреля 1936 г. были отмечены несомненные успехи политики в отношении цыган, выразившиеся в открытии цыганских школ, техникума и театра «Ромэн», издании литературы на родном для цыган языке. Однако тут же были отмечены лишь «незначительные успехи в области ликвидации неграмотности среди взрослого населения», говорилось, что «большая часть детей цыган не охвачена школой»⁶³.

Работа на местах в отношении повышения культурного и образовательного уровня цыган должна была проводиться и на это выделялись средства. Известно, например, что в 1937 г. по всей страны были разосланы тексты «Конституции Союза ССР» и «Положения о выборах в Верховный Совет Союза ССР» на цыганском языке в переводе с русского Н.А. Панкова. О получении экземпляров Пермским горсоветом писала в 1937 г. областная газета «Звезда»⁶⁴. Но в целом источники свидетельствуют, что на местах такие мероприятия почти не проводились. В докладной записка инструктора отдела нацмен облисполкома Ф.И. Казанцева, в частности, представлена ситуация с образованием цыган в колхозе «Красный Восток». Взрослое население было полностью неграмотным, школу посещали четыре ребенка. Назначенный на работу массовик Кузнецов жил в 2 км от поселка, приезжал на работу к 11.00 и уезжал в 15.00, никакой работы не вел, а купленный для колхоза музыкальный инструмент хранил у себя дома. Инструктор отметил, что у детей 5–8 лет есть желание и интерес организованно проводить время, но «так как среди них отсутствует воспитательная работа, то больше всего в их среде слышишь нецензурные выражения»⁶⁵.

Слабую работу в сфере образования отметила в своем отчете и инструктор отдела национальностей уральского облисполкома М. Сташкина. В документе отмечено, что литературы на цыганском языке не было, социализация в системе образования также не осуществлялась по причине того, что «женщины не дают детей, боятся, что их у них увезут и не отдадут»⁶⁶. При этом цыгане нередко участвовали в районных конкурсах самодеятельности и получали призовые места. В духовной жизни цыган большую роль играла также религия. В протоколе заседания малого президиума Уральского облисполкома с участием отдела по делам национально-

⁶² Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. С. 106–149.

⁶³ Заседание Президиума ЦИК Союза ССР // Правда. 1936. 8 апреля.

⁶⁴ Литература на национальных языках // Звезда. 1937. 1 ноября.

⁶⁵ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4417. Л. 67–68 об.

⁶⁶ Там же. Л. 52.

стей за 1936 г. говорится: «В избах у них у каждого иконы, так что поп ведет больше работу среди них, чем наши местные организации»⁶⁷.

Таким образом, необходимость культурной и образовательной работы среди цыганского населения осознавалась на самом высоком уровне, однако на местах она была поставлена слабо. Несмотря на выделяемые средства, местные власти не смогли создать условия для обеспечения цыганского населения светским образованием и культурным досугом.

Цыгане Урала в период репрессий

Период 1930-х гг. в СССР характеризуется репрессиями в отношении разных социальных групп, в том числе сформированных по этническому признаку. Необходимо отметить, что отдельной «цыганской» операции в стране не проводилось, и представители этого народа попадали под репрессии силу разных, не связанных с их этнической принадлежностью причин. Изучение архивно-следственных дел Пермского края, Свердловской и Челябинской областей позволяет реконструировать ход и особенности репрессий в отношении цыган. Всего в архивах Урала сохранились сведения как минимум о двадцати цыганах, репрессированных в регионе в 1930-е гг. В Пермском крае за период 1920–1930 гг. не выявлено архивно-следственных дел, относящихся к цыганам. Но, возможно, к группе цыган-кэлдэраров относятся дела В.И. Ивануса (1921 г.р.) и В.И. Ивануса (1908 г.р.), в графе «Национальность» у которых указано: «Грек». Иванусы работали лудильщиками артели им. М. Калинина Кизеловского района и были задержаны январе 1938 г. по обвинению в шпионаже в пользу иностранной разведки. Следственные дела были прекращены за недостаточностью улик в ноябре 1938 г.⁶⁸

В Свердловской области было арестовано десять цыган, которые принадлежали к одному табору из г. Надеждинск Свердловской области. У большинства арестованных был указан один адрес – Старый поселок, 6 линия, барак № 14. Сначала, 13 января 1938 г., там было арестовано пять мужчин из табора, в марте – еще двое. Всем арестованным было предъявлено обвинение в шпионаже в пользу Румынии (все арестованные по национальности были записаны как румыны). Протоколы составлялись под давлением и без согласия арестованных. Приведем отрывок из признания, которое содержится в одном из протоколов: «Я сначала не подписывал протокол, после чего меня стали садить в карцер, при чем я сопротивлялся так на мне порвали рубашку. И все же в карцер посадили после чего мне дали протокол, намазали палец и приложили к протоколу допроса»⁶⁹. По итогам следствия один из арестованных Алексей Михай (1919 г.р.) был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян⁷⁰. Остальные дела были прекращены, а задержанные освобождены из-под стражи в декабре 1938 г. Кроме этого, в Свердловской области было возбуждено дело в отношении отбывающей наказание цыганки. Еще одно дело было возбуждено в отношении цыганки из п. Нижние Серги, которая, судя по польской фамилии Бжезинская и месту рождения (Калишская губерния, Польша), не относилась к местным старожильческим группам цыган⁷¹.

Самая крупная на Урале операция по задержанию цыган была организована 8 марта 1938 г. в пос. Потанино Копейского района Челябинской области. В тот день было арестовано сразу пять мужчин, а 22 марта еще арестовали цыганку Марию Гоман. В ходе следствия всем задержанным было предъявлено обвинение по статье

⁶⁷ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4417. Л. 52.

⁶⁸ ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6988; 3318.

⁶⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2896. Л. 10 об.

⁷⁰ Там же. Д. 35502.

⁷¹ Там же. Д. 4219, 1963, 35302, 5987, 6043.

ям 58–6, 58–11, предусматривающим наказание за шпионаж в пользу иностранного государства, а также организационную деятельность, направленную к подготовке или совершению данных преступлений. В анкетных данных у всех мужчин была указана национальность «румын», что провоцировало выдвижение обвинений в шпионаже в пользу этого государства. По приговорам тройки УНКВД по Челябинской области пятеро из осужденных были приговорены к высшей мере наказания и 12 октября 1938 г. расстреляны. Восемнадцатилетний Владимир Михай (1920 г.р.) был приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей⁷².

Анализ дел позволяет выявить особенности репрессивной политики в отношении разных этнографических групп цыган. Очевидно, что цыгане-кэлдэары, передвигавшиеся большими родовыми общинами – таборами, чаще становились жертвами массовых арестов. Больше внимание они к себе привлекали и тем, что в недавнем прошлом были «иностранными подданными». Русским цыганам, судя по всему, удалось избежать массовых репрессий, аресты носили единичный характер. В целом репрессивная политика в отношении цыган на Урале не была массовой и не носила характера национальной операции, как это было с другими этническими сообществами. Эти особенности могут быть связаны с несколькими факторами: немногочисленностью цыган на Урале в тот период, значительной цыганской мобильностью, и, видимо, их слабой политической и общественной активностью. Вероятно, такой характер репрессий в отношении цыган был характерен и для других регионов СССР в тот период.

Выводы

Таким образом, цыганские общины Урала в 1920–1930-е гг. были вовлечены в социально-экономические преобразования в СССР. Комплекс мер в отношении цыганского населения, проводимый на Урале не носил ярко выраженного регионального характера и не имел какой-то особой специфики. Он стал отражением тех процессов, которые инициировались союзными органами власти и реализовывались по всей стране. Особенность данной политики в регионе заключалась в импульсивности проявляемой активности, в зависимости от указаний центра. Среди основных направлений политики в отношении цыган на Урале в рассматриваемый период можно назвать учет данных о численности и расселения цыган в регионе, социальную поддержку этой группы населения, меры по созданию цыганских колхозов и кооперативных артелей.

Более дифференцированный подход к изучению цыганского сообщества позволяет глубже взглянуть на особенности их участия в модернизационных процессах 1920–1930-х гг. в рамках Уральского региона. Имеющиеся опубликованные источники и документы, впервые вводимые в научный оборот, демонстрируют это на примере двух основных этнических групп цыган Урала – *руска рома* и *кэлдэары*.

Данные об особенностях и характере расселения цыган в Уральской области по материалам переписей населения 1926 и 1939 гг. позволяют утверждать, что численность цыган могла быть намного выше, поскольку в официальных документах они значились как русские, или как выходцы из отдельных европейских стран (румыны, болгары, австрийцы, сербы и др.), или как европейские народы. Анализ источников позволяет заключить, что к созданию колхозов привлекались цыгане группы *руска рома*, для которых характерно было проживание главным образом в сельской местности. В то время в городах для работы в промышленных артелях привлекались цыгане-кэлдэары, для которых исторически характерны профессии,

⁷² ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 4. Д. 5721, 5722, 5723, 6559, 6560, 6561.

связанные с обработкой металла. В исторической перспективе эти особенности определили специфику адаптации и занятости цыганского населения в последующие периоды, в том числе в современной России.

Несмотря на целый ряд успешных примеров в целом по стране, на Урале не удалось создать достаточного количества цыганских колхозов, хотя необходимые для этого условия были. Причиной неудач могло стать нежелание местных органов власти и населения помогать цыганам в обустройстве, отсутствие должной культурной и просветительской работы среди цыган и сама специфика региона, где промышленное развитие традиционно находилось в приоритете по отношению к сельскому хозяйству. Политику колхозного строительства среди цыган на Урале между тем нельзя признать полностью неудачной, поскольку опыт работы с цыганами был учтен в 1950-е гг. Промышленные артели цыган, в отличие от колхозов, успешно функционировали, что также может быть свидетельством специфики региона. Период репрессий второй половины 1930-х гг. незначительно отразился на цыганском населении. Отдельных «цыганских» операций зафиксировано не было.

В целом, политика, проводимая в отношении цыган в период 1920–1930-х годов на Урале, не внесла кардинальных изменений в уклад и образ жизни цыганского населения. Однако она сыграла важную роль в адаптации цыганских сообществ к новым идеологическим и социально-экономическим условиям, создала альтернативные модели личных жизненных стратегий для его представителей.

Рукопись поступила: 3 июля 2020 г.

Submitted: 3 July 2020.

Библиографический список

- Бессонов Н.* Цыгане в России: принудительное оседание // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. М.: ОГИ, 2005. С. 631–640.
- Бриль М.* Трудящиеся цыгане в ряды строителей социализма // Революция и национальности. 1932. № 7. С. 60–66.
- Бугай Н.Ф.* Цыгане России: общество, адаптация, консенсус (1900–2010). М.: Кучково поле, 2012. 352 с.
- Бугай Н.Ф.* Забытые страницы жизни сообщества цыган в Союзе ССР 1930–1960-е гг. // Приволжский научный вестник. 2015. № 7. С. 46–65.
- Деметер Н.Г., Черных А.В.* Цыгане. М.: Наука, 2018. 590 с.
- Деметер Н., Бессонов Н., Кутенков В.* История цыган – новый взгляд. Воронеж: ИПФ «Воронеж», 2000. 336 с.
- Иващенко В.И.* Цыганские судьбы. История, труд, этнография. Ростов-на-Дону: Дониздат, 2011. 196 с.
- Истягин В.Р.* Реализация государственной переселенческой политики в Северо-Кавказском крае в начальный период коллективизации: переселение цыган, корейцев, ассирийцев // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. 2015. № 4. С. 60–66.
- Каменских М.С.* Вовлечение цыганского населения в колхозное строительство на Урале в конце 1920-х – 1930-е годы // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2017. № 4. С. 10–17.
- Килин А. П.* Политика перевода цыган на оседлый образ жизни: проблемы реализации (1926–1937) // Документ. Архив. История. Современность. 2005. № 5. С. 187–226.
- Килин А.П.* Создание цыганских колхозов на Урале: Интересы сторон // Материалы конференции: Четвертые Татищевские чтения. Природа, быт и культура Урала, Екатеринбург, 18–19 апреля 2002 года. Екатеринбург: [Б.и.], 2002. С. 261–264.
- Киселева Т.Ф.* Цыгане Европейской части Союза ССР и их переход от кочевания к оседлости. М.: [Б. и.], 1952. 12 с.
- Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 664 с.
- Платунов Н. И.* Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск: Томский университет, 1976. 283 с.

- Попова Е., Бриль М. Цыгане в союзе ССР // Советское строительство. 1932. № 2. С. 126–138.
- Смирнова-Сеславинская М.В. Законодательство и государственная политика Российской империи в отношении цыганского населения // Genesis: исторические исследования. 2017. № 4. С. 1–21.
- Черных А. В., Вайман Д.И. Цыгане г. Перми: история и культура. СПб.: Маматов, 2018. 64 с.
- Черных А. В. Цыгане-кэлдэрары в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 1. С. 138–148.
- Черных А.В. Цыганское население Среднего Урала в конце XVIII – начале XX века // Вестник Пермского университета. История. 2020. № 2. С. 5–15.
- Beissinger M.H. Occupation and Ethnicity: Constructing Identity among Professional Romani (Gypsy) Musicians in Romania // Slavic review. 2001. Vol. 60. № 1. P. 24–49.
- Chernykh A. The Kalderash Gypsies of Russian Industrial Cooperation of the 1920s–1930s // Social Inclusion. 2020. Vol. 8. № 2. P. 358–366.
- Lemon A. Between Two Fires: Gypsy Performance and Romani Memory from Pushkin to Postsocialism. Durham & London: Duke University Press, 2000. 308 p.
- Lemon A. “Form” and “Function” in Soviet Stage Romani: Modeling Metapragmatics through Performance Institutions // Language in Society. 2002. Vol. 31. № 1. P. 29–64.
- Lemon A. Roma (Gypsies) in the Soviet Union and the Moscow Teatr «Romen» // Nationalities Paper. 1991. Vol. 19. № 3. P. 359–372.
- Marushiakova E, Popov V. Gypsies in central Asia and the Caucasus, London: Macmillan, 2016. 147 p.
- Shaidurov V.N. On the history of the roma in the Russian empire (second half of the 18th – first quarter of the 19th century // Bylyye gody. 2017. № 4. P. 1207–1218.

References

- Bessonov, N. “Tsygane v Rossii: prinuditel'noye osedaniye.” In *Rossiya i yeyo regiony v XX veke: territoriya – rasseleniye – migratsii*, 631–640. Moscow: OGI Publ., 2005 (in Russian).
- Beissinger, M.H. “Occupation and Ethnicity: Constructing Identity among Professional Romani (Gypsy) Musicians in Romania.” *Slavic review* 60, no. 1 (2001): 24–49.
- Bril', M. “Trudyashchiyesya tsygane v ryady stroiteley sotsializma.” *Revol'yutsiya i natsional'nosti*, no. 7 (1932): 60–66 (in Russian).
- Bugay, N.F. *Tsygane Rossii: obshchestvo, adaptatsiya, konsensus (1900–2010)*. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2012 (in Russian).
- Bugay, N.F. “Forgotten pages of the life of the Gypsy community in the USSR in the 1930–1960s.” *Privolzhsky Scientific Bulletin*, no. 7 (2015): 46–65 (in Russian).
- Chernykh, A.V., and Vayman, D.I. *Tsygane g. Permi: istoriya i kul'tura*. St. Petersburg: Mamatov Publ., 2018 (in Russian).
- Chernykh, A.V. “Gypsies-Kelderari in Russia in the second half of the XX – early XX century.” *Vestnik of Perm University. History*, no. 1 (2018): 138–148 (in Russian).
- Chernykh, A.V. “Roma population of the Middle Urals at the end of the XVIII – early XX century.” *Vestnik of Perm University. History*, no. 2 (2020): 5–15 (in Russian).
- Chernykh, A. “The Kalderash Gypsies of Russian Industrial Cooperation of the 1920s–1930s.” *Social Inclusion* 8, no. 2 (2020): 358–366.
- Demeter, N.G., and Chernykh, A.V. *Tsygane*. Moscow: Nauka Publ., 2018 (in Russian).
- Demeter, N., Bessonov, N., and Kutentkov, V. *Istoriya tsygan – novyy vzglyad*. Voronezh: IPF «Voronezh» Publ., 2000 (in Russian).
- Ivashchenko, V.I. *Tsyganskiye sud'by. Istoriya, trud, etnografiya*. Rostov on Don: Donizdat Publ., 2011 (in Russian).
- Istyagin, V.R. “Implementation of the state resettlement policy in the North Caucasus Territory in the initial period of collectivization: resettlement of Roma, Koreans, Assyrians.” *Humanities and Legal Studies*, no. 4 (2015): 60–66 (in Russian).
- Kamenskikh, M.S. “Involvement of the Roma population in collective farm construction in the Urals in the late 1920s – 1930s.” *Bulletin of the Perm Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, no. 4 (2017): 10–17 (in Russian).
- Kilin, A.P. “The policy of transferring Roma to a sedentary lifestyle: problems of implementation (1926–1937).” *Document. Archive. History. Modernity*, no. 5 (2005): 187–226 (in Russian).
- Kilin, A.P. “Sozdaniye tsyganskikh kolkhozov na Urale: Interesy storon.” In *Materialy konferentsii: Chetvertyye Tatishchevskiy chteniya. Priroda, byt i kul'tura Urala, Yekaterinburg, 18–19 aprelya 2002 goda*, 261–264. Yekaterinburg: [S.n.], 2002 (in Russian).

- Kiseleva, T.F. *Tsygany Yevropeyskoy chasti Soyuzo SSR i ikh perekhod ot kochevaniya k osedlosti*. Moscow: [S.n.], 1952 (in Russian).
- Lemon, A. “Roma (Gypsies) in the Soviet Union and the Moscow Teatr ‘Romen’.” *Nationalities Paper* 19, no. 3 (1991): 359–372.
- Lemon, A. *Between Two Fires: Gypsy Performance and Romani Memory from Pushkin to Postsocialism*. Durham & London: Duke University Press, 2000.
- Lemon, A. “‘Form’ and ‘Function’ in Soviet Stage Romani: Modeling Metapragmatics through Performance Institutions.” *Language in Society* 31, no. 1 (2002): 29–64.
- Martin, T. *Imperiya «polozhitel'noy deyatel'nosti»*. *Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011 (in Russian).
- Marushiakova, E, and Popov, V. *Gypsies in central Asia and the Caucasus*. London: Macmillan, 2016.
- Platunov, N.I. *Pereselencheskaya politika sovetского gosudarstva i yeye osushchestvleniye v SSSR (1917 – iyun' 1941 gg.)*. Tomsk: Tomskiy universitet Publ., 1976 (in Russian).
- Popova, Ye., and Bril', M. “Tsygane v soyuze SSR.” *Sovetskoye stroitel'stvo*, no. 2 (1932): 126–138 (in Russian).
- Smirnova-Seslavinskaya, M.V. “Legislation and state policy of the Russian Empire in relation to the Roma population.” *Genesis: Historical Research*, no. 4 (2017): 1–21 (in Russian).
- Shaidurov, V.N. “On the history of the roma in the Russian empire (second half of the 18th – first quarter of the 19th century.” *Bylyye gody*, no. 4 (2017): 1207–1218.

Информация об авторах / Information about the authors

Черных Александр Васильевич, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заведующий сектором этнологических исследований Отдела истории, археологии и этнографии Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН.

Alexander V. Chernykh, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Ethnological Research Sector of the Department of History, Archeology and Ethnography of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Каменских Михаил Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник заведующий сектором этнологических исследований Отдела истории, археологии и этнографии Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН.

Mikhail S. Kamenskikh, Kandidat Istoricheskikh Nauk [Ph.D. in History], Senior Researcher, Head of the Ethnological Research Sector, Department of History, Archeology and Ethnography, Perm Federal Research Center, UB RAS.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-869-888>

Научная статья / Research article

Отрицательный отбор: запреты и ограничения на комплектование Красной армии по этническому признаку в годы Великой Отечественной войны

А.Ю. Безугольный

Научно-исследовательский институт военной истории
Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации;
119330, Россия, Москва, Университетский пр-т, 14; besu111@yandex.ru

Аннотация: Статья является продолжением исследования особенностей комплектования Красной армии в период Великой Отечественной войны с учетом этнического фактора, опубликованного во втором номере текущего года данного журнала. На этот раз рассмотрен негативный опыт, связанный с ограничениями и запретами на прием в ряды войск некоторых советских этносов, а также чистками из армии военнослужащих в связи с их национальностью. Проанализированы основные причины и масштабы этого явления, рассмотрена нормативная база ограничений и запретов и ее развитие в течение войны. Установлено, что причиной подобных ограничений могли становиться как политические мотивы (недоверие к гражданам по этническому признаку), так и этнокультурные и языковые особенности военнообязанных граждан определенных национальностей, мешавшие их полноценному использованию на военной службе. Показана практика ограничений комплектования Красной армии по этническому признаку, в том числе и существенные отклонения от нормативных требований, которые допускали воинские начальники на местах. Научная новизна представленного исследования состоит в том, что впервые этнонациональный аспект истории Красной армии в годы Великой Отечественной войны проанализирован с помощью количественных методов исследования, что позволило существенно углубить понимание происходивших в советских вооруженных силах этнических процессов.

Ключевые слова: Красная армия, нерусские народы, национальные воинские формирования, комплектование вооруженных сил

Для цитирования: Безугольный А.Ю. Отрицательный отбор: запреты и ограничения на комплектование Красной армии по этническому признаку в годы Великой Отечественной войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 4. С. 869–888. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-869-888>

Negative Selection: Prohibitions and Restrictions in Red Army Recruitment on Ethnic Grounds during the Great Patriotic War

Alexey Yu. Bezugolny

Scientific Research Institute of Military History of Military Academy of
the General Staff of the Armed Forces of Russia;
14, University Av., Moscow, 119330, Russia; besu111@yandex.ru

Abstract: The present article continues the research about the role of the ethnic factor in Red Army recruitment during the Great Patriotic War, the first part of which was published in RUDN Journal of Russian History 19, no. 2 (May 2020). This time the focus is on admission restrictions and prohibitions for certain Soviet ethnic groups, as well as on purges from the army due to soldiers' nationality.

© Безугольный А.Ю., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The contribution analyzes the major causes and the scale of this phenomenon, as well as the regulatory framework of restrictions and prohibitions and their development during the war. It is established that the reason for such restrictions could be political motives (distrust towards citizens on ethnic grounds), but also the ethno-cultural and linguistic features of conscripts coming from certain nationalities, with the idea that these features prevented their full use in military service. The article analyzes the practice of restrictions on ethnic grounds, including cases when military authorities in the field allowed for significant deviations from the regulatory framework. The scientific novelty of the present research consists in the fact that for the first time the ethnonational aspect of the history of the Red Army during the Great Patriotic War is analyzed with quantitative methods, which made it possible to significantly deepen our understanding of ethnic processes in the Soviet armed forces.

Keywords: Red Army, non-Russian peoples, national military formations, recruitment of the armed forces

For citation: Bezugolny A.Yu. “Negative Selection: Prohibitions and Restrictions on Recruitment of the Red Army on Ethnic Grounds during the Great Patriotic War.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 4 (November 2020): 869–888. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-869-888>

Введение

В годы Великой Отечественной войны все усилия органов государственного и военного управления были направлены на максимально возможное вовлечение народов СССР в вооруженную борьбу с врагом¹. Однако была и противоположная по смыслу и содержанию деятельность, целью которой было, напротив, ограничить или вовсе прекратить поступление в ряды войск представителей тех или иных этносов.

Если в первом случае решалась задача массовости и непрерывности потока людских пополнений, то во втором, напротив, вооруженные силы целенаправленно лишались части людских ресурсов. В данном случае органами государственного и военного управления преследовалась иная цель: путем отсева части военнослужащих и ограничения призыва в отношении этносов, по тем или иным характеристикам считавшихся непригодными для военной службы в условиях войны, повысить моральные и боевые качества войск.

Исследование документальной базы, основу которой составили архивные источники хранящиеся в Центральном архиве Министерства обороны (прежде всего, фонд 56 Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии; фонд 7 Главного организационно-мобилизационного управления Генерального штаба), Российском государственном архиве социально-политической истории (прежде всего фонд 644 И.В. Сталина) позволяет классифицировать практиковавшиеся в годы войны ограничения на комплектование войск по этническому признаку на две большие категории – ограничения по политическим причинам и ограничения в связи с культурно-языковыми особенностями национальных контингентов.

Историография темы связана, прежде всего, с публикациями Н.Ф. Бугая – одного из ведущих специалистов по истории этнических репрессий в Советском Союзе². Определенный вклад в изучение темы внесен региональными историками, представляющими репрессированные этносы³. Однако эти авторы рассматривали только один аспект ограничений, связанных непосредственно с репрессивными актами в отношении этносов. Как будет показано в данной статье, комплекс ограничений был значительно шире и не обязательно являлся звеном в репрессивной цепочке.

¹ Безугольный А.Ю. Этнический аспект комплектования Красной армии в годы Великой Отечественной войны: историко-статистический обзор // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 2. С. 298–319.

² Бугай Н.Ф. Депортация народов Крыма. Документы, факты, комментарии. М., 2002; Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «После Ваших указаний проведено следующее...». М., 2011.

³ Ошаев Х.Д. Слово о полку чечено-ингушском. Сборник документально-художественных произведений. Нальчик, 2004; Очиров У.Б., Заярный С.А. Клятве остались верны: история формирования и боевого пути 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста, 2018.

Ограничения по политическим причинам в начальный период войны

Ограничения по политическим причинам вызывались реальной или мнимой нелояльностью советской власти со стороны представителей ряда этносов (выражавшейся в антисоветском повстанческом движении, уклонении от призыва и мобилизации), или компрометирующим этническим родством с народами, представлявшими враждебные Советскому Союзу государства. Политические критерии при решении о допуске этносов в ряды Красной армии широко применялись и в довоенный период, особенно в 1930-е гг. Они не являлись догмой и использовались довольно гибко, в зависимости от колебаний внутренней и внешней политики государства. В годы Великой Отечественной войны эта тенденция продолжилась: перечень непризываемых народов корректировался и уточнялся в соответствии с обстановкой на фронте и социально-политической ситуацией в национальных республиках СССР. Эти меры носили превентивный, внесудебный и всеобщий (то есть единый для представителей одного этноса) характер.

За годы войны сформировался корпус официальных документов, регулировавших ограничение приема в Красную армию граждан СССР по этническому признаку. Это имевшие совершенно секретный гриф постановления ГКО и приказы НКО, а также директивы начальника Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии, ограничивавшие призыв на военную службу значительному числу народов СССР, среди которых были представители этносов, воюющих с СССР; этносов, относимых к родственным с воюющими с СССР, а также народов, чье отношение к советской власти в условиях войны было сочтено «предательским».

Первые призывы и мобилизации начального периода войны осуществлялись без ограничений по этническому признаку. Таковы были: очередной всеобщий призыв граждан 1922 и 1923 годов рождения, объявленный 15 сентября 1941 г. (постановление ГКО № 675с⁴ и приказ НКО № 0355⁵), а также частичные эвакуационные призывы граждан 1904–1895 годов рождения и новобранцев 1922 и 1923 годов рождения, осуществлявшиеся с августа по октябрь 1941 г. в угрожаемых оккупацией областях УССР и РСФСР (постановления ГКО № 452сс от 10 августа, 459сс от 11 августа, 488сс от 15 августа, 506сс от 18 августа, 585сс от 28 августа; 763сс от 11 октября; 807сс от 16 октября, 836сс от 25 октября 1941 г.⁶).

В то же время одновременно с призывами и мобилизациями в войсках Красной армии разворачивались чистки среди военнослужащих – представителей «неблагонадежных» народов. Уже 22 июля 1941 г. директивой НКО № 090 было предписано: «Очистить все части от сомнительных людей (курсив мой. – А.Б.), учтя при этом, что среди призванных в западных областях Украины, Белоруссии, а также среди призванных в Молдавии, Буковине и Прибалтике оказалось значительное число изменников»⁷.

Недвусмысленно и публично (путем открытой публикации) политическая мотивация власти в национальном вопросе была артикулирована лишь однажды, когда одной из первых в начале войны была репрессирована этническая группа советских немцев. Характерный ход мысли руководства страны демонстрирует указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. о выселении немцев Поволжья из мест традиционного проживания и ликвидации государственной автономии советских немцев. Здесь безапелляционно было заявлено, что, «по достоверным данным», среди них «имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов (кур-

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 6. Л. 151–153; Д. 7. Л. 16, 70; Д. 8. Л. 34; Д. 9. Л. 127–129; Д. 12. Л. 78, 162, 197–198.

⁵ Центральный архив Министерства обороны (далее – ЦАМО). Ф. 2. Оп. 795437. Д. 7. Л. 178, 353.

⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 6. Л. 151–153.

⁷ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 133 а. Л. 182.

сив мой. – А.Б.), которые по сигналу, полученному из Германии, должны произвести взрывы». Однако, указывалось в документе, остальное население из числа немцев якобы не оповещает об этом советские власти, чем содействует шпионской деятельности. Поэтому правительство и вынуждено «принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья»⁸.

Логическим продолжением депортации немецкого населения стала зачистка от них рядов вооруженных сил. Первоначальный вариант приказа НКО, подготовленный Главным управлением формирования и укомплектования Красной армии (Главупраформ) повторял дух и лексику указа Президиума Верховного Совета от 28 августа 1941 г. В частности, в нем указывалось, что «эти лица (то есть военнослужащие-немцы. – А.Б.)... не могут и не должны пользоваться каким-либо доверием (выделено мной. – А.Б.) бойцов и командиров Красной армии», поскольку могут быть использованы в провокациях германского командования. Проект приказа предлагал изъять весь рядовой и младший начальствующий состав из числа немцев, «установив за ними строжайшее наблюдение», а начальствующий состав – уволить из армий⁹. В итоговом варианте приказа об изъятии немцев мотивировочная часть была опущена.

После репрессии в отношении советских немцев аналогичные акции в отношении других этносов всегда реализовывались в условиях строгой секретности. Ни в одном распоряжении органов власти и военного управления более не содержалось мотивировочной части, которая бы давала объяснение репрессивному императиву о чистке армии от представителей того или иного этноса или же о недопущении их в ряды вооруженных сил.

8 сентября 1941 г. директивой наркома обороны № 35105 было оформлено решение, предписывавшее «изъять из частей, академий, военно-учебных заведений и учреждений Красной армии, как на фронте, так и в тылу, всех военнослужащих рядового и начальствующего состава немецкой национальности и послать их во внутренние округа для направления в строительные батальоны»¹⁰. Директива НКО № 35105 допускала представление мотивированных ходатайств от командиров и комиссаров соединений военным советам фронтов на оставление немцев в частях. Однако это было исключением. В дальнейшем и до конца войны распоряжения об изъятии того или иного этноса из армейских рядов, как правило, носили тотальный характер и не предусматривали компромиссов.

Одновременно с немцами в сентябре 1941 г. проходило изъятие из воинских частей, учреждений и заведений граждан СССР, представлявших другие, так называемые *зарубежные национальности*, к которым в это время относили поляков, болгар, греков, чехов, иранцев, а также эстонцев, латышей, литовцев и молдаван¹¹. Директивой заместителя наркома обороны и начальника Главупраформа Е.А. Щаденко № 0477 от 9 декабря 1941 г. о формировании рабочих колонн среди контингентов, определенных на их укомплектование, были и этнические группы граждан СССР, родственные воюющим с Советским Союзом или недружественным ему странам: немцы, болгары, финны, румыны, турки, японцы, китайцы, корейцы, западные украинцы и белорусы, народы Прибалтики, уроженцы Северной Буковины¹².

Оценить численность изъятых из вооруженных сил в начале войны, а также не призванных по политико-моральным соображениям представителей зарубежных национальностей или воюющих с СССР стран весьма затруднительно, поскольку все эти меры являлись импровизацией, принимались в срочном порядке и в условиях непрерывного отступления советских войск. К тому же этот контингент снимал-

⁸ История СССР. 1991. № 1. С. 144–145.

⁹ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 108. Л. 220–221.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 16. Л. 195.

¹² Там же. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 105. Л. 8.

ся с военкоматского учета. Очень приблизительно Е.А. Щаденко в своем докладе И.В. Сталину оценил его в 250 тыс. чел.¹³ Несколько более полные сведения имеются о военнопленном немецком населении, включенном в эту общую сумму. 10 января 1942 г. постановлением ГКО № 1123сс «О порядке использования немецко-переселенцев *призывного возраста от 17 до 50 лет* (выделено мной. – А.Б.)» было решено 120 тыс. немцев, уже выселенных в Сибирь и Казахстан, «на все время войны» организовать в рабочие колонны и использовать на лесозаготовках и строительстве железных дорог¹⁴. Постановлениями ГКО 1123сс от 10 января 1942 г. и № 1281сс от 14 февраля 1942 г. они были мобилизованы и использовались на строительстве железных дорог Сталинград – Саратов и Ульяновск – Свияжск¹⁵. Трудно сказать, входили ли в это число немцы-военнослужащие, демобилизованные из вооруженных сил. По данным специализирующегося на изучении этнических репрессий российского исследователя Н.Ф. Бугая, таковых насчитывалось 33 516 чел.¹⁶

В директивных документах об изъятии из войск немцев и уроженцев западных областей (их именовали *западниками*) и представителей *зарубежных национальностей* их этничность прочно увязывалась с мотивом политического недоверия к ним со стороны советской власти. Этот мотив охотно разыгрывался частью советского генералитета и политработниками, особенно в период неудач на фронте. Например, так называемая *засоренность* частей Крымского фронта представителями *зарубежных национальностей* (греками, поляками, болгарями, молдаванами) представитель Ставки ВГК армейский комиссар 1-го ранга Л.З. Мехлис ставил в вину Военному совету и Политуправлению фронта как грубую политическую ошибку при комплектовании войск¹⁷.

Упомянутая *засоренность* частей Крымского фронта¹⁸ была выявлена Мехлисом в апреле 1942 г., то есть спустя семь месяцев после начала чистки рядов Красной армии от представителей *зарубежных национальностей*. Это означает, что чистки проводились формально. Тоже можно сказать и обо всей Красной армии. Достаточно полно чистка была проведена лишь в отношении немцев. Остальные *зарубежные национальности* были представлены в войсках по-прежнему достаточно широко даже спустя год после начала войны¹⁹. Поэтому в июле 1942 г. потребовалась новая волна чисток. Распоряжением заместителя наркома обороны Е.А. Щаденко № М/1/2926²⁰ из рядов Красной армии изымались выходцы из западных областей СССР (украинцы, белорусы, поляки, уроженцы Бессарабии и Северной Буковины), немцы, финны (последние – кроме уроженцев СССР, «не вызывавших сомнений»), итальянцы, румыны, венгры, болгары, греки, турки, японцы, китайцы, корейцы «и другие национальности воюющих с нами стран». Всех их предписывалось отсеять из войсковых частей, уволить из Красной армии и немедленно отправить в распоряжение треста «Молотовуголь» (Томская железная дорога)²¹.

Импровизированный характер репрессивной политики приводил к парадоксам. Например, для латышей очевидная репрессия (изъятие из воинских частей как неблагонадежных) наложилась на одновременно протекавшее формирование национальной латышской дивизии. Последняя мера, безусловно, имела поощрительную

¹³ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 71 а. Л. 405.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 19. Л. 49–50.

¹⁵ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 133а. Л. 129–130.

¹⁶ Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину... С. 194.

¹⁷ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 155. Л. 24.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ЦАМО. Ф. 7. Оп. 26. Д. 181. Л. 35.

²⁰ Там же. Ф. 8-й технической бригады. Оп. 92516. Д. 13. Л. 95.

²¹ Там же.

политическую коннотацию, ибо в тех условиях не могла быть истолкована иначе, чем как знак доверия латышскому народу со стороны советского правительства. В дальнейшем эта ситуация повторялась и с другими народами Прибалтики. Например, в начале 1942 г. из эстонцев комплектовались лесозаготовительные отряды, работавшие в тяжелых условиях в Архангельской области, и одновременно формировались сразу две эстонские стрелковые дивизии (7-я и 249-я). В конечном итоге эстонцев из рабочих колонн стали направлять на комплектование стрелковых частей; тем самым две противоположных тенденции сомкнулись. По неполным данным Главупраформа, с начала войны до 1 апреля 1942 г. в Красную армию было призвано 5 тыс. латышей, 8 тыс. литовцев и 26 тыс. эстонцев²².

Ограничения призыва 1942–1943 гг.

Если в 1941 г. ограничения касались, прежде всего, военнослужащих ряда национальностей, то с 1942 г. они стали распространяться на молодежь призывного возраста и на военнообязанных граждан. Следовательно, речь шла уже не о чистке рядов Красной армии, а о недопуске в эти ряды новых контингентов из числа «неблагонадежных» этносов.

Допризывная молодежь из числа *западников* (западные украинцы и белорусы, представители народов Прибалтики, молдаване, карело-финны) приписывалась к призывным участкам наравне со своими русскими сверстниками²³. С объявлением очередных призывов граждане перечисленных национальностей призывались на военную службу, но распределялись в рабочие колонны. Правда, для лиц определенного социального статуса (чьи родители или они сами работали на партийной или советской службе) допускалось зачисление в воинские части, а не в рабочие колонны²⁴. В первой половине 1942 г. по признаку этнического родства с враждебными Советскому Союзу народами отсева также подвергся ряд малых народов, населявших Закавказье, – аджарцы, хевсуры, курды, мохевцы, сваны ряда районов Грузии.

Весной 1942 г. впервые ограничения коснулись северокавказских горцев. Первыми был прекращен призыв чеченцев и ингушей. По неполным данным Главупраформа, до 1 апреля 1942 г. чеченцев было призвано около 25 тыс. чел., а ингушей – около 5 тыс. чел.²⁵ Однако в целом призывы вайнахов в армию в начале войны проходили с большими трудностями. В начале апреля все находившиеся на территории ЧИАССР мобилизованные были распущены по домам²⁶.

26 июля 1942 г. постановлением ГКО № 2100сс была объявлена общегосударственная кампания по призыву в армию «полностью всех граждан» 1924 года рождения²⁷. Само постановление ГКО не содержало ограничений по этническому признаку. Но через несколько дней, 30 июля, в приказе НКО № 0585, разъяснявшем порядок реализации постановления ГКО, было внесено уточнение: «Призыву не подлежат призывники горских национальностей Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Дагестана, а также национальностей, не призывавшихся по Закавказью» (т.е. аджарцы, хевсуры, курды, мохевцы, сваны)²⁸. Эта норма в несколько модифицированном виде («не призывать до особых указаний») была повторена в приказе НКО № 0974 от 21 декабря 1942 г., разъяснявшем порядок очередного призыва граждан

²² ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 59. Л. 179.

²³ Там же. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 32. Л. 8.

²⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 9. Л. 734.

²⁵ Там же. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 59. Л. 179.

²⁶ Там же. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 133 а. Л. 228; Там же. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 93. Л. 222.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 48. Л. 19–24.

²⁸ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 9. Л. 543.

1925 года рождения²⁹. Характерно, что и в этом случае норма об ограничении призыва не содержалась в исходном в постановлении ГКО № 2640 от 20 декабря 1942 г.³⁰, а появилась лишь в пояснявшем процедуру призыва приказе НКО.

Ограничения призыва северокавказских народов, введенные еще в 1941–1942 гг., сохранялись до конца войны. В 1942 г. они распространились также на адыгейцев, черкесов, которых первоначально не затрагивали³¹, а в 1943 г. – на осетин³². Причины ограничений этого никак не объяснялись государством, однако их следует напрямую связывать с ростом социально-политической напряженности в горских регионах, со срывом мобилизационных мероприятий в ряде из них и фактами массового дезертирства (прежде всего в Чечено-Ингушетии и отчасти – в Дагестане и Кабардино-Балкарии). В дальнейшем, в конце 1943 – начале 1944 гг., факт ограничения призыва в армию учитывался при принятии решений о выселении ряда народов, объявленных «предательскими»³³.

В результате приостановки призыва среди северокавказских горцев образовался большой резерв граждан военнообязанных возрастов. Уже на 1 сентября 1942 г. командующий войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-лейтенант В.Н. Курдюмов в своем докладе начальнику Главупраформа оценивал общее количество непризываемых горцев в 88 729 чел.³⁴ Как минимум трижды – 14, 21 декабря 1942 г. и в январе 1943 г. – начальник Главупраформа Е.А. Щаденко по ходатайству Военного совета Закавказского фронта (генерала армии И.В. Тюленева и члена Политбюро ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановича), а также обкомов ВКП(б) ЧИАССР и ДАССР выходил на И.В. Сталина с просьбой отменить постановление ГКО № 2114 от 28 июля 1942 г., запрещавшее использовать в укомплектовании воинских частей, сформированных в СКВО, горцев из Чечено-Ингушской и Дагестанской АССР. Щаденко подготовил проект постановления ГКО за подписью Сталина, в котором предлагалось призвать в двух республиках по 15 тыс. призывников 1925 года рождения и военнообязанных старших возрастов при условии комплектования ими не более 25 % личного состава каждой воинской части³⁵. Однако добиться отмены запрета не удалось до самого конца войны.

В начале 1943 г., в ответ на настойчивые просьбы республиканских обкомов партии, Чечено-Ингушетии и Дагестану вместо обязательного призыва было предложено провести вербовку добровольцев. Районам республики была выдана разверстка на ожидаемое число добровольцев, после чего вербовка фактически превратилась в принудительный призыв. К середине марта 1943 г. по ЧИАССР удалось завербовать 4208 чел., в основном чеченцев. Но в войска (в 112-й запасный стрелковый полк и 30-ю кавалерийскую дивизию) было отправлено только 1850 чел.³⁶ в связи с высоким уровнем дезертирства, уклонения от явки на сборные пункты и укрывательства вербуемых. Благоприятнее положение складывалось в Дагестане. В течение 1943 г. отсюда в войска было отправлено 4315 чел., представлявших местные национальности, при наряде в 4850 чел.³⁷ Результаты кампании оценивались в Москве не только с

²⁹ ЦАМО. Ф. 2. Оп. 795437. Д. 9. Л. 733.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 73. Л. 119–124.

³¹ ЦАМО. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 220. Л. 240 об.

³² Там же. Ф. 209. Оп. 999. Д. 317. Л. 87–89.

³³ Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Проблемы истории, историографии, источниковедения. М., 2012. С. 127–172.

³⁴ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 194. Л. 185.

³⁵ Там же. Д. 152. Л. 30–45.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 220. Л. 51.

³⁷ Народы Дагестана в Великой Отечественной войне: (1941–1945). Документы и материалы. Махачкала, 2005. С. 529–530.

военной, но и с политической точки зрения и легли в основу решений о дальнейшей судьбе чеченцев и ингушей.

В целом же кампания вербовки добровольцев существенно не изменила картину использования людских ресурсов северокавказских горцев. По материалам органов комплектования СКВО и Закфронта установлено, что по состоянию на 1 ноября 1943 г. по военкоматам Ставропольского края, Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской АССР (все относились к СКВО) и Дагестанской АССР (относился к Закфронту) на учете состояло 91 543 военнообязанных и 30 073 призванного 1926 года рождения горских национальностей, не призываемых в Красную армию по национальному признаку. Общая численность непризываемых граждан горских национальностей составила к концу 1943 г. 121 616 чел.³⁸ В последний период войны эта цифра скорректировалась за счет убытия в места нового поселения и снятия с воинского учета чеченцев, балкарцев, карачаевцев (около 54 тыс. военнообязанных) и постановкой на воинский учет горской молодежи 1927 года рождения (8856 чел.)³⁹, не призванной осенью 1944 г. Обязательный призыв горских народов до конца войны не возобновлялся.

Проведение местными военкоматами регулярных приписок допризывной молодежи к военкоматам и перерегистрации военнообязанных непризываемых национальностей сохраняли возможность возобновления их призыва в последующем, что иногда случалось. Для некоторых народов война начиналась широкими чистками из армейских рядов, но с изменением политической конъюнктуры в дальнейшем их призывали без ограничений или с незначительными ограничениями (эстонцы, латыши, литовцы, поляки, западные украинцы и западные белорусы). И, напротив, прекращение приписки и перерегистрации (например, в отношении репрессированных этносов) означало окончательный отказ государства от их использования для комплектования армии, поскольку лишало органы военного управления актуальных учетных данных о состоянии военнообязанного контингента.

Приток в войска новобранцев представителей этносов, чей призыв был приостановлен, почти прекращался (исключение могло делаться добровольцам), однако лица, призванные ранее, если его этнос не подвергался выселению с исторической родины, продолжали военную службу без ограничений вплоть до Дня Победы.

Этнические репрессии и комплектование Красной армии

Проанализированный комплекс мер, связанный с ограничением комплектования войск представителями ряда этносов, безусловно, являлся актом политического недоверия в отношении них и нередко становился первым шагом в осуществлении репрессий против всего народа, как это произошло с советскими немцами, чеченцами, ингушами, крымскими татарами и рядом других народов, а мог и не становиться таковым (народы Дагестана, осетины, кабардинцы и др.). В отдельных случаях репрессивная акция против всего народа не предварялась приостановкой его призыва в армию, как, например, это было с калмыками, которые без ограничений призывались до конца 1943 г.

Тотальные репрессии в отношении ряда советских этносов, выразившиеся в их поголовном выселении с исторической родины – одна из мрачных страниц истории Великой Отечественной войны. Это жестокое наказание неизбежно касалось и военнослужащих Красной армии, находившихся на фронте. Насколько тотальные репрессии против всего этноса были вызваны собственно воинскими преступлениями (дезертирство, измена родине, саморанения) представителей этносов, подверг-

³⁸ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 408. Л. 419; Д. 407. Л. 260.

³⁹ Там же. Ф. 56. Оп. 12216. Д. 49. Л. 210–211.

нутых наказаниям? Все правительственные решения о выселении очередного этноса, кроме первого (о немцах) в 1941 г., а также о крымских татарах в 1944 г., содержали шаблонную преамбулу о сотрудничестве с немцами в период оккупации и бандитском движении после их изгнания. Лишь постановление ГКО № 5859сс от 11 мая 1944 г. «О крымских татарах» ставит во главу обвинений воинские преступления предшественников этого народа. Сам документ начинается со слов: «В период Отечественной войны многие крымские татары изменили Родине, дезертировали из частей Красной Армии, обороняющих Крым, и переходили на сторону противника, вступали в сформированные немцами добровольческие татарские воинские части, боровшиеся против Красной Армии; в период оккупации Крыма немецко-фашистскими войсками, участвуя в немецких карательных отрядах...»⁴⁰.

Большинство же аналогичных государственных решений не содержали обвинений в адрес военнослужащих данной национальности и вообще не упоминают их. Таков процитированный выше указ Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г., а также указы Президиума ВС СССР от 12 ноября 1943 г. о выселении карачаевцев⁴¹, от 27 декабря 1943 г. о выселении калмыков⁴², от 7 марта 1944 г. о выселении чеченцев и ингушей⁴³, от 8 апреля 1944 г. о выселении балкарцев⁴⁴, постановление ГКО № 5984сс о выселении с территории Крымской АССР болгар, греков и армян⁴⁵, постановление ГКО № 6279сс от 31 июля 1944 г. о выселении из Грузинской ССР турок, курдов, хемшилов⁴⁶.

В служебной переписке органов, осуществлявших репрессивные акции, анализа воинских преступлений этой категории военнослужащих также не обнаружено. Судя по известным обстоятельствам принятия решений о выселении (а эти обстоятельства всегда характеризовались спонтанностью, волюнтаризмом, горячкой) для взвешенного анализа вины наказываемых этносов, потребовавшего бы сбора со всех фронтов большого массива данных, времени не было.

Тем не менее военнослужащие, относившиеся к репрессированному, то есть выселенному с исторической родины этносу, как правило, изымались из воинских частей и увольнялись из Красной армии, хотя они в наименьшей степени заслуживали такой участи. Первоначально их отправляли в запасные части, во внутренние округа или по прежнему месту жительства. 18 ноября 1944 г. Военный совет Главупраформа Красной армии издал директиву № М/1/1746, в которой разъяснял военным советам фронтов и округов, что представители выселенных народов при увольнении из рядов армии должны были отправляться не по месту жительства, а в места нового поселения, которое официально именовалось «вечным». Если же такое место не было определено, то в распоряжение НКВД Казахской или Узбекской ССР⁴⁷.

Составить представление о численности военнослужащих, уволенных и отправленных в места нового поселения можно благодаря послевоенной справке МВД СССР о численности спецпоселенцев, ранее служивших в Красной армии, впервые опубликованной Н.Ф. Бугаев. Справка относится к марту 1949 г. и составлена по итогам перерегистрации спецпоселенцев (табл. 1). Самая многочисленная этническая группа – немцы – разделена в источнике на несколько категорий, в частности, на бывших во-

⁴⁰ Бугай Н.Ф. Депортация народов Крыма... С. 70–73.

⁴¹ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов: в 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. М., 2004. С. 476–477.

⁴² Там же. С. 477–478.

⁴³ Там же. С. 491–492.

⁴⁴ Там же. С. 484–485.

⁴⁵ Там же. С. 502–503.

⁴⁶ История сталинского ГУЛАГа... С. 505–507.

⁴⁷ ЦАМО. Ф. 8259. Оп. 116526. Д. 3. Л. 54.

еннослужащих, уволенных с фронта и откомандированных в места нового расселения («выселенные»), категорию репатриированных после войны бывших советских военнопленных. Еще одна категория «мобилизованные», возможно, означает лиц, прошедших в 1941 г. процедуру призыва по мобилизации, однако не оказавшихся на фронте в связи с депортацией немцев. Отметим, что табл. 1 отражает состав спецпоселенцев, не скомпрометированных сотрудничеством с врагом. Военные коллаборационисты всех национальностей, вербовавшиеся также среды военнопленных, в советской лагерной системе проходили по категории «власовцы»⁴⁸. Лица, уличенные в военных преступлениях, отбывали наказание в лагерях НКВД/МВД.

Таблица 1 / Table 1

Справка о численности спецпоселенцев, ранее служивших в Красной армии по состоянию на март 1949 г. / Information on the number of special settlers who previously served in the Red Army as of March 1949

Наименование контингента	Офицеры	Сержанты	Рядовой состав	Итого по контингентам
Немцы, в т.ч.:	3178	8351	53115	64644
– выселенные	1609	4282	27724	33615
– репатриированные	1092	2828	18747	22667
– мобилизованные	326	907	4444	5677
– местные	119	301	2057	2477
– другие	32	33	143	208
Горцы Северного Кавказа, в т.ч.:	710	1696	6488	8894
– чеченцы	238	724	3286	4248
– ингуши	129	211	606	946
– карачаевцы	238	495	1810	2543
– балкарцы	99	243	703	1045
– другие	6	23	83	112
Из Крыма:	569	1660	8663	10892
– греки	8	86	465	569
– болгары	9	79	494	582
– крымские татары	524	1392	7079	8995
– армяне	19	70	485	574
– другие	9	33	19	61
Из Грузинской ССР:	57	459	3559	4075
– турки	24	271	2222	2517
– курды	4	15	122	141
– хемшилы	–	3	4	7
– другие	29	170	1211	1410
Калмыки	383	1118	4683	6184
Поляки	12	104	810	926
Итого	4909	13388	77318	95615

Цит. по: Бугай Н.Ф. Депортация народов Крыма... С. 110–111.

Анализ статистических материалов по личному составу Красной армии позволяет утверждать, что, несмотря на категорический характер требований об изъятии из

⁴⁸ История сталинского ГУЛАГа... С. 543–544.

войск представителей того или иного этноса, таковые никогда не выполнялись полностью. Директивы приходилось повторять по несколько раз. До самого конца войны всегда находились лазейки для того, чтобы оставить в войсках отдельных представителей репрессированных народов, а также для попадания на фронт добровольцев из числа народов, чей призыв был запрещен или приостановлен.

Таблица 2 / Table 2

Численность и удельный вес народов СССР, чей призыв в Красную армию в течение Великой Отечественной войны ограничивался или прекращался / The number and proportion of the Soviet peoples whose military conscription was limited or stopped during the Great Patriotic War

Народы	На 01.01. 1941 г.	Удельный вес в %	На 01.07. 1942 г.	Удельный вес в %	На 01.01. 1943 г.	Удельный вес в %	На 01.07. 1943 г.	Удельный вес в %	На 01.01. 1944 г.	Удельный вес в %	На 01.07. 1944 г.	Удельный вес в %	На 01.01. 1945 г.	Удельный вес в %	Удельный вес среди населения по переписи 1939 г.
Калмыки	2686	0,07	8740	0,09	5906	0,07	7306	0,06	6667	0,06	2351	0,02	2233	0,02	0,08
Финны	3115	0,09	2078	0,02	2266	0,03	1762	0,02	1929	0,02	1655	0,01	1785	0,01	0,09
Немцы	16576	0,46	322	0,003	1427	0,02	170	0,001	294	0,003	169	0,001	183	0,001	0,84
Греки	2529	0,07	2560	0,03	2012	0	2977	0,03	4215	0,037	3375	0,03	3069	0,03	0,17
Китайцы	59	0,002	238	0,002	291	0,003	658	0,006	810	0,007	592	0,005	567	0,005	0,02
Болгары	958	0,03	928	0,01	689	0,008	865	0,007	923	0,008	3516	0,03	2729	0,02	0,07
Поляки	9886	0,27	7212	0,07	5603	0,06	6795	0,06	8228	0,07	18871	0,16	24180	0,2	0,37
Осетины	5242	0,15	15388	0,16	12456	0,14	15425	0,13	14297	0,13	13177	0,11	13222	0,11	0,21
Кабардинцы и балкарцы	3406	0,09	10654	0,11	4810	0,05	5008	0,04	4570	0,04	3473	0,03	3565	0,03	0,11
Чеченцы и ингуши	4827	0,13	4446	0,04	3386	0,08	4008	0,03	3536	0,03	1720	0,01	1635	0,01	0,3
Народности Дагестана	11489	0,32	25739	0,26	18094	0,2	18292	0,16	12538	0,11	10962	0,09	10360	0,08	0,5
Всего	60773	1,68	78305	0,80	56940	0,66	63266	0,54	58007	0,52	59861	0,50	63528	0,52	2,66

Источник: ЦАМО. Ф. 7. Оп 26. Д. 123. Л. 2, 21; Д. 181. Л. 35; Д. 220. Л. 29–48; Д. 234 Л. 27–46; Д. 366. Л. 1–17.

Как видно из данных табл. 2, к началу войны удельный вес ряда народов, призыв которых в Красную армию в течение войны ограничивался или прекращался, в целом соответствовал их удельному весу среди населения СССР, что представлено в последней колонке (финны, калмыки, северокавказские народы). Доля других (немцы, греки, болгары, китайцы) уже была значительно ниже вследствие развернувшихся еще до войны зачисток Красной армии по этническому признаку. К концу войны в абсолютных значениях представительство этих народов существенно не изменилось (60,8 тыс. чел. – в 1941 г. и 63,5 тыс. чел. – в 1945 г.), но удельный вес и тех и других (с учетом многократного прироста численности Красной армии в целом), был уже многократно ниже довоенного уровня (например, калмыков – в 4 раза, народностей Дагестана – в 6,25 раза, чеченцев и ингушей – в 30 раз). При этом лишь у одного этноса – немцев – он стремился к нулю. Иными словами, представители этой национальности были вычищены из армии полностью.

Все остальные этносы, чей призыв был прекращен, сохраняли порой многотысячное представительство в Красной армии.

Ограничения по культурно-языковым признакам

В годы Великой Отечественной войны широко практиковался и другой тип ограничений комплектования Красной армии, связанный с культурно-языковыми особенностями военнообязанных определенных национальностей. Как и ограничения по политическим мотивам, он применялся в течение всей войны, но имел своего рода перерыв, вызванный крупномасштабным экспериментом по воссозданию и боевому применению национальных частей (конец 1941 г. – первая половина 1943 г.). Целью этого типа ограничений было нивелировать негативное влияние культурно-языкового барьера в воинском коллективе. Проанализированные документы позволяют утверждать, что эти ограничения не носили репрессивного характера. В то же время они имели более значительный масштаб, чем репрессивные ограничения по политическим мотивам. Как и первый тип ограничений, второй также был апробирован еще в довоенный период. Собственно говоря, практически весь межвоенный период комплектование РККА нерусскими народами носило ограниченный характер как раз по причине культурно-языковых особенностей контингента. Относительно незначительный масштаб ежегодного призыва позволял пренебречь им. Военнослужащими неславянских национальностей комплектовали в основном национальные части, имевшие небольшую штатную емкость.

Первый массовый военный призыв без различия национальностей состоялся только в 1939 г. Однако он выявил неготовность многих этносов к службе в смешанных воинских частях. Это было связано с незнанием новобранцами русского языка (русский язык как обязательный предмет в национальной школе был введен только в 1937 г.). Поэтому в осенний призыв 1940 г. квота на уроженцев Средней Азии и Закавказья была сокращена. Прилагались усилия для срочного обучения допризывной молодежи русскому языку. Однако в столь короткий срок, оставшийся до начала войны, эта проблема не могла быть решена. Проходившая в январе – феврале 1941 г. переписка допризывников 1922 года рождения показала, что до решения языковой проблемы было еще далеко. Так, по Среднеазиатскому военному округу (САВО) было выявлено 64 500 чел., не владевших русским языком, 18 476 чел. – по Грузии, 7758 чел. – по Армении, 1683 чел. – по Чечено-Ингушской АССР и т.д.⁴⁹ Военнообязанное население (т.е. лица старших возрастов) в массе своей имело значительно худшую общеобразовательную и языковую подготовку, чем призывники, что определилось уже по итогам мобилизации летом 1941 г.

Это заставляло власть вновь и вновь прибегать к проверенному приему ограничения призыва по этническому признаку. Правда, в условиях войны острый дефицит в людях значительно сузил пространство для маневра. Ограничения в комплектовании войск гражданами определенных национальностей, связанные с их культурно-языковыми особенностями, были введены в ходе первого же планового призыва, состоявшегося осенью 1941 г. Во исполнение приказа НКО № 0355 и директивы заместителя наркома обороны армейского комиссара 1-го ранга Е.А. Щаденко за № /1/1875 от 21 сентября 1941 г. надлежало до 15 октября 1941 г. призвать в ряды Красной армии всех граждан, родившихся в 1922 году, а также граждан 1921 года рождения и старше, не призванных ранее, и граждан 1923 года рождения с полным средним и высшим образованием. При этом по Среднеазиатскому военному округу годные к строевой службе призывные ресурсы надлежало использовать следующим образом: на укомплектование запасных и иных частей Красной армии направля-

⁴⁹ ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. 1933–1945. М., 2009. С. 606.

лись граждане только девяти национальностей: русские, украинцы, белорусы, мордвинцы, евреи, армяне, грузины, поволжские татары⁵⁰, а также азербайджанцы, владевшие русским языком⁵¹. Во исполнение приказа десятки тысяч призывников местных национальностей пяти союзных республик – Казахской, Узбекской, Таджикской, Киргизской, Туркменской ССР – проходили общую для всех процедуру призыва, однако для укомплектования строевых частей не использовались. Несмотря на это, повсеместно призыв обставлялся как торжественное мероприятие; на митингах призывники записывались добровольцами, требуя скорее отправить их на фронт.

Одновременно с проведением призыва, в конце сентября 1941 г., распоряжением командующего войсками Среднеазиатского военного округа⁵² «в целях очистки запасных частей от морально-разложившихся, политически неустойчивых и физически непригодных к службе элементов», из запасных частей увольнялись в запас представители среднеазиатских народов, а также лица, имевшие судимость, родственников за границей и т.п.⁵³ Увольнению в запас подлежали узбеки, таджики, туркмены, казахи, каракалпаки, киргизы, уйгуры, дунгане и бухарские евреи. Таковых только по пяти запасным частям САВО (79-му запасному стрелковому полку, 32-й запасной стрелковой бригаде, 16-му запасному кавалерийскому полку, 13-му запасному автомобильному полку и 86-му запасному зенитному артиллерийскому полку) насчитывалось 12 295 чел.⁵⁴

Первоначально все лица коренных национальностей, прошедшие призыв, а также отчисляемые из воинских частей отправлялись в распоряжение военкоматов для дальнейшего увольнения в долгосрочный отпуск (запас) и отправки по месту жительства. Однако уже в начале октября 1941 г. было объявлено о формировании в САВО предназначенных для использования в народном хозяйстве рабочих колонн штатной численностью в 1000 чел. каждая⁵⁵. С этого времени новобранцы среднеазиатских национальностей обращались на укомплектование рабочих колонн, причем представители коренных национальностей не назначались в колонны, предназначенные для работы на территории САВО⁵⁶. Увольнение их в запас было приостановлено. Но, поскольку штатная емкость рабочих колонн была невелика, а сами они только начинали формирование, национальные контингенты надолго задерживались без дела в запасных частях. В результате у их командиров возникал вопрос: «А кормить их кто будет?»⁵⁷.

По результатам призыва в САВО призывников перечисленных выше девяти национальностей 1923–1921 годов рождения и граждан старших возрастов, допущенных к зачислению в боевые части, подавляющее большинство из которых составляли русские и украинцы, было выявлено 18 189 чел. В то же время в рабочие колонны было зачислено 135 327 чел., или в 7,5 раз больше призывников всех оставшихся 56 национальностей, в том числе: 58 346 узбеков, 28 776 казахов, 14 955 таджиков, 11 532 киргиза, 10 016 туркмен, 2109 каракалпаков, 531 уйгуров и много других представителей коренных народов⁵⁸. Часть из этих призывников военкоматы успели отправить в запасные части, и теперь они подлежали отчислению. В документах такие лица именовались обобщающими терминами, имевшими очевид-

⁵⁰ В источнике – «казанские татары».

⁵¹ ЦАМО. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 42. Л. 229.

⁵² Там же. Д. 16. Л. 139–139 об.

⁵³ Там же. Л. 1.

⁵⁴ Там же. Д. 42. Л. 16; Д. 16. Л. 150.

⁵⁵ Там же. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 16. Л. 121–122.

⁵⁶ Там же. Л. 32, 59.

⁵⁷ Там же. Л. 119.

⁵⁸ Там же. Ф. 15а. Оп. 82. Д. 513. Л. 33.

ную негативную и уничижительную коннотацию: «контингент, не являющийся полноценным в политическом и боевом отношении»⁵⁹ и даже «неполноценный личный состав»⁶⁰ или «неполноценный контингент»⁶¹.

Безусловно, отказ от приема в войска представителей среднеазиатских национальностей продолжал довоенную тенденцию ограничения их призыва, начатую в предвоенные годы в связи с выяснением низкого качества местных ресурсов. В то же время в мероприятиях штаба САВО в сентябре – октябре 1941 г. проявилась недооценка масштабов развернувшейся войны и, как следствие – расточительное отношение к людским ресурсам среднеазиатских союзных республик. Очевидно, первоначально политическое и военное руководство страны полагало, что по традиции можно будет обойтись без проблемного национального контингента, требовавшего дополнительных усилий для адаптации к военной службе.

Складывалась парадоксальная ситуация: десятки тысяч молодых людей не допускались в строевые части по признаку этнической принадлежности, хотя никаких конкретных претензий к ним не было. Штабом округа особо подчеркивалось, что «*национальный контингент [направляется] только в рабочие колонны* (выделено нами. – А.Б.); в запасных частях использовать их не можем. Как крайняя мера: если не будет места в рабочих колоннах, можно передавать [их] в запас»⁶². Между тем, по крайней мере, часть новобранцев местных национальностей обладала хорошим образованием в 7–8 классов, прошла длительную допризывную военную и спортивную подготовку, сдала нормы ГТО, обучалась русской грамоте и разговорному русскому языку. Многие войсковые начальники, пребывая в затруднении, запрашивали у штаба САВО разъяснения. Осознавая необоснованность спущенного сверху требования, окружной штаб фактически предоставил право решать самим начальникам: «В отношении призывников [местных национальностей] решите сами: наиболее ценный для вас контингент можете отобрать, остальных вернуть в военкоматы»⁶³. Еще в одном распоряжении заместителя начальника штаба САВО полковника Коничева⁶⁴ содержалось положение о том, что представители национальностей, предназначенных к отсеву, служившие ранее в Красной армии, должны были оставаться в составе частей. Это же касалось и лиц, выписывавшихся из госпиталей⁶⁵.

В ноябре 1941 г., когда на государственном уровне было принято решение о формировании десятков национальных соединений, часть оставшихся в запасных частях военнообязанных среднеазиатских национальностей, не успевших пополнить рабочие колонны, была обращена на их укомплектование.

11 апреля 1942 г. постановлением ГКО № 1575сс наиболее качественный контингент призывников среднеазиатских национальностей 1922 и 1923 годов рождения, а также военнообязанных не старше 30 лет в количестве 150 тыс. чел. (50 тыс. казахов и 100 тыс. узбеков) все-таки был призван в армию⁶⁶. Во исполнение решения ГКО командующий войсками округа приказал военным комиссарам Казахской и Узбекской ССР подбирать прежде всего граждан, ранее служивших в армии или прошедших подготовку в системе Всевобуча, обеспечив партийно-комсомольскую прослойку среди них не менее 20 %. В начале августа 1942 г. в САВО также были призваны граждане 1924 года рождения без ограничения по национальному при-

⁵⁹ ЦАМО. Ф. 15а. Оп. 82. Д. 513. Л. 31.

⁶⁰ Там же. Л. 51.

⁶¹ Там же. Л. 54.

⁶² Там же. Л. 118.

⁶³ Там же. Л. 19–21.

⁶⁴ Инициалы не установлены.

⁶⁵ ЦАМО. Ф. 15а. Оп. 82. Д. 513. Л. 366, 371, 375.

⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 29. Л. 2–3.

знаку («полностью все граждане»)⁶⁷. Таким образом, молодежь местных национальностей республик Средней Азии, имевшая в своей массе более высокий образовательный ценз по сравнению с военнообязанными старших возрастов, в основном была призвана в армию.

Дальнейшее формирование рабочих колонн и передача их гражданским наркоматам была прекращена в начале весны 1942 г. в связи с кампанией по изысканию дополнительных людских ресурсов для комплектования действующей армии⁶⁸. Однако многие, уже сформированные и переданные гражданским наркоматам рабочие колонны, просуществовали почти всю войну. Во второй половине 1944 г. они были расформированы, но их военнослужащие остались закреплены за теми предприятиями, на которых работали⁶⁹. Всего за годы войны в САВО на работы было мобилизовано 628,9 тыс. военнообязанных, трудившихся на 681 предприятии⁷⁰.

Коренной перелом в Великой Отечественной войне, обозначенный грандиозными победами советских войск в начале 1943 г. под Сталинградом, а летом 1943 г. – на Курской дуге, серьезно отразился на структуре комплектования Красной армии людскими ресурсами. Быстрое продвижение советских войск на запад в 1943 г. способствовало значительному притоку в войска славянских контингентов с освобожденных территорий России и Украины.

Между тем к началу 1943 г. в союзных республиках Закавказья и Средней Азии годные к строевой службе людские ресурсы, удовлетворяющие требованиям строевой службы по физическому развитию, уровню образования, знания русского языка, значительно сократились. Например, по Закавказскому фронту к исходу 1943 г. в Красную армию было призвано 1 290 658 призывников 1922–1925 годов рождения и военнообязанных, в том числе по Грузинской ССР – 538 025 чел., Азербайджанской ССР – 424 772 чел., Армянской ССР – 205 861 чел.⁷¹ Запас военнообязанных до 50 лет и призывников 1926 г. рождения по Закавказью составлял на 1 декабря 1943 г. лишь 255 тыс. чел.⁷² Особенно тяжелая демографическая ситуация сложилась в Армении. На 15 октября 1943 г. на общем учете Армянского РВК оставалось немногим более 18 тыс. мужчин в возрасте от 18 до 50 лет и еще 12,5 тыс. чел. состояли на спецучете (т.е. были забронированы за народным хозяйством)⁷³. Молодые возрасты (до 35 лет) из числа военнообязанных были исчерпаны практически полностью. На комплектование войск поступал некачественный контингент. Вот типичная жалоба того периода от одного из строевых командиров: «Для покрытия некомплекта наших частей Упразформ Закавфонта необходимого контингента пополнения не дает, предлагая людей необученных, старых возрастов, местных национальностей и не владеющих русским языком»⁷⁴.

Между тем требования к профессионализму бойцов Красной армии в последний период войны значительно возросли. Усложнялись программы обучения личного состава воинским специальностям. Вводились новые боевые уставы и наставления. Появилось большое количество сложных видов техники и вооружения. Уже

⁶⁷ Рассекреченная война: «особые папки» ЦК КП (б) Казахстана, 1941–1945 гг. Сборник документов. Алматы, 2010. С. 321.

⁶⁸ С этой целью была издана серия постановлений ГКО и приказ НКО (ГОКО № 1475с, 1476с от 21 марта 1942 г., ГОКО № 1526сс от 3 апреля 1942 г., НКО № 0242 от 5 апреля 1942 г.)

⁶⁹ Рассекреченная война... С. 512.

⁷⁰ Сухарь М.Я. Военно-мобилизационная работа Средне-Азиатского военного округа, республик Средней Азии и Казахстана по подготовке мобилизационных резервов в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ашхабад, 1981. С. 153–154.

⁷¹ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 501. Л. 365–367.

⁷² Там же. Ф. 158. Оп. 12829. Д. 16. Л. 58.

⁷³ Там же. Ф. 209. Оп. 999. Д. 521. Л. 260.

⁷⁴ Там же. Оп. 1063. Д. 689. Л. 127.

с середины 1943 г. было строго запрещено направлять в действующие части красноармейцев, прошедших курс подготовки в запасных частях сроком менее шести месяцев⁷⁵ (ранее минимальным сроком были три месяца подготовки). С 1944 г. в части направлялись только годные к строевой службе, то есть физически здоровые военнослужащие.

Совокупность изложенных обстоятельств позволяет сделать вывод о том, что именно послужило причиной того, что перед очередным призывом молодежи 1926 года рождения, 9 октября 1943 г., директивой начальника Главупраформа генерал-полковника Е.А. Щаденко № М/1/1493 был «до особых распоряжений» приостановлен призыв молодежи «местных национальностей» из Узбекской, Таджикской, Туркменской, Казахской, Киргизской, Грузинской, Армянской и Азербайджанской ССР. Этой директивой также продлевалась приостановка призыва из автономных республик и областей РСФСР: Дагестанской, Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской АССР, Адыгейской, Карачаевской и Черкесской АО⁷⁶. Положения этой директивы были развиты в специальном постановлении ГКО № 4322 от 13 октября 1943 г. (в котором в отношении перечисленных этносов использовался более категоричный императив: «призыву не подлежат»)⁷⁷ и в директиве Главупраформа № М/1/1498 от 16 октября 1943 г. Фронтам были разосланы частные разъяснения этих документов. Например, штабу Закавказского фронта было указано, что на укомплектование соединений и частей фронта надлежит призывать лиц 1926 года рождения «только русской, украинской, белорусской и других некавказских национальностей»⁷⁸.

По всему Советскому Союзу к осени 1943 г. на учете состояло 1115 тыс. призывников 1926 года рождения всех национальностей. В связи с тем, что часть из них не подлежала призыву (забронированные за промышленностью, негодные по болезни), по расчету Главупраформа можно было призвать около 745 тыс. чел.⁷⁹ В ходе призывных мероприятий явилось на призыв 824,5 тыс. чел., из которых было признано годными к строевой службе 692,2 тыс. чел., а отправлено в войска – 599 тыс. чел. Освобождению по национальному признаку подлежало 146,5 тыс. призывников из числа коренных национальностей Закавказья, Средней Азии и автономных республик и областей РСФСР. Еще 4883 чел. не были призваны с формулировкой «по национальному признаку», то есть как представители *зарубежных* этносов⁸⁰. В совокупности удельный вес освобожденных по национальному признаку призывников достигал 21,9 % к общему числу молодежи, признанной годной к строевой службе, и 25,3 % к числу отправленных в войска.

Молодежь 1926 года рождения из Закавказья и Средней Азии получила годичную отсрочку на прохождения обязательной общеобразовательной подготовки (в том числе русскому языку) и лечения. Этот контингент был призван следующей осенью, в 1944 г., вместе с общесоюзным призывом граждан 1927 года рождения. Их число по САВО составило 65,9 тыс. чел., по Закфронту – 57,9 тыс. чел.⁸¹ Результаты призыва показали, что отсрочка пошла на пользу, поскольку большинство призывников успели пройти необходимые учебные и оздоровительные мероприятия⁸².

⁷⁵ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 199. Л. 365.

⁷⁶ Там же. Ф. 209. Оп. 999. Д. 332. Л. 142.

⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 163. Л. 1–3.

⁷⁸ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 989. Д. 29. Л. 190–191.

⁷⁹ Там же. Ф. 56. Оп. 12234. Д. 199. Л. 279.

⁸⁰ Там же. Оп. 12216. Д. 10. Л. 33–35 об.

⁸¹ Там же. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 205. Л. 31–32.

⁸² Рассекреченная война... С. 546.

В свою очередь, молодежь местных национальностей Средней Азии и Закавказья 1927 года рождения осенью 1944 г. также получила годичную отсрочку и до конца войны уже не успела призваться. Осенью 1944 г. от призыва молодежи 1927 года рождения по этой причине было освобождено около 130 тыс. призывников, что составило почти 10 % от всех призывников этого года рождения, состоявших на воинском учете (1360 тыс. чел.), и около трети от всех освобожденных в этом году от призыва (всего было освобождено 501 тыс. чел., большинство из которых – учащиеся, студенты и работники оборонных отраслей). В то же время происходили частичные призывы молодежи указанных возрастов в интересах добывающих, промышленных и строительных наркоматов, то есть фактически речь шла о мобилизации рабочей силы по типу мобилизаций в рабочие колонны в 1941–1942 гг.⁸³

Введенная в октябре 1943 г. приостановка призыва местных национальностей Закавказья и Средней Азии в полной мере распространялась и на категорию военнообязанных (то есть лиц старших возрастов). Их обязательный призыв, в отличие от молодежи, более не возобновлялся до конца войны, хотя добровольные формы набора для них были открыты. Это был наименее качественный с точки зрения годности к военной службе контингент – как правило, люди, не обученные военному делу, физически слабые, не владевшие русским языком, неграмотные и малограмотные. По Закавказью по состоянию на 15 октября 1943 г. числилось 63 875 чел. строевых и 86 442 чел. нестроевых, а всего – 150 317 военнообязанных местных национальностей общего учета (т.е., не забронированных за народным хозяйством) в возрасте до 50 лет⁸⁴. К окончанию войны этот показатель незначительно изменился, сократившись до 145,9 тыс. чел.⁸⁵ В свою очередь, по САВО по состоянию на 1 июля 1944 г. числилось 385,7 тыс. чел. годных к строевой службе военнообязанных, призыв которых в армию не осуществлялся⁸⁶. Таким образом, к концу 1943 г. по Закавказью и САВО число военнообязанных национальностей, чей призыв был приостановлен, в последний период войны превысил полмиллиона человек.

Постепенное, происходившее в течение всей войны расширение перечня не призываемых этносов имело следствием дальнейшее усложнение терминологии, которой органы военного управления пользовались для их обозначения в руководящей и делопроизводственной документации. Все это отражало дифференцированный подход государства к не призываемым этносам. С 31 октября 1943 г. директивой Генерального штаба и Главупраформа КА № Моб/2/4061 для военных округов и недействующих фронтов была введена форма регулярного донесения об остатках ресурса военнообязанных (форма ГУФ-1). Она включала в себя цифровые данные на две категории не призываемых по национальному признаку национальностей: 1) «призывников местных национальностей, временно освобожденных от призыва»; 2) «не подлежащих призыву по национальным признакам». В первую входили местные (коренные) этносы СССР, а во вторую – этносы, имевшие «материнский» этнос за пределами Советского Союза.

В дальнейшем терминология в нормативных документах только усложнялась. В постановлениях ГКО № 6784сс⁸⁷ и 6786сс⁸⁸ от 25 октября 1944 г., регламентиро-

⁸³ Рассекреченная война... С. 512–513.

⁸⁴ ЦАМО. Ф. 209. Оп. 999. Д. 407. Л. 260–262.

⁸⁵ Там же. Д. 731. Л. 13, 57.

⁸⁶ Сухарь М.Я. Военно-мобилизационная работа... С. 127.

⁸⁷ «О призыве на военную службу призывников 1927 года рождения».

⁸⁸ «О призыве на военную службу призывников, родившихся в 1926 г., местных национальностей Грузинской, Азербайджанской, Армянской, Туркменской, Таджикской, Узбекской, Казахской и Киргизской союзных республик».

вавших порядок очередного призыва граждан 1927 года рождения, перечислялись три группы народов, не призываемых в Красную армию:

1) граждане 1927 года рождения «местных национальностей, освобожденные от призыва» (к этой категории были отнесены: коренные народы закавказских и среднеазиатских союзных республик, а также Дагестанской, Кабардинской, Северо-Осетинской АССР, Адыгейской и Черкесской АО РСФСР);

2) «временно освобожденные от призыва до особого указания» (репрессированные народы СССР, а также поляки, чехи, словаки и польские евреи);

3) «совсем не призываемые» – советские граждане, этнически родственные народам, чьи государства находились с СССР в состоянии войны или были недружественны ему (немцы, венгры, австрийцы, румыны, болгары, китайцы, корейцы, турки, греки)⁸⁹.

В постановлениях ГКО в силу их специфики (они касались только призыва молодежи очередного возраста) не упоминались военнообязанные старших возрастов «местных национальностей, освобожденные от призыва» (коренные народы закавказских и среднеазиатских союзных республик, а также автономных республик РСФСР на Северном Кавказе). Фактически это была четвертая не призываемая по национальному признаку категория граждан.

Общую численность людских ресурсов (военнообязанных и призывников) коренных национальностей Закавказья, Средней Азии, Северного Кавказа и ряда других регионов, которые были выведены из процесса комплектования Вооруженных Сил СССР по национальному признаку, по состоянию на конец 1944 г. автор оценивает не менее чем в 857,6 тыс. чел. Но важно подчеркнуть, что эти данные заведомо неполны, поскольку нет точных учетных сведений по численности военнообязанных и призывников так называемых зарубежных национальностей и ряда репрессированных национальностей. По немцам есть данные только на уволенных из рядов Красной армии бывших военнослужащих. Численность не призванных в начале войны военнообязанных немецкой национальности неизвестна.

Выводы

В течение Великой Отечественной войны Советское государство полностью или частично отказалось от комплектования Красной армии всеми без исключения коренными народами Закавказья, Северного Кавказа и Средней Азии. Общее по стране число национальностей, не призывавшихся в армию по различным причинам, к концу 1943 г. превысило четыре десятка (включая полиэтничный термин «дагестанцы»)⁹⁰. В этом отношении СССР приблизился к показателям дореволюционной России, где в армию также не призывалось несколько десятков этносов и групп этносов (метаэтнических общностей)⁹¹ (в советской литературе называлась цифра 45 народов⁹²). Более того, даже беглого взгляда достаточно, чтобы заметить много совпадений между двумя эпохами. Само по себе существование таких ограничений – очевидный признак непреодоленных культурно-языковых, социальных, политических различий между господствующим русским этносом и многими народами, населявшими нашу страну. При этом практику комплектования войск царской России можно охарактеризовать как инертную и ригидную, в то время как советская система, напротив, была конъюнктурной и гибкой. Если большинство этносов из дореволюционного списка никогда не несло военной службы, то политическая или культурно-языковая непригодность народов из аналогичного советского

⁸⁹ Рассекреченная война... С. 514.

⁹⁰ ЦАМО. Ф. 56. Оп. 12216. Д. 49. Л. 210–219, 308; Ф. 209. Оп. 999. Д. 731. Л. 57.

⁹¹ Сиднев А. Ф. Призыв национальностей // Война и революция. 1927. № 5. С. 114.

⁹² Кирсанов Н. А. В боевом строю народов-братьев. М., 1984. С. 29.

списка была определена и установлена предшествующей практикой военной службы представителей этих народов.

Подводя итог изучению практики комплектования рядов Красной армии представителями нерусских народов СССР в годы войны, можно сделать вывод, что она развивалась в двух направлениях. С одной стороны, получила дальнейшее развитие тенденция последних предвоенных лет, связанная с апробированным в 1939–1940 гг. массовым призывом нерусских военнообязанных на военную службу. Эта мера, несмотря на издержки, сыграла важную компенсаторную функцию, заместив в первый и второй периоды Великой Отечественной войны дефицит славянских ресурсов в связи с оккупацией противником многонаселенных территорий Украины, Белоруссии и европейских областей РСФСР. Республики Советского Союза внесли свой весомый исторический вклад в дело Великой Победы над фашизмом. С другой стороны, получило дальнейшее развитие ограничение приема в армию ряда этносов, которые по различным причинам считались руководством государства и вооруженных сил неподходящими для военной службы.

Эти противоположные по смыслу и содержанию тенденции отражали столь же противоречивые потребности воюющего государства: с одной стороны – критически важную необходимость быстрого возмещения невиданных ранее в истории войн потерь действующей армии; с другой – стремление государства отгородить армию от элемента, по тем или иным критериям признаваемого небоеспособным, отрицательно влияющим на исход боевых действий.

Изменение стратегической ситуации на советско-германском фронте напрямую сказывалось на этнических акцентах в комплектовании Красной армии. Неизменной оставалась роль станового хребта Красной армии, которую исполнял русский этнос, испытывавший демографическое перенапряжение в течение всей войны. Кроме русских ряд других этносов также испытали в разные периоды войны резкие перегрузки, носившие, однако, временный характер. В 1942 г. это были народы Закавказья; в 1942–1943 гг. – народы Средней Азии; с середины 1943 г. повышенная демографическая нагрузка выпала на плечи освобождаемых народов – украинцев, к которым в 1944 г. присоединились белорусы, молдаване, жители Прибалтики. Тюркские и финно-угорские народы РСФСР, а также евреи, проживавшие в основном глубоко в тылу, в течение войны также активно пополняли ряды армии, но чрезмерных перегрузок не испытывали.

Реализация второй (ограничительной) тенденции, как показал анализ, выразилась в приостановках обязательного призыва среди ряда этносов, количество которых к концу войны достигло нескольких десятков. Для целого ряда этносов приостановка призыва в армию стала первым звеном в цепи репрессивных акций, окончившейся принудительным выселением всего народа в отдаленные регионы СССР и обернувшейся для них тяжелыми демографическими потерями. В то же время исследование показало, что многократное сокращение представительства репрессированных народов на фронте объективно сокращало уровень их боевых потерь и в определенной степени компенсировало демографические потери, связанные с депортацией.

Рукопись поступила: 6 сентября 2019 г.

Submitted: 6 September 2019.

Библиографический список

Безугольный А.Ю. Этнический аспект комплектования Красной армии в годы Великой Отечественной войны: историко-статистический обзор // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 2. С. 298–319.

- Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Проблемы истории, историографии, источниковедения. М.: ЗАО Центрполиграф, 2012. 479 с.
- Бугай Н.Ф. Депортация народов Крыма. Документы, факты, комментарии. М.: ИНСАН, 2002. 240 с.
- Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «После Ваших указаний проведено следующее...». М.: Гриф и К, 2011. 510 с.
- Кирсанов Н.А. В боевом строю народов-братьев. М.: Мысль, 1984. 263 с.
- Народы Дагестана в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Документы и материалы: (док. и материалы) / сост. Г.И. Какагасанов и др. Махачкала: Ин-т ИАЭ: ЦГА РД, 2005. 783 с.
- Очиров У.Б., Заярный С.А. Клятве остались верны: история формирования и боевого пути 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста: Калмыцкий научный центр Российской академии наук, 2018. 520 с.
- Ошаев Х.Д. Слово о полку чечено-ингушском. Сборник документально-художественных произведений. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 492 с.
- Сухарь М.Я. Военно-мобилизационная работа Средне-Азиатского военного округа, республик Средней Азии и Казахстана по подготовке мобилизационных резервов в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ашхабад: [Б.и.], 1981. 513 с.

References

- Bezugol'nyy, A.Yu. "The Ethnic Aspect in Red Army Recruitment During the Great Patriotic War: A Historical and Statistical Review." *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 2 (2020): 298–319 (in Russian).
- Bezugol'nyy, A.Yu., Bugay, N.F., and Krinko, Ye.F. *Gortsy Severnogo Kavkaza v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.: Problemy istorii, istoriografii, istochnikovedeniya*. Moscow: ZAO Tsentropoligraf Publ., 2012 (in Russian).
- Bugay, N.F. *Deportatsiya narodov Kryma. Dokumenty, fakty, kommentarii*. Moscow: INSAN Publ., 2002 (in Russian).
- Bugay, N.F. *L. Beriya – I. Stalinu: «Posle Vashikh ukazaniy provedeno sleduyushcheye...»*. Moscow: Grif i K Publ., 2011 (in Russian).
- Kakagasanov, G.I., ed. *Narody Dagestana v gody Velikoi Otechestvennoi voyny, 1941–1945 gg.: Dokumenty i materialy: (dok. i materialy)*. Makhachkala: In-t IAE: TsGA RD Publ., 2005 (in Russian).
- Kirsanov, N.A. *V boyevom stroyu narodov-brat'yev*. Moscow: Mysl' Publ., 1984 (in Russian).
- Ochirov, U.B., and Zayarnyy, S.A. *Klyatve ostalis' verny: istoriya formirovaniya i boyevogo puti 110-y Kalmytskoy kavaleriyskoy divizii*. Elista: Kalmytskiy nauchnyy tsentr Rossiyskoy akademii nauk Publ., 2018 (in Russian).
- Oshayev, Kh.D. *Slovo o polku checheno-ingushskom. Sbornik dokumental'no-khudozhestvennykh proizvedeniy*. Nal'chik: El'-Fa Publ., 2004 (in Russian).
- Sukhar', M.Ya. *Voyenno-mobilizatsionnaya rabota Sredne-Aziatskogo voyennogo okruga, republik Sredney Azii i Kazakhstana po podgotovke mobilizatsionnykh rezervov v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.)*. Ashkhabad: [S.n.], 1981 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Безугольный Алексей Юрьевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института военной истории Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации.

Alexey Yu. Bezugolny, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Leading Researcher at Scientific Research Institute of Military History of Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of Russia.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-889-904>

Научная статья / Research article

Еще до войны: опыт реконструкции численности населения Екатеринбурга в 1913 году

Д.С. Бахарев, Е.А. Заболотных

Уральский федеральный университет; 620083, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51;
dmitry.bakharev@urfu.ru, elizaveta.zabolotnykh@urfu.ru

Аннотация: Статья посвящена реконструкции численности населения Екатеринбурга накануне Первой мировой войны. Данные Первой всеобщей переписи 1897 года, которые до сих пор остаются основным источником по народонаселению городов поздней имперской России, на взгляд авторов, не являются актуальными для Екатеринбурга начала XX века даже с учетом реконструкций и экстраполяций. В то же время результаты многочисленных обследований населения в годы непрерывной социально-политической катастрофы 1917–1922 гг. в значительной степени обусловлены кризисной ситуацией и не отражают действительного уровня развития города перед вступлением в Первую мировую войну. Источником исследований выступили материалы муниципальной «переписи домовладельцев», произведенной городской управой в октябре 1913 года по требованию Министерства внутренних дел, и агрегированные данные адресного стола Екатеринбурга за ноябрь 1912 года. В качестве дополнительного источника была использована делопроизводственная документация, опубликованная статистика и публицистика. С помощью источниковедческого анализа, демографической реконструкции и историко-сравнительного метода была воссоздана картина двух мероприятий по учету населения города в 1912 и 1913 гг. силами местных властей, выполнена оценка достоверности полученных ими данных и реконструирована предполагаемая численность населения города накануне Первой мировой войны. В результате исследования, проведенного на основе анализа динамики движения населения авторы пришли к заключению, что численность Екатеринбурга уже в конце 1912 года превысила отметку в 100 тысяч. Выдвинутое предположение реактуализирует исследование по исторической демографии Екатеринбурга, который, вероятно, входил в число крупнейших городов империи, урбанизации дореволюционного Урала, степень которой, по всей видимости, недооценена, и вновь поднимает тему «цены революции» для города – численность жителей Екатеринбурга в старых границах вновь приблизилась к отметке в 100 тысяч только в 1926 году.

Ключевые слова: историческая демография, история Екатеринбурга, население Урала, переписи населения, Россия в конце XIX – начале XX в., городская управа, адресный стол

Благодарности и финансирование: Исследование проведено при поддержке проекта «Мой первый грант» Уральского гуманитарного института (УрФУ). Авторы благодарят за ценные замечания и помощь в подготовке рукописи д.и.н., профессора кафедры археологии и этнологии Уральского федерального университета Е.М. Главацкую и д.и.н., ведущего научного сотрудника Института истории и археологии УрО РАН Е.Ю. Рукосуева.

Для цитирования: Бахарев Д.С., Заболотных Е.А. Еще до войны: опыт реконструкции численности населения Екатеринбурга в 1913 году // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 4. С. 889–904. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-889-904>

Before the First World War: Reconstruction of the Yekaterinburg City Population in 1913

Dmitry S. Bakharev, Elizaveta A. Zabolotnykh

Ural Federal University; 51, Lenin Ave., Yekaterinburg, 620083, Russia;
dmitry.bakharev@urfu.ru, elizaveta.zabolotnykh@urfu.ru

Abstract: The article focuses on the Yekaterinburg city (Urals, Russia) population on the eve of the First World War. We argue that 1897 Census data, which remains the main source for estimating the late Imperial Russia's urban population, are not relevant for the early 20th century Yekaterinburg.

The results of population surveys of 1917–1922 largely affected by the socio-political crisis do not reflect the actual development of the city before entering the First World War. So the numbers of 50–70 thousands traditionally used to estimate Yekaterinburg's population on the eve of the WWI is a historiographic cliché which should be corrected. Our research bases on critical analyses of the newly discovered and transcribed sources Perepis' domovladel'tsev (municipal survey of the house owners) run in October 1913 at the request of the Ministry of Internal Affairs, and the aggregated data of the Adresnyi stol (residence registration office) of Yekaterinburg collected in November 1912, as well as local statistics and newspapers. Using source analysis, demographic reconstruction, and a historical-comparative method we reconstructed the population of Yekaterinburg in 1912–1913. Our analysis shows that the city's population exceeded 100 thousand already in 1912, which means that Yekaterinburg was a dynamically developing due to rapid urbanization and became one of the few Russia's big (over 100000) cities on the eve of the WWI. While our results help better understanding of the pre-revolutionary Urals' urbanization, it also raises the need to re-evaluate the price of the Revolution 1917 the city paid, for its' population dropped drastically during the following crises and reached 100 thousand again only in 1926.

Keywords: historical demography, history of Yekaterinburg, population of the Ural, censuses, Russia in the late 19th – early 20th century, town council, residence registration office

Acknowledgements and Funding: This research is supported by Ural Institute for Humanities project «My First Grant» (Ural Federal University). We would like to thank Elena Glavatskaya, PhD&Hab. (History), Professor of the Subdepartment of Archaeology and Ethnology, Ural Federal University, Yekaterinburg; and E. Yu. Rukosuev, PhD&Hab. (History), Leading Research Fellow of the Institute of History and Archeology, Ural Branch of RAS, Yekaterinburg, for their comments and revisions of this paper.

For citation: Bakharev, Dmitry S., and Zabolotnykh, Elizaveta A. “Before the First World War: Reconstruction of the Yekaterinburg City (Urals, Russia) Population in 1913.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 4 (November 2020): 889–904. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-889-904>

Введение

В 2009 г. численность городского населения Земли впервые превысила численность сельского, что ознаменовало промежуточную победу этого типа человеческого общежития. Институт городского поселения развивался несколько тысячелетий, в течение которых устоялся ряд базовых функциональных сущностей города – административный центр, религиозный центр, военный центр, торгово-ремесленный центр и др. В эпоху индустриальной революции XIX–XX вв. к уже описанным видам города добавился город – промышленный центр, что в десятки раз ускорило темп урбанизации¹. Новый виток этого процесса начался в конце XX в. с массового переселения уже не только сельчан, но и горожан в более привлекательные города. Рост современных мегаполисов происходит, в первую очередь, за счет «обезлюдения» малых городов, в т. ч. в России, где население концентрируется в региональных столицах, Московской и Санкт-Петербургской агломерациях². Главной проблемой в исследованиях межгородской конкуренции за население является вопрос генезиса преимуществ, т. е. конкретных обстоятельств, которые сделали тот или иной город лидером урбанизационной гонки. Вне зависимости от выдвигаемой гипотезы неизбежным будет обращение к истории конкретного поселения, в первую очередь динамике численности его жителей. К сожалению, отечественные реалии не всегда дают возможность это сделать – даже для конца XIX и начала XX в. статистика народонаселения оставляет желать лучшего, что создает известную проблему, т. к. именно этот период являлся временем интенсивного экономического роста для Российской им-

¹ Махрова А.Г., Фадеев В.И., Вигасин А.А., Фролов Э.Д., Уваров П.Ю., Черных А.П., и др. Город // Большая российская энциклопедия. Электронная версия. 2016. URL: https://bigenc.ru/world_history/text/2371305 (дата обращения: 30.08.2019). Более подробно историю российской урбанизации см.: Ахиезер А.С. Диалектика урбанизации и миграции в России // *Общественные науки и современность*. 2000. № 1. С. 78–89; Пивоваров Ю.Л. Урбанизация в России в XX веке: представления и реальность // *Общественные науки и современность*. 2001. № 6. С. 101–113; Миронов Б.Н. Город из деревни: четыреста лет российской урбанизации // *Отечественные записки*. 2012. № 2. С. 259–276.

² См.: Мкртчян Н.В. Внутророссийская миграция в региональных столицах и нестоличных территориях // *Научные труды: Институт народохозяйственного прогнозирования РАН*. 2018. Т. 16. С. 568–576.

перии, а также преддверием политических и социально-экономических потрясений мирового масштаба.

Этим объясняется цель исследования – реконструкция численности населения Екатеринбурга на 1913 г. Современный Екатеринбург – четвертый по населению город РФ, столица Свердловской области, один из главных центров притяжения населения азиатской России. Изучение населения «старого» города позволит восстановить лакуны в демографической истории, определить факторы, обусловившие его «историю успеха», дополнить количественными данными исследования, посвященные повседневности и идентичности исторического Екатеринбурга. Выбор 1913 г. в качестве хронологической привязки, в свою очередь, является результатом совпадения подходящего источника и исторической актуальности. «По сравнению с 1913 годом» – знаменитый советский штамп, говорящий сам за себя. Страна, пережившая Русско-японскую войну, Революцию 1905–1907 гг. и находившаяся в фазе интенсивного социально-экономического прогресса, успела разительно измениться после Первой всеобщей переписи 1897 г. и, в то же время, еще не вступила в Первую мировую войну и последовавший за ней непрерывный социально-политический кризис 1917–1922 гг. И именно для этого ключевого предвоенного периода в Государственном архиве Свердловской области (далее – ГАСО) авторами был обнаружен уникальный источник – обследование населения Екатеринбурга городскими властями в 1912–1913 гг.

Историками было предпринято несколько попыток реконструкции численности населения Екатеринбурга начала XX в., как для отдельных лет, так и для целых периодов. Как правило, единственной контрольной точкой помимо 1897 г. в них является городская перепись 1917 г., по результатам которой население города составило 71,5 тыс. человек³. Однако очевиден ситуативный характер этого числа, сильно искаженного Первой мировой войной (Февральская революция случилась через полтора месяца после переписи). В пользу этого говорит сильный гендерный дисбаланс – 30 454 мужчины и 41 033 женщины, а также результаты анализа А.Г. Козлова, согласно которому помимо переписанных горожан в Екатеринбурге временно находились около 60 тыс. солдат и рабочих, а фактическая численность населения города с пригородами составляла около 150 тыс.⁴ Исследователями довольно некритично применяются как первое число⁵, так и второе⁶. Лишь А.В. Чащин попытался заполнить лакуну между 1897 и 1917 гг., используя, по всей видимости, сведения Центрального и губернского статистических комитетов (далее – ЦСК и ГСК)⁷, которые известны своей высокой погрешностью и не могут быть приняты на веру без тщательного анализа. Таким образом, у нас нет четких представлений о численности населения Екатеринбурга в начале XX в. Во всероссийских масштабах эта проблема частично купируется большим количеством региональных статистических обследований, одно из которых было проведено городской управой Екатеринбурга в 1913 г. по требованию Министерства внутренних дел (далее – МВД) в рам-

³ Бахарев Д.С. Городская однодневная перепись Екатеринбурга 1917 года (по материалам периодической печати) // *Провинциальный город в событиях 1917 года: новые подходы, исследовательские проблемы, открытия*. Материалы межрег. конф., приуроч. к 100-летию революционных событий в России 1917 г., 27 октября 2017 г. Челябинск, 2017. С. 81.

⁴ Козлов А.Г. О населении Екатеринбурга во второй половине 1916 и в начале 1917 гг. // Материалы второй научной конференции по истории Екатеринбурга – Свердловска. Свердловск: УрГУ, 1950. С. 244.

⁵ Алексеев В. Город в сердце Евразии // *Родина*. 2003. № 8. С. 102.

⁶ Кузьмин А.И., Оруджиева А.Г. Историко-демографический портрет Екатеринбурга // *Известия Уральского государственного университета*. 1998. № 9. С. 97.

⁷ Чащин А.В. Демографическая характеристика Екатеринбурга (Свердловска) в 1897–1926 гг. // *Россия и мир в конце XIX – начале XX века: материалы Третьей всерос. науч. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов* (Пермь, Перм. гос. ун-т, 4–8 февраля 2010 г.). Пермь, 2010. С. 138.

ках подготовки к реформе Городового положения (1892 г.). Управа организовала целый комплекс мероприятий, результат которых оказался во многом противоречивым. В силу этого главными задачами данной работы является источниковедческий анализ материалов обследования населения Екатеринбурга 1912–1913 гг., хранящихся в фондах ГАСО, контекстуальная интерпретация демографических данных и частичная историко-динамическая реконструкция численности и состава населения города в начале XX в. Помимо самого обследования в качестве источников были использована делопроизводственная документация городской управы Екатеринбурга, опубликованные протоколы Государственной думы Российской империи, местная дореволюционная периодика, данные текущего учета населения ГСК и результаты переписей екатеринбургского населения XIX – первой половины XX в.

Подготовка к реформе Городового положения

К 1913 г. города Российской империи уже больше двадцати лет жили по Городовому положению 1892 г., принятому в рамках городской контрреформы Александра III. Этот документ, более проработанный в техническом смысле, чем реформаторское положение 1870 г., увы, фундаментально оказался шагом назад вследствие резкого сокращения числа избирателей из-за введения высокого имущественного ценза и фактического подчинения органов самоуправления государственной власти⁸. Новое положение изначально не вызвало больших восторгов в обществе, и уже в XX в. началась бурная дискуссия о необходимости новой реформы городского самоуправления⁹. Накануне Первой мировой войны Государственной Думой и МВД одновременно начали предприниматься подготовительные работы к будущей реформе. Оба органа власти соперничали между собой в этом отношении, стремясь перехватить инициативу: либеральная думская фракция боролась за демократизацию Городового положения (введение «четырёххвостки»¹⁰ и отделение органов самоуправления от государственной власти), а МВД – за сохранение высокого избирательного ценза и подчинение самоуправления государству. Консервативное большинство Думы четвертого созыва занимало промежуточную позицию: не поддерживая идею всеобщих и равных выборов, оно, тем не менее, осторожно выступало за независимость самоуправления от государства¹¹. В начале 1913 г. либеральными депутатами Государственной Думы была сформирована так называемая «городская парламентская группа» в составе 37 человек, целью которой было реформирование текущего Городового положения. Их первым шагом стало внесение 27 февраля в думскую повестку законодательного предположения о реформе, чьим центром тяжести были уже упомянутые два принципа – независимость и всеобщая выборность городского самоуправления¹². Однако буквально через два месяца, на думском заседании 5 мая, консервативное большинство, отложив непосредственное изучение законопроекта, отправило его в комиссию по городским делам на «заключение по вопросу о желательности», т.е. фактически отказало в рассмотрении¹³. Однако де-

⁸ *Арсеньев К.* Город // ЭСБЕ. Т. IX. 1893. URL: <https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%93%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B4&oldid=3598691> (дата обращения: 01.08.2019).

⁹ См. подборку источников по теме: Пересмотр Городового Положения 1892 г. URL: <http://reformshistory.ru/diskussii/157-reformy/reformy-nikolaya-vtorogo/443-peresmotr-gorodovogo-polozheniya-1892-g> (дата обращения: 13.07.2019).

¹⁰ Прямое, равное, тайное и общее голосование.

¹¹ См.: Пересмотр Городового Положения.; Гос. дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 2: Заседания 31–54: (с 22 марта по 24 мая 1913 г.). СПб., 1913. Стб. 801–821.

¹² Приложения к стенографическим отчетам Гос. думы. Четвертый созыв, сессия первая, 1912–1913 гг. Вып. 2: (№ 151–270). СПб., 1913. № 167.

¹³ Гос. дума. Четвертый созыв ... Стб. 821–822.

путаты – члены городской парламентской группы, судя по всему, не отказались от своей идеи. По сообщению петербургской газеты «День» парламентская группа разослала по городам империи анкету для сбора сведений об их современной жизни¹⁴. По всей видимости, именно эта анкета была обнаружена в фонде Екатеринбургской городской управы ГАСО. Она содержала вопросы о численности горожан, избирателей, домовладельцев и квартиронанимателей; состоянии городских финансов и взаимодействии города с земством; законодательных инициативах и предложениях управы¹⁵. И хотя на содержащемся в архиве документе сделана карандашная помета «Отправить не позже 1 сен», ответы на эти вопросы так и не были даны – МВД, узнав об инициативе парламентской группы, запретило управам отправлять ей какие-либо сведения, в то же время разослав по городам собственный опросный лист¹⁶.

Министерский запрос, в отличие от парламентского, требовал от управ гораздо более конкретных и одновременно развернутых данных; им требовалось заполнить пять таблиц, исчисляющих на 1-е января 1913 г. всех граждан города по национальностям (1), плательщиков городского оценочного сбора (2), плательщиков государственного налога с городских недвижимых имуществ (3), плательщиков государственного квартирного налога (4), плательщиков государственного промыслового налога (5). Налогоплательщики (таблицы 2–5) должны были быть распределены по классам в зависимости от стоимости их недвижимости или размера уплачиваемого налога, по национальностям, по роду занятий и образованию¹⁷. Интересным является подход к определению национальности, описанный в объяснениях к таблицам: «При определении лиц русского происхождения надлежит руководствоваться бытовыми признаками, т.е. языком, употребляемым в домашнем обиходе, и как вспомогательным признаком – вероисповеданием»¹⁸. То есть произошел сдвиг от традиционной для имперской статистики конфессиональной идентификации к языковой.

«Перепись домовладельцев» Екатеринбурга

В Екатеринбург циркуляр № 2920 за подписью пермского вице-губернатора Владимира Ивановича Европеуса о необходимости сбора этой информации пришел 22 августа 1913 г. и сразу же вызвал вопросы у представителей городской управы¹⁹. Ее сотрудников интересовало, можно ли при заполнении таблиц МВД ограничиться уже имевшимися данными или нужно проводить специальное обследование населения. Последнее было запрещено циркуляром МВД в преддверии планировавшейся в 1915 г. Второй всеобщей переписи, чтобышний раз не беспокоить горожан²⁰. В ответе губернатор указал, что запрещены опросы по инициативе города, а в данном случае речь идет о задании правительства; управа обязана предоставить максимально достоверные сведения, не останавливаясь, в т.ч. и перед опросом горожан²¹. Таким образом, екатеринбургская администрация оказалась перед выбором – проводить опрос населения либо взять информацию из системы текущего учета, которая состояла, в первую очередь, из адресного стола. В процессе выбора муниципальные служащие обратились за советом в пермскую управу, осведомляясь о том,

¹⁴ Пересмотр Городового Положения ...

¹⁵ Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 62. Оп. 1. Д. 524. Л. 155–159.

¹⁶ Пересмотр Городового Положения ...

¹⁷ ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 524. Л. 135–144.

¹⁸ Там же. Л. 136.

¹⁹ Там же. Л. 1.

²⁰ Там же. Л. 4.

²¹ Там же. Л. 5.

как она собирается решать эту проблему. Ответ, в котором пермяки сообщали, что не собираются проводить специального опроса населения, пришел в Екатеринбург только в середине сентября; не дождавшись его, администрация при поддержке городской думы приняла решение о проведении обследования.

Речь, разумеется, не шла о полноценной переписи населения – мероприятии, требующем длительной подготовки и значительных затрат. Понимая нацеленность запроса МВД на учет потенциальных избирателей – налогоплательщиков, управа составила план так называемой «переписи домовладельцев». Согласно ему восемь счетчиков в течение месяца должны были обойти всех домовладельцев Екатеринбурга и опросить их на предмет национальности, рода занятий и образования как их самих вместе с членами семей, так и квартирантов. Целью было переписать лишь постоянное население, поэтому заявлялось следующее: «Надлежит принимать в счет только лиц, живущих в городе постоянно. К категории таких лиц относятся все как наличные, так и кратковременно отсутствующие члены семьи – взрослые и дети, – равно живущие с ними лица, хотя к семьям и не принадлежащие, но постоянно проживающие в городе (нахлебники и прислуга). ... Иногородние лица, проживающие в городе временно, в счет не принимаются»²². На зарплату счетчикам, печать карточек и обработку материалов думой были одобрены ассигнования в размере 1 000 рублей²³. Дата начала работы счетчиков – 9 (по данным местной газеты «Зауральский край»²⁴) или 10 сентября (из документов управы²⁵). Судя по всему, с самого старта переписи число счетчиков было увеличено с 8 до 13 или 17: о 13 сотрудниках общалось в прессе²⁶; в списках управы по учету выданных посемейных карточек и денег за работу суммарно указано 17 фамилий²⁷. Учитывая дату последней выплаты, 28 сентября, и отдавая предпочтение архивным данным как первоисточнику, можно предположить, что перепись домовладельцев Екатеринбурга была проведена силами 17 счетчиков с 10 по 28 сентября. Регистраторами были заполнены 4 228 карточек, а общая численность переписанного населения составила 54 393 чел.²⁸. Однако это число не было окончательным: уже с 14 октября управа начала переписку с городскими учреждениями, чьи коллективы были неподотчетны городу (с 28 сентября до 14 октября, вероятно, происходила обработка карточек и составление единой таблицы). Так, наличная численность войск в Екатеринбурге, включая 195-й пехотный Оровайский полк, управление уездного воинского начальника, конвойную

²² ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 524. Л. 14. Постоянное, или оседлое население, по определению того времени – это «обычно проживающее в данном месте страны; цифра его получается, если прибавить к числу наличного населения число всех временно отсутствующих и вычесть всех временно присутствующих в каждом данном месте страны». См.: *Миклашевский И.Н.* Переписи // ЭСБЕ. Т. XXIII. 1898. URL: <https://ru.wikisource.org/w/index.php?title=%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%B8&oldid=3627507> (дата обращения: 10.09.2019). Важно заметить, что речь идет не о приписном населении – другой категории учета.

²³ ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 524. Л. 9–10. Для сравнения: в начале 1917 г. на проведение уже полноценной переписи населения с участием 300 счетчиков городская дума выделила 8 700 рублей. С учетом того, что за период 1914–1916 гг. индекс цен составил 94 %, т. е. указанная 1 000 рублей увеличилась бы почти в два раза в 1917 г., эта сумма выглядит вполне приемлемой для проведения куда менее масштабного мероприятия. См.: *Бахарев Д.С.* Городская однодневная перепись Екатеринбурга... С. 78; *Миронов Б.Н.* Погрузившая в смуту и украсившая победу Революция // Вестник СПбГУ. История. 2017. Т. 62. № 4. С. 695.

²⁴ Перепись населения // Зауральский край. № 190. 1913. С. 3.

²⁵ ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 524. Л. 13.

²⁶ Перепись населения // Зауральский край. № 190. 1913. С. 3.

²⁷ ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 524. Л. 18–26. Здесь приводим все фамилии, в том виде, в каком они были расшифрованы нами: Несмеянов, Михалев, Пермкин, Коковин, Бояршинов, Онуфриев, Колтышев, Петер, Смирнов, Мартынов, Быков, Патокин, Микульский, Рыков, Дулыгин, Старцев, Огарков. Огарков не упомянут в числе получивших деньги, а Дулыгин – в числе получивших карточки.

²⁸ Там же. Л. 124.

и местную команды и пациентов лазарета, составила 2 348 человек, в Ново-Тихвинском женском монастыре было зарегистрировано 974 жителя, включая 90 человек вспомогательного персонала, а в Екатеринбургской тюрьме – 831 человек. Итоговая численность населения составила 58 546 человек и распределялась по национальностям следующим образом (см. табл. 1):

Таблица 1 / Table 1

Население Екатеринбурга по результатам переписи домовладельцев в сентябре 1913 г. / Yekaterinburg city population according to the homeowners' survey in September 1913²⁹

		Национальность	Численность
СОСТОЯЩИЕ В РУССКОМ ПОДДАНСТВЕ	Русского происхождения	Православные, старообрядцы и сектанты	51 387
		Прочих вероисповеданий	19
	Немцы		414
	Поляки		403
	Литовцы		3
	Латыши		9
	Эсты		15
	Татары и другие магометане		956
	Армяне		6
	Евреи		1 061
	Прочие		35
Иностранцы			85
Наличный штат гарнизона, монастыря и тюрьмы ³⁰			4 153
Всего			58 546

Источник: ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 524. Л. 136.

Однако 30 октября произошло неожиданное: управа, не дожидаясь окончания переписки (последние письма от начальника гарнизона и коменданта тюрьмы пришли только 31 числа), запросила у полицмейстера Екатеринбурга данные о численности и составе населения города по сведениям адресного стола – то есть воспользовалась альтернативным путем сбора информации, от которого отказалась в самом начале.

Чтобы до конца понять природу и ценность этих данных, необходимо представлять механизм работы этой конторы. Адресные столы в позднеимперской России создавались в крупных городах с большой «текучкой» населения и были фактически учреждением смешанного гражданско-полицейского характера, главной целью которых был сбор сведений о наличном населении города и предоставлении их по запросу официальным и частным лицам. Нам неизвестна точная дата основания адресного стола в Екатеринбурге: впервые управа вместе с полицмейстером поставили этот вопрос перед думой в 1896 г., во второй раз – уже в 1904 г.; вполне возможно, что именно тогда это ходатайство и было удовлетворено. Так или иначе, к 1912 г. адресный стол в Екатеринбурге был. О механизме его работы мы можем судить по проекту «Положения об адресном столе в г. Екатеринбурге»³¹, представ-

²⁹ Орфография приближена к современной; за исключением строки, включающей численность штата гарнизона, монастыря, тюрьмы, и, соответственно, итоговой суммы, источник воспроизведен в неизменном виде.

³⁰ Учреждения предоставляли управе информацию лишь об общей численности штата без разделения по национальностям.

³¹ Мы понимаем, что итоговый документ мог отличаться от проекта, но за неимением других источников вынуждены опираться на него.

ленном управой в думу в 1904 г. Адресный стол состоял из двух сотрудников – начальника, назначаемого по соглашению между городским головой и полицмейстером, и писаря, назначаемого только полицмейстером³². Сведения о населении в стол поступали через полицейских приставов из домовых книг. Все домовладельцы города должны были в обязательном порядке купить такую книгу и занести в нее всех членов семьи. Квартирант, остановившийся в городе более чем на сутки, должен был предъявить домовладельцу паспорт или иной вид на жительство для регистрации в книге. Помимо домовой книги домовладелец (или домоуправитель) заносил те же самые сведения в адресный листок в двух экземплярах, которые позже передавал приставу. Один экземпляр листка оставался в полиции, а второй – в адресном столе. Если квартирант съезжал, то производилась та же операция, только в этот раз фиксировалась информация о выбытии³³. Первоначально прописке подлежали мужчины с 18 лет и женщины с 21 года, однако, судя по комментарию полицмейстера (примечание к табл. 2), можно предположить, что к 1913 г. этот порог снизился до 14 лет для обоих полов.

Ответ полицмейстера с пометкой «Экстренно» пришел уже на следующий день, 31 октября, и содержал информацию, представленную в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

Статистика населения города Екатеринбурга по адресному столу к 1-му января 1913 г. / Population statistics of Yekaterinburg city according to the residence registration office data in 1st January 1913³⁴

Православные		Лютеране		Католики		Иудеи		Магометане		Другие		Всего	
М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
35 024	34 177	512	377	587	364	679	456	2 854	1 139	136	43	39 792	36 556
												76 348	

Примечание. В указанное число жителей не вошли: заключенные в местной тюрьме 900 чел.; Оровайский полк 1 800 чел., местная команда 140 чел., конвойная команда 20 чел., местный лазарет 20 чел., Управление воинского начальника 20 чел., Александровская богадельня 175 чел., Архиерейский дом 45 чел., женский монастырь 700 чел., дети моложе 14-летнего возраста и все учащиеся низших и средних учебных заведений хотя бы и достигшие 14-летнего возраста, например: мужская гимназия 550 чел., реальное училище 450 чел., духовное училище 180 чел., торговая школа 170 чел., епархиальное училище женское 300 чел., 1-я женская 750 чел., 2-я женская гимназия 485 чел., прогимназия Румянцевой 320 чел., детское убежище 120 чел., Нуровский приют 50 чел., а также и жители пригородов: Верх-Исетского завода, Березовского завода, села Шарташ и села Уктус. Кроме сего необходимо отметить, что дети не учащиеся свыше 14 лет далеко не все прописаны в адресном столе, так как хотя требуется, чтобы дети свыше 14 прописывались, но в действительности это не исполняется.

Источник: ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 524. Л. 101.

Столь быстрый ответ полицмейстера связан с тем, что в ноябре 1912 г. администрация уже посылала в адресный стол запрос о численности населения Екатеринбурга. Именно тогда сотрудниками адресного стола и была подготовлена эта таблица³⁵. Спустя почти год, когда управа затребовала сведения о населении города по состоянию на 1-е января 1913 г., адресный стол лишь заменил дату в названии

³² В 1913 г. адресным столом Екатеринбурга заведовал коллежский регистратор Михаил Петрович Тереховкин. См.: Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии 1913 год. Пермь, 1912. Отдел III. С. 43.

³³ ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 122. Л. 18–21.

³⁴ Орфография и пунктуация приближены к современным, опущены подписи и визы; в остальном содержании документа, включая примечание, воспроизведено в неизменном виде.

³⁵ ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 523. Л. 5 об. – 6.

таблицы, что можно понять: силами лишь двух сотрудников подсчитать и классифицировать десятки тысяч адресных листков – немалый труд, который требовал времени, в то время как управа запрашивала сведения как можно скорее. Таким образом, адресный стол определил число горожан по состоянию на 1-е ноября 1912 г., а не 1-е января 1913 г.; в дальнейшем тексте мы будем использовать именно эту датировку.

В итоге к 1 ноября у городской управы Екатеринбурга оказались на руках два кардинально различающихся варианта численности населения: 58 546 чел. по данным переписи домовладельцев и 83 453 чел. по данным адресного стола³⁶. Нам неизвестно, чем конкретно руководствовались муниципальные управленцы при принятии решения, но 5 ноября ими были отправлены в Пермь итоговые таблицы МВД, включавшие число горожан по данным адресного стола³⁷.

Реконструкция и интерпретация данных источника

Прежде чем приступать к выстраиванию контекста вокруг обеих полученных цифр и попытке их верификации, на наш взгляд, необходимо более объективно, чем это сделала городская управа, рассмотреть сведения, приведенные адресным столом. Если процесс получения первой цифры – результата переписи – предельно ясен, то к числу 83 543, которое управа получила путем механического сложения всех возможных дополнительных данных, есть ряд претензий. Первое, что вызывает сомнение, – это сведения о наличной численности гарнизона, заключенных и монахинь, которые представляют собой исключительно округленные числа. Второе – это пренебрежение такой крупной группой населения, как дети до 14 лет. И, наконец, очевидная фрагментарность и, как следствие, сомнительная ценность сведений об учащихся. Стремясь нивелировать эти недочеты, мы проделали следующие математические операции:

– взяв «чистое» число совершеннолетних жителей Екатеринбурга (76 348), прибавили к нему численность гарнизона, монастыря и тюрьмы по данным переписки с ними управы в ходе переписи домовладельцев (4 153);

– прибавили численность Александровской богадельни (175);

– реконструировали долю детей до 14 лет по данным переписи 1897 г. для Екатеринбурга (12 294; 28 %) ³⁸.

Данные об учащихся при таком подходе остались неиспользованными в силу их неполноты. Доля детей старше 14 лет была оставлена невозстановленной, т.к. часть из них, судя по комментарию полицмейстера, была все-таки учтена. Кроме того, эта довольно небольшая группа неучтенного населения может служить противовесом традиционному для административно-полицейской статистики переучету за счет «мертвых душ».

После выполненного уточнения реконструированная численность жителей Екатеринбурга на основе данных адресного стола на конец 1912 г. составила астрономическое по тем временам число – 103 265 чел. В полной мере осознавая спорность по-

³⁶ К последней цифре управа пришла, механически сложив 76 348 со всеми приведенными в примечании числами.

³⁷ ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 524. Л. 136.

³⁸ В 1926 г. доля детей до 14 лет в населении Свердловска также составляла 28 %, в 1920 г. доля детей до 12 лет (граница обусловлена источником) – 26 %. Таким образом, у нас нет оснований предполагать, что в 1912 г. этот параметр сильно отличался от 1897, 1920 и 1926 гг. Этот прием уже применялся исследователями для данного источника, только была реконструирована доля детей до 10 лет; см.: *Главацкая Е.М., Бобицкий А.В., Заболотных Е.А., Вишневская А.В.* Брачность в Екатеринбурге в начале XX в.: квантитативный анализ // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2019. Т. 21. № 3 (190). С. 110.

лученного результата из-за реконструированной доли детей, мы, тем не менее, не можем не принять во внимание такую значительную категорию населения.

Для проверки достоверности обоих чисел был проведен ряд аналитических операций. Первой из них стало сравнение прироста населения города с 1897 по 1913 гг. с аналогичным показателем для всего городского населения европейской России, а также других крупных уральских городов (см. табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Динамика численности населения (тыс. чел.) / Population dynamics (thousand people)

Город	1897	1912–1914 ³⁹	Прирост, %
Екатеринбург (перепись домовладельцев)	43,2	58,6	35,6
Екатеринбург (адресный стол)	43,2	103,3	139,1
Пермь	45,2	68,1	50,7
Оренбург	72,4	100,1	38,3
Вятка	25,0	47,0	88
Уфа	49,3	99,9	102,6
Европейская Россия	12064,8	18596,8	54,1

Составлена по: *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Стат. очерки. М., 1956. С. 89–91; ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 524. Л. 101, 136.

Как видно из таблицы, у обеих версий есть хотя бы приблизительно сопоставимые аналоги. Кроме того, оба варианта являются самыми крайними точкам на шкале прироста, демонстрируя как самый низкий, так и самый высокий потенциальный результат.

Вторым способом проверки сведений стала реконструкция предполагаемой численности населения города через общие демографические коэффициенты. Большинство исследователей сходятся на том, что Российская империя этого периода находилась в процессе демографической модернизации, в ходе которой происходило серьезное снижение рождаемости, смертности и брачности, особенно в городской среде⁴⁰ (см. табл. 4).

Из этого можем сделать вывод, что все три показателя в 1913 г., оставаясь неизвестными нам в точности, не должны быть выше показателей конца XIX в. В нашем распоряжении есть достаточно достоверные сведения об естественном движении населения Екатеринбурга в конце XIX – начале XX в., опубликованные в Памятных книжках Пермской губернии. Используя их, мы рассчитали общие коэффициенты брачности, рождаемости и смертности для населения города на 1897 г.⁴¹;

³⁹ Кроме Екатеринбурга, цифры для 1912/1914 гг. приведены по А.Г. Рашину, который использовал данные ЦСК МВД. Последние для городов были часто заниженными из-за накопительного учета механического прироста: в течение ряда лет ЦСК учитывал только естественный прирост, а затем единовременно прибавлял весь миграционный прирост за несколько лет, что приводило к скачкам в статистике населения большинства городов империи. См.: *Сифман Р.И.* Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР: сборник статей / под ред. А.Г. Вишневого. М., 1977. С. 63. Для Екатеринбурга, например, такой скачок был в 1914 г., когда население города по данным ЦСК выросло с 53,5 до 71,3 тыс. Эти сведения и процесс их сбора также заслуживают тщательного исследования, однако текущая работа посвящена лишь муниципальным обследованиям и их результатам.

⁴⁰ *Миронов Б.Н.* Российская империя ... С. 621–623.

⁴¹ Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1897 год. Пермь, 1897. Отдел III. С. 10–11; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1898 год. Пермь, 1898. Отдел III. С. 2–3; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1899 год. Пермь, 1899. Отдел III. С. 128–129; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1900 год. Пермь, 1900. Отдел III.

они составили соответственно 7,5, 40,5 и 34,8 промилле. Реконструкция численности населения города на основании этих коэффициентов 1897 г. и показателей брачности, рождаемости и смертности для 1910–1914 гг.⁴² дала следующие результаты (см. табл. 5).

Таблица 4 / Table 4

Общие коэффициенты брачности, рождаемости и смертности городского населения европейской России, % / Crude marriage, birth and death rates of European Russia city population, %

	1859–1863 гг.	1909–1913 гг.
Брачность	10,6*	6,7
Рождаемость	38,6	25,4
Смертность	45,9	33,9

Примечание: * – коэффициент для 1860–1869 гг.

Составлено по: *Рашин А.Г. Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Стат. очерки. М., 1956. С. 245; *Мионов Б.Н.* Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1. СПб.: 2014. С. 552; *Он же.* Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. Приложение, табл. 2.

Таблица 5 / Table 5

Реконструкция численности населения Екатеринбурга на 1913 г. / The 1913 Yekaterinburg city population reconstruction

	По общему коэффициенту брачности 1897 г.	По общему коэффициенту рождаемости 1897 г.	По общему коэффициенту смертности 1897 г.
Реконструкция населения (необходимый минимум)	79 173	83 264	77 408

Составлено по: Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1912 год. Пермь, 1911. Отдел «Статистический ежегодник...». С. 28–29; Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1913 год. Пермь, 1912. Отдел «Статистический ежегодник...». С. 28–29; Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1914 года. Пермь, 1914. Отдел «Статистический ежегодник...». С. 28–29; Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1915 год. Пермь, 1915. Отдел «Статистический ежегодник...». С. 28–29; Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1916 год. Пермь, 1916. Отдел «Статистический ежегодник...». С. 28–29.

Таким образом, минимально возможное население, которое могло произвести в Екатеринбурге 1913 г. такое количество браков, рождений и смертей при сохранении коэффициентов образца 1897 г. (хотя они, несомненно, должны были снизиться) должно было достигать не менее 83 тыс. человек, что кардинально противоречит результатам переписи домовладельцев, в ходе которой было учтено лишь 58 546 человек. Объяснение такой низкой цифре, возможно, кроется в самой методике переписи. При попытке переписать постоянное население агенты управы, по всей видимости, совершили частую для русской дореволюционной статистики ошибку, смешав постоянное население с приписным⁴³. Действительно, полученное количе-

С. 4–5; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1901 год. Пермь, 1901. Отдел III. С. 4–5. Для сглаживания флуктуаций нами было взято среднее арифметическое количество рождений, браков и смертей за пятилетку с 1895 по 1899 г.

⁴² Более логичная пятилетка 1911–1915 была изменена на 1910–1914 из-за меньшего влияния на последнюю начавшейся Первой мировой войны.

⁴³ *Гозулов А.И.* Переписи населения СССР и капиталистических стран (опыт историко-методологической характеристики производства переписей населения) / под ред. акад. С.Г. Струмилина. М., 1936. С. 194, 195, 200.

ство горожан видится оптимальным числом для мещан и неподатных сословий. На данный момент у нас нет документальных подтверждений этой гипотезе, что, однако, не мешает принять ее в качестве рабочей. Причина выбора городской управы именно данных адресного стола в этом случае становится очевидной – после обработки результатов переписи и получение итогового числа муниципальным управленцам стала понятна его несостоятельность.

Чтобы оценить достоверность численности горожан по версии адресного стола, мы на ее основе посчитали все упомянутые коэффициенты для Екатеринбурга 1912 г., одновременно сравнив с синхронными показателями для городов европейской России (см. табл. 6).

Таблица 6 / Table 6

Демографические коэффициенты для Екатеринбурга и городов европейской России в 1912 г., ‰ / The Yekaterinburg and European Russian cities demographic rates in 1912, ‰

	ОКБ	ОКР	ОКС
Екатеринбург	6	33,5	27,1
Города Евр. России	6,7*	33,4	23,8

Примечание: * – коэффициент для 1909–1913 гг.

Составлено по: *Миронов Б.Н.* Российская империя... С. 550; *Рашин А.Г.* Население России... С. 246.

Сравнение коэффициентов провоцирует поначалу кажущийся сомнительным, но математически правдоподобный вывод – численность населения Екатеринбурга в 1912 г. действительно превышала 100 тыс. человек; в ином случае Екатеринбург имел бы довольно архаичный для российского города тех лет демографический порядок, чему не было особых причин. Отклонение от средней брачности в сторону уменьшения можно связать с размером города: по классификации С.А. Новосельского, в крупных городах (с населением свыше 100 тыс. человек), к которым предварительно можно отнести Екатеринбург, процесс демографической модернизации зашел дальше и, соответственно, уровень брачности успел снизиться еще ниже. Например, в Санкт-Петербурге и Москве коэффициент брачности в 1913 г. составил 6,3 и 5,8 промилле⁴⁴. Повышенный коэффициент смертности, в свою очередь, можно списать на традиционную для Урала мужскую сверхсмертность, в т. ч. в городах⁴⁵.

После принятия в качестве рабочей гипотезы реально существующей стотысячности Екатеринбурга перед Первой мировой войной возникает закономерный вопрос о причинах его дальнейшего сокращения: даже спустя 14 лет, по результатам переписи 1926 г., численность горожан «старого» Екатеринбурга, без недавно включенных в его состав пригородов, составляла лишь 98 064 человека⁴⁶. Самое очевидное объяснение связано с демографической катастрофой 1917–1922 гг., когда, помимо очевидной высочайшей смертности и низкой рождаемости, чрезвычайно ярко проявился такой феномен, как отток населения из города в деревню. Между 1917 и 1920 гг., спасаясь от голода и репрессий новых властей, в сельскую местность бежали миллионы горожан⁴⁷. В результате за эти годы городское население страны уменьшилось с 22,6 до 15,1 миллионов человек, а сельское, наоборот, выросло со

⁴⁴ *Новосельский С.А.* Демография и статистика (избранные произведения). М., 1978. С. 204.

⁴⁵ Пермская губерния в указанный период занимала второе место по уровню смертности городского населения в европейской России, см.: *Рашин А.Г.* Население России ... С. 249–251.

⁴⁶ Уральское хозяйство в цифрах. 1927 г. Краткий статистический справочник. Год 2-й. Свердловск, 1927. С. 16–17.

⁴⁷ *Нарский И.В.* Гражданская война, миграция и гуманитарная катастрофа в России 1917–1922 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 3 (178). С. 51.

102,4 до 110,7 миллионов⁴⁸. Сходная чрезвычайно высокая убыль населения в городах из-за смертности и эмиграции также фиксировалась в европейских странах в Первую мировую войну⁴⁹.

Косвенным доказательством присутствия этого явления в том числе и в Екатеринбурге может служить динамика численности городского и сельского населения в Екатеринбургском уезде за 1912 и 1920 гг. (см. табл. 7).

Таблица 7 / Table 7

**Численность населения Екатеринбурга и Екатеринбургского уезда /
Yekaterinburg city and sub-province population⁵⁰**

	Екатеринбург	Уезд	Всего
1912	103 265	381 585	484 850
1920	67 855	419 202	487 057

Составлено по: Статистический сборник Екатеринбургской губернии за 1922 год. Екатеринбург, 1923. С. 27–29; Краткая подворная перепись Екатеринбургского уезда Пермской губернии 1912 г. Пермь, 1912. С. 1, Таблицы. С. 2–41.

Приводимые в таблице данные интересны практически равной суммой жителей всего уезда для обоих случаев. Это, во-первых, согласуется с представлениями о незначительно либо вообще отрицательной динамике населения в период демографической катастрофы. Во-вторых, напрашивается вывод о «перетекании» городского населения в сельскую местность. В пользу этой версии говорят данные об юридической приписке населения Екатеринбурга в начале века: среди умерших за 1912–1914 гг. прихожан Вознесенской церкви, одной из самых старых и крупных общин в городе, 59% имели неместную приписку⁵¹. По мнению американского историка Дианы Кенкер, изучавшей это же явление на примере постреволюционной Москвы, именно эта группа – горожане первого поколения, сохранявшие крепкие связи с сельской местностью – была первым и главным источником оттока населения из кризисного города⁵².

Выводы

Изучение материалов обследования населения Екатеринбурга в 1913 г. силами городской управы дает основание сделать несколько важных выводов. В результате источниковедческого анализа обеих версий численности горожан, 58 546 – по версии переписи домовладельцев и 103 265 – по версии адресного стола, можно предположить, что перепись учла лишь приписное население Екатеринбурга, хотя

⁴⁸ Гухман Б.А. Продукция и потребление СССР. К народно-хозяйственному балансу (1922/23 хозяйственный год). М., 1925. С. 10.

⁴⁹ Lees A. Urban Societies and Cities // 1914–1918-online. International Encyclopedia of the First World War. URL: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/urban_societies_and_cities (дата обращения: 27.11.2019).

⁵⁰ В 1919 г. Екатеринбургский уезд был реформирован: в его состав были включены 11 волостей из Красноуфимского уезда, а 4 его волости были переданы в новообразованную Автономную Башкирскую Советскую республику. См.: Справочник по истории административного-территориального деления Пермской области. Ч. 1. 1917–1938. Пермь, 1997. С. 5; Статистический сборник Екатеринбургской губернии... С. 3. Вследствие этого численность населения уезда пересчитана и из показателя 1920 г. исключены бывшие Красноуфимские волости, и из обоих показателей, 1912 и 1920 гг. – будущие башкирские, т. к. авторам не удалось обнаружить данных об их численности на 1920 г.

⁵¹ Сводная база данных «Регистр населения Урала». Публичная версия доступна по адресу <http://urappdata-urgi.urfu.ru/ural-population-project>.

⁵² Koenker D. Urbanization and Deurbanization in the Russian Revolution and Civil War // The Journal of Modern History. 1985. № 3 (57). С. 437.

и была нацелена на постоянное. Тем не менее, итоговые материалы этого обследования имеют большое значение для реконструкции территориального размещения населения Екатеринбурга, а также изучения демографии непосредственно мещан и горожан неподатного сословия.

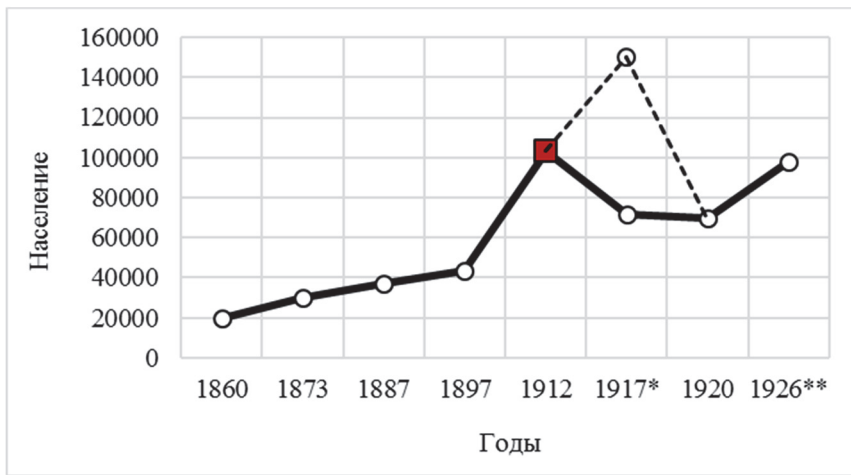

Рис. Динамика численности жителей Екатеринбурга во второй половине XIX – первой половине XX в. / Figure. The Yekaterinburg city population dynamics, latter half of the 19th – first half of the 20th century

Примечание: * – для 1917 г. два варианта численности: ок. 70 тыс. – по данным переписи и ок. 150 тыс. – с учетом дополнительных контингентов по подсчетам А.Г. Козлова; ** – в 1926 г. численность Екатеринбурга в старых границах.

На наш взгляд, предположение о превышении Екатеринбургом отметки в 100 тыс. населения накануне Первой мировой войны, т. е. вхождение его в число крупнейших городов империи, стало значительно более аргументировано. Небезосновательность выдвинутой гипотезы реактуализирует исследования по исторической демографии Екатеринбурга начала XX в., в которых до этого, как правило, довольно некритично использовались количественные сведения самого разного происхождения, а выводы в них зачастую были излишне скоропалительными. Кроме того, имеет смысл пересмотреть ряд воззрений относительно уровня урбанизации дореволюционного Урала, который, по всей видимости, недооценен. Также в случае принятия теории о стотысячности города вновь поднимается, на этот раз более конкретно, тема «цены революции» (см. рисунок): демографическая катастрофа, сопровождавшая непрерывный социально-политический кризис 1917–1922 гг., нанесла колоссальный, до настоящего момента не до конца осознаваемый урон развитию Екатеринбурга, отбросив его в развитии фактически на 15 лет.

Рукопись поступила: 4 декабря 2019 г.
Submitted: 4 December 2019.

Библиографический список

- Алексеев В.* Город в сердце Евразии // Родина. 2003. № 8. С. 101–103.
Ахмезер А.С. Диалектика урбанизации и миграции в России // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 78–89.
Бахарев Д.С. Городская однодневная перепись Екатеринбурга 1917 года (по материалам периодической печати) // Провинциальный город в событиях 1917 года: новые подходы, исслед-

довательские проблемы, открытия. Материалы межрегиональной конференции, приуроченной к 100-летию революционных событий в России 1917 г., 27 октября 2017 г. Челябинск: Элитпечат, 2017. С. 76–84.

- Главацкая Е.М., Бобицкий А.В., Заболотных Е.А., Вишневецкая А. В. Брачность в Екатеринбурге в начале XX в.: квантитативный анализ // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2019. Т. 21. № 3. С. 104–121. DOI:10.15826/izv2.2019.21.3.050.
- Гозулов А.И. Переписи населения СССР и капиталистических стран (опыт историко-методологической характеристики производства переписей населения). М.: Ред. изд. упр. ЦУНХУ Госплана СССР и в/о «Союзоргучет», 1936. 588 с.
- Гухман Б.А. Продукция и потребление СССР. К народно-хозяйственному балансу (1922/23 хозяйственный год). М.: Госплан СССР, 1925. 140 с.
- Козлов А.Г. О населении Екатеринбурга во второй половине 1916 и в начале 1917 гг. // Материалы Второй научной конференции по истории Екатеринбурга-Свердловска. Свердловск: УрГУ, 1950. С. 74–80.
- Кузьмин А.И., Оруджиева А.Г. Историко-демографический портрет Екатеринбурга // Известия Уральского государственного университета. 1998. № 9. С. 95–100.
- Миронов Б.Н. Город из деревни: четыреста лет российской урбанизации // Отечественные записки. 2012. № 2. С. 259–276.
- Миронов Б.Н. Погрузившая в смуту и украсившая победу Революция // Вестник СПбГУ. История. 2017. Т. 62. № 4. С. 693–716.
- Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 896 с.
- Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990. 271 с.
- Мкртчян Н.В. Внутророссийская миграция в региональных столицах и нестоличных территориях // Научные труды: Институт народохозяйственного прогнозирования РАН. 2018. Т. 16. С. 568–585. DOI:10.29003/m280.sp_ief_ras2018/568-585.
- Нарский И.В. Гражданская война, миграция и гуманитарная катастрофа в России 1917–1922 гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 3. С. 44–58. DOI:10.15826/izv2.2018.20.3.044.
- Новосельский С.А. Демография и статистика (избранные произведения). М.: Статистика, 1978. 270 с.
- Пивоваров Ю.Л. Урбанизация в России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. 2001. № 6. С. 101–113.
- Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): Статистические очерки. М.: Госстатиздат, 1956. 352 с.
- Сифман Р.И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР: сборник статей. М.: Статистика, 1977. С. 62–82.
- Чащин А.В. Демографическая характеристика Екатеринбурга (Свердловска) в 1897–1926 гг. // Россия и мир в конце XIX – начале XX века: материалы Третьей всероссийской научной конференции молодых ученых, аспирантов и студентов (Пермь, Пермский государственный университет, 4–8 февраля 2010 г.). Пермь: Пермский государственный университет, 2010. С. 138–144.
- Koenker D. Urbanization and Deurbanization in the Russian Revolution and Civil War // The Journal of Modern History. 1985. № 3. С. 424–450. DOI:10.4324/9781351145206-5.

References

- Akhiezer, A. S. “Dialectics of Urbanization and Migration in Russia”. *Social Sciences and Modernity*, no. 1 (2000): 78–89 (in Russian).
- Alekseev, V. “A city in the heart of Eurasia.” *Rodina*, no. 8 (2003): 101–103 (in Russian).
- Bakharev, D. “Gorodskaya odnodnevnyaya perepis' Ekaterinburga 1917 goda (po materialam periodicheskoi pechati).” In *Provintsial'nyi gorod v sobyt'yakh 1917 goda: novye podkhody, issledovatel'skie problemy, otkrytiya. Materialy mezhhreg. konf., priuroch. k 100-letiyu revolyutsionnykh sobytii v Rossii 1917 g., 27 oktyabrya 2017 g.*, 76–84. Chelyabinsk: Elitpechat' Publ., 2017 (in Russian).
- Chashchin, A.V. “Demograficheskaya kharakteristika Ekaterinburga (Sverdlovsk) v 1897–1926 gg.” In *Rossiya i mir v kontse XIX – nachale XX veka: materialy Tret'ei vseros. nauch. konf. molodykh uchenykh, aspirantov i studentov (Perm', Perm. gos. un-t, 4–8 fevralya 2010 g.)*, 138–144. Perm': Perm State University Publ., 2010 (in Russian).
- Glavatskaya, E.M., Bobitsky, A.V., Zabolotnykh, E.A., and Vishnevskaya, A.V. “Nuptiality in Early 20th Century Yekaterinburg: Quantitative Analysis”. *Izvestia of the Ural Federal university. Series 2. Humanities and Arts* 21, no 3 (2019): 104–121. DOI:10.15826/izv2.2019.21.3.050 (in Russian).

- Gozulov, A.I. and Strumilin, S.G. *Perepisi naseleniya SSSR i kapitalisticheskikh stran (opyt istoriko-metodologicheskoi kharakteristiki proizvodstva perepisei naseleniya)*. Moscow: Red. izd. upr. TsUNKhU Gosplana SSSR Publ., v/o «Soyuzorguchet» Publ., 1936 (in Russian).
- Gukhman, B.A. *Produktsiya i potreblenie SSSR. K narodno-khozyaistvennomu balansu (1922/23 khozyaistvennyi god)*. Moscow: Gosplan SSSR Publ., 1925 (in Russian).
- Koenker, D. “Urbanization and Deurbanization in the Russian Revolution and Civil War.” *The Journal of Modern History*, no. 3 (1985): 424–450. DOI:10.4324/9781351145206-5.
- Kozlov, A.G. “O naselenii Ekaterinburga vo vtoroi polovine 1916 i v nachale 1917 gg.” In *Materialy Vtoroi nauchnoi konferentsii po istorii Ekaterinburga-Sverdlovsk*, 74–80. Sverdlovsk: UrGU Publ., 1950 (in Russian).
- Kuz'min, A.I., and Orudzhieva, A.G. “Historical Demographic Portrait of Ekaterinburg.” *Izvestia of the Ural State University*, no. 9 (1998): 95–100 (in Russian).
- Mironov, B. “Town out of Village: Four Hundred Years of Russian Urbanization”. *Otechestvennye Zapiski*, no. 3 (48) (2012): 259–276 (in Russian).
- Mironov, B.N. “The Revolution That Plunged Russia into a Time of Troubles and Robbed the Country of Victory”. *Vestnik of Saint Petersburg University. History* 62, no. 4 (2017): 693–716 (in Russian).
- Mironov, B.N. *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modern*. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 2014 (in Russian).
- Mironov, B.N. *Russkii gorod v 1740–1860-e gody: demograficheskoe, sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitie*. Leningrad: Nauka Publ., 1990 (in Russian).
- Mkrtychyan, N.V. “Internal migration in regional capitals and Russia non-capital territories.” *Scientific Articles – Institute of Economic Forecasting Russian Academy of Sciences* 16 (2018): 568–585. DOI:10.29003/m280.sp_ief_ras2018/568-585 (in Russian).
- Narsky, I.V. “The Civil War, Migration, and Humanitarian Disaster in Russia between 1917 and 1922.” *Izvestia of the Ural federal university. Series 2. Humanities and Arts* 20, no. 3 (178) (2018): 44–58. DOI:10.15826/izv2.2018.20.3.044 (in Russian).
- Novosel'skii, S.A., and Polyakov, L.E. *Demografiya i statistika (izbrannye proizvedeniya)*. Moscow: Statistika Publ., 1978 (in Russian).
- Pivovarov, Yu. L. “Urbanization in Russia in the 20th Century: Perceptions and Reality.” *Social Sciences and Modernity*, no. 6 (2001): 106–113 (in Russian).
- Rashin, A.G., and Strumilin, S.G. *Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913 gg.): Statisticheskiye ocherki*. Moscow: Gosstatizdat Publ., 1956 (in Russian).
- Sifman, R.I. “Dinamika chislennosti naseleniya Rossii za 1897–1914 gg.” In *Brachnost', rozhdaemost', smertnost' v Rossii i SSSR: sbornik statey*, 62–82. Moscow: Statistika Publ., 1977 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Бахарев Дмитрий Сергеевич, аспирант кафедры археологии и этнологии, младший научный сотрудник лаборатории «Международный центр демографических исследований» Уральского федерального университета.

Dmitry S. Bakharev, Postgraduate student, Sub-department of Archeology and Ethnology, Junior Research Fellow, International Demographic Unit, Ural Federal University.

Заболотных Elizaveta Александровна, младший научный сотрудник лаборатории «Международный центр демографических исследований» Уральского федерального университета.

Elizaveta A. Zabolotnykh, Junior Research Fellow, International Demographic Unit, Ural Federal University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-905-919>

Научная статья / Research article

Создание нового промышленного района на территории Ульяновского округа Средневожской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.)

Е.А. Хапаев

Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова; 432000, Россия, Ульяновск, площадь Ленина, 1; eax73@mail.ru

Аннотация: В представленной статье с привлечением впервые вводимых в научный оборот архивных источников и опубликованных документов показана многогранная работа, которую в одном из важнейших экономических районов страны – Ульяновском округе Средневожской области проводили местные органы власти, директора крупных промышленных предприятий и общественные организации по перестройке на военный лад промышленности отдельно взятого региона. Представленные материалы раскрывают механизмы и организационные резервы, использование которых позволило в течение двух лет на территории отдаленного, находившегося в российской глубинке сельскохозяйственного района создать мощный производственный кластер, на базе которого в дальнейшем был создан областной центр. Автор выявляет трудности, которые пришлось преодолевать организаторам новых промышленных производств, большей частью эвакуированных из западных районов страны (в том числе нехватка рабочих рук, производственных площадей, электроэнергии, подвижного состава и др.). Показан труд рабочих, инженерно-технического персонала, которые в сложных условиях военного времени проявляли трудовой героизм на оборонных предприятиях. Специальное внимание уделяется вкладу, который внесла местная заводская и вузовская наука в разработку и оперативное внедрение новых двигателей, генераторов и т.д., позволявших значительно повысить производительность труда. Автор приходит к заключению о высокой эффективности созданного на территории Ульяновского округа промышленного района, успех которого был предопределен географическим положением и эффективной работой местных руководителей и директоров как эвакуируемых, так и местных предприятий.

Ключевые слова: промышленность, эвакуация, мобилизация, производительность труда, валовый продукт, рационализаторская изобретательская работа, трудовой подъем, производственный героизм

Для цитирования: Хапаев Е.А. Создание нового промышленного района на территории Ульяновского округа Средневожской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 4. С. 905–919. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-905-919>

Creation of a New Industrial Area in the Ulyanovsk District of the Middle Volga Region during the Great Patriotic War in 1941–1943

Evgeniy A. Khapaev

Ulyanov State Pedagogical University; 1 Lenina Sq, Ulyanovsk, 432000, Russia; eax73@mail.ru

Abstract: The presented article shows huge, multifaceted work, which in one of the most important economic districts of the country was carried out by local authorities, directors of large industrial enterprises, public organizations on restructuring into military form of industry of a separate region – Ulyanovsky district of the Middle Volga region. The presented materials help to reveal those mechanisms

© Хапаев Е.А., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

and organizational reserves, the correct use of which within two years allowed to create the most powerful production cluster in the territory of the deaf, located in the Russian hinterland of the mainly agricultural area. The subsequent work of the newly created Ulyanovsky Industrial District allowed not only to create the most powerful scientific and production center, but also to turn one of the numerous agrarian districts of vast Russia into a regional center. The materials of the article will make it possible to present visually the difficulties that have been overcome by the organizers of new industrial industries, many of which have been evacuated from the western regions of the country, in the face of an acute shortage of workers, production space, electricity and rolling stock. The work of workers, engineering and technical personnel, who in the face of constant disruptions in the supply of the most necessary, semi-hungry existence, acute shortage of housing showed miracles of labour heroic, is shown. It is told about difficult labor weekdays of defense enterprises, examples are given when workers, working in conditions of lush frost, under the open air not only performed, but also exceeded production plans. A huge contribution was made by factory and university science, when scientists and manufacturing inventors could within a few weeks develop a completely new design of a small-scale engine, a new generator, introduce such innovations into the production process, which allowed to significantly increase productivity. The authors also tried to show the restructuring of enterprises already existing in the Ulyanovsky district. They also managed to adapt quickly to difficult military conditions, so improving the production process, which eventually allowed to increase productivity and output volumes of final products. The effectively organized production and educational process allowed enterprises to organize a labor rise among employees, to create an atmosphere that allowed to mobilize rear workers for serious labor achievements. No industrial enterprise allowed any sabotage, provocation by enemy agents, and serious production accident throughout the war.

Keywords: industry, evacuation, mobilization, productivity, gross product, innovative inventive work, labor rise, industrial heroism

For citation: Khapaev, Evgeniy A. "Creation of a New Industrial Area in the Ulyanovsk District of the Middle Volga Region during the Great Patriotic War in 1941–1943." *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 4 (November 2020): 905–919. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-905-919>

Введение

В условиях широкомасштабной модернизации экономики современной России важной задачей является повышение производительности общественного труда и общее повышение темпов промышленного развития страны. В этой связи чрезвычайно важно использовать опыт проведенных социально-экономических преобразований в дореволюционной и Советской России (СССР), которые в условиях недостаточности материальных и людских ресурсов позволили в сжатые сроки добиться значительных производственных результатов.

С этой точки зрения наиболее ценен организационный и производственный опыт, накопленный в годы Великой Отечественной войны. Неудачное для страны начало войны заставило руководство мобилизовать все имеющиеся возможности для наращивания выпуска военной продукции в восточных районах страны. Перевод значительного количества предприятий на восток позволил в короткие сроки не только нарастить выпуск столь необходимой фронту продукции, но и создать новые промышленные районы, в том числе в российской глубинке. Это полностью относится к истории Ульяновского промышленного района, который был практически заново создан за два года и к середине 1943 г. выведен на полную производственную мощность. История современных войн не знала другого подобного примера, когда одна из воюющих сторон, понесшая колоссальный урон, смогла уже в ходе войны приступить к решению задач по восстановлению и развитию разрушенного народного хозяйства. Актуальность данного исследования в условиях нашего времени состоит в выделении положительного опыта руководства промышленностью в сложных, порой даже экстремальных условиях.

В условиях, когда были нарушены межрегиональные связи экономических субъектов, вопрос мобилизации внутренних резервов стал жизненно необходим. Также было востребовано повышение роли самих регионов, промышленных предприятий, межведомственных связей; во главу угла была поставлена задача уменьшения эко-

номической зависимости от центра. Изученный организационный опыт развития промышленности в экстремальных условиях представляет большой научный и практический интерес.

Историография истории развития ульяновской промышленности всегда была в центре внимания отечественных историков, экономистов и политиков. Трудности перехода экономики страны на военные рельсы и пути их преодоления, процессы и закономерности воспроизводства отдельных отраслей советской военной экономики содержатся в работе Я.Е. Чадаева «Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 годов)»¹. В.П. Зотов анализирует состояние пищевой промышленности в 1930-е годы, а также в условиях начавшейся войны, показывает процесс становления и запуска в строй эвакуированных предприятий в восточных районах страны, знакомит читателей с достижениями и трудностями, связанными с размещением новых производств в восточных районах страны. Не обошел вниманием автор работу ульяновских предприятий пищевого производства².

Историей развития промышленности Среднего Поволжья в годы войны занимались исследователи Д.П. Ванчинов, Н.П. Мышенцев. Наибольший исследовательский интерес для них составили такие проблемы, как увеличение динамики роста производства по военным годам, изменения объемов валового производства, а также изменения отдельных показателей эффективности военного производства³. На основе архивных и опубликованных материалов авторами рассмотрены рост отдельных отраслей промышленности, изменения валового объема промышленного производства, темпы роста промышленности.

Постсоветская литература по истории промышленности Ульяновской области также разнообразна. В 1991 г. опубликована монография Л.М. Кантора «Промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны». В ней автор обратил особое внимание на деятельность Государственного Комитета Обороны по переводу всего гражданского промышленного сектора на военный лад. В работе проанализирована деятельность местных органов власти, партийных комитетов ВКП(б) по созданию в сложных военных условиях новых предприятий, организации капитального строительства на местах. Автор также исследовал то, как предприятия обеспечивались рабочей силой, осуществлялся процесс оплаты труда и карточного обеспечения работающих, выделил трудности организационного и технического характера, которые пришлось преодолевать инженерно-техническим кадрам, рабочим, руководителям предприятий⁴. Работа Зинича М.С. «Будни военного лихолетья» также была посвящена индустриальному развитию страны в годы войны⁵.

В работе Ю.Д. Ефимова и В.И. Лосевой на основе материалов Государственного архива новейшей истории Ульяновской области, Государственного архива Ульяновской области и Российского государственного архива экономики впервые названы предприятия и организации, эвакуированные в годы Великой Отечественной войны в Ульяновск и Ульяновскую области, дается характеристика производимой ими продукции, затрагиваются различные стороны жизни в тылу⁶. В работе «Ульяновск

¹ Чадаев В.Я. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1965.

² Зотов В.П. Пищевая промышленность в предвоенные годы и во время Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1972. № 9. С. 91–102.

³ Ванчинов Д.П. Военные годы Поволжья (1941–1945). Саратов, 1980; Мышенцев Н.П. Индустриальное Поволжье в годы Великой Отечественной войны; Партийное руководство промышленностью. Саратов, 1988.

⁴ Кантор Л.М. Промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1991

⁵ Зинич М.С. Будни военного лихолетья 1941–1945. М., 1994.

⁶ Ефимов Ю.Д. Ульяновск и Ульяновская область в годы Великой Отечественной войны. Ульяновск, 1995.

и Ульяновская область – фронту» М.В. Чернова рассказывается о трудовом подвиге трудящихся Ульяновска и области в годы войны, об обеспечении армии военной продукцией, боеприпасами, автомобилями. В результате личного общения с ветеранами войны автор достоверно описывает боевые биографии ветеранов, запечатлев на вечную память их героические подвиги⁷.

Подготовке производственных кадров на промышленных предприятиях Ульяновской области в годы Великой Отечественной войны посвящена статья И.А. Чуканова и Е.А. Хапаева⁸.

Источниковая база исследования включает в себя как опубликованные⁹, так и неопубликованные источники из Государственного архива новейшей истории Ульяновской области (далее – ГАНИ УО), в т.ч. документы партийных и советских органов по организации деятельности промышленных предприятий, а также материалы периодической печати («Пролетарский путь», «Ульяновская правда», «Известия» и др.), мемуарную литературу.

Использование директив и постановлений ГКО СССР, СНК СССР, профильных министерств позволило глубже разобраться с проблемами эвакуации промышленных предприятий, движением рабочей силы, а также переводом на «военные рельсы» уже действующих в Ульяновском округе промышленных предприятий¹⁰.

Начиная с 2001–2004 гг., в Ульяновске издавался многотомник «Солдаты трудового фронта» под редакцией Л.А. Берч. В нем не только приводились развернутые статистические данные по работе промышленности г. Ульяновска и Ульяновского округа (области) в годы войны, но и рассказывалось о передовиках производства¹¹. Большой научный интерес представляет сборник архивных документов Ульяновской области на тему «Так ковалась победа», затрагивающих работу промышленности региона¹². В тематических сборниках документов по истории Ульяновской области в годы Великой Отечественной войны представлены сведения, раскрывающие героический труд ульяновских рабочих в рассматриваемый период¹³. В работе привлечены также отчеты правлений фабрик и заводов, материалы ревизий и проверок, протоколы заседаний товарищеских судов, где рассматривались дела о проступках нерадивых сотрудников и т.п.

Основные меры по приему эвакуированных предприятий и размещение их в Ульяновске и городах округа (1941–1942 гг.)

Ульяновск до 1941 г. был небольшим городом районного значения, который входил в состав одноименного округа в Средневолжскую область (со столицей в г. Куйбышев). Из крупных предприятий всесоюзного значения до войны в нем размещалось лишь одно значительное производство – Патронный Завод имени В. Володарского.

⁷ Чернов М.В. Ульяновск и Ульяновская область – фронту. Ульяновск, 2012.

⁸ Чуканов И.А., Хапаев Е.А. Подготовка производственных кадров на промышленных предприятиях Ульяновской области (округа) в годы Великой Отечественной войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 3. С. 683–699.

⁹ Юмашев М.И., Жалейко Б.А. Сборники законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 – июнь 1944 г. М., 1956; Юмашев М.И., Жалейко Б.А. Сборник документов и материалов по вопросам труда в период Великой Отечественной войны, 22 июня 1941 года – 5 января 1944 года. М., 1944; Сборник важнейших приказов и инструкций по вопросам карточной системы и нормированного снабжения. Ленинград, 1945.

¹⁰ Малин В.Н., Коробов А.В. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957

¹¹ Солдаты трудового фронта. Ульяновск, 2001–2004.

¹² Так ковалась победа. Сборник архивных документов. Ульяновск, 2016.

¹³ Хренов Н.И. Ульяновская область в годы Великой отечественной войны. Документы и материалы. Саратов, 1974; Фомин Н.Д., Григорченко В.Г. Наш край (1941–1975 года): документы и материалы. Ульяновск, 1978.

Остальные предприятия были незначительными по объему производства и представляли из себя полтора десятка небольших суконных фабрик, разбросанных по всей территории округа, а также предприятия пищевой промышленности. Имелись маленький механический завод, железнодорожные и авиационные мастерские.

Как следует из документов, решение о перебазировании в Ульяновский округ многих крупных предприятий основывалось в первую очередь на том, что Ульяновск являлся крупным железнодорожным узлом, имел речной порт и по территории округа проходили линии электропередач. Достаточно разветвленная сеть колхозов и совхозов могла обеспечить потребности прибывающих работников эвакуируемых заводов продовольственными товарами первой необходимости. Многие предприятия эвакуировались в Ульяновскую область на основе принятого 16 августа 1941 г. «Военно-хозяйственного плана на 4 квартал 1941 года и на 1942 год по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана, Средней Азии», который регламентировал передислокацию наиболее важных фабрик и заводов из угрожаемых районов на новые места размещения. План определял сроки ввода этих предприятий в строй, а также перечень новых промышленных объектов, которые необходимо было заново построить и ввести в эксплуатацию.

Общеизвестно, что в стране было осуществлено две эвакуации промышленных предприятий, оборудования, материальных ценностей и населения на восток. Первая проходила в период лета – начала зимы 1941 г., когда боевыми действиями, в основном, была охвачена западная часть страны. Этот период, на наш взгляд, был самым сложным, так как дело было совершенно новое, реализовывать эвакуационные задачи приходилось в сжатые сроки, кроме того, ощущалась острая нехватка подвижного состава, транспортных средств, приходилось полностью перестраивать железнодорожный и морской транспорт.

Вторая эвакуация началась в июне 1942 г. и была вызвана широкомасштабным наступлением немецко-фашистских войск на юге страны. Продолжалась она фактически до стабилизации фронта в районе Сталинграда к ноябрю 1942 г. Для Ульяновского округа (с 1943 г. – Ульяновской области) каждая из этих эвакуаций имела свои особенности. В 1941 г. Ульяновский округ и его крупные промышленные центры – Ульяновск, Мелекес – стали крупнейшими перевалочными базами для оборудования, вывозимого далее на восток и пунктами размещения крупнейших эвакуируемых предприятий. Это было вызвано значительными объемами перемещаемых материальных ценностей, эвакуируемого персонала предприятий, что привело к кардинальной перестройке работы всех административных и хозяйственных структур на местном уровне¹⁴.

Вторая эвакуация 1942 г. прошла более организованно, отличалась меньшими объемами перемещаемых материальных ценностей, тогда уже широко применялся организационный опыт, накопленный в предыдущем году. Главный упор при этом был сделан на перевод в восточные районы административных учреждений, культурных ценностей, а также эвакуацию гражданского населения.

Наступление вражеских войск в начальный период войны, временные неудачи Красной Армии заставили руководство страны перебазировать основные промышленные предприятия оборонных отраслей в восточные районы страны. Важный вклад в дело эвакуации внесли созданные в короткие сроки чрезвычайные органы: Совет по эвакуации во главе с Н.М. Шверниковым, специальные комиссии по проведению эвакуации в областях и автономных республиках, а также эвакуационные отделы и эвакуационные пункты (эвакопункты) в городах, узловых железнодорожных станциях, портах и пристанях. События развивались настолько стремитель-

¹⁴ Смирнов П.И. Эшелоны идут на восток. М., 1966. С. 247.

но, что в начале июля 1942 г. на территорию Ульяновской области стали приходить уже первые эшелоны с эвакуированным оборудованием, персоналом предприятий, другими материальными ценностями. Местные органы власти и партийные комитеты ВКП(б) делали все возможное, чтобы справиться с поступающим наплывом промышленного оборудования, старались максимально разместить прибывающих людей, предоставить им жилье, обеспечить продуктовыми карточками, организовать их работу на вновь определенных площадках¹⁵.

В течение нескольких недель июля – августа 1942 г. были уплотнены многие государственные учреждения, когда в административных зданиях, ранее занимаемых одним учреждением, стали размещаться по 2–3 и более учреждений. Ряд учебных заведений – школ и даже вузов были закрыты, а их помещения отданы под эвакуированные предприятия и учреждения, временное жилье для персонала. Даже здания городских и районных парткомов отдавались для нужд эвакуированных. Но места все равно катастрофически не хватало. В этой связи многие эвакуированные предприятия разгружались в «чистом поле», на пустырях, занимали садовые и огородные земельные участки. Главными требованиями, определяющим размещение производственных помещений, была близость железнодорожных путей, линий электропередач, населенных пунктов.

В Ульяновский округ эвакуировались те предприятия, которые впоследствии и определили его производственную специфику. Основная масса предприятий была перебазирована в г. Ульяновск во время первой эвакуации, тогда, как во время второй эвакуации Ульяновск принял, в основном, государственные учреждения. Это в первую очередь предприятия машиностроительного комплекса и текстильной промышленности. Объемы эвакуированного и вновь создаваемого производства были таковы, что по одному только городу Ульяновску местные органы власти были вынуждены предоставить свыше 200 тыс. квадратных метров культурных, бытовых и производственных площадей. Подавляющее большинство производственных мощностей было эвакуировано в Ульяновский округ согласно уже упомянутому постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16 августа 1941 г.¹⁶ Этот план предусматривал перевод промышленных предприятий из зоны боевых действий, а также строительство новых производственных объектов.

Уже с первых чисел июня развернула свою работу гигантская эвакуобазы, объединенная в единую сеть с системой складов в Ульяновске, его окрестностях, прилегающих железнодорожных станциях. На этих складах содержалось резервное промышленное оборудование, не нашедшее пока своего адресата, а также спецодежда, медикаменты, вещи, по тем или иным причинам оставленные эвакуированными гражданами. Для того, чтобы эти склады бесперебойно и круглосуточно работали, в кратчайший срок было заново проложено 89 км новых железнодорожных путей; сооружено почти 1,9 тыс. укрытий различных типов, в том числе и для предприятий. Однако в условиях военного времени не всегда удавалось обеспечить четкую работу всех городских служб, связанных с размещением эвакуированных предприятий. Так, из-за отсутствия необходимых помещений прибывшее из г. Ворошиловграда оборудование завода пролежало на станции Киндяковка под открытым небом с декабря 1941 г. по август 1943 г., пока не было увезено в другое место.

В Ульяновск уже в июле 1941 г. прибыло первое эвакуированное предприятие – трикотажная фабрика им. Коммунистического Интернационала Молодежи (КИМ) из Витебска. Один из эшелонов привез 552 рабочих и членов их семей. Через 72 дня

¹⁵ Ефимов Ю.Д., Лосева В.И. Ульяновск и Ульяновская область в годы Великой Отечественной войны. Ульяновск, 1995. С. 8.

¹⁶ Там же.

все оборудование было смонтировано в здании одной из школ, и фабрика начала выпускать продукцию военного назначения – теплое армейское белье и брезентовые упаковочные мешки для переноски узлов минометов. Еще через два месяца фабрика освоила выпуск совершенно новой промышленной продукции – шелковых чулков и носков¹⁷. В день выпускалось свыше 2 тыс. пар. Первая продукция для нужд фронта была отгружена потребителям 25 сентября 1941 г. Уже первого октября этот цех вышел на проектную мощность¹⁸.

В августе 1941 г. в Ульяновск прибыла киевская швейная фабрика имени Горького. Через месяц она уже давала продукцию. Основное производство было размещено в бывшем клубе спиртзавода № 2 и производило шинели. К концу сентября фабрика выпускала 500 шинелей в сутки; она обеспечивала также бойцов шапками-ушанками, различным обмундированием¹⁹. К январю 1943 г. было освоено производство погонцов для личного состава Красной Армии²⁰.

Вторая часть фабрики разместилась в помещении бывшего педагогического училища. Эвакуируемые предприятия размещались не только в Ульяновске, но и в других крупных населенных пунктах округа. В городе окружного подчинения Мелекесс в ноябре 1941 г. начала работу эвакуированная из Витебска чулочно-трикотажная фабрика имени К. Цеткин. На станции Базарный Сызган разместился в пристанционных помещениях, на складах и в здании вокзала целый номерной машиностроительный завод из Гомеля²¹.

В августе 1941 г. в Ульяновск из Киева был эвакуирован завод контрольно-измерительных приборов «КИП». Небольшой коллектив, около 400 человек высококвалифицированных специалистов, в короткое время разместился в здании ликероводочного завода по ул. К. Либнехта. Уже через две недели все металлорежущие станки, прессы для штамповок, станки по изготовлению оптики стояли в цехах и начали выпуск различных приборов. Это был, действительно, подвиг. Имущество завода все сотрудники от директора до простого рабочего по ночам разгружали на железнодорожной станции, а днем устанавливали его в отведенных помещениях. В период с 1942 по 1943 гг. завод изготовил 1500 тестовальцовок, лапшерезок и мясорубок, которые направлялись не только в фронтовые столовые и госпитали, но и в учреждения города и округа.

Коллектив завода в кооперации с Московским заводом, специализировавшемся на выпуске контрольно-измерительных приборов, в самые сжатые сроки сумел наладить выпуск комплектующих деталей для прицелов к 82-миллиметровым минометам, а уже через три месяца завод полностью изготавливал прицелы к 82 и 120-миллиметровым минометам, так сильно востребованными на фронте²².

Ситуация складывалась таким образом, что оборудование промышленных предприятий отправлялось в разные города, производство разукomплектовывалось, и быстро восстановить тот или иной завод не представлялось возможным. Ведь нередко предприятия приходилось эвакуировать в спешке, зачастую под немецкими бомбами. Как руководители предприятий выходили из этой сложнейшей ситуации? Государственный Комитет Обороны нашел оригинальный выход из сложившейся ситуации: не заниматься никому ненужной переборской утерянного оборудования из одного города

¹⁷ Шелковые чулки и носки // Пролетарский Путь. 1941. № 283. С. 2.

¹⁸ Теплые портянки, платки, кисеты // Пролетарский Путь. 1941. № 297. С. 1.

¹⁹ Государственный архив новейшей истории Ульяновской области (далее – ГАНИ УО). Ф. 13. Оп. 1. Д. 1895. Л. 40–41.

²⁰ На фабрике им. Горького // Пролетарский Путь. 1941. № 245. С. 1; Фабрике им. Горького – 30 лет // Ульяновская правда. 1966. № 256. С. 1.

²¹ 46 месяцев жизни. Местная хроника военного времени // Народная газета. 1991. № 17. С. 4.

²² ГАНИ УО. Ф. 13. Оп. 1. Л. 2170. Л. 8.

в другой, а на месте сортировать поступившее оборудование и создавать такие предприятия, которые бы могли, используя уже завезенное оборудование, быстро организовать какое-либо производство. Вот пример подобного подхода. В Ульяновск прибыли разрозненные части промышленного оборудования Московского НИИ-12, Ленинградского приборостроительного завода № 278 и Вяземского приборостроительного завода № 149. Другое оборудование этих предприятий, необходимое для запуска полного производственного цикла, по тем или иным причинам затерялось на огромных просторах Сибири и Урала. Поэтому руководством Ульяновского округа по согласованию с ГКО было принято решение создать на базе этих трех разрозненных и разукomплектованных производств одно промышленное производство полного цикла. Разместить новое производство было решено в холодных, неотапливаемых помещениях Центрального колхозного рынка. В течение 3-х месяцев задача была решена. К декабрю 1941 г. вновь созданный Ульяновский приборостроительный завод № 280 начал выпускать военную продукцию – гироскопы для самолетов фронтовой авиации.

Работа была проделана очень большая. Во-первых, из трех разнородных коллективов был сформирован совершенно новый производственный коллектив. Заново была создана дирекция, производственные отделы, сформированы новые коллективы цехов. Была также разработана производственная документация, пересмотрено оборудование, созданы новые рабочие цеха, на территории бывших рыночных павильонов и складов, в условиях суровой зимы 1941/1942 г. было «практически с нуля» создано совершенно новое производство. К маю 1942 г. было размещено уже 200 единиц оборудования. На заводе работало свыше 1 тыс. человек. Коллектив предприятия постоянно наращивал количество выпускаемой продукции достаточно высокого качества. Если взять продукцию, изготовленную с января по декабрь 1942 г. за 100 %, то к декабрю следующего, 1943 г., коллектив предприятия рапортовал о выполнении производственного плана по сравнению с прошедшим годом на 363 %²³. А если взять за основу производственное задание 1940 г. Ленинградского производственного объединения – завода № 278 за 100 %, то рост продукции увеличился в 5 раз. Трудовой подвиг рабочих и инженерно-технического персонала проявился в том, что первая очередь завода была запущена уже в начале 1942 г. К маю того же года было построено около 10 тыс. кв. метров производственных площадей.

Ульяновский колхозный рынок принял еще один завод, который также разместился в оставшихся складах и лабазах. Здесь, согласно постановлению ГКО от 16 сентября 1941 г. №6 81, стал размещаться завод «Электропускатель» имени Сталина из Харькова. Так как даже складских помещений не хватало, новый завод был вынужден занять оставшиеся рыночные склады и торговые помещения, ранее принадлежавшие производственным артелям и кооперативам. Сотни тонн грунта были перевезены для того, чтобы засыпать огромный овраг в центре города, так как для нового завода потребовались новые производственные помещения, а строить их в городе было больше практически негде. Так на месте оврага к концу 1942 – началу 1943 г. выросли новые производственные цеха.

Уже с 1942 г. эвакуированный завод стал выпускать столь необходимое фронту производственное оборудование для фронтовой авиации, торпедных катеров и подводных лодок. Во второй половине 1942 г. завод получил новое государственное задание – разработать технологическую карту для выпуска электрогенераторов, при помощи которых осуществлялся запуск ракет гвардейских минометов залпового огня (БМ-13 и БМ-21) – знаменитых «катюш». Позднее на заводе наладили и выпуск прицелов для установок залпового огня²⁴.

²³ А надо помнить // Ульяновская правда. 1995. № 76. С. 3.

²⁴ ГАНИ УО. Ф. 13. Оп. 1. Л. 2170. Л. 2–5.

Приходилось преодолевать и другие, не менее проблемные трудности. Совершенно разукомплектованным прибыло в Ульяновск оборудование литейно-механического завода № 11 Наркомата связи из Ахтырска. Однако при заводе оказался работоспособный коллектив, привыкший решать своими силами все возникающие трудности. Но, несмотря на нехватку оборудования и отсутствие нужных площадей, рабочие и специалисты завода сумели малыми партиями организовать выпуск предохранительного и линейно-кабельного оборудования для дивизионных и армейских узлов связи. Обстоятельства сложились таким образом, что подобные изделия для нужд армии выпускало только это предприятие.

Особенно рельефно трудовой подвиг работников предприятий тыла проявился при введении в строй эвакуированного Московского автомобильного завода имени Лихачева. Сотни единиц спешно разгруженного из железнодорожных платформ оборудования разместились на территории заброшенных складов завода «Металлист». Одновременно осенью 1941 г. на пустыре в Засвияжском районе г. Ульяновска стали возводиться цеха нового автозавода. Под строительство были использованы недостроенные цеха авиационного производства, многие из которых представляли лишь залитые бетоном фундаменты. Рабочие и инженерно-технические работники трудились днем и ночью, в сорокапятиградусные морозы достраивали свои цеха. И уже в апреле 1942 г. был запущен главный конвейер, что позволило ежесуточно выпускать 80–100 необходимых фронту автомобилей «ЗИС-5В». Преодолев такие трудности, коллектив Ульяновского автозавода с легкостью освоил сборку американских грузовиков-вездеходов «Студебеккер», которые в виде запасных частей поставлялись в СССР по ленд-лизу²⁵. Только в 1943 г. было собрано 4,2 тысяч автомобилей «Зис-5В» и около 600 единиц «Студебеккеров». Кроме того, завод выполнял срочные заказы ГКО, выпуская по его требованию продукцию, совершенно непрофильную для производства. Так, по постановлению ГКО на автозаводе были налажены: выпуск газогенераторных установок для автомобилей «ЗИС-101», а также деталей для корпусов снарядов и мин, оснастки для ремонта автомашин.

Ульяновский автозавод в 1943 г. получил новое правительственное задание – сформировать на своей базе и запустить в 1944 г. два совершенно новых производства – завод «Автозапчасть» и завод по производству малолитражных двигателей. В результате в 1944 г. оба эти предприятия были успешно запущены и дали первую продукцию.

Приходилось решать и такие задачи, опыта реализации которых ни у кого не было. Военным госпиталям, ремонтным мастерским на фронте срочно понадобились малолитражные двигатели внутреннего сгорания для полевых мобильных электростанций. В связи с этим в августе 1942 г. завод получил особое правительственное задание: не сокращая выпуска автомобилей, в 4-недельный срок наладить производство малолитражных двигателей-генераторов Л 3/2 для нужд военных госпиталей, партизанских отрядов и других подразделений РККА, действующих в автономном режиме. Это не только не соответствовало специфике и возможностям автосборочного предприятия – не было даже чертежей и разработанной технологии нового производства²⁶.

То, как решали эту проблему, стоит особого описания. Доставили с фронта двигатель, вышедший из строя, разобрали его и на основе эскизированных деталей, и приступили к созданию рабочих чертежей. Из приказа директора завода П. Шварцбурга от 5 августа 1942 г.: «Приказываю: 1. Главному конструктору Шапошникову в 24 часа разобрать двигатель, начать эскизирование всех деталей, работу вести по 16 часов в день... Предупредить всех начальников цехов и отделов, всех технологов, ма-

²⁵ ГАНИ УО. Ф. 13. Оп. 1. Л. 2170. Л. 8.

²⁶ Ефимов Ю., Лосева В. Город тыловой // Мономах. 2000. № 4. С. 33.

стеров, конструкторов и рабочих, что работы, связанные с двигателем Л 3/2, идут впереди всех заданий... то есть выполняются вне очереди²⁷.

Не имея чертежей, технологи-инженеры составляли технологическую карту по эскизам и с натуры. Чтобы убедиться в правильности сборки, технологи Зарубин, Попэк и другие сами собрали пробный двигатель, запустили его, тут же скорректировали технологическую карту и, не выходя из проектного бюро в течение 36 часов, разработали схему сборки²⁸. Все работы возглавил инженер К.И. Протопопов, а организовывать проектирование и запуск двигателя в серию пришлось начинать в условиях отсутствия какой-либо производственной документации и необходимого оборудования. Тем не менее в октябре 1942 г. завод уже приступил к выпуску стационарных малолитражных двигателей Л 3/2 с водяным охлаждением. Фронт получил требуемые электростанции. Эти малолитражные двигатели немедленно отправлялись на передовую. Вскоре все полевые госпитали, армейские и фронтовые радиостанции, радиооборудование в партизанских отрядах были оснащены малолитражными двигателями и генераторами для полевых электростанций²⁹.

Вместе с предприятиями и организациями в Ульяновск эвакуировались рабочие и служащие с семьями. С конца 1941 г. в город стали прибывать эвакуированные граждане из прифронтовых районов. За первые шесть военных месяцев население города составило уже 200 тыс. человек, без учета военных, что в 2,5 раза превышало население Ульяновска по состоянию на 1 января 1940 года.

Наибольшим препятствием в работе, которое пришлось преодолевать, был дефицит квалифицированных производственных кадров. Катастрофически не хватало опытных токарей, фрезеровщиков, слесарей, шлифовщиков, термообработчиков, наладчиков станков, слесарей-инструментальщиков. Вместо мужчин, призванных в ряды действующей армии, к станкам становились женщины, пенсионеры (которые и возглавляли процесс обучения вновь принятых на производство рабочих) и даже дети. Таким образом, кадровая проблема на предприятии была успешно решена.

Приборостроители также внесли немалый вклад в победу. В 1944 г. военновоздушный флот страны получил 120169 приборов, а всего за годы войны было выпущено 292440 приборов.

В числе эвакуированных предприятий в Ульяновск было доставлено оборудование завода контрольно-измерительных приборов № 10, которое ранее располагалось в городе Киеве, а также станки и оборудование Московского завода контрольно-измерительных приборов («МОСКИП»). Все эти предприятия ранее работали в интересах Наркомата пищевой промышленности СССР и к изготовлению военной продукции не имели никакого отношения. Благодаря героическому труду инженерно-технических работников, членов заводского КБ, рабочих предприятия уже в 1942 г. начался выпуск прицелов к миномету. Завод курировало Главное артиллерийское управление РККА, и он вскоре вышел на полную проектную мощность и полностью обеспечил нужды Красной Армии в прицелах к 82 миллиметровому миномету, самому массовому в войсках. К началу 1942 г. цех боеприпасов (инструментальный № 2) на автомобильном заводе под руководством К.И. Протопопова дал первую продукцию – столь необходимые на фронте авиационные снаряды³⁰.

Во время второй эвакуации феврале – марте 1942 г. в Ульяновск было доставлено оборудование завода пищевых концентратов, ранее размещавшееся в г. Москве. Согласно решению СНК СССР от 8 января 1942 г. № 20 – 8С оборудование было

²⁷ Все для фронта, все для победы // Панорама УАЗ. 1991. № 50–51. С. 6.

²⁸ Мударисов И. Боевых лет машина // Народная газета. 2002. № 64. С. 4.

²⁹ ГАУО. Ф. 1. Д. 1. Ф. Р. – 3123. Оп. 1. Ед. хр. 1.

³⁰ История Московского автозавода им. Лихачева. М., 1966. С. 54.

размещено на Винкомбинате, и с июня уже начался выпуск крупных концентратов из местного сырья. Без изменения рецептуры эти концентраты выпускались вплоть до 1948 г.

Перевод промышленности г. Ульяновска и округа на военные рельсы

После начала военных действий вновь созданным для руководства обороной страны ГКО перед Ульяновским округом была поставлена задача перевести в кратчайшие сроки уже имеющуюся в регионе промышленность на военные рельсы, полностью изменить производственный процесс, внедрить новые технологии оборонного значения. Это означало то, что нужно было изготовить новые штампы, устройства, переориентировать оборудование на выпуск продукции военного назначения. Требовалось также построить новые помещения, а самое главное, обучить и адаптировать к новым производственным условиям сотрудников и работников предприятий.

Благодаря предпринятым усилиям в первые месяцы войны удалось преодолеть кадровый голод. Главным способом решения вопросов рабочей силы было увеличение рабочего дня по 12–16 часов, а с учетом сверхурочных работ и до 18–19 часов. Как уже отмечалось, на заводы и фабрики вернулись пенсионеры, к станкам встали женщины. Многие цеха и даже фабрики стали полностью женскими. Главным каналом пополнения производственного персонала стал добровольный приход на заводы и фабрики вчерашних школьников.

Следует отметить, что руководством страны были приняты беспрецедентно жесткие меры по повышению производственной дисциплины работающих, причем на всех уровнях. Согласно требованиям, изложенным в Указе Президиума ВС СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и из учреждений», сотрудники военных предприятий были вынуждены принять новые административные требования, предъявляемые к ним руководством страны и дирекцией предприятий, стойко переносить все тяготы тыловой жизни, постоянно выполнять сверхурочные работы, ставшие в годы войны нормой.

Хотя сверхурочные на предприятиях оплачивались в полуторном размере, все знали, что это является «обязаловкой». Сотрудников предприятий жестко карали (вплоть до уголовной ответственности) за прогулы, когда под «прогулом» подразумевалось отсутствие сотрудника на своем рабочем месте в течение более 20 минут, или менее 20 минут, но повторившееся в течение двух месяцев³¹.

Изменилась также работа промысловой кооперации, которая стала более эффективной. 26 райпромкомбинатов и 150 артелей промысловой кооперации стали выпускать продукцию, нужную для фронта: валенки, теплую одежду, лыжи, ружейные ремни, телеги и санки. Предприятия деревообрабатывающей промышленности перешли к изготовлению ящиков для патронов и снарядов, упаковок для авиабомб, болванок для винтовок и карабинов, фанерного кряжа для авиазаводов, лыжных заготовок и другого спецассортимента.

В 1942 г. коллектив Ульяновского патронного завода им. Володарского за перевыполнение производственных планов и быстрое освоения производства новых видов военной техники был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В отчете Ульяновского горкома от 3 марта 1945 г. говорилось, что крупнейшим заводом оставался завод имени Володарского. За 3,5 года войны он дал продукции в два раза больше, чем за 22 предшествующих года. Выпуск валовой продукции в 1944 г. по сравнению с 1939 г. увеличился в 8 с лишним раз. За годы Великой Отечественной

³¹ Ефимов Ю.Д., Лосева В.И. Город тыловой // Мономах. 2000. №4. С. 13.

войны завод освоил целый ряд новых видов продукции для Красной Армии, широко внедряя рационализаторские предложения и изобретения, систематически наращивая темпы работы. Завод первым в стране применил укупорку изделий в тару из приготавливаемой им битумированной и гудронированной бумаги, что давало экономию в год 5 тысяч тонн оцинкованного железа и 400 тонн свинца³².

В итоге к концу 1942 г. промышленность Ульяновской области государственной план в целом выполнила на 98,7 %, но по сравнению с 1941 г. выпуск продукции увеличился на 33,6 %, или на 259 миллионов рублей. Полностью выполнили и перевыполнили планы оборонная промышленность, местная и общая, а также лесная и топливная. Удельный вес предприятий оборонной промышленности в 1943 г. составил 70 %. На предприятиях оборонной промышленности в этот период удалось развернуть социалистическое соревнование, которое сыграло важную роль в повышении производительности труда и снижении брака. Из постановления секретаря Ульяновского горкома ВКП(б) Курышкина от 15 октября 1942 г.: «...В результате развернувшегося соревнования объем промышленной продукции города в третьем квартале увеличился на 38 764 тысячи в сравнении со вторым кварталом. В сентябре... предприятия города дали прирост продукции, в сравнении с августом, на 2,8 миллионов рублей. В течение сентября завод имени Володарского выполнил программу на 107,1 % и получил вторично переходящее Красное Знамя ЦК ВКП(б). Спиртзавод № 2 выполнил программу на 130 % и во Всесоюзном соревновании занял третье место по НКПП (Народный комиссариат пищевой промышленности. – *Е.Х.*). Ряд других предприятий города выполнили и перевыполнили свои обязательства...»³³. Всего же за первые три года войны производительность труда на этих предприятиях выросла в четыре раза.

Промышленные предприятия выпускали продукцию, совершенно ранее не свойственную профилю того или иного предприятия. Так, например, Швейный комбинат имени Ворошилова, кроме солдатских шинелей, с ноября 1941 г. освоил выпуск парашютов³⁴. Спиртовая промышленность (восемь спиртовых заводов) также работала на нужды фронта. Заводы удвоили/утроили выпуск спирта-сырца и ректификаката высшего качества, который отправлялся не только на фронт, но и на фармацевтические предприятия, приборостроительные и авиационные заводы³⁵.

Многие предприятия легкой и текстильной промышленности годовой план 1943 г. выполнили досрочно и со значительным перевыполнением. Так, ателье «Главтрикотажа» годовой план выполнило на 118,7 %, суконная фабрика имени Калинина – на 102,1 %, суконная фабрика Третьего Интернационала – на 101,9 %. Ульяновский обком ВКП(б) 29 ноября 1943 г. направил сообщение в ЦК партии о том, что октябрьская программа машиностроительной промышленностью выполнена на 101,1 %, пищевой промышленностью – на 109,1 % и местной – на 100,2 %³⁶. Значительных успехов добились коллективы оборонных предприятий в деле рационализаторства и изобретательства, что приносило ежегодной экономии на сумму свыше 15 миллионов рублей³⁷. В документах районного комитета ВКП(б) отмечалось, что на заводе «Контактор» проведен ряд мероприятий по организации месячника сбора и внедрения рационализаторских предложений. За июнь месяц 1943 г. в технический отдел завода от рабочих поступило 27 рационализаторских предложений, все они

³² Ильин И.С., Преснякова В.В. История Ульяновского приборостроительного завода ОАО «Утес». Ульяновск, 2006. С. 15.

³³ ГАНИ УО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1945. Л. 119–121.

³⁴ ГАУО, Ф. 634. Оп. 1. Д. 23. Л. 71.

³⁵ Там же. Л. 72–73.

³⁶ Чернов М.В. Ульяновск и Ульяновская область – фронту. Ульяновск, 2012. С. 101.

³⁷ ГАНИ УО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 171. Л. 13.

были быстро рассмотрены, и 24 из них реализованы. Внедрение рационализаторских предложений дало экономию средств в сумме 27 300 рублей, улучшение качества продукции, сокращение сроков изготовления отдельных частей, меньшую затрату рабочей силы. Так, например, применение стальных винтов вместо латунных, получение серноокислотного цинка из металлического цинка дали возможность работать без приобретения остродефицитных материалов³⁸.

Значительный вклад в военную экономику страны вносили и другие отрасли промышленности области. Так, предприятия легкой промышленности за период войны выработали 20 517 тысяч метров шинельного сукна, пошили 4017 шинелей³⁹.

Легкая промышленность Ульяновской области в военное время занимала второе место по удельному весу и работала в основном для обеспечения нужд Красной Армии. Производственные показатели легкой промышленности росли, но план не выполнялся. Так, швейные фабрики не додали армии 420 тыс. шинелей. Суть проблемы состояла в недостаточном количестве ресурсов, в особенности электроэнергии, топлива и транспорта, без которых простаивала текстильная промышленность. Например, на Мулловской суконной фабрике в 1943 г. не было ни одной исправной автомашины, в результате чего фабрика не заготовила топливо и не смогла выполнить план по производству шинельного сукна. В пищевой промышленности план выполнили только те предприятия, которые активно привлекали местные ресурсы Маслопромтреста⁴⁰.

Эвакуация предприятий, учреждений, организаций, граждан и размещение воинских частей явились серьезным испытанием для города. Главнейшими проблемами стали жилье, снабжение продовольствием, топливом, электроэнергией и водой. Уже 7 июля 1941 г. горсоветом была утверждена норма жилплощади на одного человека в 5 кв. м, но на практике получилось еще меньше. Например, в общежитии рабочих фабрики имени КИМ в шести комнатах общей площадью в 86 кв. м проживал 51 чел. На одного человека приходилось по 1,6 кв. м. Эвакуированных расселяли в квартирах ЖЭКов, частных домах путем уплотнения владельцев, а также в школьных зданиях, клубах, в «благоустроенных» подвалах, на ремонт которых в 1942 г. было выделено 250 тыс. руб. Всего для размещения эвакуированных рабочих и служащих было предоставлено свыше 87 тыс. кв. м жилья. За годы войны открылось 66 новых общежитий.

Выводы

Великая Отечественная война, несмотря на ее тяготы и лишения, а также материальные и другие издержки, явилась мощным стимулом в мобилизации всех скрытых резервов и материальных возможностей, а также трудового энтузиазма населения страны.

Ульяновский округ – сельский и малоразвитый в промышленном отношении район Средневолжской области не получил должного индустриального развития в годы первых пятилеток, так как не имел укоренившихся индустриальных традиций, энергетической и социальной инфраструктуры, пропуская вперед более развитые в этом отношении регионы страны.

Захват в результате вероломного нападения нацистской Германией значительных территорий страны, вывод из оборота огромного производственного и людского потенциала западных районов СССР заставили советское руководство обратить

³⁸ ГАНИ УО. Ф. 100. Оп. 1. Д. 7. Л. 101.

³⁹ Хренов Н.И., Белов А.И. Ульяновская область в годы Великой Отечественной войны. Саратов, 1974. С. 8.

⁴⁰ ГАНИ УО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 309. Л. 7 об., 8.

ся к Ульяновскому региону как объекту, идеально подходящему в условиях войны для создания важного экономического района, находящегося в незначительном отдалении от линии фронта.

Конечный успех в создании на территории Ульяновского округа промышленного района был предопределен не только его удачным географическим положением, но и эффективной работой руководителей как эвакуируемых, так и местных предприятий, которые сумели создать необходимые условия для приема огромного количества вагонов с оборудованием, работников прибывающих предприятий и членов их семей. Во-вторых, сотрудники эвакуируемых предприятий – рабочие и ИТР, население города были охвачены высоким трудовым подъемом, проявляли трудовой героизм и самопожертвование. В-третьих, в решении сложных проблем в полной мере проявилась смекалка, инженерный талант как руководителей, так и рядовых сотрудников. Особенно это видно из приведенных в статье примеров создания в течение одного месяца чертежей и технологической карты для выпуска требуемых фронту малолитражных двигателей, организации непрофильных производств. Быстро ставили на поток производство таких сложных, несвойственных эвакуированным предприятиям видов продукции, как пошив парашютов, сборка корпусов снарядов и мин, разработка и производство малолитражных двигателей и т.п.

Создать новый промышленный район удалось во многом благодаря тому, что местные органы власти добились мобилизации рабочей силы в требуемых объемах. Ряды высоко квалифицированной рабочей силы быстро и в необходимом количестве пополнили женщины, подростки, старшекласники, а также сельские жители.

Таким образом, Ульяновский округ, г. Ульяновск справились полностью с возложенными на них задачами, связанными с эвакуацией и размещением перемещенных предприятий, переводом действующих предприятий на военные рельсы. Руководители округа, опираясь на эмоциональный подъем и трудовой героизм населения, сумели в сложнейших условиях наладить работу эвакуированных предприятий на новых, мало приспособленных территориях, организовать в сжатые сроки выпуск на них вооружения, патронов, боевой техники, производство снаряжения и автомобилей и внести существенный вклад в нашу общую победу.

Рукопись поступила: 26 марта 2020 г.

Submitted: 26 March 2020.

Библиографический список

- Ванчинов Д.П.* Военные годы Поволжья (1941–1945). Саратов: Саратовский университет, 1980. 325 с.
- Ефимов Ю.Д.* Ульяновск и Ульяновская область в годы Великой Отечественной войны. Ульяновск: Симбирская книга, 1995. 65 с.
- Ефимов Ю., Лосева В.* Город тыловой // *Мономах*. 2000. № 4. С. 11–25.
- Зотов В.П.* Пищевая промышленность в предвоенные годы и во время Великой Отечественной войны // *Вопросы истории*. 1972. № 9. С. 91–102.
- Зинич М.С.* Будни военного лихолетья 1941–1945. М.: ИРИ, 1994. 210 с.
- Ильин И.С., Преснякова В.В.* История Ульяновского приборостроительного завода ОАО «Утес». Ульяновск: УГУ, 2006. 260 с.
- Кантор Л.М.* Промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та экономики и финансов, 1991. 93 с.
- Малин В.Н., Коробов А.В.* Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М.: Госполитиздат, 1957. 410 с.
- Мударисов И.* Боевых лет машина // *Народная газета*. 2002. № 64. С. 3–7.
- Мышенцев Н.П.* Индустриальное Поволжье в годы Великой Отечественной войны; Партийное руководство промышленностью. Саратов: Саратовский университет, 1988. 163 с.

- Смирнов П.И. Эшелоны идут на восток. М.: Наука, 1966. 263 с.
- Фомин Н.Д., Григорченко В.Г. Наш край (1941–1975 годы): документы и материалы. Ульяновск: Приволжское книжное издательство, 1978. 230 с.
- Хренов Н.И. Ульяновская область в годы Великой отечественной войны. Документы и материалы. Саратов: Приволжское книжное издательство, 1974. 307 с.
- Чадаев В.Я. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Мысль, 1965. 320 с.
- Чернов М.В. Ульяновск и Ульяновская область – фронту. Ульяновск: УлГТУ, 2012. 395 с.
- Чуканов И.А., Хапаев Е.А. Подготовка производственных кадров на промышленных предприятиях Ульяновской области (округа) в годы Великой Отечественной войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 3. С. 683–699.
- Юмашев М.И., Жалейко Б.А. Сборники законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 – июнь 1944 гг. М.: Госюриздат, 1956. 320 с.
- Юмашев М.И., Жалейко Б.А. Сборник документов и материалов по вопросам труда в период Великой Отечественной войны, 22 июня 1941 года – 5 января 1944 года. М.: [Б.и.], 1944. 378 с.

References

- ChadayeV, V.Ya. *Ekonomika SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny*. Moscow: Mysl' Publ., 1965 (in Russian).
- Chernov, M.V. *Ulyanovsk i Ulyanovskaya oblast' – frontu*. Ulyanovsk: UIGTU Publ., 2012 (in Russian).
- Chukanov, I.A., and Khapayev Ye.A. “The training of production personnel at industrial enterprises of Ulyanovsk region during the Great Patriotic War.” *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 3 (2019): 683–699 (in Russian).
- Fomin, N.D., and Grigorchenko, V.G. *Nash kray (1941–1975 goda): dokumenty i materialy*. Ulyanovsk: Privolzhskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1978 (in Russian).
- Il'in, I.S., *Presnyakova V.V. Istoriya Ulyanovskogo priborostroitel'nogo zavoda OAO «Utes»*. Ulyanovsk: UGU Publ., 2006 (in Russian).
- Kantor, L.M. *Promyshlennost' SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny*. St. Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta ekonomiki i finansov Publ., 1991 (in Russian).
- Khrenov, N.I. *Ulyanovskaya oblast' v gody Velikoy otechestvennoy voyny. Dokumenty i materialy*. Saratov: Privolzhskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1974 (in Russian).
- Malin, V.N., and Korobov, A.V. *Direktivy KPSS i Sovetskogo pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam*. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1957 (in Russian).
- Mudarisov, I. “Boyevykh let mashina.” *Narodnaya gazeta*, no. 64 (2002): 3–7 (in Russian).
- Myshentsev, N.P. *Industrial'noye Povolzh'ye v gody Velikoy Otechestvennoy voyny; Partiynoye rukovodstvo promyshlennost'yu*. Saratov: Saratovskiy universitet Publ., 1988 (in Russian).
- Smirnov, P.I. *Eshelony idut na vostok*. Moscow: Nauka Publ., 1966 (in Russian).
- Vanchinov, D.P. *Voyennyye gody Povolzh'ya (1941–1945)*. Saratov: Saratovskiy universitet Publ., 1980 (in Russian).
- Yefimov, Yu.D. *Ulyanovsk i Ulyanovskaya oblast' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny*. Ulyanovsk: Simbirskaya kniga Publ., 1995 (in Russian).
- Yefimov, Yu., and Loseva, V. “Rear city.” *Monomakh*, no. 4 (2000): 11–25 (in Russian).
- Yumashev, M.I., and Zhaleyko, B.A. *Sborniki zakonov SSSR i Ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR. 1938 – iyun' 1944 gg.* Moscow: Gosyurizdat Publ., 1956 (in Russian).
- Yumashev, M.I., and Zhaleyko, B.A. *Sbornik dokumentov i materialov po voprosam truda v period Velikoy Otechestvennoy voyny, 22 iyunya 1941 goda – 5 yanvarya 1944 goda*. Moscow: [S.n.], 1944 (in Russian).
- Zotov, V.P. “Pishchevaya promyshlennost' v predvoyennyye gody i vo vremya Velikoy Otechestvennoy voyny.” *Voprosy istorii*, no. 9 (1972): 91–102 (in Russian).
- Zinich, M.S. *Budni voyennogo likholet'ya 1941–1945*. Moscow: IRI Publ., 1994 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Хапаев Евгений Александрович, аспирант кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова.

Evgeniy A. Khapayev, postgraduate student at the Department of History, Ilya Ulyanov State Pedagogical University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-920-933>

Научная статья / Research article

Лжедмитрий I в польско-литовском общественно-политическом мнении 1603–1604 гг.

Н.В. Эйльбарт

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена;
191186, Россия, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48; ejlbart@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена реконструкции общественно-политического резонанса среди правящей элиты Речи Посполитой, вызванного появлением в Польше Лжедмитрия I. Реконструкция основана на письмах членов сената королю Сигизмунду III, написанных в ответ на его вопрос о том, как следует поступать с человеком, называющим себя сыном Ивана Грозного и наследником московского трона. Помимо этого вторая часть исследования основывается на инструкциях, данных шляхтой различных земель Речи Посполитой депутатам, отправляемым на сейм в Варшаве, который должен был состояться в январе 1605 г. На нем шли бурные дискуссии относительно похода Лжедмитрия I на Москву, поэтому данные инструкции также являются ценным историческим источником. Письма польских сенаторов, приведенные в настоящей статье, ранее коротко упоминались в исследованиях, посвященных Смутному времени, в настоящее время они хранятся в отделе рукописей Курницкой библиотеки Польской академии наук. Среди них письма канцлера Я. Замойского, литовского гетмана Я. Ходкевича, краковского кастеляна Я. Острожского, познанского кастеляна Я. Острога, брацлавского подкомория Л. Пясечинского, познанского епископа Л. Гослицкого, плоцкого воеводы С. Красинского и сандомирского кастеляна С. Тарновского. В настоящей статье впервые в полном объеме представлены выполненные нами переводы на русский язык фрагментов этих писем, касающихся Лжедмитрия I, поскольку присутствующий в исторической литературе их короткий анализ не отражал всей полноты эмоций и чувств польской правящей элиты относительно данного вопроса. В результате знакомства с вышеназванными источниками мы пришли к выводу о том, что в полном составе польский сенат был против выдачи самозванца Московскому государству, а в числе этих сенаторов был также канцлер Я. Замойский. Относительно дальнейшей судьбы «царевича» мнения расходились, однако они также носили весьма осторожный характер и не призывали к его немедленной поддержке со стороны короля и Республики.

Ключевые слова: Речь Посполитая, Московское государство, Лжедмитрий I, Сигизмунд III, польско-литовская элита, общественное мнение

Для цитирования: *Эйльбарт Н.В.* Лжедмитрий I в польско-литовском общественно-политическом мнении 1603–1604 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 4. С. 920–933. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-920-933>

The False Dmitry I in Polish-Lithuanian Public and Political Opinion 1603–1604

Nataliya V. Eylbart

The Herzen State Pedagogical University; 48, Moika Emb., St. Petersburg, 191186, Russia;
ejlbart@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the reconstruction of the socio-political resonance among the ruling elite of the Polish-Lithuanian Commonwealth, caused by the emergence in Poland of False Dmitry I. The Reconstruction based on the letters of members of the Senate to king Sigismund III, written in

response to his question about how to deal with a man calling himself the son of Ivan The Terrible and heir to the Moscow throne. The second part of the study is based on instructions given by the gentry of the various States of the Polish-Lithuanian Commonwealth to deputies sent to the Sejm in Warsaw, which was to be held in January 1605. There were heated discussions about the campaign of False Dmitry I to Moscow, so these instructions are also a valuable historical source. The letters of Polish senators cited in this article were previously briefly mentioned in studies on the Time of Troubles. They are currently stored in the manuscript Department of the Kurnick library of the Polish Academy of Sciences. Among them are letters from Chancellor Y. Zamoyski, Lithuanian Hetman Y. Khodkiewicz, Krakow castellan Y. Ostrozhski, poznań castellan Y. Ostrorog, Bratslav podkomor L. Piaseczynski, poznań Bishop L. Goslicki, Plock voivode S. Krasinski and Sandomierz castellan S. Tarnowski. This article presents for the first time in full the translations of fragments of these letters concerning False Dmitry I, since their brief analysis in the historical literature did not reflect the fullness of the emotions and feelings of the Polish ruling elite regarding this issue. As a result of full acquaintance with the sources, we came to the conclusion that the full Polish Senate was against the extradition of the impostor to the Moscow state, and among them was also the Chancellor Y. Zamoyski. Opinions differed as to the future of the “Prince,” but they were also very cautious and did not call for his immediate support from the king and the Republic.

Keywords: Polish-Lithuanian Commonwealth, Moscow state, False Dmitry I, Sigismund III, Polish-Lithuanian elite, public opinion

For citation: Eylbart, Nataliya V. “The False Dmitry I in Polish-Lithuanian Public and Political Opinion 1603–1604.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 4 (November 2020): 920–933. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-920-933>

Введение

В свете многочисленных оценок, которые даются исследователями Смутного времени его первой фазе – появлению на исторической арене Лжедмитрия I, пребыванию претендента в Польше и походу на Москву, ключевым моментом является определение степени участия в судьбе «Иоаннова сына» польской политической элиты (как светской, так и духовной), короля и в целом польско-литовского государства. Действительно, степень этого участия имеет решающее значение в анализе морально-нравственной составляющей взаимоотношений России и Польши, в попытке найти ответ на вопрос, была ли польская политика враждебной Московскому государству на первом этапе самозванства или же ее в большей мере можно охарактеризовать как выжидательную и нейтральную. Нам представляется, что историческая концепция, уходящая своими корнями в дореволюционную российскую историографию, считающая самозванство Лжедмитрия I «польскими кознями», «гнусной польской интригой», «адским замыслом против Московского государства»¹, практически без изменений была транслируема советской исторической наукой. С.Ф. Платонов, например, отмечал, что польское правительство «готово было оказать помощь Димитрию и в пределах международных приличий, не совсем явно и не вполне официально»². В постсоветский период на этот счет писалось немало работ, в ряде из них данная точка зрения ставилась под сомнение. В.И. Ульяновский, например, отмечал, что «поляки не имели особых заслуг в борьбе Лжедмитрия I за престол»³. В.Н. Козляков в монографии «Лжедмитрий I» полагал, что «сенаторы предостерегали короля» от поспешных, решительных и необдуманных действий в отношении объявившегося в польских пределах «московского господарчика», а их советы «должны были бы отвратить его от поддержки самозванца»⁴. Близкая точка зрения

¹ Иловайский Д.И. Новая династия. М., 2003. С. 5.

² Платонов С.Ф. Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков. М., СПб., 2007. С. 83.

³ Ульяновский В.И. Российские самозванцы: Лжедмитрий I. Кив, 1993. С. 104.

⁴ Козляков В.Н. Лжедмитрий I. М., 2009. С. 53.

характерна для работ польских исследователей (А. Гиршберга, А. Андрусевича, Д. Черской), а также американского исследователя Смутного времени Ч. Даннинга⁵.

Мы уже касались данной темы в одной из предшествующих работ⁶, однако сегодня появилась возможность расширить источниковую базу исследования и более подробно коснуться политических умонастроений, царивших в Речи Посполитой после появления на ее территории первого Лжедмитрия. Дабы преодолеть явные противоречия, имеющие место быть в посвященных самозванцу и Смуте исследованиях и ответить на вопрос, какова была степень поддержки «московского господарчика» в общественно-политическом мнении тогдашней Речи Посполитой, мы традиционно обращаемся к источникам польского происхождения. В отделе рукописей Курницкой библиотеки Польской академии наук (Biblioteka Kórnicka, ВК) сохранились копии писем польских сенаторов королю Сигизмунду III, а также копии инструкций, выработанные местными сеймиками на общий варшавский сейм 1605 г., где обсуждался вопрос о поддержке Лжедмитрия, они и послужили источниковой базой для настоящей статьи. К анализу части этих документов в разное время прибегали, например, Н.И. Костомаров, А. Гиршберг, А. Андрусевич и др., однако он носил обобщающий характер, а перевод на русский язык данных источников в отечественной литературе еще не публиковался. В настоящей статье мы не только вновь в совокупности анализируем эти документы, используя ряд общенаучных и специальных исторических методов (сопоставления, индукции, дедукции, историко-генетический, историзма), но приводим их полный перевод на русский язык (под этим мы подразумеваем полный перевод фрагментов, касающихся Лжедмитрия), что позволит исследователям в дальнейшем судить об их содержании, а следовательно, об умонастроениях магнатов и шляхты, более предметно.

Колебания Сигизмунда III в отношении Лжедмитрия

В отечественной исторической литературе, касающейся Смуты, как уже отмечалось выше, довольно распространенным является аспект морально-нравственного порицания польского короля Сигизмунда III Вазы, по сути разрешившего своим подданным поддерживать Лжедмитрия, несмотря на заключенный с Московским государством мир. При знакомстве с королевской корреспонденцией возникает мысль о том, что в свою очередь сам Сигизмунд весьма боялся нарушения мира со стороны Бориса Годунова, и убежденный некоторыми из своих подданных в опасности, исходящей со стороны восточного соседа, пытался интригой с самозванцем не допустить, как ему казалось, грозящего Речи Посполитой нападения.

Донесение брацлавского подкомория Лавра Пясечинского королю от 20 октября 1603 г., копия которого хранится в Курницкой библиотеке, свидетельствует о действительно большой озабоченности, которую испытывал Сигизмунд относительно известий о появившемся в его владениях самозванце. Уже тогда он боялся «смятения умов», которое пришелец мог произвести среди православной шляхты. По монаршему приказу Пясечинский приехал на Украину в Брацлавское воеводство дабы убедить дворянство дать очередной нужный королю налог, поскольку дворянство соседних воеводств, Киевского и Волынского, отказалось это делать, и Сигизмунд опасался, что эти умонастроения распространятся среди православной

⁵ *Hirszberg A. Dymitr Samozwaniec. Lwów, 1898; Andrusiewicz A. Dzieje Dymitriad 1602–1614. Nadzieje i oczekiwania. Warszawa, 1990; Czerska D. Dymitr Samozwaniec. Wrocław, 1995; Даннинг Ч. Царь Дмитрий // Вопросы истории. 2007. № 1. С. 39–58.*

⁶ *Эйльбарт Н.В. Лжедмитрий I и политическая элита Речи Посполитой: мифы и факты // Вестник ЗабГУ. 2012. № 12. С. 19–27.*

шляхты и Брацлавского воеводства⁷. В послании государю Пясечинский отмечает, что положение на Украине «весьма небезопасно» и королевский староста Михаил Ратомский подвергается опасности со стороны остерских православных бояр и мещан⁸. «Дела между паном старостой остерским и боярами и мещанами остерскими, возложенные на меня вашим королевским величеством, милостивым моим государем, я разрешил как мог и как разумел», – докладывает Пясечинский королю. – «Но правду говоря вашему королевскому величеству, настало время этому старосте освободиться от опеки этого своевольного холопства, когда, как и при бытности моей там они говорили ему грубые слова и грозили кулаком, немало с ним не считаясь, что весьма небезопасно в этой Украине»⁹.

Биография Л. Пясечинского свидетельствует о том, что это был верный Сигизмунду человек, возвысившийся благодаря королевским милостям, заняв в 1591 году пост одного из сорока королевский секретарей. Будучи, по мнению государя, знатоком Украины и пользующийся авторитетом среди шляхты Брацлавского воеводства, он постоянно посылался от двора на восточные окраины Речи Посполитой с какими-либо делами. Примечательно, что еще летом или ранней осенью 1603 года Сигизмунд дает брацлавскому подкоморию поручение между прочим разузнать о человеке, выдающем себя за царевича Дмитрия. Мы полагаем, что Пясечинский не был заинтересован в сотрудничестве с магнатской группировкой, активно продвигавшей дело лжецаревича на политической арене Речи Посполитой (как мы указали выше, он пренебрежительно отзывался и об остерском старосте Михаиле Ратомском, в будущем активном участнике дела Лжедмитрия I), а посему можно полагаться на объективность того известия, которое он отправляет королю в октябре 1603 года. В частности, он пишет о пришельце следующее: «Что касается молвы в государствах вашего королевского величества о некоем московском господарчике, который именуется сыном московского князя Ивана Васильевича, известного тирана. Как я получил известие, будучи тут в этой Украине, государство Московское весьма встревожено, и земля бурлит. В украинских замках сменяют воевод, видно для дела, и войска наготове. Люди говорят, что князь Борис не желает соблюдать перемирие с вашим королевским величеством, то, что я тут узнал, доношу вашему королевскому величеству как моему государю. Слышно также и то, что немалая часть людей в Москве согласны на этого самого господарчика, и Борис расправился с ними силой тирании»¹⁰.

Исходя из этого донесения, в целом становится понятным поведение Сигизмунда относительно самозванца. Возможно, решающее значение для его величества имели мнения таких проверенных посланников, как Пясечинский, а вовсе не отписки своевольных и лицемерных членов сената или ходатайства за самозванца папского нунция или краковского епископа Мациевского, кузена сандомирского воеводы Мнишка, ставшего его главным покровителем. Волнения на Украине, конечно, вызывали опасение короля и в плане того, что мнимый сын Ивана Грозного мог возглавить казацкую вольницу и повести ее куда угодно (о чем, кстати, предупредил короля и хелминский епископ и коронный секретарь Л. Гембицкий). Значит, по мнению его величества, с этим нужно было что-то делать, как минимум призвать в польскую столицу самозванца и его покровителей. С другой стороны, решение поддержать Лжедмитрия созрело у короля и потому, что Пясечинский докладывал также о смятении в Москве, о поддержке Лжедмитрия большей частью насе-

⁷ Pulaski K. Trzy poselstwa Ławryna Piaseczyńskiego do Kazi Gireja, hana Tatarów perekopskich // Przewodnik Naukowy i Literacki. 1911. Т. 39. Р. 135–145.

⁸ Акты об украинской администрации в XVI–XVII вв. Киев, 1907. С. 413.

⁹ ВК 01398, к. 90.

¹⁰ Там же.

ления и главное о том, что Борис Годунов не намерен соблюдать мир и желает первым напасть на Речь Посполитую. Сложно судить, видел ли сам брацлавский подкоморий приготовления «москвы» на границе к нападению, или же сознательно эту идею «подбросил» ему с определенной целью староста Ратомский. Главное – эта информация дошла до короля и заронила в его душу подозрение в ненадежности мира с Борисом. Думается, что движения в пограничных русских крепостях, описанные Пясечинским, действительно имели место быть, однако связаны они были в свою очередь с опасением, что мир не будет соблюдать Сигизмунд и, возможно, поддержит московского самозванца.

Таким образом, встревоженный известиями, доложенными ему Пясечинским, Сигизмунд назначает арендаторам своих земель заплатить кварту (то есть положенную четверть доходов) на обеспечение «обороны Русских краев» (как мы узнаем из ответного письма к нему от познанского кастеляна Яна Остророга). Становится ясным, что король заранее, до приглашения самозванца и его покровителей в Краков, утвердился в мысли оказать ему благосклонность и предупредить, как ему казалось, исходящую от Московского государства угрозу нападения на Речь Посполитую. В феврале 1604 года он рассылает членам сената официальное письмо, полное перечислений доказательств «подлинности» царевича и тех выгод, которые «сын Грозного» может принести Речи Посполитой, не преминув подчеркнуть опасность, исходящую на границе от людей, верных Годунову. О полном содержании письма мы можем судить по варианту, отправленному хелминскому епископу и коронному секретарю Л. Гембицкому, сохранившемуся в Государственном архиве Швеции и переведенного нами на русский язык¹¹.

Мнения польских сенаторов об оказании поддержки Лжедмитрию

С конца февраля по апрель 1604 года королю начинают приходить письма, содержащие ответы на поставленные вопросы. К сожалению, до нас дошло менее половины этих писем, однако, на наш взгляд, они отражают общую тенденцию и, по сути, очень осторожны в суждениях.

Рассмотрим несколько писем польских сенаторов, которые еще не были предметом наших исследований. Следует еще раз подчеркнуть, что все они (кроме фрагментов письма Я. Замойского королю) на русский язык переводятся впервые. Письмо познанского епископа Лаврентия (Вавжиньца) Гослицкого к королю от 27 февраля 1604 г. озвучивает едва ли не самую жесткую из всех ответивших позицию (в этом Гослицкий солидарен со своим коллегой, также представителем польского католического духовенства, Л. Гембицким, чей ответ мы приводили в одной из наших работ)¹². «Что касается москвитянина Димитрия, что якобы является сыном Ивана Васильевича», – пишет епископ, – «то тут есть на что обратить внимание и такой возможностью не стоит пренебрегать. Но мне, вашему слуге, и Совету при вашей королевской милости, вещи эти кажутся туманными, а точнее вымышленными людьми, не заслуживающими доверия, которых ваша королевская милость изволит упоминать в своем письме. Мудрые люди опасаются того, чтобы не принять вещей ложных за правдивые и не сделать на них ставку. Примером является валашская земля, начиная еще от Деспота до самого Яникулы и многих таковых иных, что надевали на себя маску потомков валашских, коими не были, и бесславно также погибли. Мир теперь кишит мошенниками, и такими, что желают быть государями, а как мы видим, это не трудно. Ваша королевская милость узнали это на примере Михалки Разумного и иных.

¹¹ *Эйльбарт Н.В.* Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции: Комментированный перевод и исторический анализ. Новосибирск, 2013. С. 23–25.

¹² *Эйльбарт Н.В.* Лжедмитрий...

Но теперь существуют сомнения насчет хорошего исхода этого дела. Ваша королевская милость изволите видеть, что делается в Речи Посполитой, какую вражду она познала, какое смятение у людей, какой недостаток в деньгах, какие плохие урожаи и почти вымирание подданных, а посему из этого дела по моему мнению не получится ничего хорошего. Принимая это во внимание, Речь Посполитая могла бы ввязаться в большие опасности, от чего упаси Бог. А может быть и так, что придется порушить мир с Московским, тогда неприятелям короны будет дан предлог вступить друг с другом в союз против вашей королевской милости. Ничего не предпринимая, однако же, мне кажется нужно послать к Московскому гонца и узнать, что там происходит и рассказать ему, что до вашего королевского величества доходят известия: у границ коронных находятся люди, что желали бы нарушить общественное спокойствие и происходит это помимо воли вашего королевского величества и в тайне от вас. Спросить его, что с этим делать дальше, а за этим и время укажет дорогу к дальнейшим поступкам. Прошу ваше королевское величество не вербовать никаких солдат, что в поисках счастья и удачи придут к нам домой. Этому же Димитрию втайне говорить добрые слова и не отвращать от нас его сердце. Время покажет нам ко всему дальнейший путь... Господь Бог да ниспошлет удачу вашему королевскому величеству в том, чтобы ранее назначенного часа получить кварту от господ арендаторов земель ваших. К чему присоединиться и я рад, ибо *necessitas frangit legem*¹³. Я уже не вижу способа получения денег и кого смог бы я опередить с этой квартирой, но желаю о том стараться»¹⁴.

Ян Остророг, познанский кастелян, отвечает Сигизмунду III 8 марта 1604 года. Прежде всего, стоит отметить, что в отличие от предыдущих корреспондентов короля Остророг называет претендента на русский престол не «господарчиком» («*hospodarczyk*»), а именно «царевичем» («*carewicz*»). Однако его дальнейшие рассуждения о судьбе «Иоаннова сына» идут не в столь же благоприятном для самозванца русле. «Что касается царевича», – пишет Остророг, – «я очень опасуюсь, что вещь эта может быть вымышленной, в письме писать этого не пристало; если дело это как-то не обрзается, я буду говорить об этом на сейме со своего места то, что Господь Бог даст мне уразуметь. Рассуждая о самой сути, если бы он и был тем, кем называется, тут есть над чем задуматься. С Борисом Годуновым заключен скрепленный присягой мир, дело это большое, и мы обещали ему помогать против его врагов, кем бы они ни были, любым способом. И если бы даже мы и хотели помочь [царевичу], что у нас за готовность? Обещать и то не стоит, ибо легким способом сего не достигнуть. На это нужно войско и война, а мы даже с нарушением права собираем лифляндскую кварту. Но, с другой стороны, висят над нами большие опасности и угнетения, которые не разрешены. Обыкновенных трудностей я уже и не упоминаю, говорю о главных, и понимаю так, что со всех сторон границы этой Короны должны быть в безопасности. Начинать же новую вербовку солдат – вещь весьма опасная, поэтому если не оставить эту мысль вовсе, тогда по крайней мере на этот счет нужно основательно советоваться. Ваше королевское величество изволит вспоминать в письме своем весьма заманчивые вещи для расширения, славы и будущей безопасности Речи Посполитой, но нужно опасаться, чтобы, оттолкнувшись от одного берега, не оказаться во власти борецов. С той стороны стоит войско и упаси Бог чтобы [Годунов] не начал первым, и на это нет ничего лучше предпринять вашим королевским величеством и Речью Посполитой, как *uno ius Regum*¹⁵, которое гласит взяться *in armis*¹⁶, чтобы оно не было использовано против нас. Таким образом, дело это я понимаю так, что было

¹³ Необходимость ломает закон (лат.)

¹⁴ ВК 01398, к. 92.

¹⁵ Одно право королей (лат.)

¹⁶ За оружие (лат.)

бы лучше, чтобы этот царевич не приезжал к вашему королевскому величеству и то, что я пишу ниже, следовало бы учинить без его присутствия у вашего королевского величества. Потому как если он приедет, то его следует или заключить под стражу, или оказать милости, а если признать в нем царевича, то принять как друга. Первое – не по-христиански и *contra iura humanitatis*¹⁷, второе – уже открытая вражда с московским [князем], а ежели еще окажется, что царевич этот самозванец, будет от сего смех и увеличение числа неприятелей вашего королевского величества и Речи Посполитой. Но скоро он уже едет к вашему королевскому величеству, понимаю, *habendus humaniter*¹⁸ и должен увидеть милости и щедроты вашего королевского величества. Стоит сказать ему, что это великое дело, которое и ему *temere*¹⁹ небезопасно начинать, и вашему королевскому величеству помогать ему не пристало. Пообещать ему, однако же, если он настоящий, и если у него *subreptum Regnum*²⁰, принадлежащее ему, что *ex charitate Christiana et magnanimitate Regia*²¹, будете думать о том и советоваться, как только это возможно без ущерба для своей совести и славы Речи Посполитой, и согласно с безопасностью, дабы спасти его. Тем временем посоветовать ему, чтобы он не находился так близко от московского царя, неприятеля своего, в государствах вашего королевского величества, с которым начинать что-либо вашему королевскому величеству не пристало без дальнейшей уверенности в его происхождении, а потом и без основательных консультаций, которые исходили бы от чинов Речи Посполитой. Надлежит указать ему дорогу к Святому Отцу как к *Patrem communem*²², а наипаче *afflictorum*²³, чтобы не только очистился *viatico*²⁴, но и назначить с Неаполем небольшую пенсию, и все это делать *secretissime*²⁵, чтобы и Московский о том не ведал, и этот имел за что благодарить ваше королевское величество. Если же это самозванец, то сие скоро откроется, и он сгинет, если же истинный царевич, то вашему королевскому величеству, как христианскому государю, надлежит *sublevare*²⁶ ему, как страждущему человеку и как тому, в ком течет царская кровь, ибо сами вы являетесь великим королем. Но также нужно издали удерживать его от тех вещей, о которых ваше королевское величество изволит вспоминать в своем письме. Это вашему королевскому величеству будет стоить мало, но может принести много доброго. Сам *casus mortis*²⁷ Бориса вернее отворил бы дорогу и широкие ворота к этим замыслам вашего королевского величества. Но и что-либо другое может Господь Бог указать. Однако сейчас я не советовал бы, чтобы он жил подле вашего королевского величества и предупреждая то, чтобы не было какого по этому поводу посольства от Московского, сразу предлагал бы отправить его от себя и заверить *de silentio*²⁸, а там чтобы кроме самого Святого Отца и нескольких кардиналов никому не открывался. Если отпустить его пастись самому, то я не думаю, чтобы ваше королевское величество не узнали о нем тогда, когда в нем появилась бы надобность, и чтобы он убежал к кому-то другому, кто мог бы его использовать против вашего королевского величества и Речи Посполитой»²⁹. На наш взгляд предложение Я. Остро-

¹⁷ Против человеческих прав (лат.).

¹⁸ Будет удостоен гуманного отношения (лат.).

¹⁹ Страшно (ит.).

²⁰ Украдено царство (лат.).

²¹ Из христианского милосердия и королевского великодушия (лат.).

²² Общему отцу (лат.).

²³ Страждущих (лат.).

²⁴ Причастием (лат.).

²⁵ В строжайшем секрете (лат.).

²⁶ Помочь (лат.).

²⁷ Случай смерти (лат.).

²⁸ Молчать (лат.).

²⁹ ВК 01398, кк. 96–97.

рога в отношении переключивания на римскую курию ответственности по делу самозванца достаточно оригинально, но и оно свидетельствует о том, что и у этого вельможи доводов «за» «царевича» было гораздо менее, чем «против».

Вопреки сложившемуся в отечественной и польской историографии мнению о том, что коронный канцлер и гетман Ян Замойский был категорически против московского самозванца, мы считаем таковое весьма однобоким³⁰. Польские историки выражали подобную точку зрения с целью возвеличивания Замойского, бывшего и остающегося одним из столпов польской патриотической традиции. А посему, по их мнению, он просто не мог положительно отзываться о Лжедмитрии. «Требую присылки Димитрия в Краков», – отмечал польский историк К. Валишевский, – «Замойский, без сомнения, хотел только захватить царевича и этим живо положить конец предприятию... Таков был голос разумной Польши, голос мудро понятого национального блага»³¹. В этом же духе высказывался и польский историк А. Гиршберг: «Смелым планам [короля] решительно препятствовал Замойский. Также в обширном письме он заявил, что подобная вооруженная поддержка самозванца была бы нарушением мира, недавно заключенного с Борисом, и таким образом вещь, противоречащей международному праву. Далее он представлял, с какими трудностями столкнулась бы Речь Посполитая, предпринимая борьбу с ним, без соответствующей подготовки и в связи с не вполне ясными взаимоотношениями с другими соседями, наконец, как далеки и сомнительны были бы те выгоды, которых даже в случае завоевания этим «князьком» московского трона, можно было бы ожидать. Это решительное выступление седого гетмана действительно удержало Сигизмунда от выполнения этих авантюрных планов, но к сожалению не отвратило его от всяческого участия в этом деле»³². Противником самозванца также называют Замойского польские историки А. Андрусевич³³, Д. Черска³⁴; русские историки П. Пирлинг и Н.И. Костомаров. По словам последнего, канцлер «вовсе не верил, чтобы Дмитрий был настоящий царевич, и считал опасным и бесчестным вмешивать в это дело Польшу без воли сейма»³⁵. «Во всяком случае, большинство сенаторов высказывали свое мнение с большой горячностью», – отмечал П. Пирлинг. – «Сенаторские письма пришли на Вавельский замок в первой половине марта. Резкие или уступчивые, они ничуть не помогли королю разобраться в сущности вопроса. Но эта корреспонденция оказалась чрезвычайно выгодной для Дмитрия. Его имя облетело всю Польшу; всюду рассказывалась его история; права его на царство подвергались самому серьезному обсуждению»³⁶.

Советская историография также отмечала патриотические настроения Замойского, в частности, Р.Г. Скрынников писал, что «гетман категорически отверг планы войны и подчеркнул, что авантюра, кроме ущерба, ничего не принесет Речи Посполитой»³⁷. Современный польский историк А. Андрусевич считает, что «на вершине власти происходила явная и скрытая борьба между двумя группами: сторонниками поддержки Дмитрия и его противниками»³⁸.

На наш взгляд, о позиции Замойского нельзя судить столь однозначно, как сделано это в вышеназванных работах. Хотя канцлер довольно недвусмысленно вы-

³⁰ Бутурлин Д.П. История Смутного времени в России в начале XVII века. М., 1841. С. 24.

³¹ Валишевский К. Смутное время. М., 1993. С. 101, 102.

³² Hirszberg A. Dymitr..., s. 35.

³³ Andrusiewicz A. Dzieje..., s. 136.

³⁴ Czerska D. Dymitr..., s. 28, 29.

³⁵ Костомаров Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. М., 1994. С. 87.

³⁶ Пирлинг П. Дмитрий Самозванец. Ростов-на-Дону, 1998. С. 82–83.

³⁷ Скрынников Р.Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987. С. 41.

³⁸ Andrusiewicz A. Dymitr Samozwaniec i Maryna Mniszech. Warszawa, 2009. P. 155.

ступал по этому вопросу на сейме 1605 года и письменно отказал королю в просьбе возглавить коронное войско и при помощи его водворить самозванца в Москве, однако его самое первое письмо на этот счет не выглядит столь бескомпромиссным. «Что касается московского господарчика», – пишет Замоиский королю 1 марта 1604 года, – «то и в истории, и в настоящее время, а именно в делах валашских, есть много примеров, чтобы некие особы брали себе чужие имена, другие же, однако, оказывались настоящими наследниками. Об этом московском еще не знаю, что думать. Его спасение похоже на *agnitio Parentum*³⁹ в комедиях. Если сейчас он находится близко от московской границы, то опасаясь, чтобы с той стороны не было какой-то свары. Сдается мне, чтобы ваше королевское величество до сейма изволили прятать его где-то подальше. *Interim*⁴⁰ ваше королевское величество с господами сенаторами и чинами извольте советоваться о том на сейме, и могут таким образом вещи эти раскрыться и показаться яснее. Не знаю, чтобы когда-нибудь поддерживали мы беглецов из Москвы, но их не выдавали. Далее препоручаю сие лучшему рассмотрению и вниманию вашего королевского величества и господ сенаторов»⁴¹. На наш взгляд, несмотря на дальнейшие высказывания Замоиского, направленные против самозванца, он по крайней мере действительно никогда не призывал выдать его обратно «москалям», а поэтому скорее всего оставлял для себя возможность политического маневра, и по крайней мере весьма примитивно было бы считать его «совестью польской нации», как о том писали авторы XIX века.

Письмо сразу от двух сенаторов, плоцкого воеводы Станислава Красинского и сандомирского кастеляна Станислава Тарновского само по себе необычно тем, что они сообща отвечают королю на личное со стороны государя обращение. Позиция С. Тарновского, если письмо его мы будем считать искренним довольно любопытна, поскольку сандомирский кастелян являлся тестем Замоиского и выражать политическую позицию, отличную от позиции канцлера, ему было бы не с руки. Однако оба эти сенатора происходили с юга Польши, где было некоторое количество сторонников самозванца, и, возможно, данное обстоятельство заставило их посмотреть на это дело чрезвычайно благосклонно. В письме от февраля 1604 года оба сенатора, являясь гостями на магнатской свадьбе в Шидлове, отвечают королю: «Что касается Дмитрия, московского князика, который в государствах вашего королевского величества называется родным сыном Василия Ивановича⁴², великого князя московского, и имеет при себе для доказательства сего верные доводы. Советуем вашему величеству, нашему милостивому государю, задержать его в Короне и считать тем, кем он сам себя считает и каковым считает его Москва, дабы таким образом был он страхом для Бориса Годунова, московского тирана, и князь московский всегда бы боялся того, что когда-либо с помощью вашего королевского величества и Речи Посполитой он может быть посажен на царство. Мы считаем, пускай этот Дмитрий приедет к вашему королевскому величеству, и ваше королевское величество чтобы изволили принять и трактовать его как государева сына. Засим, когда весть эта распространится, московский тиран вздрогнет, а подданные его, во мнении своем о нем, утвердятся. Отсюда большие прибавления были бы двум государствам вашего королевского величества, польскому и шведскому, если бы человек этот посажен был на трон силой оружия. Однако решение об этом пусть ваше королевское величество, наш милостивый государь, пусть оставит будущему сейму»⁴³.

³⁹ Узнавание родителей (лат.).

⁴⁰ Тем временем (лат.).

⁴¹ ВК 01398, к. 189.

⁴² Именно так значится в оригинале (прим. автора).

⁴³ ВК 01398, к. 181.

Литовский коллега Замойского, гетман Ян Карл Ходкевич, также отписался королю на его послание из Риги 19 марта 1604 года⁴⁴. Всецело поглощенный лифляндской компанией, нуждами армии и недоброжелательным приемом жителей Риги, он лишь кратко касался ситуации с самозванцем, однако и его позицию нельзя назвать неблагоприятной Лжедмитрию. Ходкевич не оставлял возможности поддержать его при других, более благоприятных обстоятельствах. Гетман, в частности, писал государю следующее: «Как я уразумел из письма вашего королевского величества, царевич московский чинит большую сумятицу в Москве и поднимает боевой дух людей, и дай Бог, чтобы к добру. Я, желая всяческих приращений отчизне, желая умножения славы вашего королевского величества, но так, чтобы ни один *dispendium*⁴⁵ на свете, поскольку дело это переменчивое, не послужил бы умалением того и другого. Случай заманчивый, но *eventus*⁴⁶ туманный, дела домашние не разрешены и, что наиболее важно, речь идет о перемирии, и если его порушить, то это никогда не принесло бы утешительного эффекта. В этом туманна *commoda*⁴⁷, а опасности верны, как человек молодой, предоставляю это более глубокому рассмотрению вашего королевского величества и господ сенаторов. Итак, я полагаю, что сначала необходим мир в отчизне, прежде чем захочется нам использовать эту оказию *ex oportunitate*»⁴⁸.

Письмо краковского кастеляна Януша Острожского неоднократно упоминалось в исторической литературе, в частности, подчеркивалось то, что он входил в число тех немногочисленных представителей польско-литовской элиты, кому самозванец был лично знаком еще до приезда в Краков. Как известно, в последующем князь Острожский довольно резко высказывался против предприятия самозванца и угрожал даже расправиться с теми, кто поддержит его вооруженной рукой⁴⁹, однако в первом письме он достаточно сдержан. 2 марта 1604 г. магнат пишет королю: «Во-первых, со стороны москвитянина, который называет себя наследником земли московской. Его я знаю несколько лет, вначале он пребывал немалое время в Дерманском монастыре ясновельможного князя, пана отца моего, потом у анабаптистов, кажется, участвовал в их церемониях. Далее, как несведущий, я не могу утверждать, кто он такой. Но дело это *magni momenti*⁵⁰, оно требует общего совета, их милостей господ сенаторов *per modum convocationis*⁵¹ собрать в месте, указанном вашим королевским величеством, чего в одиночку достигнуть трудно. Тем временем я считаю вещью наинужнейшей, чтобы москвитянин этот предстал перед вашим королевским величеством»⁵².

Мнения провинциальной шляхты о поддержке Лжедмитрия

Мнения сеймиков, то есть промежуточных собраний шляхты, избиравшей на них депутатов-посланников на общегосударственный сейм, также выглядят вполне в русле ответов сенаторов. Их мы можем почерпнуть в инструкциях, которые давали депутатам и которые сохранились очень хорошо. В то же время эти инструкции открывают нам и имена послов, большинство из которых принадлежало к старин-

⁴⁴ ВК 01398, к. 99.

⁴⁵ Убыток (лат.).

⁴⁶ Исход (лат.).

⁴⁷ Польза (лат.).

⁴⁸ По возможности (лат.).

⁴⁹ Тюменцев И.О. К вопросу о «скрытой интервенции» Речи Посполитой против России в 1604–1605 годах // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. № 2. С. 33; Граля Н. Киевские пожалования самозванцев 1604 и 1608 гг. // *Russia Mediaevalis*. 1997. Т. 9. № 1. С. 119–120.

⁵⁰ Важно (лат.).

⁵¹ Путем созыва (лат.).

⁵² ВК 01398, к. 95.

ным сенаторским родам, понесших волю шляхты от той или иной земли Речи Посполитой в столицу государства. Но необходимо понимать, что волеизъявление шляхты было вещью относительной, если не сказать эфемерной. В основе своей всегда нуждавшиеся в деньгах и лишенные политических амбиций мелкопоместные шляхтичи отдавали свои голоса тому или иному кандидату за плату. Вот как об этом саркастически писал современник, польский поэт XVII в. Даниэль Барковский в стихотворении «Банкет на сеймике»:

Пан перед сеймом зовет пировать,
Рада тому невеликая знать.
Но посчитаться-то надобно с паном,
Если откушаешь почек с шафраном,
Если напьешься у пана вина –
Честью воздать ему надо сполна,
Стало быть, выбрать на сейм в депутаты,
А коль не выберешь – жди-ка расплаты –
Ежели пан тебя станет поить –
Прежде узнай, чем за щедрость платить⁵³.

В Курницкой библиотеке сохранилось несколько инструкций от различных земель, данные депутатам, избранным на варшавский сейм 1605 г. в декабре предыдущего, 1604 г. Как известно, король не чинил препятствий для сторонников самозванца в начале их похода на Москву, однако формально вынужден был вынести этот вопрос на сейм, вероятно полагая, что само обсуждение проблемы послужит оправданием его тайным действиям. Сеймик Львовской, Саноцкой и Перемышльской земель, проходивший в местечке Сондова Вишня, избрал депутатами лиц, которые затем отметились в истории в качестве сторонников обоих российских Лжедмитриев: Яна Щенского Гербурта (ближайшего соседа Мнишков и личного друга сандомирского воеводы) и Мартина Стадницкого (будущего гофмейстера двора царицы Марины Мнишек). Несмотря на это, инструкция посла на счет поведения касательно вопроса о московском царевиче выглядела достаточно сдержанной. Одиннадцатый ее пункт гласил: «О царике московском, коим он зовется, пускай судят его королевское величество и господа сенаторы, *quid inde*⁵⁴ Речь Посполитая *detrimenti patiatur*⁵⁵»⁵⁶. Таким образом, мы видим, что и сторонники самозванца публично вели себя весьма осторожно, опасаясь всевозможных осложнений в случае неудачи.

Сеймик Киевского воеводства, несомненно, при влиянии князя Василия Острожского вынес несравнимо более жесткую резолюцию. В пятом пункте инструкций сказано: «За Дмитрием, царевичем московским, который какие-то *commoditates proropit*⁵⁷, необходимо пристально следить, чтобы не принес он этому государству еще большие трудности, но *ex ut magis non obsesset quam prodesser*⁵⁸. Однако же, посоветовавшись с другими представителями, если это бы было достойно похвалы, позволить, если же не достойно – тогда запретить». На полях инструкции также значится приписка-уточнение: «О москвитянине соглашаться с другими»⁵⁹.

Сеймик Люблинского воеводства скорее пребывал в замешательстве относительно самозванца, нежели готов был вынести основательную резолюцию: «О ца-

⁵³ Польская поэзия XVII века. Л., 1977. С. 124–125.

⁵⁴ Чтобы тогда (лат.).

⁵⁵ Не потерпела никакого ущерба (лат.).

⁵⁶ ВК 01398, к. 59.

⁵⁷ Раздает обещания (лат.).

⁵⁸ Скорее не мешать тому, что принесет пользу (лат.).

⁵⁹ ВК 01398, к. 45.

ревиче московском и о походе людей в московские земли против воли его королевского величества и с нарушением мирного договора. At ex re capundum exit consilium⁶⁰, потому что пока начнется сейм и пока он закончится могут об успехе тамошних дел прийти более точные вести, однако и об этом необходимо сноситься»⁶¹.

Инструкция, принятая на сеймике Дрогицкого повета Подляшского воеводства, призывала, «чтобы мирный договор был сохранен и согласно с этим договариваться с другими депутатами»⁶². Столь же осторожна была и инструкция депутатам от Серадзского воеводства⁶³.

Наконец, инструкция от сеймика Белзского воеводства, во главе которого стоял пожилой воевода Кристоф Нишицкий, оказалась наиболее жесткой из всех вышеперечисленных, в том плане, что однозначно рекомендовала говорить «нет» всяческому начинанию, касающемуся поддержки самозванца: «Своеволие солдатское чрезвычайно ширится, особенно на наших русских окраинах, а более того в это время, когда претерпели грабеж от тех, кто неизвестно по какому праву и неведомо по чьей воле и делу собирается в Москву. Мы желаем, чтобы нескольких из этих распутников лучше всего покарали на сейме *in facie totius*⁶⁴ Речи Посполитой... Дмитрия, московского господарчика, как зовут его, рождение и кондиции не выглядят правдоподобными, и удивительно для нас, кто и по какой причине и каким путем предпринял помощь ему *privata autate*⁶⁵, без постановления сейма. Ничего подобного до этого не случалось, и плохой это в Речи Посполитой пример. Неизвестно, куда это приведет, но знаем то, что ваше королевское величество с теперешним московским государем Борисом Годуновым недавно в Вильно присягнули на мирном договоре, а как для обычных людей, так и для монархов присяга священна, поскольку вашего королевское величество присягали не только за себя, но и за нас. Нам неизвестно, как тогда эти люди отважились начинать что-то против Бориса вопреки присяге вашего королевского величества»⁶⁶.

Выводы

Таким образом, в настоящей статье мы проанализировали некоторые источники, которые, на наш взгляд, достаточно достоверно отображают отношение польско-литовской политической элиты к появлению в пределах Речи Посполитой мнимого сына Ивана Грозного. По нашему мнению, это отношение характеризуется прежде всего осторожностью. Большая часть сената предпочла занять выжидательную позицию: никто из сенаторов не предлагал ни избавиться от самозванца раз и навсегда и выдать его Москве, ни с оружием в руках отстаивать его права на «отцовский престол». Скорее в Лжедмитрии видели запасной козырь, который следует использовать против Годунова и добиваться от него уступок, не прибегая, однако, к действительным военным действиям и не тратя на это и без того скудные средства Республики. Тем более равнодушной к делу претендента оказалась рядовая шляхта, следовавшая за теми магнатами, которые осуществляли властные функции на той или иной территории. Она не становилась и открыто враждебной этому начинанию, ибо между сеймиками и сеймами была предоставлена самой себе и боролась один на один со своими трудностями: малоземельностью и безденежьем, что заставляло

⁶⁰ С другой стороны, поступать в соответствии с обсуждениями (лат.).

⁶¹ ВК 01398, к. 74.

⁶² ВК 01398, к. 77.

⁶³ ВК 01398, к. 68.

⁶⁴ Именем всей (лат.).

⁶⁵ Частным образом самостоятельно (лат.).

⁶⁶ ВК 01398, к. 50-51.

ее искать покровительства более состоятельных и влиятельных собратьев, в том числе и тех, кто решил встать на сторону самозванца.

Из изученных нами документов Курницкой библиотеки следует, что польских король Сигизмунд Ваза благоприятственно отнесся к Лжедмитрию I не столько потому, что за него ратовали немногочисленные покровители и сам претендент обещал монарху приращение польской территории за счет Московского государства. На наш взгляд, главным желанием короля было осуществить «превентивный ход», ибо он боялся нарушения мира со стороны Годунова и на основании получаемых с границы сведений надеялся опередить противника и, по меньшей мере, запугать его появлением «Иоаннова сына».

Следует заключить, что если бы не решительная позиция узкого круга лиц, согласившихся поддержать самозванца людьми и деньгами, а также короля, склоненного этим кругом на свою сторону и движимого страхом возможного нарушения мирного договора с московской стороны, молчаливо соглашавшегося с его предводителями, судьба Лжедмитрия была бы подобна судьбе принца Густава Шведского. Скорее всего, мнимый Дмитрий превратился бы в вечного скитальца по Европе, совершенно бесполезного для недругов династии Годуновых. Ни польские светские и духовные сенаторы, ни шляхта во время пребывания претендента в Речи Посполитой в подавляющем большинстве своем открыто не встали на его сторону и не поддержали это дело. Однако дружественным в этом смысле их отношение к Москве назвать также нельзя: ни один из них не выразил мнение о том, чтобы выдать русскому государству самозванца, уверить Годунова в твердом намерении и дальше соблюдать заключенный посольством Л. Сапеги мирный договор. Исходя из этого, мы считаем польское общественное мнение в отношении Лжедмитрия I выжидательно-благосклонным, по отношению же к возглавляемому Годуновым Московскому государству – выжидательно-враждебным.

Рукопись поступила: 4 февраля 2020 г.

Submitted: 4 February 2020.

Библиографический список

- Бутурлин Д.П.* История Смутного времени в России в начале XVII века. М.: «Кучково поле», 1841. 210 с.
- Валишевский К.* Смутное время. М.: СП «квадрат», 1993. 310 с.
- Даннинг Ч.* Царь Дмитрий // Вопросы истории. 2007. № 1. С. 39–58.
- Иловайский Д.И.* Новая династия. М.: Астрель, 2003. 749 с.
- Козляков В.Н.* Лжедмитрий I. М.: Молодая гвардия, 2009. 255 с.
- Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. М.: Чарли, 1994. 799 с.
- Пирлинг П.* Дмитрий Самозванец. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1998. 480 с.
- Платонов С.Ф.* Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI и XVII веков. М.: АИРО–XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 204 с.
- Скрынников Р.Г.* Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск: Наука, 1987. 218 с.
- Тюменцев И.О.* К вопросу о «скрытой интервенции» Речи Посполитой против России в 1604–1605 годах // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. № 2. С. 30–41.
- Ульяновский В.И.* Российские самозванцы: Лжедмитрий I. Киев: Либидь, 1993. 289 с.
- Эйльбарт Н.В.* Лжедмитрий I и политическая элита Речи Посполитой: мифы и факты // *Вестник ЗабГУ*. 2012. № 12. С. 19–27.
- Эйльбарт Н.В.* Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции: комментированный перевод и исторический анализ. Новосибирск: СО РАН, 2013. 401 с.

- Andrusiewicz A. *Dzieje Dymitriad 1602–1614. Nadzieje i oczekiwania*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe ANS, 1990. 335 s.
- Andrusiewicz A. *Dymitr Samozwaniec i Maryna Mniszech*. Warszawa: Świat Książki, 2009. 320 s.
- Czerska D. *Dymitr Samozwaniec*. Wrocław: Wydawnictwo Ossolineum, 1995. 255 s.
- Grala H. Киевские пожалования самозванцев 1604 и 1608 гг. // *Russia Mediaevalis*. 1997. Vol. 9. № 1. P. 119–120.
- Hirsberg A. *Dymitr Samozwaniec*. Lwów: Gubrynowicz & Schmidt, 1898. 205 s.
- Pulaski K. *Trzy poselstwa Ławryna Piaseczyńskiego do Kazi Gireja, hana Tatarów perekopskich // Przewodnik Naukowy i Literacki*. 1911. № 39. P. 135–145.

References

- Andrusiewicz, A. *Dzieje Dymitriad 1602–1614. Nadzieje i oczekiwania*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe ANS, 1990 (in Polish).
- Andrusiewicz, A. *Dymitr Samozwaniec i Maryna Mniszech*. Warszawa: Świat Książki, 2009 (in Polish).
- Buturlin, D.P. *Istoriya Smutnogo vremeni v Rossii v nachale XVII veka*. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 1841 (in Russian).
- Danning, CH. “Tsar Dmitry.” *Voprosy istorii*, no. 1 (2007): 39–58 (in Russian).
- Повыский, Д.И. *Novaya dinastiya*. Moscow: Astrel' Publ., 2003 (in Russian).
- Kozlyakov, V.N. *Lzhedmitriy I*. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2009 (in Russian).
- Kostomarov, N.I. *Smutnoye vremya Moskovskogo gosudarstva v nachale XVII stoletiya*. Moscow: Charli Publ., 1994 (in Russian).
- Czerska, D. *Dymitr Samozwaniec*. Wrocław: Wydawnictwo Ossolineum, 1995 (in Polish).
- Grala, H. “Kiyevskie pozhalovaniya samozvantsev 1604 i 1608 gg.” *Russia Mediaevalis* 9, no. 1 (1997): 119–120 (in Polish).
- Hirsberg, A. *Dymitr Samozwaniec*. Lwów: Gubrynowicz & Schmidt, 1898 (in Polish).
- Eyl'bart, N.V. “False Dmitry I and the political elite of the Commonwealth: myths and facts.” *Transbaikalskaya gosudarstvennaya universitetskaya gazeta*, no. 12 (2012): 19–27 (in Russian).
- Eyl'bart, N.V. *Smutnoye vremya v pol'skikh dokumentakh Gosudarstvennogo arkhiva Shvetsii: Kommentirovannyy perevod i istoricheskiy analiz*. Novosibirsk: SO RAN Publ., 2013 (in Russian).
- Pirling, P. *Dmitriy Samozvanets*. Rostov-na-Donu: Feniks Publ., 1998 (in Russian).
- Platonov, S.F. *Smutnoye vremya. Ocherk istorii vnutrennego krizisa i obshchestvennoy bor'by v Moskovskom gosudarstve XVI i XVII vekov*. Moscow: AIRO–XXI Publ.; St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2007 (in Russian).
- Pułaski, K. “Trzy poselstwa Ławryna Piaseczyńskiego do Kazi Gireja, hana Tatarów perekopskich.” *Przewodnik Naukowy i Literacki*, no. 39 (1911): 135–145 (in Polish).
- Skrynnikov, R.G. *Samozvantsy v Rossii v nachale XVII veka. Grigoriy Otrep'yev*. Novosibirsk: Nauka Publ., 1987 (in Russian).
- Tyumentsev, I.O. “On the question of the “hidden intervention” of the Polish-Lithuanian Commonwealth against Russia in 1604–1605.” *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no. 2 (2012): 30–41 (in Russian).
- Valishevskiy, K. *Smutnoye vremya*. Moscow: SP «Kvadrat» Publ., 1993 (in Russian).
- Ul'yanovskiy, V.I. *Rossiyskiye samozvantsy: Lzhedmitriy I*. K'iv: Libid' Publ., 1993 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Эйльбарт Наталья Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена.

Nataliya V. Eylbart, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor of the Department of Russian History, The Herzen State Pedagogical University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-934-951>

Научная статья / Research article

Поездка помощника начальника Генерального штаба японской армии Каваками Сороку в Приамурский военный округ (1897 г.)

Р.С. Авилов

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН;
690001, Россия, Владивосток, ул. Пушкинская, 89; avilov-1987@mail.ru

Аннотация: В статье на основе впервые введенных в научный оборот документов Российского государственного военно-исторического архива исследуется визит на российский Дальний Восток в 1897 г. помощника начальника Генерального штаба японской армии генерал-лейтенанта Каваками Сороку. Установлен состав японской делегации, а также принимающие лица, в числе которых были прославившиеся впоследствии как выдающиеся военные востоковеды и организаторы русской разведки в регионе В.А. Орановский и В.К. Самойлов. Высшим должностным лицом, принимавшим японскую делегацию, был Временно Командующий войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенант Н.И. Гродеков, широко известный к тому времени как военный, администратор и ученый. Подробно описаны подготовка русских властей в регионе к приему высокопоставленных гостей, разработка маршрута путешествия японской делегации, проработка вопросов питания, размещения и проезда делегации, а также возникшие во время визита сложности. Выявлены основные интересы японской делегации, такие как текущее состояние вооруженных сил России в регионе, степень развития военно-транспортной, речной и портовой инфраструктуры, характер освоения региона, методы обучения и степень боевой готовности войск, новые образцы артиллерии, стрелкового оружия и зимнего снаряжения. Особый, но не заявленный официально интерес вызывало состояние Владивостокской крепости, за изучение которой в японской делегации отвечал особый офицер. В статье показан процесс взаимодействия представителей Генерального штаба Японии с сотрудниками японских полугомерческих организаций по вопросам сбора и анализа информации о текущем состоянии российского Дальнего Востока. Проанализированы выводы, сделанные русским военным атташе в Японии об этом визите, объективность которых представляется сомнительной. Констатировано, что этот визит не вызвал большого интереса в центральном аппарате русского Военного министерства, в то время как для Японии уже тогда воспринимавшей Российскую империю как потенциальную угрозу и вероятного противника он имел большое значение.

Ключевые слова: Каваками Сороку, Приамурский военный округ, Русско-японская война 1904–1905 гг., Японо-китайская война 1894–1895 гг., Дальний Восток России, русская армия, японская армия, Н.И. Гродеков, В.К. Самойлов, В.А. Орановский

Для цитирования: Авилов Р.С. Поездка помощника начальника Генерального штаба японской армии Каваками Сороку в Приамурский военный округ (1897 г.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 4. С. 934–951. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-934-951>

The Visit of the Vice-Chief of the Japanese Army's General Staff Kawakami Sōroku to Priamur Military District (1897)

Roman S. Avilov

Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS;
89, Pushkinskaya St., Vladivostok, 690001, Russia; avilov-1987@mail.ru

Abstract: In 1897, the Vice-Chief of the Japanese Army's General Staff, Lieutenant General Kawakami Sōroku, visited the Russian Far East. Based on a large body of hitherto unstudied documents from the Russian State Military Historical Archive, this article analyzes the composition of the Japanese delegation

as well as that of the Russian administration that hosted the Japanese guests. Among the hosts were Vladimir A. Oranovskiy and Vladimir K. Samoilov, who would later become famous as military orientalists and as the founders of Russia's military intelligence in the region. The highest official who met the Japanese mission was the Temporary Chief of Troops of Priamur Military District, Lieutenant-General Nikolay I. Grodekov, widely known at that time as a military man, administrator, and scholar. The article discusses in detail the preparation of the visit by the Russian regional government, including the planned itinerary, preparations for the diet of the guests as well as their accommodation and transport issues. Equally analyzed are the organizational difficulties that occurred during the visit. The main interests of the Japanese delegation were the current condition of the Russian forces in a region, the development of military transport and port infrastructure, the level of regional colonization, issues of military training and combat readiness, new artillery systems, small arms, and winter outfit. The Japanese General Staff was particularly interested in the defense condition of Vladivostok Fortress, with one officer in the Japanese delegation being assigned to investigate this particular question. An interesting feature is the cooperation between the General Staff and semi-commercial Japanese organizations for the collection of data about the current state of the Russian Far East. The article also studies the conclusions drawn by the Russian military attaché in Japan, which appear to be inaccurate and questionable. While this visit did not arouse much interest in the central administration of the Russian War Ministry, it was of utmost importance to Japan, which already at that time regarded the Russian Empire as a potential threat and enemy.

Keywords: Kawakami Sōroku, Priamur Military District, Russo-Japanese War of 1904–1905, Sino-Japanese War of 1894–1895, Russian Far East, Russian Army, Japanese Army, Nikolai I. Grodekov, Vladimir K. Samoilov, Vladimir A. Oranovskiy

For citation: Avilov, Roman S. "The Visit of the Vice-Chief of the Japanese Army's General Staff Kawakami Sōroku to Priamur Military District (1897)." *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 4 (November 2020): 934–951. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-934-951>

Введение

Период между Японо-китайской войной 1894–1895 гг. и Русско-японской войной 1904–1905 гг. является одним из самых насыщенных, драматичных и, в целом, хорошо изученных в истории русско-японских отношений. Лучше всего к настоящему времени изучена дипломатическая составляющая двусторонних отношений¹ и начавшаяся в конце лета 1903 г. непосредственная подготовка двух империй к войне², которую в зарубежной литературе часто именуют нулевой мировой войной³. Значительно слабее исследована взаимная разведывательная деятельность двух стран⁴, и явно недостаточно – проблемы военного взаимодействия в 1896–1899 гг., т.е. на достаточно коротком хронологическом отрезке, между Японо-китайской войной 1894–1895 гг. и начавшейся в 1900 г. военной операцией держав по подавлению в Китае Боксерского восстания (восстания ихэтуаней). Именно в это время имели место несколько событий, до настоящего времени оставшихся практически неизвестными не только широкому кругу интересующихся, но и узким специалистам.

¹ Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг. Т. 4. Внешняя политика императора Николая II. 1894–1914. М., 2018. С. 8–29, 83–126, 152–191; Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1988. С. 186–202, 207–213, 217–231; Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008; Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1910. Т. 1. С. 1–84; Рыбаченок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М., 2012. С. 478–565; Саркисов К.О. Россия и Япония. Сто лет отношений (1817–1917). М., 2015. С. 140–324.

² Русско-японская война... С. 171–754; Полутов А.В. Десантная операция японской армии и флота в феврале 1904 г. в Инчхоне. Владивосток, 2009. С. 10–54.

³ Steinberg J.W. Was the Russo-Japanese War World War Zero? // *The Russian Review*. 2008. Vol. 67. № 1. P. 1–7.

⁴ Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 1. М., 1998. С. 73–225; Добычина Е.В. Внешняя разведка России на Дальнем Востоке 1895–1904 гг. М., 2003; Павлов Д.Б. Русско-японская война 1904–1905 гг.: Секретные операции на суше и на море. М., 2004; Полутов А.В. Десантная операция... С. 10–54; Полутов А.В. Разведывательная деятельность коммерческого агентства Японии во Владивостоке накануне Русско-японской войны // Вестник ДВО РАН. 2008. № 5. С. 100–106; Полутов А.В. Деятельность японской разведки во Владивостоке (1875–1902 гг.) // Россия и АТР. 2011. № 2. С. 215–228; Сергеев Е.Ю. Военная разведка России в борьбе против Японии, 1904–1905 гг. М., 2010.

Одним из таких событий является визит на российский Дальний Восток в 1897 г. помощника начальника японского Генерального штаба⁵ генерал-лейтенанта виконта Каваками Сороку (川上 操六).

Впоследствии для русского Военного министерства этот визит оказался настолько неудобен, что о нем предпочли забыть не только официальные историки Русско-японской войны⁶ (а значит и вся последующая историографическая традиция), но и офицеры мемуаристы, служившие в то время в Приамурском военном округе на штабных должностях, которые по определению не могли не знать об этом визите⁷. Вспоминать о том, как руководство армии противника активно знакомили с новейшими образцами русского оружия и амуниции, наиболее сильными сторонами военного обучения, а также состоянием военно-транспортной инфраструктуры, не хотелось никому. Каких-либо специальных публикаций, посвященных этой поездке, обнаружить не удалось, равно как и упоминаний о ней в обобщающих русско- и англоязычных трудах по Русско-японской войне, а также работах по истории Приамурского военного округа⁸. Ничего не известно о ней, как оказалось, и автору единственной на сегодняшний день монографии по истории жизни японцев во Владивостоке⁹. Единственное упоминание об этом визите в отечественной литературе удалось обнаружить в записке князя А.М. Волконского, опубликованной И.С. Рыбачёнок¹⁰. Таким образом, цель настоящего исследования – изучить историю этой поездки на материалах российского военного ведомства, которые хранятся в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА).

Подготовка визита

По имевшимся в русском Военном министерстве данным, помощник начальника Генерального штаба японской армии, генерал-лейтенант Каваками Сороку собирался посетить Приамурский военный округ еще в 1894 г., т.е. за три года до реально состоявшегося визита. Однако начавшаяся Японо-китайская война 1894–1895 гг. и другие обстоятельства помешали осуществить это намерение. В конце 1896 г. он снова заявил о своем желании посетить российский Дальний Восток, и тогда же были проведены предварительные переговоры и получено необходимое разрешение Петербурга¹¹.

По словам самого генерала Каваками, главная цель поездки заключалась в том, чтобы «познакомиться лично с Начальствующими лицами и посмотреть страну»¹².

⁵ В отличие от российской императорской армии рассматриваемого периода в Японии независимый Генеральный штаб по прусскому образцу был создан еще в 1878 г. К 1897 г. в сфере его деятельности осталась только военно-сухопутная составляющая, а полное название органа звучало как Генеральный штаб сухопутных войск Японской империи (陸軍參謀本部). В Российской империи независимого Генерального штаба в то время не существовало, а его функции были возложены на Главный штаб Военного министерства. Поэтому в документах российского военного ведомства место службы Каваками Сороку указывалось как «Главный штаб», что не совсем правильно.

⁶ Русско-японская война... С. 1–84, 171–466.

⁷ Будберг А.П. Сибирские воспоминания. Владивосток, 2017. С. 138–222.

⁸ Авиллов Р.С. Проблема разработки планов обороны российского Дальнего Востока в 1896–1900 гг. Часть 1. После Японо-китайской войны 1894–1895 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 94–107; Авиллов Р.С. Проблема разработки планов обороны российского Дальнего Востока в 1896–1900 гг. Часть 2. Канун Китайского похода 1901–1903 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 128–141.

⁹ Моргунов З.Ф. Японская мозаика Владивостока: 1860–1937 (Картина жизни Владивостока на примере японской диаспоры). Владивосток, 2014. С. 6–114.

¹⁰ Рыбачёнок И.С. «Граница между Россией и Японией одна – океан». Секретная записка князя А.М. Волконского // Источник. 1995. № 5. С. 11; Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 543. Оп. 1. Д. 173. Л. 1–27.

¹¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 451. Оп. 1. Д. 6. Л. 123.

¹² Там же.

Впоследствии русский военный агент в Японии полковник Н.И. Янжул докладывал в Военно-ученый комитет (ВУК) Главного штаба, что официальным предложением поездки генерала Каваками в Приамурский край было его желание лично познакомиться с начальствующими лицами соседней русской области. В донесении военного агента в Японии Н.И. Янжула отмечалось: «Конечно на самом деле, Генерал Каваками интересовался взглянуть на базу наших предприятий на Тихом океане и лично проверить преувеличенные и противоречивые возведения о наших военных приготовлениях к будущим действиям в Корее и в Маньчжурии и даже чуть-ли не нападению на самую Японию, замышляемое нашим отечеством в пылком воображении японской печати. Наконец, фактический начальник Главного штаба японской армии естественно интересовался посмотреть на страну, которая составляет предмет прилежного изучения и исследования в одном из отделов вверенного ему управления как возможный в будущем театр операций японской армии»¹³.

Первоначально Каваками Сороку намеревался предпринять эту поездку в середине августа 1897 г., рассчитывая оставаться в Приамурском крае до середины сентября. По климатическим условиям этот период был наиболее удобен для путешествия по российскому Дальнему Востоку в теплое время года. При этом он имел бы возможность ознакомиться с войсками в период их общих сборов, по окончании смотров, стрельбы и по выполнении прочей программы летних занятий¹⁴.

Командующему войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенанту С.М. Духовскому тоже удобнее всего было принять генерала Каваками в августе, о чем начальник штаба округа генерал-майор К.Н. Грибский сообщил Н.И. Янжулу письмом от 3 мая 1897 г.¹⁵ Однако «непременное желание генерала Каваками совершить эту поездку на японском почтовом пароходе вынудило его отправиться из Нагасаки 21 июля ст. ст. вследствие чего он прибыл во Владивосток 27 июля»¹⁶. Официально русским властям было сообщено, что отложить свою поездку до августа генерал-лейтенанту Каваками не позволил «ход занятий в Японском Главном Штабе»¹⁷. Однако очевидно, что ему хотелось избежать в пути лишних глаз и ушей, неизбежных на русском пароходе. В результате русским военным пришлось подстраиваться под график японского военачальника. Командующий войсками округа генерал-лейтенант С.М. Духовской в это время совершал объезд войск в Забайкалье и встретиться с генералом Каваками лично так и не смог. Поэтому старшим лицом, принимавшим японского гостя в Хабаровске, был Вр. Командующий войсками округа генерал-лейтенант Н.И. Гродеков¹⁸. Впрочем, этим организационные накладки не ограничились.

По сложившейся традиции, в поездках такого рода высокопоставленного иностранного генерала должен был сопровождать русский военный агент в этой стране, в данном случае – полковник Н.И. Янжул. Однако телеграмму от 4 июля из штаба Приамурского военного округа, извещавшую его о разрешении сопровождать генерала Каваками, он «получил почтою из Владивостока лишь 20 июля, то есть накануне ухода из Нагасаки парохода, на котором отправлялся генерал Каваками»¹⁹. Не зная о последовавшем разрешении, Н.И. Янжул телеграфировал в Окружной штаб о назначении для сопровождения японских гостей находившегося в команди-

¹³ РГВИА. Ф. 451. Оп. 1. Д. 6. Л. 106–106 об.

¹⁴ Там же. Л. 106 об.

¹⁵ Все даты, за исключением особо отмеченных случаев, приведены по юлианскому календарю, т.е. по старому стилю.

¹⁶ РГВИА. Ф. 451. Оп. 1. Д. 6. Л. 106 об. – 107.

¹⁷ Там же. Л. 123 об.

¹⁸ Там же. Л. 111.

¹⁹ Там же. Л. 107 об.

ровке в Японии капитана В.К. Самойлова. Причем «разрешение о назначении этого офицера было получено своевременно и капитан Самойлов успел в Нагасаки присоединиться к свите генерала». Сам же русский военный агент в Японии оказался в роли догоняющего и сумел отправиться из Нагасаки только 29 июля на пароходе Добровольного флота «Кострома», т.е. следующим рейсом на Владивосток. В результате он нагнал японских гостей только 8 августа, когда они уже возвращались из Благовещенска²⁰.

О времени выезда генерала Каваками из г. Нагасаки было сообщено телеграммой начальнику штаба Приамурского военного округа. Одновременно с этим исправляющий должность русского поверенного в делах в Японии А.Н. Шпейер по телеграфу просил начальника Приамурского края «об оказании генералу Каваками возможно более гостеприимного приема» по политическим соображениям²¹.

Во время визита его сопровождали три офицера Генерального штаба: майор артиллерии Аоки, капитан пехоты Фуруши, поручик Гвардейской пехоты граф Хисамацу²² (адъютант начальника Генерального штаба принца Комацу Акихито [小松宮彰仁親王]), и в качестве переводчика – владивостокский агент Пароходного общества Ниппон-Юсен-Кайша господин Тэрами Киити²³, бывший в 1882–1889 гг. японским коммерческим агентом во Владивостоке²⁴. Биографии этих лиц могли сказать о цели поездки японских военных много больше, чем официальные документы, на что сразу обратил внимание Н.И. Янжул. Майор артиллерии Аоки был крупнейшим в Японии специалистом по фортификации и разведке крепостей. Он изучал крепостное искусство в Бельгии под руководством генерала А.А. Бриальмона (Henri Alexis Brialmont), широко известного бельгийского военного инженера. Затем, в течение трех лет перед Японо-китайской войной 1894–1895 гг., он «находился в секретной командировке в Китай для разведки Порт-Артура и Вей-ха-Вея». Очевидно, что его основной задачей в свите генерала Каваками было изучение Владивостокской крепости, работы по строительству которой в то время значительно активизировались и очень беспокоили японцев. Вскоре по возвращении из России Аоки был назначен в Пекин на должность японского военного агента в Китае. Капитан пехоты Фуруши имел репутацию очень способного молодого офицера Генерального штаба и «заведывал всю письменную часть во время путешествия». Поручик Гвардейской пехоты граф Хисамацу – «единственный офицер в Японии из настоящей аристократии, бывший даймю [...] представлял собою элемент светской молодежи, небеспольный для участия в званых вечерах и на парадных обедах». Он же выполнял во время визита функции личного переводчика не говорившего на иностранных языках Каваками Сороку. Он прекрасно владел французским языком, который изучил на службе в одном из французских полков в Сен-Сирской военной школе²⁵. Функции переводчика с русского языка выполнял агент общества Ниппон Юсен Кайша во Владивостоке Тэрами Киити, прекрасно знавший не только язык, но также город и реалии российского Дальнего Востока в целом²⁶.

По распоряжению Командующего войсками Приамурского военного округа для сопровождения высокопоставленного гостя были командированы: заведующий передвижением войск округа Генерального штаба подполковник В.А. Орановский; обер-

²⁰ РГВИА. Ф. 451. Оп. 1. Д. 6. Л. 107 об. – 108.

²¹ Там же. Л. 108.

²² Возможно, будущий японский военный атташе во Франции Хисамацу Садакото, сумевший 13 января 1904 г. добыть во Франции оперативный план развертывания русской армии.

²³ РГВИА. Ф. 451. Оп. 1. Д. 6. Л. 123 об.

²⁴ *Моргун З.Ф.* Японская мозаика Владивостока... С. 296.

²⁵ *École spéciale militaire de Saint-Cyr* готовила молодых людей для службы офицерами в сухопутной и морской пехоте и кавалерии.

²⁶ РГВИА. Ф. 451. Оп. 1. Д. 6. Л. 107–107 об.

квартирмейстер для поручений при Командующем войсками Амурской области Генерального штаба капитан В.К. Самойлов и адъютант Командующего войсками штабс-ротмистр Генрици, последний – только на время пребывания в Хабаровске²⁷. Это были весьма незаурядные и впоследствии широко известные офицеры, причем В.А. Орановский и В.К. Самойлов прославились как выдающиеся военные востоковеды и организаторы разведки на Дальневосточном театре военных действий.

Не только встреча, но и все пребывание на русской земле высоких иностранных гостей было продумано до мелочей и тщательным образом организовано. Окружным штабом заблаговременно была составлена программа всего того, что признавалось возможным показать высокопоставленному японскому генералу. На самом деле эту программу удалось осуществить лишь в небольшой части²⁸. При этом все, что японцам необходимо было увидеть и узнать, им показали, разъяснили и частично даже подарили.

«Вообще в течение путешествия генерала Каваками, – докладывал впоследствии Н.И. Янжул, – был принят тот порядок, что о времени прибытия японского гостя в данный пункт заблаговременно было сообщено телеграммой местному начальнику гарнизона. На пристанях и на железнодорожных станциях для встречи генерала находились и.д. Коменданта, комендант станции и один адъютантов старшего начальствующего лица или офицер из состава расположенных в данном пункте войскового или крепостного штаба. Помещение для генерала Каваками и для лиц его сопровождавших, всегда отводилось в Военном собрании (во Владивостоке, в Никольске и в Хабаровске), при чем были приняты все меры к тому, чтобы все эти лица были устроены вполне комфортабельно. Немедленно по прибытии в пункт, посещение которого входило в маршрут путешествия японских гостей, генерал Каваками, в сопровождении своей свиты, делал визит старшим начальствующим лицам и затем в тот же день в назначенном часу принимал ответные визиты. Начальники отдельных частей были представляемы генералу Каваками одновременно в военном собрании в день приезда; по окончании визитов и не позже следующего дня. Обыкновенно в день приезда японским гостям устанавливался парадный обед в парадной форме с речами и тостами у старшего начальствующего лица [...]. Затем в последующие дни они приглашаемы были на обеды и завтраки другими начальствующими лицами и два раза, в Хабаровске и в Никольском, им случалось завтракать в лагерных офицерских собраниях. Когда же не было особых приглашений японские гости завтракали и обедали в военных собраниях, в которых они имели пребывание, при чем стол всегда был организован безукоризненно хорошо на счет сумм, ассигнованных на этот предмет Командующим войсками округа. [...] Японские обыватели выражали свою радость по случаю прибытия генерала Каваками самым разнообразным образом, целыми депутациями встречали генерала на вокзалах и пристанях, подносили ему подарки и украшали свои дома флагами и фонарями.

Во всех пунктах временного пребывания японских гостей им были предоставляемы бесплатно экипажи для разъездов, частью по назначению от частей войск и соответственно по найму на счет сумм, отпущенных начальником гарнизона по распоряжению Командующего войсками округа. Переезд по Уссурийской железной дороге был также предоставлен бесплатный в особо назначенном вагоне 1-го класса. Даже обед для японских гостей был приготовлен для них в поезде (в вагоне-столовой) на счет управления названной дороги. Товарищество Амурского пароходства с своей стороны отказалось от платы за проезд японских гостей на пароходах по рекам Уссури и Амуру»²⁹.

²⁷ РГВИА. Ф. 451. Оп. 1. Д. 6. Л. 123 об.

²⁸ Там же. Л. 110–110 об.

²⁹ Там же. Л. 108–109 об.

Генерал-лейтенант Каваками в Приамурском военном округе

19 июля 1897 г. генерал-лейтенант Каваками со свитой отплыл из Кобе во Владивосток на пароходе «Тайрен-мару». 21 июля в Нагасаки в качестве русского сопровождающего к ним присоединился капитан Генерального штаба В.К. Самойлов. Во Владивосток они прибыли 27 июля в 3 часа пополудни³⁰.

Для съезда на берег в распоряжение иностранных гостей было предоставлено два паровых катера от начальника эскадры Тихого океана вице-адмирала Е.И. Алексеева и два гребных от коменданта Владивостокской крепости генерал-лейтенанта М.И. Стрижева. От имени последнего генерала Каваками приветствовал специально посланный адъютантом штаба крепости капитан М.Г. фон-Риттергольм. «При проходе катера мимо крейсера “Рюрик” на крейсере был вызван караул и музыка играла Японский гимн»³¹.

Во Владивостоке гостям было предоставлено удобное помещение в офицерском собрании, куда их тут же и доставили. В связи с поздним временем официальные визиты были отложены до следующего дня. Однако приветственная телеграмма от Временно-Командующего войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенанта Н.И. Гродекова была вручена Каваками Сороку сразу по приезде и, как того требовал этикет, он немедленно на нее ответил³².

На следующее утро, 28 июля, японский гость «сделал визиты высшим Начальствующим лицам Сухопутного и Морского ведомств; при посещении Адмиралов на судах был произведен установленный салют; после завтрака происходил прием ответных визитов. Генерал не раз выражал, что весьма проникнут встречей и любезным приемом, оказываемыми ему и его спутникам»³³.

В 7 часов вечера состоялся парадный обед у Военного губернатора Приморской области, генерал-майора Д.И. Субботича, которым «были произнесены тосты: за здоровье *Их Императорских Величеств* Государя и Государыни *Императрицы*, за здоровье Японской *Императорской* Четы и прибывших гостей. Генерал Каваками провозгласил тост за здоровье Государя *Императора* и Государыни *Императрицы* и за Военного Губернатора и всех присутствующих. Тост за Русского Государя *Императора* и *Императрицу* сопровождался русским гимном, тост за Японского *Императора* Японским гимном»³⁴.

Утром 29 июля по приглашению коменданта Владивостокской крепости М.И. Стрижева генерал Каваками посетил расположение Владивостокского крепостного пехотного полка. Он осматривал казармы, лагерь, видел ученье, «причем батальон произвел несколько построений (неуставных) для отражения атаки кавалерии». Как отмечалось в русском отчете о визите генерала Каваками, «ученье прошло очень удачно. После осмотра лагеря гостям был предложен чай в разбитом театре, украшенном флагами. Во время чая играл хор музыки и пели песенники»³⁵.

В час дня состоялся парадный завтрак в офицерском собрании, предложенный М.И. Стрижеввым, с произнесением тех же тостов, что были вечером на парадном обеде. Между четырьмя и шестью часами пополудни генерал Каваками посетил морской госпиталь и новый сухой док, торжественная закладка которого состоялась в 1891 г., во время посещения Владивостока другим не менее примечательным гостем – наследником русского престола Цесаревичем Николаем Александровичем, будущим

³⁰ РГВИА. Ф. 451. Оп. 1. Д. 6. Л. 124.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же. Л. 124 об.

³⁴ Там же. Л. 124 об. – 125.

³⁵ Там же. Л. 125.

императором Николаем II. Для всех переездов в распоряжение японских гостей был предоставлен паровой катер с крейсера «Рюрик» и батальонные экипажи. Капитан В.К. Самойлов отмечал в отчете: «Все виденное произвело на японцев большое впечатление и все они осматривали с глубоким интересом. Сопровождавшие их чины военного и морского ведомств давали необходимые объяснения»³⁶.

Тогда же состоялся парадный обед на крейсере «Рюрик» у начальника эскадры. Будущий наместник Его Императорского Величества на Дальнем Востоке вице-адмирал Е.И. Алексеев сказал краткую речь, в которой приветствовал гостей как представителей японской армии. «В ответной речи Генерал Каваками благодарил за оказанный прием и пил здоровье всех присутствующих. При отъезде гостей на берег по борту крейсера были зажжены фальшфейеры и электрический прожектор светил Военное Собрание»³⁷. Японцы провели во Владивостоке трое суток³⁸.

30 июля в 11 час. 45 мин. генерал Каваками со свитой отбыл почтовым поездом из Владивостока на станцию Иман. На железнодорожном вокзале Владивостока его провожали высшие начальствующие лица. Для японского гостя и его спутников был предоставлен отдельный вагон 1-го класса. В пути его сопровождали начальник Уссурийской железной дороги (сквозное движение по которой было открыто лишь в том же году) подполковник Д.Л. Хорват (вследствие назначенного инспектирующим стрелковую часть Уссурийскому железнодорожному батальону смотра он вынужден был вернуться с полпути во Владивосток), младший штаб-офицер подполковник А.П. Сервианов и адъютант Уссурийского железнодорожного батальона поручик Стеценко. На ст. Никольское генерала Каваками от имени Командующего войсками Южно-Уссурийского отдела Н.П. Линевица приветствовал штаб-офицер для поручений при командующем войсками Южно-Уссурийского отдела Генерального штаба подполковник В.А. Мокрицкий с двумя адъютантами. Во время пути офицерами железнодорожного батальона был предложен гостям обед и на следующий день – завтрак³⁹.

На ст. Иман их уже ожидал пароход «Казак Уссурийский», который и отчалил 31 июля ровно в 12 час. Вследствие полученного распоряжения ход парохода был рассчитан так, чтобы прибыть в Хабаровск, центр Приамурского военного округа и одноименного генерал-губернаторства, 2 августа ровно к 9 час. утра⁴⁰.

В Хабаровске, где японцы тоже пробыли трое суток⁴¹, на пристани генерала Каваками встречали заведывающий передвижением войск округа, Генерального штаба подполковник В.А. Орановский, комендант города, полицмейстер, комендант пристани и адъютант Командующего войсками округа штабс-ротмистр Генрици⁴².

Для гостей было отведено помещение в офицерском Собрании. Тотчас по прибытии Каваками сделал визит Вр. Командующему войсками округа генерал-лейтенанту Н.И. Гродекову, супруге Командующего войсками Варваре Федоровне Духовской и высшим начальствующим лицам. В 12 час. в зале Военного Собрания исправляющий должность начальника штаба округа генерал-майор К.Н. Грибский представил японскому гостю остальных начальствующих лиц, командиров частей и некоторых чинов штаба. Остальная часть дня 2 августа была представлена в распоряжение гостей. «С особенным удовольствием они воспользовались предложенной им русской баней».

³⁶ РГВИА. Ф. 451. Оп. 1. Д. 6. Л. 125–125 об.

³⁷ Там же. Л. 125 об.

³⁸ Там же. Л. 110.

³⁹ Там же. Л. 125 об. – 126.

⁴⁰ Там же. Л. 126–126 об.

⁴¹ Там же. Л. 110.

⁴² Там же. Л. 126–126 об.

3 августа генерал-лейтенант Каваками отдал визиты представившимся ему генералам и разослал свои карточки через адъютанта остальным представившимся ему лицам. В 2 час. дня в зале Военного Собрания состоялся парадный завтрак, предложенный Вр. Командующим войсками округа, причем во время завтрака были произнесены все те же тосты в том же порядке. В 5 час. по полудни генерал посетил музей и Общину сестер милосердия, причем пожертвовал на ее нужды 300 руб. В 6 час. вечера Каваками Сороку «было предложено угощение от проживающих в Хабаровске японцев в гостинице “Лондон”. Вечером Генерал и его спутники посетили гулянье в саду Военного Собрания»⁴³.

На следующий день, 4 августа, в 8.45 утра, генерал Каваками вместе с Вр. Командующим войсками округа Н.И. Гродековым «отправился на двухсторонний маневр войск Хабаровского гарнизона. Генерал и его спутники с особым интересом следили за ходом маневра. Маневр окончился около 11-ти часов у общего лагеря, где Генералу и его свите был предложен обыкновенный офицерский обед. За обедом Вр. Командующий войсками и Генерал Каваками обменялись заздравицами; после обеда состоялся чай в офицерской столовой, при чем все присутствующие были сняты фотографом. Тут же японцам было показано полное зимнее снаряжение нижнего чина. После чая Генерал Каваками посетил солдатскую чайную и смотрел на джигитовку казаков Уссурийского дивизиона. Джигитовка произвела на Японцев сильное впечатление: между прочим Генерал очень заинтересовался устройством казачьего седла, почему Вр. Командующий войсками предложил Генералу взять с собой образец такого седла. После джигитовки Вр. Командующий войсками предложил Генералу Каваками объехать лагерь, причем хоры музыки играли и песенники пели. Образцовый порядок и благоустройство лагеря видимо произвели на гостей сильное впечатление»⁴⁴.

5 августа японская делегация совершила поездку по линии железной дороги до станции Корфовская, где осмотрела в тайге работы по постройке северного участка Уссурийской железной дороги (на участке каторжных). Гостей сопровождали штаб-офицер для особых поручений при Командующем войсками Приамурского военного округа Генерального штаба полковник А.А. Трусов, чины железнодорожной и тюремной администрации и другие лица. У станции Корфовской Каваками Сороку видел лагерь ссыльнокаторжных. «Во время обратного хода поезда гостям был предложен завтрак и чай», а в 7 час. вечера состоялся обед у Н.И. Гродекова, по окончании которого генерал Каваками и его спутники оправались прямо на пароход «Барон Корф», где и ночевали. Вр. Командующий войсками округа проводил гостей до парохода. Отход парохода был назначен на 8 час. утра 6 августа. К этому времени на пристань прибыли проводить отъезжавшего Н.И. Гродеков и другие лица⁴⁵.

Вследствие неблагоприятной погоды и туманов пароход вместо 10 августа прибыл в г. Благовещенск только 12 августа в 3 час. пополудни. По прибытии генерал-лейтенант Каваками был встречен и приветствован от лица Военного губернатора Амурской области явившимися к нему комендантом города, полицмейстером и адъютантом. Помещение высокопоставленному гостю отвели в доме командира Амурского казачьего полка Амурского казачьего войска, а офицеров разместили в Собрании 2-го Восточно-Сибирского линейного батальона. В 5 час. вечера генерал Каваками обменялся официальными визитами с Военным губернатором и командиром 2-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады и «оставил свою карточку Преосвященному Макарию, который, вследствие тяжелой болезни, не мог принять его».

⁴³ РГВИА. Ф. 451. Оп. 1. Д. 6. Л. 126 об. – 127.

⁴⁴ Там же. Л. 127–127 об.

⁴⁵ Там же. Л. 127 об. – 128.

В 8 час. вечера в доме Военного губернатора состоялся парадный обед в честь прибывших, причем «Военным Губернатором были произнесены тосты за Русского и Японского Императоров и прибывших гостей. Генерал Каваками отвечал на них»⁴⁶.

Расписанную на следующий день программу визита пришлось менять на ходу, поскольку «проливной дождь, ливший весь день 12-го Августа, настолько испортил дорогу, что предполагаемая поездка в лагерь не состоялась и Генерал Каваками со спутниками ограничились объездом города». В 11 час. он принимал японских подданных, проживающих в Благовещенске, а в 3 час. сделал прощальный визит Военному губернатору, причем неоднократно выражал, на сколько он тронут оказываемым ему приемом. Из квартиры Военного Губернатора гости отправились прямо на пароход «Барон Корф», а Военный губернатор со свитой проводил их до парохода. В 4 часа дня пароход отошел. Каваками Сороку и его спутникам были предоставлены все возможные удобства на пароходе, причем по распоряжению директора Товарищества Амурского пароходства И.К. Нордстрема, гостям на обратный путь до Имана были предложены бесплатные помещения⁴⁷.

Благовещенск стал самым западным пунктом, который посетил помощник начальника японского Генерального штаба во время своего путешествия по России. «Генерал Каваками при отъезде из Благовещенска выразил сожаление, что обстоятельства помешали ему видиться с Командующим войсками Округа и просил Военного Губернатора Амурской области, при встрече с Его Превосходительством, передать ему его привет»⁴⁸.

В Хабаровск генерал-лейтенант Каваками прибыл 16 августа в час дня и был встречен русским военным агентом в Японии Генерального штаба полковником Н.И. Янжулом, комендантом города, полицмейстером и комендантом пристани. Тотчас по прибытии японский генерал с сопровождавшими его офицерами нанес прощальный визит Вр. Командующему войсками округа, который сейчас же ответил на него.

Ввиду краткости времени, оставшегося до отхода пассажирского парохода «Граф Путятин» на Иман, Каваками и его свиту доставили с «Барона Корфа» прямо на борт «Путятина», не останавливаясь в Хабаровске. «Здесь Генералу Каваками был поднесен почетный диплом на звание члена Хабаровской Общины Сестер Милосердия за сделанное им пожертвование», а также представился Вр. и.д. начальника штаба округа, генерал-майор В.С. Волков, только что прибывший в Хабаровск. В 6 час. вечера пароход «Граф Путятин» отошел от пристани, куда собрались проводить отъезжавшего Н.И. Гродеков, В.С. Волков и его помощники, чины штаба, адъютанты Командующего войсками округа и другие лица. «Генерал Каваками прощаясь многократно благодарил Вр. Командующего войсками за любезный прием»⁴⁹.

На Иман «Граф Путятин» прибыл 18 августа в 3 час. дня. Пароход встречал комендант станции. В ожидании поезда генерал Каваками осмотрел строящиеся пароходы, гулял по местечку и принял депутацию от проживающих там японцев⁵⁰.

В поезде ему был предоставлен отдельный вагон. В с. Никольское он прибыл в 10 час. утра 19 августа. На станции гостя встретили Вр. и.д. начальника штаба Южно-Уссурийского военного отдела Генерального штаба капитан князь Д.А. Крапоткин и адъютант штаба, а также чины местной полицейской власти и Уссурийского железнодорожного батальона. С вокзала гости отправились прямо в отведенное им помещение в Военном Собрании. После обмена официальными визитами

⁴⁶ РГВИА. Ф. 451. Оп. 1. Д. 6. Л. 128–128 об.

⁴⁷ Там же. Л. 128 об.

⁴⁸ Там же. Л. 129.

⁴⁹ Там же. Л. 129–129 об.

⁵⁰ Там же. Л. 129 об. – 130.

состоялось представление в зале Военного Собрания генералу Каваками начальствующим лиц и командиров частей.

В 4 час. гостям была предложена баня в 3-м Восточно-Сибирском стрелковом батальоне, а в 7 час. вечера последовал официальный обед у Командующего войсками Южно-Уссурийского отдела генерал-майора Н.П. Линевича (будущего героя штурма русскими войсками Пекина 1900 г. и последнего Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами, действующими против Японии в Русско-японской войне 1904–1905 гг.). За обедом, как и полагалось этикетом, были провозглашены те же самые тосты⁵¹.

На следующий день генерал-лейтенант Каваками уже в 10 час. утра «присутствовал в лагере на параде войск всего Никольского гарнизона. После объезда войска пошли церемониальным маршем, пехота и артиллерия шагом, казачий полк рысью, при проходе горной батареи она была остановлена, орудия сняты с выюков и открыта пальба; весь маневр выполнен в одну минуту; затем орудия снова были навьючены и еще раз сняты с выюков для взятия в передки. Казачий полк после церемониального марша произвел ученье в немую, закончившееся общей атакой, при чем сотни были остановлены только в нескольких шагах от Генерал-Лейтенанта Каваками и его свиты. После этого последовала джигитовка и атака лавой. Все эти маневры и движения, исполняемые с лихостью и умением, произвели на Японцев сильное впечатление, равно как стройность церемониального марша и маневрирование горной батареи. По пути в лагерь части была показана Генерал-Майором Добржинским наша винтовка и объяснены ее преимущества»⁵².

Остается без ответа вопрос: «Зачем прибывший из столицы в с. Никольское “для инспекции стрельбы”, состоящий для поручений при Инспекторе стрелковой части в войсках и совещательный член артиллерийского комитета Главного артиллерийского управления генерал-майор К.А. Добржинский демонстрировал перед японскими гостями новейшую магазинную винтовку системы Мосина образца 1891 г. “в сопоставлении ее с иностранными образцами пехотного ружья, а также показал новый образец принятого для нашей армии револьвера”?»⁵³ Ведь до этого русский военный агент в Японии встречал почти непреодолимые препятствия при любой попытке получения военной информации⁵⁴. Причем сам Н.И. Янжул, судя по всему, при этом присутствовал.

В час дня гостям был предложен завтрак в офицерской столовой 2-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона, и «за завтраком Генерал-Майор Линевич провозгласил тост за Японскую армию в лице ее представителей, присутствовавших на завтраке. В ответ на это Генерал-Лейтенант Каваками пил за Приамурские войска»⁵⁵. В 14.30 гости возвратились в с. Никольское. Каваками ехал в коляске с Н.П. Линевичем, под конвоем взвода 1-го Забайкальского полка Забайкальского казачьего войска.

21 августа в 10 час. Каваками в сопровождении Н.П. Линевича посетил лагерное расположение 3-го и 5-го Восточно-Сибирских стрелковых батальонов, казармы мортирной батареи 1-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады, новый лазарет и цейхгаузы 3-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона. При этом отмечалось: «Генерал Каваками особенно заинтересовался офицерской чемодан-кроватью, образец которой был поднесен ему Командиром батальона. На плацу в с. Никольском было произведено ученье мортирной батареи, поразившее гостей лихостью и гладкостью исполнения. Генерал и офицеры внимательно осматривали материаль-

⁵¹ РГВИА. Ф. 451. Оп. 1. Д. 6. Л. 130.

⁵² Там же. Л. 130 об.

⁵³ Там же. Л. 111.

⁵⁴ *Добычина Е.В.* Внешняя разведка России... С. 100–114.

⁵⁵ РГВИА. Ф. 451. Оп. 1. Д. 6. Л. 131.

ную часть и устройство орудий»⁵⁶. Тогда же японцам удалось осмотреть новый форменный (двуколочный) обоз, зимнее снаряжение нижних чинов и склад неприкосновенных запасов одной из частей гарнизона⁵⁷.

«В 9 ½ часов вечера в честь гостей состоялся раут в летнем помещении Военного Собрания в саду, во время которого был предложен чай. Гости с удовольствием смотрели на танцы и оставили раут в 11 ½ часов»⁵⁸. Впоследствии Н.И. Янжул докладывал, что «в честь японских гостей был устроен в летнем офицерском собрании бал, удавшийся во всех отношениях. Между прочим, сад офицерского собрания и танцевальная зала были весьма изящно декорированы русскими и японскими флагами и венками и вензелями из зелени. Подобным же образом были украшены лагеря войск в Хабаровске и в Никольском в день осмотра их генералом Каваками и обеденные залы на парадных обедах»⁵⁹.

Японцы пробыли в с. Никольское трое суток⁶⁰. 22 августа Каваками Сороку нанес прощальный визит Командующему войсками Южно-Уссурийского отдела, из квартиры которого проследовал прямо на вокзал железной дороги. Генерал Н.П. Линевиц проводил гостей до вокзала. На станцию собрались все начальники и много офицеров, играл хор музыки⁶¹.

Во Владивосток гости прибыли в 4 час. того же дня, где были встречены на станции адъютантом коменданта крепости и депутацией от японцев. Генерал Каваками и сопровождавшие его офицеры остановились в Военном Собрании, у входа в помещение которого их приветствовал начальник штаба крепости Генерального штаба подполковник А.Н. Громов. Затем прибыл флаг-офицер от начальника эскадры Тихого океана вице-адмирала Е.И. Алексеева поздравить их с благополучным прибытием. «В виду выраженного Генералом Каваками желания остаться во Владивостоке совершенно инкогнито, дабы заняться своими делами, на этот раз не было никаких официальных обедов и приемов и гостям была предоставлена полнейшая свобода. Генерал Каваками даже частным образом перешел на квартиру к Агенту Общества Ниппон-Юзен-Кайша, где и жил все время, а остальные офицеры, хотя и остановились в Военном Собрании, но не ночевали там. 24-го числа Адмирал Алексеев пригласил гостей на обед на крейсер «Рюрик», обед носил совершенно частный характер⁶². Вероятнее всего помощник начальника японского Генерального штаба тщательным образом сверял свои личные впечатления от увиденного с данными, имеющимися в распоряжении Тэрами Киити, занимавшегося во Владивостоке в т.ч. сбором сведений военного характера. Это требовало времени, и большую часть из шести суток, пока Каваками Сороку находился во Владивостоке, он посвящал именно этой работе.

Попытка Н.И. Янжула отвлечь его от этого занятия успехом не увенчалась, и на предложение совершить поездку в район зал. Посыета, чтобы посмотреть большой лагерь 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады и трех линейных батальонов 2-й Восточно-Сибирской линейной бригады (5-го, 9-го и 11-го) он ответил отказом, сославшись на усталость⁶³. В результате, 25 августа на пароходе «Новик» туда отправились вместе с Н.И. Янжулом сопровождавшие генерала Каваками три

⁵⁶ РГВИА. Ф. 451. Оп. 1. Д. 6. Л. 131–131 об.

⁵⁷ Там же. Л. 110 об. – 111.

⁵⁸ Там же. Л. 131 об.

⁵⁹ Там же. Л. 109.

⁶⁰ Там же. Л. 110.

⁶¹ Там же. Л. 131 об.

⁶² Там же. Л. 131 об. – 132 об.

⁶³ Там же. Л. 110.

офицера. На том же пароходе ехал Командующий войсками Южно-Уссурийского отдела Н.П. Линевиц для инспектирования войск Новокиевского лагерного сбора.

По словам Полковника Янжула, «прямо с парохода в Посьете офицеры отправились верхами в лагерь, где все войска были собраны на передней линейке». После объезда лагеря гости нанесли в урочище Новокиевское визит начальнику 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады, который пригласил их в тот же день на обед⁶⁴.

Отдохнув в отведенном им помещении в Барановке (вскоре была переименована в Зайсановку), в доме командира 11-го Восточно-Сибирского линейного батальона, японские офицеры в 10 час. вечера присутствовали по приглашению Н.П. Линевица «на ночном маневре войск всего лагерного сбора в окрестностях Новокиевского. Маневр прошел весьма удачно и закончился в 2 часа ночи». Ночевали гости в Барановском⁶⁵.

На следующий день, 26 августа, офицеры были с визитом у командира 2-й Восточно-Сибирской линейной бригады генерал-майора Н.А. Айгустова и командира 11-го Восточно-Сибирского линейного батальона полковника Д.Д. Орлова, гостеприимством которого они пользовались, после чего они возвратились с Н.И. Янжулом на пароходе «Новик» во Владивосток. В этот же день вечером генерал Каваками и японские офицеры были приглашены проживающими во Владивостоке японцами на обед.

27 августа Каваками Сороку, его свита и сопровождавшие его Н.И. Янжул, В.А. Орановский и В.К. Самойлов «были приглашены на обед, данный агентом общества Нипоон-Юзен-Кайша; после обеда все присутствовавшие снялись общей группой», а между 15.00 и 17.00 генерал Каваками нанес прощальные визиты Военному губернатору Приморской области Д.И. Субботичу, коменданту Владивостокской крепости М.И. Стрижеву и командиру порта контр-адмиралу Г.П. Чухнину. На следующий день ему предстояло покинуть Владивосток.

Отход державшего курс в Японию парохода «Тайрен-мару» был назначен на 10 час. утра 28 августа 1897 г. Проводить отъезжающих собрались на адмиральскую пристань все командиры частей и чины штаба. В сопровождении М.И. Стрижева, Н.И. Янжула, В.А. Орановского и В.К. Самойлова японские гости прибыли на пароход «Тайрен-мару» в 8.15 утра. Вслед за этим прибыли Военный губернатор Приморской области Д.И. Субботич и Командир порта контр-адмирал Г.П. Чухнин. «Сердечно простившись с провожавшими», помощник начальник японского Генерального штаба Каваками Сороку, его свита и русский военный атташе в Японии полковник Н.И. Янжул отбыли из Владивостока. «При проходе “Тайрен-мару” мимо крейсера “Рюрик” на нем был вызван караул и музыка играла японский гимн»⁶⁶. В общей сложности японская делегация находилась в Приамурском генерал-губернаторстве более четырех недель⁶⁷.

1 сентября 1897 г. в ВУК Главного штаба была получена «замедленная повреждением линии» короткая телеграмма из Владивостока, которую Н.И. Янжул успел отправить перед отъездом и в которой он кратко сообщал о ходе и успешном завершении визита генерала Каваками. Информировал при этом, что прибудет в Нагасаки 1 сентября. 4 сентября телеграмма была доложена военному министру П.С. Ванновскому⁶⁸.

6 сентября в Главном штабе была получена близкая по содержанию и тоже «замедленная повреждением линии» телеграмма от Командующего войсками При-

⁶⁴ РГВИА. Ф. 451. Оп. 1. Д. 6. Л. 132 об.

⁶⁵ Там же. Л. 132 об. – 133.

⁶⁶ Там же. Л. 133–133 об.

⁶⁷ Там же. Л. 109 об. – 110.

⁶⁸ Там же. Л. 118–118 об.

амурского военного округа С.М. Духовского, особо подчеркнувшего, что лично он с генералом Каваками не виделся, так как тот выехал из Хабаровска ранее его возвращения из поездки в Забайкалье, и что все расходы по размещению важного гостя были отнесены «на экстраординарные суммы генерал-губернатора»⁶⁹.

28 августа, в день отъезда японской делегации, Генерального штаба капитан В.К. Самойлов засел за перо и подготовил достаточно подробный отчет о поездке генерала Каваками в Приамурский военный округ, который был представлен в Окружной штаб⁷⁰. 9 октября копия этого отчета была отправлена начальником штаба Приамурского военного округа почтой управляющему делами ВУК Главного штаба генералу В.У. Соллогубу, и только 10 декабря 1897 г. получена канцелярией комитета⁷¹. Будучи офицером исключительно умным и проницательным, капитан В.К. Самойлов в своем отчете полностью воздержался от каких-либо выводов об итогах визита генерала Каваками в Приамурский военный округ и прогнозов возможных последствий от увиденного японской делегацией в крае⁷².

Выводы

Куда более оптимистичен был русский военный агент в Японии Н.И. Янжул, имевший возможность наблюдать не более половины японского визита. Свое донесение В.У. Соллогубу он завершил пространными и в целом не в меру оптимистичными выводами, содержащими множество ошибок и явно неверных интерпретаций. Прежде всего, его порадовало, что войска Приамурского военного округа представились в присутствии японских гостей в отличном виде, а особенно благоприятное впечатление на них произвели войска Южно-Уссурийского края: обе Восточно-Сибирские стрелковые бригады и Восточно-Сибирские линейные батальоны, которые были осмотрены в лагере у урочища Новокиевское. Военный агент отметил, что японским офицерам особенно бросался в глаза высокий рост русских людей, их «бравый, молодцеватый вид и довольные веселые лица, с которыми нижние чины смотрели на своих начальников». Новинкой для японцев оказался и обычай русской императорской армии здороваться с нижними чинами, выражать им одобрение на учениях и т.п., который представлял собой способ к укреплению духовной связи между начальниками и подчиненными, являющейся залогом моральной силы войск. Немалое впечатление произвело на иностранцев благоустройство и даже «нарядность» войсковых лагерей, которых японские войска, подобно западноевропейским, совершенно не знали. Более же всего, по словам японцев, доложенных Н.И. Янжулом, им понравилось ученье в немую казачьего полка, джигитовка казаков и конное ученье мортирной батареи. Действительно Забайкальский казачий полк и мортирная батарея в с. Никольское показали себя превосходно обученными войсковыми частями, какими на самом деле и являлись. При этом мортирная батарея зарекомендовала себя еще отличным сортом и содержанием своих лошадей. К счастью, японцам не показали хотя бы линейного учения пехоты, которое они не увидели ни в Никольском, ни в Новокиевском лагерях.

Посетив Приамурский край, генерал Каваками Сороку имел возможность лично убедиться в быстром и значительном успехе Российской империи по освоению и развитию края. Помимо усиления в нем военного присутствия, выражающегося в росте численности войск и в образовании из Владивостока обеспеченной базы для Тихоокеанского флота, японская военная миссия имела возможность наблюдать и

⁶⁹ РГВИА. Ф. 451. Оп. 1. Д. 6. Л. 119–119 об.

⁷⁰ Там же. Л. 123–133 об.

⁷¹ Там же. Л. 122.

⁷² Там же. Л. 133–133 об.

«культурные завоевания в этой недавно пустынной стране»: созданное на системе р. Амур обширное паровое судоходство (118 пароходов в навигацию 1897 г.), завершение, в бытность японцев в Хабаровске, постройки Уссурийской железной дороги, начало сооружения Маньчжурской дороги (16 августа японские гости как раз находились на Амурском пароходе в пути из Благовещенска в Хабаровск) и, наконец, заметную активизацию русской колонизации края. На Имане, у станции Графской, японцы видели как производилась погрузка материалов для Забайкальской и Маньчжурской железных дорог и сборка большого числа пароходов и барж для потребностей этих дорог. Во Владивостоке, Хабаровске, Никольском и других местах – обширные работы по постройке казарм и прочих воинских зданий для вновь формируемых частей войск. Все это заставляло Каваками Сороку всерьез задуматься о дальнейших перспективах русской политики в регионе, а заодно и о том, как следует реагировать на этот процесс Японии.

При том, как отмечал Н.И. Янжул, «при своей большой впечатлительности, японские гости не могли не поразиться непривычным для них подавляющим размерам всего того, что они видели на Амуре невиданных ими огромных рек, подобных Амуру, Уссури и Сунгари, беспредельных лесов и огромных расстояний, среди которых населенные пункты представляют редкий оазис. В воображении японцев, несомненно, должны были рисоваться те почти непреодолимые трудности, которые должны встретиться в этом случае для движения войск, в особенности в суровую осеннюю и зимнюю пору, когда не благоприятные климатические условия способны остановить и парализовать усилия самых доблестных и наиболее привычных к суровому климату частей войск. Судя по своему личному впечатлению, могу утвердительно сказать, что все виденное генералом Каваками в Приамурском крае (наши военные средства и природные качества страны) должны надолго отбить всякую охоту со стороны японцев к политике завоевания этого края или даже к попытке нанесения нам частного ущерба овладением Владивостоком или устьем Амура». Это вывод вероятнее всего был ошибочным. Динамика реализации японских военных и военно-морских программ в 1898–1904 гг. свидетельствует скорее о том, что в Стране восходящего солнца осознали, что над Россией такой же легкой победы как над Китаем в 1894–1895 гг. ждать не приходится, и к войне с ней нужно готовиться куда более тщательно.

Сопровождавший иностранных гостей русский военный агент также полагал, что если для России значение Приамурского края обуславливается практически исключительно тем, что владением им дает доступ к Великому океану, ради чего приходится мириться со значительными финансовыми затратами на его обустройство, хозяйственное освоение и оборону «против честолюбивого и предприимчивого соседа, являющегося в лице Японии», то для самой Страны восходящего солнца эта территория, с хозяйственной точки зрения, должна быть еще менее привлекательной. Полковник Н.И. Янжул служил в Японии и на основе собственных впечатлений делал вывод о совершенной непригодности, по своим суровым климатическим условиям, для японской земледельческой культуры территории российского Дальнего Востока. Следует подчеркнуть, что этот тезис совершенно не учитывал японский опыт по освоению Курильских островов и о. Сахалин, имевший место еще до подписания Петербургского договора 1875 г. В то же время вывод о том, что весь интерес японцев к российскому Дальнему Востоку заключается в том, что по своему географическому положению он обеспечивает России преобладание в Корее и значительную долю влияния во всей северной половине Тихого океана, был, безусловно, справедлив. Отсюда крупное значение Владивостокской крепости, с оценкой ее как «бельма на глазу Японии».

Русский военный агент полагал, что гостеприимный прием, оказанный миссии генерала Каваками со стороны не только официальных лиц, но и частных обывателей, произвел на японских гостей весьма сильное впечатление. Появившиеся в газетах восторженные отзывы японских офицеров, в числе которых был и сам генерал Каваками, лично посылавший краткие отчеты о своем путешествии в газету «Кокуишен Шимбун», о радушии и дружелюбии русских, выразившихся в блестящей встрече, им оказанной, «произвели целый переворот в настроении японской печати и общественного мнения». Янжул отмечал, что до этого японские газеты всех политических оттенков, за весьма немногими исключениями, были переполнены всевозможными инсинуациями по адресу России и русских, а также постоянными нападками на русские интересы в Корее и «усилено ложными обвинениями в организации и распространении шпионства в виду готовившегося, будто-бы, нападения на Японию». Все это имело целью, а соответственно и последствием, возбуждение в массе японского общества крайней неприязни к России и ко всему русскому. «Газеты умышленно замалчивали все то, что могло служить к чести русских или могло свидетельствовать о миролюбии России и т.п. и не жалели самых мрачных красок на изображение наших недостатков, не останавливаясь перед самыми пылкими измышлениями. Одновременно с возвращением генерала Каваками в Японию отношение к нам печати сразу и резко изменилось. Газеты прекратили прежнюю ожесточенную кампанию против русских, а некоторые органы начали даже высказываться в примирительном тоне. Едва ли можно рассчитывать, что новое симпатичное веяние продолжится долго, во всяком случае приятно констатировать хотя бы временное примирительное настроение, обнаруженное общественным мнением Японии»⁷³.

Подготовленное в Главном штабе «Извлечение» из этого донесения представляло собой лишь краткую выжимку из него и самостоятельной аналитической ценности не имело⁷⁴. Это ярчайшим образом характеризует «качество» работы Главного штаба Военного Министерства по Дальневосточному направлению накануне Китайского похода 1900–1901 гг. и Русско-японской войны 1904–1905 гг. Каких-либо следов последующего использования этих материалов, в том числе доклада их военному министру П.С. Ванновскому, тоже обнаружить не удалось и, скорее всего, интереса в центральном аппарате Военного министерства они не вызвали. При этом оценки, сделанные Н.И. Янжулом, скорее всего, достаточно далеки от действительности, а реальные выводы, сделанные японскими военными в ходе визита, так и остались загадкой для русского военного ведомства. Принципиально важно то, что какие бы характерные черты, свойственные в первую очередь азиатским народам, не выделяли в развитии России зарубежные исследователи⁷⁵, самими азиатскими народами и странами, в данном случае – японцами и Японией, Россия воспринималась как типичная европейская страна, а значит – потенциальная угроза.

Это была первая и единственная за все время существования Российской империи поездка столь высокопоставленного японского военачальника на русский Дальний Восток. Сложно сказать, был ли в принципе возможен в результате нее поворот в восприятии японскими военными русской активности в регионе, на который так надеялся Н.И. Янжул, если бы Каваками Сороку продолжал возглавлять японский Генеральный штаб. Однако 11 мая (по н. ст.) 1899 г. он скончался, а руководителем

⁷³ Донесение военного агента в Японии Н.И. Янжула № 15 от 18 сентября 1897 г. ... // РГВИА. Ф. 451. Оп. 1. Д. 6. Л. 111–114.

⁷⁴ Извлечение из донесения военного агента в Токио о поездке генерала Каваками в Приамурский округ // РГВИА. Ф. 451. Оп. 1. Д. 6. Л. 116–117.

⁷⁵ Wittfogel K.A. Russia and the East: A Comparison and Contrast // Slavic Review. 1963. Vol. 22. No. 4. Pp.627–643.

этого учреждения стал другой герой Японо-китайской войны 1894–1895 гг. – маршал Ояма Ивао, имевший собственные взгляды на военную политику Японии. Поэтому уже с 1900 г. императору ежегодно начали представлять оперативные планы войны непосредственно с Россией. До этого, начиная с 1880 г., в японском Генеральном штабе и Морском Генеральном штабе разрабатывали только ежегодно утверждавшийся императором общий «План обороны империи», а накануне и во время Японо-китайской войны – оперативные планы войны с Китаем.

Рукопись поступила: 23 ноября 2019 г.

Submitted: 23 November 2019.

Библиографический список

- Авилов Р.С. Проблема разработки планов обороны российского Дальнего Востока в 1896–1900 гг. После Японо-китайской войны 1894–1895 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 94–107.
- Авилов Р.С. Проблема разработки планов обороны российского Дальнего Востока в 1896–1900 гг. Канун Китайского похода 1901–1903 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 128–141.
- Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914 гг. Т. 4. Внешняя политика императора Николая II. 1894–1914. М.: Кучково поле, 2018. 768 с.
- Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. 1. М.: Издательский дом «Русская разведка», ИИА «Евразия+», 1998. 432 с.
- Будберг А.П. Сибирские воспоминания. Владивосток: ОИАК–ПКО РГО, 2017. 434 с.
- Добычина Е.В. Внешняя разведка России на Дальнем Востоке 1895–1904 гг. М.: Институт Российской истории РАН, 2003. 213 с.
- Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М.: Наука, 1988. 383 с.
- Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Нестор-История, 2008. 668 с.
- Моргун З.Ф. Японская мозаика Владивостока: 1860–1937 (Картина жизни Владивостока на примере японской диаспоры). Владивосток: ПКГМ им. В.К. Арсеньева, 2014. 310 с.
- Павлов Д.Б. Русско-японская война 1904–1905 гг.: Секретные операции на суше и на море. М.: Материк, 2004. 464 с.
- Полутов А.В. Разведывательная деятельность коммерческого агентства Японии во Владивостоке накануне Русско-японской войны // Вестник ДВО РАН. 2008. № 5. С. 100–106.
- Полутов А.В. Десантная операция японской армии и флота в феврале 1904 г. в Инчхоне. Владивосток: Русский Остров, 2009. 472 с.
- Полутов А.В. Деятельность японской разведки во Владивосток (1875–1902 гг.) // Россия и АТР. 2011. № 2. С. 215–228.
- Рыбачёнок И.С. «Граница между Россией и Японией одна – океан». Секретная записка князя А.М. Волконского // Источник. 1995. № 5. С. 5–14.
- Рыбачёнок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М.: РОССПЭН, 2012. 582 с.
- Саркисов К.О. Россия и Япония. Сто лет отношений (1817–1917). М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 704 с.
- Сергеев Е.Ю. Военная разведка России в борьбе против Японии, 1904–1905 гг. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. 219 с.
- Steinberg J.W. Was the Russo-Japanese War World War Zero? // The Russian Review. 2008. Vol. 67. № 1. P. 1–7.
- Wittfogel K.A. Russia and the East: A Comparison and Contrast // Slavic Review. 1963. Vol. 22. № 4. P. 627–643.

References

- Avilov, R.S. “The problem of a military defense planning of the Russian Far East in 1896–1900. After the Sino-Japanese War of 1894–1895.” *Tomsk State University Journal*, no. 434 (2018): 94–107 (in Russian).
- Avilov, R.S. “The problem of a military defense planning of the Russian Far East in 1896–1900. The eve of the Chinese campaign of 1900–1901.” *Tomsk State University Journal*, no. 441 (2019): 128–141 (in Russian).

- Ayrapetov, O.R. *Istoriya vneshney politiki Rossiiskoy imperii. 1801–1914 gg. Vol. 4. Vneshnyaya politika imperatora Nikolaya II. 1894–1914*. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2018 (in Russian).
- Alekseev, M. *Voennaya razvedka Rossii ot Ryurika do Nikolaya II. Book 1*. Moscow: Izdatel'skii dom «Russkaya razvedka», ИА «Evrazia+» Publ., 1998 (in Russian).
- Budberg, A.P. *Siberian memoirs*. Vladivostok: SSAR–PRD RGS, 2017 (in Russian).
- Dobychina, E.V. *Vneshnyaya razvedka Rossii na Dal'nem Vostoke 1895–1904 gg.* Moscow: Institute of Russian History Publ., 2003 (in Russian).
- Kutakov, L.N. *Rossiya i Yaponiya*. Moscow: Nauka Publ., 1988 (in Russian).
- Lukoyanov, I.V. «*Ne otstat' ot derzhav...» Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX vv.* St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2008 (in Russian).
- Morgun, Z.F. *Yaponskaya mozaika Vladivostoka: 1860–1937 (Kartina zhizni Vladivostoka na primere yaponskoi diaspor)*. Vladivostok: PKGM im. V.K. Arsen'eva, 2014 (in Russian).
- Pavlov, D.B. *Russko-yaponskaya voina 1904–1905 gg.: Sekretnye operatsii na sushe i na more*. Moscow: Materik Publ., 2004 (in Russian).
- Polutov, A.V. “Intelligence activities of the Commercial agency of Japan in Vladivostok before the Russian-Japanese war.” *Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences*, no. 5 (2008): 100–106 (in Russian).
- Polutov, A.V. *Desantnaya operatsiya yaponskoi armii i flota v fevrale 1904 g. v Inchkhone*. Vladivostok: Russkiy Ostrov Publ., 2009 (in Russian).
- Polutov, A.V. “The Activity of the Japanese Intelligence in Vladivostok (1875–1902).” *Russia and the Pacific*, no. 2 (2011): 215–228 (in Russian).
- Rybachenok, I.S. “«Granitsa mezhdru Rossiei i Yaponiei odna – okean». Sekretnaya zapiska knyazya A.M. Volkonskogo.” *Istochnik*, no. 5 (1995): 5–14 (in Russian).
- Rybachenok, I.S. *Zakat velikoy derzhavy. Vneshnyaya politika Rossii na rubezhe XIX–XX vv.: tseli, zadachi, metody*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2012 (in Russian).
- Sarkisov, K.O. *Rossiya i Yaponiya. Sto let otnosheniy (1817–1917)*. Moscow: OLMA Media Grupp Publ., 2015 (in Russian).
- Sergeev, E.Yu. *Voennaya razvedka Rossii v bor'be protiv Yaponii, 1904–1905 gg.* Moscow: Tovari-shchestvo nauchnykh izdaniy KMK Publ., 2010 (in Russian).
- Steinberg, J.W. “Was the Russo-Japanese War World War Zero?” *The Russian Review* 67, no. 1 (2008): 1–7.
- Wittfogel, K.A. “Russia and the East: A Comparison and Contrast.” *Slavic Review* 22, no. 4 (1963): 627–643.

Информация об авторе / Information about the author

Авилов Роман Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Roman S. Avilov, Kandidat Istoricheskikh Nauk [PhD in history], Senior Researcher, Department of the History of the Russian Far East, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-952-964>

Научная статья / Research article

People's Houses as Answers to the Challenges of Modernity in Europe and Russia

Elena V. Alekseeva, Elena Y. Kazakova-Apkarimova

Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;
16, S. Kovalevskaya St., Yekaterinburg, 620108, Russia;
alekseeva167@mail.ru, apkarimova@mail.ru

Abstract: The article is devoted to a pioneer comparative study of the appearance and evolution of people's houses in Western Europe and Russia in the second half of the XIX – early XX century. The institutional approach chosen by the authors is complemented by a historical and comparative method of studying the phenomenon of people's houses. The goals of their creation and features of the activity, due to the political, economic and sociocultural historical realities of individual countries, are analyzed. Research revealed that people's houses in Europe and in Russia were created at the same historical period – the modern era. A historiographical comparative study using new historical sources showed that in Western European countries and in the Russian Empire, the state did not play a major role in this matter, although some of the people's houses were opened by monarchs, and state policy (opposing promotion of cultural leisure to the alcoholization of the population) could contribute to the development of civil society initiatives. The performed study proves that for both European countries and Russia, private and public initiatives in establishing people's houses (primarily the cooperative movement) played a decisive role. In Russia, it is important to point out the sociocultural policy of the zemstvos, their financial support when building people's houses. The article shows the obvious differences in the history of people's houses in Western European countries and in Russia, due to the late formation of the party system in Imperial Russia. In Europe, one can meet many examples of the creation of people's houses by political parties and generally note the high level of politicization of these institutions. In Russian reality non-political nature of people's houses is obvious, they were mostly cultural and educational public institutions that were further subjected to the process of politicization (under revolutionary conditions). In conclusion, the authors acknowledge big historical significance of people's houses as civil society institutions in Russia and abroad, taking into account such principles of their functioning as independence, voluntariness, social activism and civic consciousness.

Keywords: people's house, culture, enlightenment, civil society, cooperation, labor and trade union movement, Western Europe, Russian Empire, heritage

For citation: Alekseeva, Elena V., and Kazakova-Apkarimova, Elena Y. "People's Houses as Answers to the Challenges of Modernity in Europe and Russia." *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 4 (November 2020): 952–964. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-952-964>

Народные дома – европейский и российский «ответы» на культурно-мировоззренческие «вызовы» эпохи модерна

Е.В. Алексеева, Е.Ю. Казакова-Апкаримова

Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук;
620108, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16;
alekseeva167@mail.ru, apkarimova@mail.ru

Аннотация: Статья впервые посвящена компаративному исследованию появления и эволюции народных домов в Западной Европе и России во второй половине XIX – начале XX в. Выбранный авторами институциональный подход дополняется историко-сравнительным методом

© Alekseeva E.V., Kazakova-Apkarimova E.Y., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

исследования феномена народных домов. Показаны цели их создания и особенности деятельности, обусловленные политическими, экономическими, социокультурными историческими реалиями отдельных стран. Установлено, что народные дома в Европе и в России возникли в одно историческое время – эпоху модерна. Историографическое сравнительно-историческое исследование с привлечением новых исторических источников показало, что в западноевропейских странах и в Российской империи государство не играло главной роли в данном вопросе, хотя отдельные народные дома открывались монархами, а государственная политика (противопоставляющая алкоголизации населения пропаганду культурного досуга) могла способствовать развитию инициативы гражданского общества. Выявлено, что и в странах Западной Европы, и в России определяющую роль в создании народных домов играли частные инициативы и общественные движения (прежде всего кооперативное). В России важно отметить социокультурную политику земств, их финансовую поддержку при открытии народных домов. В статье показаны очевидные различия в истории народных домов в западноевропейских странах и в России, обусловленные поздним становлением партийной системы в поздней имперской России. Если в Европе можно встретить немало примеров создания народных домов политическими партиями и в целом отметить высокий уровень их политизации, то для российской действительности была типичнее неполитическая природа народных домов как культурно-просветительских общественных институтов, в дальнейшем подверженных процессу политизации (в революционных условиях). В заключении делается вывод о большом историческом значении народных домов как институтов гражданского общества в России и за рубежом, учитывая такие принципы их функционирования, как самостоятельность, добровольность, общественный активизм и гражданственность.

Ключевые слова: народный дом, культура, просвещение, гражданское общество, кооперация, рабочее и профсоюзное движение, Западная Европа, Российская империя, наследие

Для цитирования: Алексеева Е.В., Казакова-Апкаримова Е.Ю. Народные дома – европейский и российский «ответы» на культурно-мировоззренческие «вызовы» эпохи модерна // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 4. С. 952–964. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-952-964>

Introduction

With the development of modern society and the attendant rise of a more rational worldview, the public became increasingly interested in the sphere between the sacred and universal on the one hand and familiar everyday life on the other. Rising levels of education and culture among the working masses led to the emergence of institutions and organizations to meet their needs, including schools, social circles, courses, public libraries, reading rooms, and theaters. One entirely new answer to the cultural and intellectual challenges of the time was the emergence of people's houses. As they evolved during the second half of the 19th and early 20th centuries they emerged as important public institutions that reflected the desire for self-identification and the search for new forms of cultural and political socialization among many workers. These institutions made a significant contribution to the formation of the population's civic culture, providing insights into the evolution of civil society in both Europe and Russia.

People's houses emerged in the context of the rise of the labor movement, and their premises became a platform for various public organizations. The buildings that housed them were often financed by workers' cooperatives and involved voluntary labor. As a rule, they were built in the residential areas of workers, standing out by their size and architecture. People's houses had a significant impact on the cultural landscape as the center of social and cultural life, not only in many large cities, but also in small towns as well as rural settlements.

People's houses were strongly influenced by national history and regional specifics. Thus, their emergence as an initiative from below, i.e. through the cooperative efforts of workers, bear the imprint of the utopian ideas of Roger Owen, Henri, Count de Saint-Simon and Charles Fourier. One of the oldest people's houses in France, the Maison du peuple in Saint-Claude, is an intriguing example and is also interesting from the perspective of cultural heritage. In France, active work is still being done on the matter.

In recognition of the historical significance of the People's House in Saint-Claude, since 1984 the association "La Fraternelle" has been working to "perpetuate the memory of the activities of its predecessors", by ensuring its continuity, especially in the field of

public education and art, by organizing classes and excursions for students of all levels, temporary exhibitions, conferences and round tables.¹ The Association also keeps important archives of cooperative unions, public associations, political, cultural and sports groups, and stores them in national and international centers for documentation of social history (CODHOS, IALHI, AMSAB), which allow researchers to work with them.² Thus, Saint-Claude features the historical building of the old People's House, and the democratic spirit of culture, enlightenment and creativity continues to develop within its walls.

Some steps to preserve the cultural heritage of the institutions in question are also being taken in Russia. The People's House of Nicholas II in St. Petersburg has long had a music hall. The Cheliabinsk People's House is now home to the Drama Youth Theater. The Bashkir Opera and Ballet Theater (in which Rudolph Nureyev danced) in Ufa has been located in the Aksakovskii People's House since 1938. The Vvedenskii People's House in Moscow, where the famous theater expert Aleksei Bakhrushin worked from 1907, and "Carnival Night" was filmed in 1956, was rebuilt as the Palace on the Yauza in 2008. In 2000–7, the people's house in Barnaul was restored with federal and regional money. As home to the Philharmonic Society, it hosts concerts, poetry evenings and exhibitions, thereby providing some historical continuity.³ However, the condition of more modest, non-stone people's houses in the provinces remains deplorable; the fate of the wooden People's House in Pervouralsk is a sad example.⁴

Foreign scholars often study people's houses in the context of the development of political consciousness, including communism, among residents of specific settlements. Max Hastings has written a book about the matter, *Halluin la rouge 1919–39, aspects d'un communisme identitaire* (*Halluin the red: Aspects of a Communist Identity*)⁵ while the article by P. Cossart and J. Talpin consider the People's House in Roubaix, a town near Lille in northern France, as a community center that became an important place for the politicization of the working class.⁶

The historical and cultural aspects of people's houses are the subject of a number of monographs. Perhaps the most significant is the Belgian book *Maisons du Peuple, Architectures pour le peuple, Belgique, Allemagne, Autriche, France, Grande Bretagne, Italie, Pays Bas, Suisse* (*People's houses. Architecture for the people. Belgium, Germany, Austria, France, Great Britain, Italy, Netherlands, Switzerland*).⁷ However, despite the work's wide geographical scope, it focuses on people's houses in Belgium. Meanwhile, F. de Luis Martin and L.A. Gonzalez's *Las Casas del Pueblo socialistas en España (1900–36)* (*Socialist People's houses in Spain (1900–36)*), published in 1997, studies the phenomenon in Spain.⁸ The specialist of interwar urban architecture A. Katz, looks at people's houses on the periphery of Paris in 1914–40, and examines how they evolved, their architecture both in its symbolic functions and in the context of modernization.⁹ In the British Isles, people's houses were dif-

¹ Aurélie Edet. 2 Mar 2017. A Saint-Claude, la mémoire toujours vivante de la Maison du peuple, <https://autogestion.asso.fr/a-saint-claude-la-memoire-toujours-vivante-de-la-maison-du-peuple/>.

² La Frat, accessed January 5, 2020, www.maisondupeuple.fr.

³ O.Yu. Konyshcheva, "The People's House in Barnaul is an architectural and cultural monument of the early XX century," *Balandin readings*, no. 1 (2015), accessed January 7, 2020, <https://cyberleninka.ru/article/n/narodnyy-dom-v-g-barnaule-pamyatnik-arhitektury-i-kultury-nachala-xx-v>.

⁴ S. Chernogubov, *Narodnyy dom v Pervourals'ke*, accessed February 6, 2020, <https://uraloved.ru/goroda-i-sela/sverdlovskaya-obl/narodnyy-dom-pervouralsk>

⁵ Hastings, M. *Halluin la rouge 1919–1939, aspects d'un communisme identitaire* (Paris: Presses University, 1991).

⁶ P. Cossart, J. Talpin, "Les Maisons du Peuple comme espaces de politisation. Étude de la coopérative ouvrière la paix à Roubaix (1885–1914)," *Revue française de science politique* 62, no. 4 (2012): 583–610.

⁷ *Maisons du Peuple, Architectures pour le peuple. Belgique, Allemagne, Autriche, France, Grande Bretagne, Italie, Pays Bas, Suisse* (Bruxelles: Archives d'Architecture Moderne, 1984).

⁸ *Las Casas del Pueblo socialistas en España (1900–1936)*. (Madrid: Ariel Historia, 1997).

⁹ A. Katz, "Maisons du Peuple: Marking new Municipal Centers on the Parisian Periphery, 1914–1940," in *Architecture de la Culture. Relais du pouvoir Européen. Proceedings of the DocoMomo International Conference, Paris, April 24, 2006* (Paris: DocoMomo International, 2009), 26–33.

ferent in various parts of the kingdom. In Wales, they are known as “workmen’s halls” or “workmen’s institutes¹⁰,” while England and Scotland also had “miners’ institutes.”

Anke Hoffsten’s study of the history and architecture of people’s houses in Germany, *Das Volkshaus der Arbeiterbewegung in Deutschland: Gemeinschafts bauten zwischen Alltag und Utopie* (People’s houses and the labor movement in Germany: public buildings between everyday life and utopia)¹¹ considers their key role in providing workers with their own places of cultural leisure. The study covers some 300 of them, both significant architectural buildings and simple, temporary constructions, examining the connection between traditional styles and innovation in the context of the architectural discourse of modernity. As a result, Hoffsten concludes that people’s houses strongly influenced modern urban architecture. She pays special attention to their use by the National Socialists. Her book also looks at the eventual fate of the people’s houses.

The history of people’s houses in Russia is studied in the context of various cultural, educational and charitable organizations of the late imperial era, which built them as, for example, guardianships of national sobriety, after the approval of the relevant Charter on December 20, 1894. According to the document, the tasks of local committees of guardianships of national sobriety included organizing anti-alcohol propaganda and cultural activities, such as people’s houses; from 1897 to 1903 the guardianships built 137 people’s houses.¹² Working with sources in the Urals,¹³ M.R. Iusupov studied people’s houses in the broad context of the zemstvos’ educational activities.¹⁴ Meanwhile, N. V. Kazakova analyzed their history in pre-revolutionary Udmurtia, which at that time was part of Vyatka Province.¹⁵

Historians of Siberia have looked at the cooperative movement in Asian Russia, which pursued not only economic goals, but also helped raise the population’s cultural level, in particular by setting up people’s houses. In this regard, between 1916 and 1918 in Siberia 23 cooperatives opened seven libraries, two provincial reading rooms,¹⁶ book stores, seven people’s houses, 10 cooperative courses, two cooperative schools, three theaters, and one cinema.¹⁷

¹⁰ G.D. Nash, T.A. Davies, B. Thomas, *Workmen's Halls and Institutes: Oakdale Workmen's Institute. National museum of Wales. Cathays Park* (Cardiff: Cardiff University, 1995).

¹¹ A. Hoffsten, *Das Volkshaus der Arbeiterbewegung in Deutschland: Gemeinschafts bauten zwischen Alltag und Utopie* (Köln; Wien; Weimar: Böhlau Verlag, 2017).

¹² L.P. Rasskazov, A.V. Kuzmina, “Historiography of the Guardianship of Popular Sobriety in the Russian Empire,” *Law and State: Theory and Practice*, no. 11 (2015), accessed February 4, 2020, <https://kubsau.ru/upload/iblock/d4f/d4f45b192b38838f97229ab87528aaf9.pdf>

¹³ D.Ye. Pel'kov, “Piteynaya reforma v Rossii i deyatel'nost' popechitel'stv o narodnoy trezvosti v 1895–1914 gg. (po materialam Ufimskoy gubernii).” In *Yezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya parvoslav'nogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta* (Moscow: [B.i.], 2012), 127–129; D.Ye. Pel'kov, “The first folk houses in the Ufa province (1895–1897),” *Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Art*, no. 3 (2012): 160–163; E.B. Druzhinina, “The first, not accidental, remarkable ... (to the 110th anniversary of the building of the people's house in Chelyabinsk),” *Museum Bulletin*, no. 16 (2014): 64–68.

¹⁴ M.R. Yusupov, “Educational activity of the zemstvos of the Urals at the turn of the XIX–XX centuries: people's houses,” *Bulletin of the Ryazan State University. S.A. Yesenin*, no. 4 (2015), accessed January 10, 2020, <https://cyberleninka.ru/article/n/prosvetitel'naya-deyatelnost-zemstv-urala-na-rubezhe-xix-xx-vekov-narodnye-doma>

¹⁵ N.V. Kazakova, “Organization of people’s houses in pre-revolutionary Udmurtia at the beginning of the 20th century,” *Idnakar: methods of historical and cultural reconstruction*, no. 3 (2015), accessed January 10, 2020, <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-narodnyh-domov-v-dorevolutsionnoy-udmurtii-nachala-hh-v>

¹⁶ V.K. Alekseyeva, *Kooperativnoye dvizheniye v Sibiri. Konets XIX – nachalo XX v.* (Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta Publ., 1993), 103.

¹⁷ T.G. Maltseva, “125th anniversary of the formation of the Society for the Care of Primary Education in Altai,” *Barnaul Chronograph*, <http://www.altlib.ru/files/text/h2009/03.html>; V.A. Skubnevsky, “People's House – the center of cultural and social life of pre-revolutionary Barnaul,” *Bulletin of Altai State University*, no. 4–2 (2012), accessed January 10, 2020, <https://cyberleninka.ru/article/n/narodnyy-dom-tsentr-kulturny-i-obschestvennoy-zhizni-dorevolutsionnoy-barnaula>

According to V.A. Skubnevskii, the history of Barnaul's people's house began with the work of the Society for the Care of Primary Education.¹⁸ He found that in the revolutionary years of 1905 to 1907, the house witnessed political clashes, while O. Iu. Konyshva examined the city's building, which was built in 1900, as an architectural and cultural phenomenon.¹⁹

The works of Adele Lindenmeyr, a prominent American historian of charity in Imperial Russia, has also paid attention to people's houses there. Her research is distinguished by the theoretical and conceptual depth of her understanding of this phenomenon in the context of charity and civil society. Her warnings about excessive enthusiasm for resorting to binary concepts (traditional vs. contemporary, religious vs. secular, state vs. public), as scholars often do, are particularly noteworthy. As she explains, "Being not always unfounded, binary paradigms nevertheless create an idea of the excessive determinism of history. They prevent us from gaining a more subtle, pluralistic understanding of the complex relations between various authorities and social groups, as well as within them."

By providing concrete examples, Lindenmeyr shows that it is often impossible to draw a clear line between religious and secular motives. "Many of the most innovative, progressive charitable initiatives in the 19th and 20th centuries drew inspiration and guidance from religion," she writes.²⁰ In this regard she analyzes the establishment of the Ligovskii people's house in 1903 by Countess Sofia Panina: "Its diverse activities intersected little with the paths of official religion. However, the consecration of the building in 1903 had religious meaning. It was Father Grigori (Petrov), a priest known for his progressive views that Panina chose to conduct the ceremony; moreover, it was the Easter Sunday that was chosen as the day of the consecration ceremony."²¹ Such examples reveal the complexity and inconsistency, and, paradoxically, harmonious combinations of the secular and religious, traditional and innovative, progressive and archaic in Russia as it evolved towards modernity.

The existing literature allows us to compare people's houses in Western Europe and Russia at the turn of the 20th century in the context of civil society. In particular, this article evaluates the establishment of people's houses, while considering the roles of the public and the state, the influence of political, religious and intellectual motives, as well as their socio-cultural significance. As for Russia, it also pays attention to the little known history of people's houses in rural areas.

The rise of people's houses in Western Europe and Russia

In both Europe and Russia, heads of state, aristocrats, and industrialists sponsored people's houses. One of the first, the "New Institute for Character Formation," opened in 1816 by Robert Owen in New Lanark, was built by a factory owner for his workers. Already in the 1830s and 1840s, businessmen in Lancaster, Scotland and the northeast of England often established reading rooms and libraries for their workers to retain their labor force, combat drunkenness and other vices that might interfere with their work.²²

¹⁸ O.Yu. Konyshva, "The People's House in Barnaul is an architectural and cultural monument of the early XX century," *Balandin Readings*, no. 1 (2015), accessed January 7, 2020, <https://cyberleninka.ru/article/n/narodnyy-dom-v-g-barnaule-pamyatnik-arhitektury-i-kultury-nachala-xx-v>

¹⁹ A. Lindenmeyr, "Otkryvaya Atlantidu: tendentsii i perspektivy izucheniya istorii rossiyskoy blagotvoritel'nosti," in *Blagotvoritel'nost' v Rossii: Novyye dokumenty i issledovaniya* (St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2008), 99.

²⁰ Ibid.

²¹ G.D. Nash, T.A. Davies, B. Thomas, *Workmen's Halls and Institutes: Oakdale Workmen's Institute. National museum of Wales. Cathays Park* (Cardiff: Cardiff University, 1995), 3.

²² F. Bartlett's letter January 19, 1886, <https://www.library.qmul.ac.uk/archives/archive-galleries/the-peoples-palace-past-and-present/name-36377-en.html>

By the end of the 19th century, enormous progress had been made in the field of public education, and the charity of capitalists attracted the attention of monarchs and the nobility.

Among such institutions at the time in Russia the tsar supported was the People's House of Emperor Nicholas II in St. Petersburg at the turn of the twentieth century. Even earlier in 1887, Queen Victoria had opened the People's Palace in the London's East End. Additional funding outside the royal family's purse led to some controversy as some argued that, rather than spending money for the "lazy" working class, it should go to build hospitals and improving their living conditions.²³ However, the skeptics could not turn the tide of public opinion. This was vividly expressed by Sir Walter Besant, who in the eight chapter of his novel of 1882, *All Sorts of Conditions and Men*, described the "Palace of Pleasure" that became the prototype of the building the queen opened five years later. According to the author, the palace was meant to rouse the dormant minds of workers, who preferred food and drink, by directing them to higher intellectual and aesthetic pleasures. In his imaginary architecture, there was no place for a pompous staircase occupying a huge space, meaningless enfilades and passages; everything was to be rationally designed to accommodate concerts and performances, dances and playing with children, a library with a reading room, classrooms, and games.²⁴ The real people's palace was a majestic structure in the British capital's poor district, which, according to the conventions of Victorian philanthropy, was meant to distract laborers from gin and porter by providing cultural diversions ranging from simple entertainments like donkey shows to sophisticated concert performances. Its premises included technical and engineering schools, a sports hall, a swimming pool, a library, a regular garden, and a winter garden.²⁵

In 1898 the Earl of Rosebury solemnly opened the People's Palace in Glasgow's working area. The ground floor of the grand red brick building housed reading and relaxation rooms, a museum, and the top floor featured an art gallery. It houses Glasgow Museum of Social History today; a huge glazed space adjoins the main building, where a magnificent winter garden is located.

Countess Panina's pet project, the Ligoetskii People's House, was built in 1903 according to similar principles, "a new symbiosis of education and entertainment," as she put it. According to Adele Lindenmeyr "Rejecting the model of state-funded people's houses under guardianship of sobriety, she conceived the Ligoetskii people's house as a spacious and well-equipped haven where workers and their children could not only forget about stuffy slums, but also learn and socialize."²⁶ The countess spoke critically of the people's houses the Ministry of Finance opened to distract people from drunkenness, arguing that such institutions solely provided "entertainment." Advocating the "symbiosis of entertainment and education", Panina and like-minded people were sought for the best way to introduce children and adults to culture.²⁷ Her concept of a people's house was in no way connected to politics. In her memoirs, Panina wrote: "Politics, whatever political propaganda was, explicit or implicit, was unanimously excluded from our educational activity."²⁸

The people's houses built on the initiative of workers themselves were a more public version of such institutions. They became important community centers of culture at the turn of the twentieth century. In 1879 a people's house (since in 1982 the Workers Museum – Arbejdermuseet) was built in Copenhagen, and during the subsequent decade others emerged elsewhere in Denmark. Elsewhere in the Nordic countries, Tampere saw a House of Workers

²³ W. Besant, *All sorts and conditions of men, an impossible story* (New York: Lovell, Coryell, 1882).

²⁴ Internet Archive, <https://ia800702.us.archive.org/33/items/allsortsconditi00besa/allsortsconditi00besa.pdf>

²⁵ The People's palace: past and present, <https://www.library.qmul.ac.uk/archives/archive-galleries/the-peoples-palace-past-and-present/>

²⁶ A. Lindenmeyr, "Открытие Атлантиды," 99.

²⁷ S. Panina, "Na peterburgskoy ukrainе," *Novyy zhurnal*, no. 1 (1957): 170–171.

²⁸ *Ibid.*, 172.

open in 1900 (where in 1905 V.I. Lenin and J.V. Stalin met for the first time), followed by one in Helsinki eight years later, while in Sweden the phenomenon was associated with the emergence of the labor movement. In Stockholm, the people's house was being built between 1897 and 1901. In 1906, “beautiful halls of the huge six-story People’s House”²⁹ hosted the fourth (unifying) Congress of the Russian Social Democratic Labor Party (RSDLP). Meanwhile in neighboring Norway, people’s houses began to operate in 1890 in Vikersund and in 1907 in Oslo; in all, the Scandinavian kingdom housed over two hundred such institutions. People's houses in Italy dated back to 1893 and in Switzerland to 1899, while in Austria they were opened between 1902 and 1907.

One of Europe’s most important people’s houses in Europe was in Brussels. Built at the request of the workers’ party of Belgium by cooperatives from 1896 to 1899 and designed by the architect Victor Horta, who widely used the new decorative innovations of metal and Art Nouveau techniques. The building, “full of light and air, which was unusual for slum workers” housed the administration, cooperatives, offices of political and professional organizations, cafes, rooms for education, a huge 1,500 seat hall for party functions, as well as concerts and plays. Over time, the party had people’s houses built in every major Belgian city. As its administrative headquarters and meeting places for workers, they symbolized their solidarity and desire for progress, while also contributing to class and political consciousness. Despite its significance and public protests, the Brussels “Maison du Peuple” in Brussels was demolished in 1965. However, many other people's houses have had a happier and longer life.

Already in 1860, Ateneum³⁰ emerged in Barcelona as a center of support for social progress as well as the cultural and political education of the working class, and still operates today to preserve and promote Catalan culture. Catalonia’s ateneums were revived as centers of national culture beginning in the 1990s. Such buildings typically house facilities for various events, including a large hall with a stage, a library, a theater, a relaxation room (where, for example, one can play chess), and a cafe or restaurant. In addition to lectures, courses, conferences, discussions, readings, concerts, theater and film shows, the premises often serve as a meeting place for local clubs. These people’s houses were created by cooperative efforts, financed (and continue to be supported) by its members and managed by a general meeting. As in much of Europe, their cultural mission was combined with cooperative carried out trade in small shops located on the building’s first floor.

The emergence of people's houses or workers' houses in France is also associated with its trade union movement, to defend the interests of workers, promote their cultural development, and as labor exchanges. Many of them still host various meetings, conferences, concerts, exhibitions, plays and other social events.

In the center of Wales’ metalworking region laborers jointly built Blaenavon Workers' Hall in 1895. The large facility was used for concerts, national Welsh poetry and music contests, charity fairs and political gatherings, while the library and reading rooms provided access to newspapers and literature, to broaden the minds of workers and their families. The building also housed a billiard room and a cinema. Today the solid stone structure remains a living cultural institution, with concerts, a billiard room, a cinema, and a museum of the local community’s history. UNESCO added it to its World Heritage List as part of the entire Blaenavon industrial landscape.

As in the European examples cited above, the social demand for “rational entertainment” – theatrical performances, concerts, dance, literary, musical evenings, people’s readings,

²⁹ K.Ye. Voroshilov, *Rasskazy o zhizni (Vospominaniya)* (Moscow: Politizdat Publ., 1968), <https://leninism.su/biography/4063-lenin-v-shveczii.html?start=8>

³⁰ The word “Ateneum” (Spanish – el ateneo, cat. – el ateneu) means a folk cultural center, named after the Greek goddess of reason and knowledge, Athena.

people's choirs, tea houses, and folk festivals³¹ – to combat ignorance, vice and drunkenness, also emerged in late imperial Russia. At the constituent assembly of the “People's house” Society in Kurgan, a speaker stated its goals: “Russia is about to take a new path – of development and progress. The broad masses of the people desire light. It is the “People's house” that should prepare these masses for the future cause.”³²

At the turn of the 20th century people's houses operated in Moscow, St. Petersburg, Ufa, Tomsk, Chelyabinsk, Barnaul, Simbirsk, Vyatka.³³ The need for public education was also clearly recognized in Russia's more remote regions. Realizing that in European Russia, cultural life was still inert, and “barely awake” in Siberia,³⁴ educators beyond the Urals explained, “we are accountable to future generations for every hour of ‘lethargy’.”³⁵

Barnaul's people's house began with the active educational work of the Society for the Care of Primary Education, which the exiled populist V.K. Stilke set up in 1884.³⁶ After numerous requests, the city council approved the project. Erected on the foundation of the city prison, which had burnt down, the people's house was formally opened in December 1900. The Society's members organized Sunday readings, lectures, amateur evenings, theatre performances, etc., while their garden featured a tea stall still operated in Soviet times.³⁷

Political rallies and demonstrations took place in front of the building during the revolutionary years of 1905 to 1907, while led more conservative townspeople repeatedly to call for it to be shut. In a meeting on November 21, 1905, middle class citizens demanded that they “close down” the people's house, “to prevent those people who are against God and the Tsar from gathering there.”³⁸ Twelve years later, it was in the same people's house that Soviet power was proclaimed in Altai. At the time, it hosted two free public schools, people's, school and public libraries, a book depository, a summer public theater, a garden for urban residents, and held various events, such as meetings and charity concerts.

The people's house was the center of the population's cultural and social life, and it housed a wide variety of groups, including trade unions, the Society of Doctors, the Council of Workers and Military Deputies and Socialist Revolutionaries, the Fire Society and the Ukrainian Gromada, Czech prisoners of war, the Polish organization, the Russian Red Cross, Old Believers, Mensheviks and Social Democrats. The building remained a cultural center in the Soviet period and during the Great Patriotic War, it housed the Dnepropetrovsk Russian Drama Theater and the Moscow Chamber Theater (1941–43), which had been evacuated to Barnaul.

³¹ N.V. Kazakova, “Organization of people's houses in pre-revolutionary Udmurtia at the beginning of the 20th century,” *Idnakar: methods of historical and cultural reconstruction*, no. 3 (2015), accessed January 10, 2020, <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-narodnyh-domov-v-dorevolutsionnoy-udmurtii-nachala-hh-v>

³² Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti (thereafter – GANO), f. D-97, op. 1, d. 60, l. 1.

³³ N.V. Kazakova, “Organization of people's houses in pre-revolutionary Udmurtia at the beginning of the 20th century,” *Idnakar: methods of historical and cultural reconstruction*, no. 3 (2015), accessed January 10, 2020, <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-narodnyh-domov-v-dorevolutsionnoy-udmurtii-nachala-hh-v>

³⁴ GANO, f. D-97, op. 1, d. 60, l. 67.

³⁵ *Ibid.*, l. 67 ob.

³⁶ T.G. Maltseva, “125th anniversary of the formation of the Society for the Care of Primary Education in Altai,” *Barnaul Chronograph*, <http://www.altlib.ru/files/text/h2009/03.html>; V.A. Skubnevsky, “People's House – the center of cultural and social life of pre-revolutionary Barnaul,” *Bulletin of Altai State University*, no. 4–2 (2012), accessed January 10, 2020, <https://cyberleninka.ru/article/n/narodny-dom-tsentr-kultury-i-obschestvennoy-zhizni-dorevolutsionnogo-barnaula>

³⁷ O.Yu. Konyshva, “The People's House in Barnaul is an architectural and cultural monument of the early XX century,” *Balandin Readings*, no. 1 (2015), accessed January 7, 2020, <https://cyberleninka.ru/article/n/narodny-dom-v-g-barnaule-pamyatnik-arhitektury-i-kultury-nachala-xx-v>

³⁸ V.A. Skubnevsky, “People's House – the center of cultural and social life of pre-revolutionary Barnaul,” *Bulletin of Altai State University*, no. 4–2 (2012), accessed January 10, 2020, <https://cyberleninka.ru/article/n/narodny-dom-tsentr-kultury-i-obschestvennoy-zhizni-dorevolutsionnogo-barnaula>

The cooperative movement that originated in Europe also actively developed in Asian Russia. As in Western Europe, Siberian cooperatives were busy in the cultural and educational field. They opened reading rooms, organized lectures, family literary and musical evenings, and concerts of professional artists. On December 6, 1918, the report to the general meeting of shareholders of the regional union of the Trans-Baikal cooperative, “On the cultural and educational department of the Trans-Baikal cooperation”, stated, “To facilitate the emergence of people’s houses, clubs, tea houses, etc. in the region it is necessary to establish a ‘people’s house fund’ from which grants should be given to cultural and educational organizations for equipping ready-made premises, and salaries to hire managers and organizers. Money from these two funds should be spent in the form of temporary or non-repayable loans.”³⁹

Not all public initiatives to open people’s houses were successful. In Novonikolaevsk, the Society for the Care of Public Education, which was established in 1909, was kept from realizing its ambition due to World War I. Its own attempts to raise funds were not very effective, and an urgent appeal to the Ministry of Education and the City Council of Novonikolaevsk for money to complete the people’s house in Novonikolaevsk – or at least cover the cost of 700,000 bricks for laying its walls – went unanswered.⁴⁰ Thus, a people’s house that could have become one of the most beautiful buildings in Novonikolaevsk and hosted an excellent theater, was never built.

The 1915 report of the lawyer G.I. Zhernovkov, a member of the Novikolaevsk Society of Public Education noted that

in the context of the movement for people’s sobriety, despite the war, the Ministry of Education proposed a bill on people’s houses and other educational out-of-school institutions to the State Duma. Zemstvo came up with plans for a regional network of people’s houses. The Moscow, Tver, Viatka, Yaroslavl, Perm, Ufa, Poltava and Kiev zemstvos began developing regional networks of public houses. The Commission at the Samara City Council proposed building people’s houses and people’s theaters ... The Kazan City Council allocated 10,000 rubles for people’s entertainment in working-class quarters. Poltava’s provincial zemstvo allocated 15,000 rubles for the establishment of people’s houses in the county. For the same purpose, Kiev’s zemstvo allocated 30,000 rubles,⁴¹ Viatka’s – 105,000 rubles, Moscow’s – 100,000 rubles. In 1914, Perm’s provincial zemstvo generously allocated a million rubles for people’s houses, provided that they were built within ten years.⁴²

As the most successful in organizing people’s houses in the countryside, Perm Province’s zemstvo deserves a closer look. The county zemstvos were entrusted with creating a network of people’s houses together with local rural societies or cooperatives. The provincial government was to write their charters and the conditions for issuing loans to build them. The opening of cultural institutions in villages was considered to be an urgent need: “Without any cultural guidance, in villages the people unwittingly spend their leisure time on drunkenness or frivolous amusements, which certainly contributes to the deterioration of morals and the rise of the evil that has now commonly become as hooliganism.”

People’s houses were meant to save the population from these ills by providing new cultural opportunities, and the government felt that every people’s house should have a library-reading room, under the jurisdiction of the county zemstvo. They were also supposed to provide villages with venues for theatrical performances, people’s readings, lectures, conversations using magic lanterns, cinema, dance and music evenings, as well as other entertainments. At the same time, the buildings were designed for both young people who wanted to enjoy themselves and relax on a holiday, and for adults, “respectable

³⁹ O.Yu. Konyshcheva, “The People’s House in Barnaul is an architectural and cultural monument of the early XX century,” *Balandin Readings*, no. 1 (2015), accessed January 7, 2020, <https://cyberleninka.ru/article/n/narodnyy-dom-v-g-barnaule-pamyatnik-arhitektury-i-kultury-nachala-xx-v>

⁴⁰ GANO, f. D – 97, op. 1, d. 60, l. 20 ob.

⁴¹ *Ibid.*, l. 19 ob.

⁴² *Ibid.*, d. 60, l. 20.

house owners who had an opportunity to read a newspaper during their leisure, discuss the news and generally talk about public affairs.” At the same time, a people's house could host the meetings of all public organizations of a village, including fire brigades, credit partnerships, agricultural and consumer societies.

It was assumed that it the provincial zemstvo, the local committee to promote national sobriety and the local society itself, on whose initiative a people's house was organized, would jointly pay for building it. Once opened, the facility would be managed and funded by the corresponding rural society, or by all the all local public organizations that had contributed the money. A contemporary indicated that in Perm, Poltava and other provinces “cooperatives are the hottest and liveliest conduits of the idea of people's houses.”⁴³

Indeed, Perm Province's cooperative congresses enthusiastically responded to the idea of creating people's houses. Thus, the congress of the Shadrinsk district in 1911 issued a resolution on cultural work. The cooperative congress in Kamyshlovsk uezd decided in 1913 that attention should be paid to the organization of people's houses, declaring it to be “a matter where all cooperatives could unite. This is a great, holy idea.” The question was discussed in 1913 at the meeting of representatives of credit and agricultural cooperatives in Osa. One of its participants pointed out that, instead of the usual type of buildings for agricultural warehouses, it would be better to build people's houses, with a stage, library, and a boardroom room on the upper floor, and the warehouse of agricultural tools and seeds on the lower.

In 1912 and 1913, the provincial administration received 41 requests for subsidies to build people's houses. The applicants included 14 credit partnerships, six rural societies, five “People's house” organizations, three cities, two fire brigades, two agricultural societies, and one each from a school-volost guardianship, a temperance society, and a theater circle.

The largest number of applications, about 40%, came from credit partnerships. According to a contemporary, this is understandable, as “Credit partnerships are the most stable economic organizations now, involving the cultural element of the modern village. The importance of credit partnerships can hardly be disputed, and their initiative to organize people's houses is highly desirable.” In urgent need of their own premises, these groups expected to use the buildings to house their offices as well. In particular, the Shadrinsk district zemstvo paid serious attention to this need of the credit partnerships. The individual cited above thought that it would be most expedient to combine all village organizations involved in the people's house into one, while the building could fully satisfy the goals of all public institutions.

There were various justifications for organizing people's houses. It was generally felt that people wanted to be educated, while they were also seen “as a sure means of distracting the youth from alcohol abuse and hooliganism.” When applying for a subsidy for a building, the Nizhne-Serginsk Society people's house in Krasnoufimsk uezd noted that, while there were many schools in the factory settlement of 20,000 inhabitants,

and there are a lot of literate people here, but just literacy is not enough. A school graduate here has no opportunity to develop his knowledge, since there are no refresher courses or a public library. The tavern is the place where there are two or three newspapers. The people's house society at the factory plans, to the best of its ability, to give the local residents an opportunity to spend their free time in a more or less useful and rational way.⁴⁴

People's houses are a good example of the interplay of modern and traditional values in Russia at the time. On December 6, 1908, the day of the patron saint of the local tempe-

⁴³ N. Beldytskiy, “Ob organizatsii Narodnykh Domov v Permskoy gubernii,” *Permskaya zemskaya nedelya*, no. 15 (1914): 3–7.

⁴⁴ *Permskaya zemskaya nedelya*, no. 16 (1914): 18; *Permskaya zemskaya nedelya*, no. 17 (1914): 17.

rance society, St. Nicholas the Wonderworker, a modest celebration took place in Aramilskii village. The Trinity Church's clergy consecrated the people's house at the temperance society, which was built on the church square. After the liturgy, the procession carried a revered icon of St. Nicholas from the church to the people's house and prayed before it. The priest, who headed the temperance society, delivered a speech about the population's need for a people's house, the purpose of its creation, and he thanked the society's treasurer, I.G. Guskin, who had worked hard to build it at a cost of 1,200 rubles. After the house was consecrated, the local choir performed a liturgical concert, while tea and refreshments were served to the teetotalers and visitors. Photographs were then taken of the guests with the local dean, as well as of the church and the temperance society's new building. The structure was to host a tea room, a library-reading room, people's readings with magic lantern shows, as well as concerts. Meanwhile, its abstemious members could meet and exchange thoughts about ways to combat drunkenness. The observer noted, "Thus, there will be closer interaction, mutual support, and the meeting of the temperance society's members in their own premises, where they can feel freer than in church, play musical instruments and sometimes even stage performances to distract the weak and the poor from addiction to intoxicating beverages in their dull, laborious, and monotonous lives."⁴⁵

Conclusion

By the turn of the 20th century the traditional views of Europeans had undergone significant changes. People's houses were one response to their growing thirst for culture and education. In the West, they can trace their roots to the early nineteenth century's utopian social projects. Developing in the second half, they reached their peak during the following century's first decade. The phenomenon of people's houses in European countries and in Russia tends to be similar both with the rise of socialist movements and flowering of architectural Art Nouveau. Their facades were often decorated in the best traditions of the style, paying tribute to a workman. The exterior of Antwerp's people's house, which was opened in 1901, features mosaics of a sower, a carpenter, a bricklayer, and a metallurgist. Thus, people's houses were socially significant centers for the formation of a new type of person – a worker-creator, who was educated, cultured, and socially active.

Both in Europe and in Russia, people's houses were created as centers of cultural leisure and education to combat vice and drunkenness among working people. The government supported the efforts to promote abstinence, although civil society was more effective in building them, with the cooperative movement playing an important role. The distinguishing feature in Russia was the participation of the *zemstvos*, which also provided financial support.

People's houses emerged almost simultaneously as non-state social entities. Unlike their Western analog, in Russia, despite being the site of revolutionary disturbances during 1905 and afterwards, they did not house political organizations. This difference was due to the late formation of the party system there. Whereas in Europe many people's houses were established by political organizations and were often highly politicized, the reverse was true for Russia, where they were established as cultural and educational public institutions that became exposed to politics due to revolutionary unrest.

Europe's people's houses were closely tied to socialist parties, as was typical of civil society there at the time. However, in the Russian Empire, civil society was still in its infancy.⁴⁶ Meanwhile, even provincial civic activity was growing there, and people's

⁴⁵ *Yekaterinburgskiyeparkhial'nyye vedomosti*, no. 17 (1909): 257–258.

⁴⁶ Ye.Yu. Kazakova-Apkarimova, *Formirovaniye grazhdanskogo obshchestva: gorodskiyeh soslovnyyeh korporatsii i obshchestvennyeh organizatsii na Srednem Urale vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* (Ye-

houses occupied a special niche, with close ties to other public institutions, including trade unions, cultural, educational and religious associations, the Church, and, eventually, political parties.

In short, because of their many functions, collective involvement, independence, social activism and civic consciousness, people's houses were tremendously important elements of civil society in Europe and Russia at the turn of the twentieth century.

Рукопись поступила: 18 февраля 2020 г.

Submitted: 18 February 2020.

References

- Alekseyeva, V.K. *Kooperativnoye dvizheniye v Sibiri. Konets XIX – nachalo XX v.* Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta Publ., 1993 (in Russian).
- Alekseyeva, V.K., and Malakhova, G.M. *Kooperatsiya v Aziatskoy Rossii (pervoye stoletiyе)*. Chita: Izdatel'stvo ZIP SibUPK Publ., 2004 (in Russian).
- Beldytskiy, N. "Ob organizatsii Narodnykh Domov v Permskoy gubernii." *Permskaya zemskaya nedelya*, no. 15 (1914): 3–7 (in Russian).
- Besant, W. *All sorts and conditions of men, an impossible story*. New York: Lovell, Coryell, 1882.
- Druzhinina, E.B. "The first, not accidental, remarkable... (to the 110th anniversary of the building of the people's house in Chelyabinsk)." *Museum Bulletin*, no. 16 (2014): 64–68.
- Cossart, P., and Talpin, J. "Les Maisons du Peuple comme espaces de politisation. Étude de la cooperative ouvrière la paix à Roubaix (1885–1914)." *Revue française de science politique* 62, no. 4 (2012): 583–610 (in Russian).
- Hastings, M. *Halluin la rouge 1919–1939, aspects d'un communism identitaire*. Paris: Presses University, 1991 (in French).
- Hoffsten, A. *Das Volkshaus der Arbeiterbewegung in Deutschland: Gemeinschafts bauten zwischen Alltag und Utopie*. Köln; Wien; Weimar: Böhlau Verlag, 2017 (in German).
- Kazakova-Apkarimova, Ye.Yu. *Formirovaniye grazhdanskogo obshchestva: gorodskiye soslovnnyye korporatsii i obshchestvennyye organizatsii na Srednem Urale vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* Yekaterinburg: UrO RAN Publ., 2008 (in Russian).
- Kazakova-Apkarimova, Ye.Yu. *Formirovaniye sfery grazhdanskoy deyatelnosti v ural'skom gorode vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* Saarsbryukken: Lambert Academic Publishing Publ., 2012 (in Russian).
- Katz, A. "Maisons du Peuple: Marking new Municipal Centers on the Parisian Periphery, 1914–1940." In *Architecture de la Culture. Relais du pouvoir Européen. Proceedings of the DocoMomo International Conference, Paris, April 24, 2006*, 26–33. Paris: DocoMomo International, 2009 (in French).
- Lindenmayer, A. "Otkryvaya Atlantidu: tendentsii i perspektivy izucheniya istorii rossiyskoy blagotvoritel'nosti." In *Blagotvoritel'nost' v Rossii: Novyye dokumenty i issledovaniya*, 95–107. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2008 (in Russian).
- Martin, de F. L., Gonzalez L.A. *Las Casas del Pueblo socialistas en España (1900–1936)*. Paris: Ariel Historia, 1997 (in French).
- Nash, G.D., Davies, T.A., and Thomas, B. *Workmen's Halls and Institutes: Oakdale Workmen's Institute. National museum of Wales. Cathays Park*. Cardiff: Cardiff University, 1995.
- Panina, S. "Na peterburgskoy okraine." *Novyy zhurnal*, no. 1 (1957): 170–171 (in Russian).
- Pel'kov, D.Ye. "The first folk houses in the Ufa province (1895–1897)." *Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Art*, no. 3 (2012): 160–163 (in Russian).
- Pel'kov, D.Ye. "Piteynaya reforma v Rossii i deyatelnost' popechitel'stv o narodnoy trezvosti v 1895–1914 gg. (po materialam Ufimskoy gubernii)." In *Yezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*, 127–129. M.: [B.i.], 2012 (in Russian).
- Voroshilov, K.Ye. *Rasskazy o zhizni (Vospominaniya)*. Moscow: Politizdat Publ., 1968 (in Russian).

katerinburg: UrO RAN Publ., 2008); Ye.Yu. Kazakova-Apkarimova, *Formirovaniye sfery grazhdanskoy deyatelnosti v ural'skom gorode vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* (Saarsbryukken: Lambert Academic Publishing Publ., 2012).

Библиографический список

- Алексеева В.К.* Кооперативное движение в Сибири. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск. Издательство Новосибирского университета. 1993. 119 с.
- Алексеева В.К., Малахова Г.М.* Кооперация в Азиатской России (первое столетие). Чита: Издательство ЗИП СибУПК, 2004. 213 с.
- Белдыцкий Н.* Об организации Народных Домов в Пермской губернии // Пермская земская неделя. 1914. № 15. 10. С. 3–7.
- Ворошилов К.Е.* Рассказы о жизни (Воспоминания). М.: Политиздат, 1968. 366 с.
- Дружинина Э.Б.* Первое, неслучайное, достопримечательное... (к 110-летию здания народного дома в Челябинске) // Музейный вестник. 2014. № 16. С. 64–68.
- Казакова-Апкаримова Е.Ю.* Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале во второй половине XIX – начале XX в. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 289 с.
- Казакова-Апкаримова Е.Ю.* Формирование сферы гражданской деятельности в уральском городе во второй половине XIX – начале XX в. Саарсбрюккен: Lambert Academic Publishing, 2012. 644 с.
- Линденмайер А.* Открывая Атлантиду: тенденции и перспективы изучения истории российской благотворительности // Благотворительность в России: Новые документы и исследования. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 95–107.
- Панина С.* На петербургской окраине // Новый журнал. 1957. № 1. С. 170–171.
- Пельков Д.Е.* Первые народные дома в Уфимской губернии (1895–1897 гг.) // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусства. 2012. № 3. С. 160–163.
- Пельков Д.Е.* Питейная реформа в России и деятельность попечительств о народной трезвости в 1895–1914 гг. (по материалам Уфимской губернии) // Ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М.: [Б.и.], 2012. С. 127–129.
- Besant W.* All sorts and conditions of men, an impossible story. New York: Lovell, Coryell, 1882. 210 p.
- Cossart P., Talpin J.* Les Maisons du Peuple comme espaces de politisation. Étude de la cooperative ouvrière la paix à Roubaix (1885–1914) // Revue française de science politique. 2012. Vol. 62. № 4. P. 583–610.
- Hastings M.* Halluin la rouge 1919–1939, aspects d'un communisme identitaire. Paris: Presses University, 1991. 438 p.
- Hoffsten A.* Das Volkshaus der Arbeiterbewegung in Deutschland: Gemeinschafts bauten zwischen Alltag und Utopie. Köln; Wien; Weimar: Böhlau Verlag, 2017. 724 p.
- Katz A.* Maisons du Peuple: Marking new Municipal Centers on the Parisian Periphery, 1914–1940 // Architecture de la Culture. Relais du pouvoir Européen. Proceedings of the DocoMomo International Conference, Paris, April 24, 2006. Paris: DocoMomo International, 2009. P. 26–33.
- Martin de F. L., Gonzalez L.A.* Las Casas del Pueblo socialistas en España (1900–1936). Paris: Ariel Historia, 1997. 264 p.
- Nash G.D., Davies T.A., Thomas B.* Workmen's Halls and Institutes: Oakdale Workmen's Institute. National museum of Wales. Cathays Park. Cardiff: Cardiff University, 1995. 254 p.

Информация об авторах / Information about the authors

Алексеева Елена Вениаминовна, доктор исторических наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник центра методологии и историографии Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Elena V. Alekseeva, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor of the Russian Academy of Sciences, leading researcher at the Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Казакова-Апкаримова Елена Юрьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник центра методологии и историографии Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Elena Y. Kazakova-Apkarimova, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Leading Researcher at the Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-965-978>

Научная статья / Research article

Gleb Vassilievich Wataghin: Physics, University and Politics in Brazil (1934–1949)

Luciana Vieira Souza da Silva, Bruno Bontempi Jr.

University of São Paulo; 308, Avenida da Universidade, Sao Paulo, Brazil;
vssluciana@gmail.com, bontempi@usp.br

Abstract: In 1934, the Russian-Italian physicist Gleb Vassil'evich Wataghin arrived in Brazil as part of an Italian diplomatic mission to organize the instruction of physics at the new Universidade de São Paulo. Still in the country, he returned to his Russian origins after Brazil's declaration of war against Italy and the other Axis countries in 1942. This article discusses how Wataghin asserted his Russian nationality to help him stay there and adapt his work. It analyzes Wataghin's path according to the methodological concept of intellectual scientists to investigate his political engagement with the organization of the scientific field, considering his work as a professor and a physicist, and his national origins. By examining the relevant sources to reconstruct his itinerary, social networks and generation, the authors consider the scientist's intellectual outlook. They conclude, among other, that Wataghin's involvement in São Paulo's Russian community, specifically the Russian Red Cross, made him the target of investigation and repression by the State Department of Political and Social Order of São Paulo. After World War II, being a physicist further aggravated suspicions of the authorities. This affected Wataghin's work environment and social network, which were also under investigation.

Keywords: Gleb Vassil'evich Wataghin, Brazilian physics, Russian Red Cross, Universidade de São Paulo

Acknowledgements and Funding: The authors acknowledge the financial support from the São Paulo Research Foundation (FAPESP), grants 2015/20490-8 and 2017/23799-5.

For citation: Vieira Souza da Silva, L., and Bontempi Jr., Bruno. "Gleb Vassilievich Wataghin: Physics, University and Politics in Brazil (1934–1949)." *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 4 (November 2020): 965–978. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-965-978>

Глеб Васильевич Ватагин: физика, университет и политика в Бразилии (1934–1949)

Луциана Виейра Соуза да Силва, Бруно Бонтемпи мл.

Университет Сан-Паулу; Бразилия, Сан-Паулу, Авенида да Универсидаде, 308;
vssluciana@gmail.com, bontempi@usp.br

Аннотация: В данной статье рассматривается жизненный путь российско-итальянского физика Глеба Васильевича Ватагина, эмигрировавшего в Италию из России в годы Гражданской войны. В 1934 г. он прибыл в Бразилию с итальянской дипломатической миссией для организации физического факультета в новом Университете Сан-Паулу, где был вынужден остаться в связи с началом Второй мировой войны. Авторы реконструируют его жизненный путь, общественные связи, анализируют мировоззрение ученого. Они приходят к выводу, что участие Г.В. Ватагина в жизни русской общины Сан-Паулу, в частности в организации помощи СССР в годы войны через российский Красный Крест, сделало его объектом преследований со стороны Департамента политического и социального порядка города. После войны его статус ученого-физика, связанного с Россией, еще больше усилил подозрения властей к нему, что повлияло на характер деятельности и научно-гуманитарные связи Ватагина. Как установили авторы на основе нового комплекса документов, обвинения ученого в причастности к политической деятельности были

необоснованными и в основном базировались на страхе властей перед предполагаемым коммунистическим заговором в Бразилии. Как вице-президент организации, считавшейся просоветской, а значит – коммунистической, Ватагин автоматически попадал под подозрение. Для ученого же главной была его научная деятельность, связанная с изучением космических лучей и организацией научной школы на базе Университета Сан-Паулу. В этой связи как ученый и профессор университета Г.В. Ватагин уделял большое внимание международным научным связям, обмену научными кадрами. При этом ученый никогда публично не говорил о своих политических убеждениях, хотя и считал себя социалистом.

Ключевые слова: Глеб Васильевич Ватагин, бразильские физики, российский Красный Крест, Университет Сан-Паоло

Благодарности и финансирование: Авторы выражают признательность за финансовую поддержку Исследовательскому фонду Сан-Паулу (FAPESP), грант 2015 / 20490-8.

Для цитирования: *Vieira Souza da Silva L., Bontempi Bruno ml.* Глеб Васильевич Ватагин: физика, университет и политика в Бразилии (1934–1949) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 4. С. 965–978. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-965-978>

Gleb Wataghin and the founding of the Universidade de São Paulo

Gleb Wataghin learned about the existence of Universidade de São Paulo (USP) just a few months after it was founded in January 1934. He may have first heard its name spoken during an enthusiastic speech of the engineer, professor and politician Theodoro Ramos, the director of USP's Faculty of Philosophy, Sciences and Letters (FFCL), to a group of diplomats in Italy. Until then, the faculty to which Ramos would be appointed existed only in the imagination of the university's founders. It would be up to him and his collaborators to set it up, including providing a building, designing the curriculum and recruiting professors. The latter led Theodoro Ramos to meet with Gleb Wataghin, putting the Russian-Italian physicist on his Brazilian path.

The university's founders were convinced that the institution they proposed was unique. During the second half of the 1920s, Brazilian academe was in considerable ferment as many condemned what they saw as serious failures in their country's system of higher education due to its imperial heritage. They criticized the lack of the "mental discipline" necessary for scientific work, which was the result of the "baccalaureate," which, designed to provide a liberal education to professionals destined for the political elite, taught amateur and false rhetoric.¹ They agreed with the image foreign intellectuals, especially the French, established at conferences, meetings of the urban intellectual elite, and in the press, that the country was not capable of producing professors who could teach the sciences at the FFCL.²

This consensus about these native deficiencies led the state government of São Paulo to entrust Theodoro Ramos with a trip to various European countries to examine their system of higher education. Ramos was also tasked with hiring some scientists and professors as lecturers to help create new courses for the FFCL.³ Ultimately, São Paulo's elite hoped that, through a modern university, these academics would sow the seeds of European culture in Brazil. Coming from manifestly republican and anti-oligarchic political, cultural and business backgrounds, such as the Nationalist League, the Democratic Party, the law school, and the newspaper *O Estado de S. Paulo*, its members understood that the university would create the country's future leaders. This new elite was to come

¹ Bruno Bontempi Jr., "Nacionalismo e regionalismo em dois inquéritos sobre o ensino superior brasileiro nos anos 1920," *Educar em Revista* 33, no. 65 (2017): 35–50.

² Sylvia Gemignani Garcia. *Destino ímpar. Sobre a formação de Florestan Fernandes* (São Paulo: Editora 34, 2002); Carlos Guilherme Mota, "Ecos da historiografia francesa no Brasil: apontamentos e desapontamentos," in *Do positivismo à desconstrução. Idéias francesas na América* (São Paulo: Edusp, 2004), 137–158.

³ Carlota Boto, "A intelectualidade paulista, o Manifesto dos Pioneiros e a Universidade de São Paulo em sua primeira "missão" (1932–1934)," in *História da Educação: global, nacional e regional* (Vitória: Edufés, 2019).

from different social backgrounds, not just the upper class, and, in a truly representative democracy, have their merits recognized by popular suffrage.⁴

Between February and May 1934, Theodoro Ramos met with scientists and professors, academic administrators, diplomats, and political leaders in Italy, Switzerland, Belgium, France, Germany, and Portugal, asserting, during the negotiations, his interpersonal social network, the political weight of being a representative of São Paulo government, and the Brazilian diplomatic relations. These initial encounters led to the recruitment of 19 professors, of whom 10 were French, four Italian, three German, and one each from England and Portugal.⁵ According to several studies of such “foreign missions” by USP, Theodoro Ramos’ agreements had important political effects, such as reaffirming the former cultural bonds with France,⁶ enabling Mussolini’s fascist regime to disseminate its propaganda to São Paulo’s large Italian population,⁷ and permitting German Jews to pursue their careers in a setting free of growing Nazi antisemitism.⁸

By the same token, after arriving in Brazil, such foreign academics often found themselves involved in delicate and embarrassing situations due to the political injunctions that acted on a still incipient and heteronomous academic field, thus particularly sensitive to pressure and external interference. Relations with other countries, especially in times of war, affected their work and daily lives, on occasion necessitating measures to keep their jobs, carry on research and even avoiding deportation and arrest.

In this article, we argue that Wataghin's assertion of his Russian nationality was a tactic to stay in Brazil and reorganize his work at a time when the country’s entry into the Second World War on the side of the Allies made life for Axis nationals living there increasingly difficult.

Wataghin's path will be analyzed according to Pinault’s (2003) schema for “intellectual scientists.” Based on Sirinelli’s (1986) broader concept of intellectuals, the intellectual scientist is a person capable of converting his accumulated scientific knowledge into political capital. This transformation enables the intellectual scientist to engage politically to promote changes in his scientific field. This concept helps guide historical inquiry, as it enables a careful survey of the scientist’s itinerary, generational background and social network⁹. In terms of methodology, considering the scientist as an intellectual allows elaborating research questions, mobilize sources, analysis, and writing the historical narrative. It also helps to think about the relationships between the scientist – and science – and his social universe, in the contexts of, among others, war, and technological developments.¹⁰

The sources consulted are in the Historical Archive of the University of Turin, the Augusto Occhialini Archive (University of Florence, Department of Physics and As-

⁴ Irene Cardoso, *A universidade da comunhão paulista* (São Paulo: Autores Associados: Cortez, 1982).

⁵ Carlota Boto, “A intelectualidade paulista, o Manifesto dos Pioneiros e a Universidade de São Paulo em sua primeira “missão” (1932–1934),” in *História da Educação: global, nacional e regional* (Vitória: Edufes, 2019).

⁶ Carlos Guilherme Mota, “Ecos da historiografia francesa no Brasil: apontamentos e desapontamentos,” in *Do positivismo à desconstrução. Idéias francesas na América* (São Paulo: Edusp, 2004), 137–158. Patrick Petitjean, “As missões universitárias francesas na criação da USP,” in *A ciência nas relações Brasil-França (1850–1950)* (São Paulo: Edusp, 1996), 259–330.

⁷ Luciana Vieira Souza da Silva, Rogério Monteiro de Siqueira, “An Italian mission at the University of São Paulo: Science and education issues in the diplomatic relationships between Italy and Brazil in the 1930s,” *Mélanges de l'Ecole Française de Rome Italie et Méditerranée* 130, no. 2 (2018): 407–419.

⁸ André Felipe Cândido da Silva, “A diplomacia das cátedras: a política cultural externa alemã e o ensino superior paulista – os casos da USP e da Escola Paulista de Medicina (1934–1942),” *História* 32, no. 1 (2013): 401–431; Henrique E. Toma, “Alfred Werner e Heinrich Rheinboldt: genealogia e legado científico,” *Quim. Nova* 37, no. 3 (2014): 574–581.

⁹ Jean-François Sirinelli, “Os intelectuais,” in *Por uma história política* (Rio de Janeiro: Editora da FGV, 2003), 231–269.

¹⁰ Michel Pinault, “L’intellectuel scientifique: du savant à l’expert,” in *L’histoire des intellectuels aujourd’hui* (Paris: Presses Universitaires de France, 2003), 227–254.

tronomy at Arcetri), the Historical Archive of the Institute of Physics at the University of São Paulo (AHIFUSP), the Archive of the Institute of Brazilian Studies at the University of São Paulo (IEB-USP), the Public Archive of the State of São Paulo (APESP) and Brazilian newspapers from the time (*Correio da Manhã* and *Diário da Noite*). The article begins with Wataghin's actions in Brazil, which led him to reconnect with his Russian origins, it then deals with the relationship between Wataghin's engagement in the Russian community and his work as a physicist and university professor, finally, it discusses the investigations of the Brazilian political police into Wataghin's scientific network and the consequences for the USP Physics Department.

Wataghin returns to his Russian roots

Wataghin introduced himself to the Brazilian university as an Italian, not only because of his citizenship, which he obtained in May 1929,¹¹ but also for being in the service of the Italian Ministry of Foreign Affairs.¹² However, Brazilians were not unaware of Wataghin's original nationality. Along with the other members of the FFCL's foreign missions, Wataghin's arrival in São Paulo, with one of the country's largest Community of Italian immigrants,¹³ was covered in the press, which pointed out that the professor was Italian, “despite the fact that his name does not say it.”¹⁴ Born in Birsula, Ukraine, Wataghin graduated from the Imperial Gymnasium in Kiev and attended a year at Kiev University between 1918 and 1919. He was a member of a noble and wealthy Russian family, and his father was an engineer.¹⁵

In the late 1930s, while organizing the documentation for a competition in Italy, Wataghin even declared to his friend and physicist Augusto Occhialini, the father of his colleague Giuseppe Occhialini, that he had been

Baptized into the Orthodox religion, and that I belong to a family of nobles (Russians) and that my parents were also Orthodox. My father, who lived in Turin 10 years, where he was well-known, was an engineer and held important government positions (as director of the southwestern Russian railways). From my grandparents and great-grandparents, I know my origins have been Aryan since 1812. Therefore, I am not a Jew! My wife's Aryan origin is also easy to determine: she is Astigian, born in Mombercelli d'Asti, Catholic like her parents and grandparents.¹⁶

This was not a frivolous remark. Although the letter is undated, its contents indicate that it was written in 1938.¹⁷ This was the year Mussolini's anti-Semitic fascist laws were enacted, which stripped Italian Jews of their civil rights,¹⁸ explaining why Wataghin needed to point out that he was Russian Orthodox, not Jewish.

¹¹ Enrico Predazzi, “Gleb Wataghin”. In *La Facoltà di Scienze Matematiche Fisiche Naturali di Torino. 1848–1998. Tomo Secondo. I Docenti* (Torino: Deputazione Subalpina di Storia della Patria/Università degli Studi di Torino, 1999), 283–294.

¹² Historical Archive of the University of Turin. Fascicolo personale Gleb Wataghin.

¹³ On the distribution of Italians in the neighborhoods of São Paulo, according to the region of origin, see the works of Ceni (2011) and Carelli (1985).

¹⁴ *Correio da Manhã*, Rio de Janeiro, June 20, 1934, 5.

¹⁵ Enrico Predazzi, “Gleb Wataghin,” in *La Facoltà di Scienze Matematiche Fisiche Naturali di Torino. 1848–1998. Tomo Secondo. I Docenti* (Torino: Deputazione Subalpina di Storia della Patria/Università degli Studi di Torino, 1999), 283–294; M.N. Moseykina, “Uchenyy-fizik Gleb Vasil'yevich Vatagin: russkiy emigrant, grazhdanin Italii,” in *Russkiye v Italii. Ital'yantsy v Rossii. Vzaimovliyaniye kul'tur* (St. Petersburg: SpbGASU Publ., 2012), 79–90.

¹⁶ Augusto Occhialini Archive. Letter from Gleb Wataghin to Augusto Occhialini, circa 1938. Doc. 244. Original in Italian.

¹⁷ Wataghin mentioned in the letter a paper he had recently published in Brazil: “Sobre teoria quântica e relatividade,” *FFCL Physics Bulletin*, no. 1 (1938).

¹⁸ Mario Avagliano, Marco Palmieri, *Di pura razza italiana. L'Italia “ariana” di fronte alle leggi razziali* (Milan: Baldini & Castoldi, 2013).

Wataghin immigrated with his family to Italy in 1919 because of the October 1917 Revolution and the Civil War that followed it.¹⁹ Although there are no documents that explain why Wataghin left Kiev, some hypotheses may be made. In pre- and post-revolutionary Russia, the railroad played a relevant role and helped to industrialize the Empire. In addition to the expansion of the railway network, which grew by 20,000 kilometers between 1860 and 1870, the liberation of the peasantry from serfdom in 1861 was essential for enabling certain regions of the Empire, such as Ukraine, to industrialize.²⁰ During the Civil War, railways were an important strategic asset, as well as the scene of some battles.²¹ As Wataghin told his friend Augusto Occhialini, his father was an engineer responsible for the southwestern railways and it is possible that he faced difficulties as the network was requisitioned during the conflict, not to mention the war's other hardships.

There is no consensus about which path Gleb Wataghin took from Kiev to Turin, in Italy. According to Predazzi (1999), the family fled through Crimea and boarded a ship before the Red Army advanced. They then crossed Greece before landing in Turin. Based on a talk with the writer Primo Levi, the Turin physicist Tullio Regge provides more details. According to Regge, at the time of the Revolution, the Wataghin family was in Kiev and, since two of the four children were officers, all its members were in danger. Therefore,

they got in a train, reached the Black Sea, found an English ship that took them to Greece, where they were about to starve to death. They went on to Belgrade, where their father died. The children went different ways. One of them, who had been a famous lawyer in Russia, went to Rome looking for work, but had a hard time, until one day, Tatiana Pavlova recognized him. She took him to Turin, which was the capital of cinema in the 1920s, to be an administrator of a movie company. This brother called the rest of the family to Turin, but when everyone arrived, the company went bankrupt. Only Gleb remained in Turin. At the age of 18, he was greatly helped by Corrado Segre.²²

Regge's version bears closer scrutiny. The author himself announces, at the beginning of his passage about Wataghin's life, that the professor's life was “very romantic,” which calls into question its accuracy. The most notable inconsistency is the claim that Wataghin's father died during his journey to Turin. However, Wataghin himself recalled in the letter quoted earlier that his father had lived in Turin for ten years, where he was well known.²³ The most complete version of Wataghin's path to Italy was given by the physicist himself in an interview with the project “History of Science in Brazil,” which was coordinated by Simon Schwartzman at Fundação Getúlio Vargas, in the 1970s. According to Wataghin, he and his family went

to Turkey, onto Calipode, Belgrade, and then to Trieste. Then we proceeded to Turin, because it had an important film industry. And it was easy to earn at least what was needed for a family in that sector. I had a father, mother, and a brother to support. I was 19 or 20 years old. So, I joined the cinema. However, despite this, it was at the university... But I did everything: statistics, played the piano, everything. Luckily, I received a good secondary preparation. I even taught Latin, not just math. For my professor – a great friend and great mathematician – I made translations from Russian to Esperanto. I needed to get more work, but it interfered with my studies. Very disruptive. I began doing science very late, as I neared my 30s, which means I missed the best years.²⁴

This brief excerpt reveals several details about Wataghin's early years: He had a good secondary education and spoke several languages. It also sheds light onto his initiation into the labor market and science. Contradicting the other versions of the journey to Italy, Wataghin provides new information, such as the passage through Turkey and Trieste, before reaching Turin.

¹⁹ Gleb Wataghin, *Gleb Wataghin (depoimento, 1975)* (Rio de Janeiro, CPDOC, 2010).

²⁰ Maurício Tragtenberg, *A Revolução Russa* (São Paulo: Editora UNESP, 2007).

²¹ Jean-Jacques Marie, *História da Guerra Civil Russa: 1917–1922* (São Paulo: Contexto, 2017).

²² Primo Levi, Tullio Regge, *Dialogo* (Milan: Arnoldo Mondadori Editore, 1994), 27–28.

²³ Augusto Occhialini Archive. Letter from Gleb Wataghin to Augusto Occhialini, circa 1938. Doc. 244.

²⁴ Gleb Wataghin, *Gleb Wataghin (depoimento, 1975)* (Rio de Janeiro, CPDOC, 2010), 24.

Wataghin played a prominent role in the history of physics in Brazil.²⁵ At USP, Wataghin was the only professor in that field until 1937, when it hired his Italian colleague Giuseppe Occhialini.²⁶ As in Turin, during his early years in São Paulo, Wataghin continued to devote himself to quantum field theory. In no time, he began conducting experiments in cosmic rays, a topic of great interest among physicists at the time. He focused on so-called showers of particles by explosion resulting from nuclear interaction between cosmic rays and matter. In Brazil, Wataghin and his pupils discovered showers of penetrating particles, the results of which were published in the *Physical Review* in the 1940s.²⁷ Wataghin's versatility, which allowed him to work in both theoretical and experimental physics, played an important role in assembling a diverse group of physicists with various skills.²⁸

Wataghin became director of the FFCL-USP Department of Physics, which he had helped to found, and also did much to internationalize it. In addition to attracting important scientists, such as the US physicist Arthur Compton, who came to Brazil in 1941 to participate in the Symposium on Cosmic Rays in Rio de Janeiro and conduct research with Wataghin's group in São Paulo, Wataghin also sent his students abroad to work with distinguished names in the field, such as Paulus Aulus Pompeia, who spent some time in Chicago with Compton.²⁹

Wataghin's situation at the university changed in 1942, when Brazil entered World War II, having followed the United States in declaring war on Italy and the other Axis countries. All Italian professors at USP were dismissed, except for Wataghin, whose contract for the following year stated his nationality as Russian.³⁰ A few days after the declaration of war in August 1942, Wataghin had sent a letter to the FFCL director, Fernando de Azevedo, declaring himself to be Russian and therefore tied to the Allied cause. Wataghin pointed out that

despite staying outside my country for 23 years, my dedication and my love for Russia have always dominated my feelings. I have never forgotten that my actions, whether meritorious or flawed, will be judged as those of a Russian, and that the fact that I was naturalized as an Italian in 1930 and entered this country in 1934 with that country's passport, in no way alters this.³¹

Although allowed to remain at the university as a professor, Wataghin was removed from the Physics Department's leadership, which was headed by one of his first Brazilian pupils, Marcello Damy de Souza Santos.

²⁵ Antonio Augusto Passos Videira, Martha-Cecília Bustamante, "Gleb Wataghin en la Universidad de São Paulo: un momento culminante de la ciencia brasileña," *Quipu* 10, no. 3 (1993): 263–284; Cássio Leite Vieira, Antonio Augusto Passos Videira, "História e Historiografia da Física no Brasil," *Revista de História e Estudos Culturais* 4, no. 3 (2007): 1–27; Heráclio Duarte Tavares, *Estilo de pensamento em física nuclear e de partículas no Brasil (1934–1975): César Lattes entre raios cósmicos e aceleradores* (Rio de Janeiro: Universidade Federal do Rio de Janeiro, 2017).

²⁶ Leonardo Gariboldi, Giuseppe "Beppo Occhialini. Dal positrone alla mappa gamma della galassia," *Emmecci Quadro*, agosto (2007): 64–74.

²⁷ Antonio Augusto Passos Videira, Martha-Cecília Bustamante, "Gleb Wataghin en la Universidad de São Paulo: un momento culminante de la ciencia brasileña," *Quipu* 10, no. 3 (1993): 263–284.

²⁸ Cássio Leite Vieira, Antonio Augusto Passos Videira, "História e Historiografia da Física no Brasil," *Revista de História e Estudos Culturais* 4, no. 3 (2007): 1–27.

²⁹ Olival Freire Jr., Indianara Silva, "Scientific Exchanges between the United States and Brazil in the Twentieth Century: Cultural Diplomacy and Transnational Movements," in *How Knowledge Moves: Writing the Transnational History of Science and Technology* (Chicago: The University of Chicago Press: 2019), 281–307.

³⁰ Luciana Vieira Souza da Silva, Rogério Monteiro de Siqueira, "An Italian mission at the University of São Paulo: Science and education issues in the diplomatic relationships between Italy and Brazil in the 1930s," *Mélanges de l'Ecole Française de Rome Italie et Méditerranée* 130, no. 2 (2018): 407–419.

³¹ IEB-USP Archive. Letter from Gleb Wataghin to Fernando de Azevedo, 08/28/1942. Fundo Fernando de Azevedo, FA-CP-Cx34, 13. Original in Portuguese.

Wataghin's 1943 contract with the FFCL, which stated his nationality as Russian, came precisely during the Estado Novo period, when the situation of the Italians in the country became much more difficult.³² Moreover, he recovered his Russian identity not only at the university, but also began to socialize with São Paulo's Russian community by frequenting such organizations as the Brazil – USSR Cultural Union, founded in April 1945, to foster scientific, literary and artistic exchange between the two countries.³³ Wataghin's most important role, however, was at the Subcomitê Russo de Socorro às Vítimas de Guerra (Russian Subcommittee for the Assistance to War Victims), also known as the Russian Red Cross, as detailed below.

The Brazilian-Russian community began to take shape in the 19th century. Between 1870 and 1953, 118.600 Russian immigrants arrived in Brazil.³⁴ In the 1920s, Russian refugees arrived in the country, having left Russia after the 1917 Revolution and the Civil War (1917–1922), a period that coincides with the immigration of the Wataghin family to Italy. Before heading to Brazil, a significant part went to Western Europe, where they sought refuge.³⁵

The Russian community of São Paulo city was very heterogeneous. In the first half of the 20th century, it was divided between a social and intellectual elite, who lived in the downtown, and masses of immigrant families, who inhabited the peripheries. The elite was mostly shaped by empire refugees, and the masses of immigrant families came from the empire peripheries to work at the coffee farms. After the coffee crisis, at the end of the 1920s, they moved to São Paulo city. One of the encounter points of both groups were the Orthodox Churches. Although the downtown Russian elite was heterogeneous, it dominated the collective sociability spaces. Between the 1920s and the 1930s, it diffused an anti-communist and anti-Bolshevik discourse, aiming to modify the public opinion about the Russians in Brazil, who were frequently associated with communism. With the entry of Brazil in the Second World War, in August 1942, and the repression of fascism in the country, the conservative Russians lost space for their political manifestation. At the same time, the pro-soviets started to manifest themselves with more freedom.³⁶

During the war, new Russian immigrant groups arrived in Brazil. Between the 1940s and the 1950s, their collective institutions were more related to assistentialism, such as the Russian Red Cross. In São Paulo, the idea of being part of the Russian nation was changing following the creation of those entities and the presence of new immigrants. Count Emmanuel Bennigsen, one of the Russian Red Cross founders, and Gleb Wataghin were part of the group of Russians whose “Russianness” went beyond the communism-nationalism dichotomy. According to the documents of the period, they believed that the Soviet regime would be transitory, and they supported the Allies in the war against Nazism.³⁷ However, as we will see below, the entity and its members were accused of the crime of communism, which provoked important reconfigurations in Wataghin's itinerary and daily work, as well as in his network of sociability.

Brazil maintained diplomatic relations with the Soviet Union for the short period of 1945 and 1947, due to pressure from its wartime ally, the United States, which itself had

³² During the dictatorship of the Estado Novo, laws were enacted that prohibited the citizens of the Axis from expressing themselves politically and even speaking their native languages publicly (Santos 2008).

³³ *Diário da Noite*, Rio de Janeiro, 04/25/1945, 3.

³⁴ Anastassia Bytsenko, *Imigração da Rússia para o Brasil no início do século XX. Visões do Paraíso e do Inferno* (São Paulo: University of São Paulo, 2006).

³⁵ Svetlana Ruseishvili, *Ser russo em São Paulo: os imigrantes russos e a (re)formulação de identidade após a Revolução Bolchevique de 1917* (São Paulo: University of São Paulo, 2016).

³⁶ *Ibid.*

³⁷ *Ibid.*

only a few years earlier recognized the country.³⁸ Brazil's entry into the war led to the creation of charitable organizations, such as the Russian Red Cross, which was founded in September 1943.³⁹ According to the entity's bylaws, men and women could join as members as long as they were not engaged in illegal activities, those "against honor and dignity," or if they had been convicted of crimes against national security.⁴⁰

Despite having been authorized by the Brazilian government, the Russian Red Cross was under the surveillance of the political police of the State Department of Political and Social Order of São Paulo (DEOPS/SP).⁴¹ Its investigators went to balls, charity teas and other cultural events, sending detailed reports to the Political Order Policing Section.⁴² Although there were decrees prohibiting immigrants from speaking in foreign languages, many activities were carried out in Russian or other languages than Portuguese, which was always noted by DEOPS agents.⁴³ Wataghin joined the Russian Red Cross in 1944, rising to vice-president,⁴⁴ which earned him the label of communist with DEOPS.⁴⁵ He left the position in September 1947, to focus on travel and scientific research.⁴⁶

The end of the Estado Novo coincided with the end of World War II, in 1945. Even so, the Getúlio Vargas regime's authoritarian practices continued in Brazil, including the repression of immigrants. Nevertheless, during the war communists had celebrated the Soviet Union's victories against the Nazis by waving red flags in their social organizations. Anti-communists, in turn, followed the victories of the Red Army with dismay, and after Brazil's entry into the war with the Allies, Nazi and other fascist activities began to be forbidden.⁴⁷ However, this did not diminish the fear of communism among certain Brazilian authorities, which was rooted in popular and police imagery.⁴⁸ Their anticommunism led them to report the members of the Russian Red Cross to DEOPS. As a result, the police concluded that it was affiliated with the party,⁴⁹ although many of its members, such as Wataghin, had no political affiliation.

It is not known whether Wataghin knew that the Russian community was being followed by DEOPS, or that he was classified as a communist. Even so, one has to wonder what led him to approach this group. According to a DEOPS report of March 1945 Wataghin,

was persecuted, spent two years on reduced pay, which forced him to embrace "Soviet patriotism." A prominent physicist, he intended to return to the "Soviets," where people of this class were said to enjoy certain perks. "He is protected by the global leader in physics (ellipsis), who, working in England,

³⁸ Rodrigo Pato Sá Motta, "O Perigo é Vermelho e vem de Fora: O Brasil e a URSS," *Locus: Revista de História* 13, no. 2 (2007): 227–246.

³⁹ Erick Reis Godliauskas Zen, *Imigração e Revolução: Lituanos, Poloneses e Russos sob Vigilância do Deops* (São Paulo: Editora da Universidade de São Paulo, FAPESP, 2010). APESP/DEOPS. Bylaws of the Russian Subcommittee for the Assistance to War Victims (authorized by the Red Cross), p. 1. Record 1325.

⁴⁰ APESP/DEOPS. Bylaws of the Russian Subcommittee for the Assistance to War Victims (authorized by the Red Cross), p. 2. Record 1325. Original in Portuguese.

⁴¹ Erick Reis Godliauskas Zen, *Imigração e Revolução: Lituanos, Poloneses e Russos sob Vigilância do Deops* (São Paulo: Editora da Universidade de São Paulo, FAPESP, 2010).

⁴² APESP/DEOPS. Report of the researchers Benevenuto Boschetti and Pedro Assaf, 12/16/1946. Record 1325.

⁴³ Erick Reis Godliauskas Zen, *Imigração e Revolução: Lituanos, Poloneses e Russos sob Vigilância do Deops* (São Paulo: Editora da Universidade de São Paulo, FAPESP, 2010).

⁴⁴ APESP/DEOPS. Secret Service Circular Letter of 06/14/1965. Record 50-Z-030.

⁴⁵ *Ibid.*

⁴⁶ AHIFUSP. Letter from Gleb Wataghin to Pedro Ayres, Chairman of the Red Cross, 08/29/1947. Doc. 2,198, cx. 2, p. 7.

⁴⁷ Erick Reis Godliauskas Zen, *Imigração e Revolução: Lituanos, Poloneses e Russos sob Vigilância do Deops* (São Paulo: Editora da Universidade de São Paulo, FAPESP, 2010).

⁴⁸ Rodrigo Pato Sá Motta, "O Perigo é Vermelho e vem de Fora: O Brasil e a URSS," *Locus: Revista de História* 13, no. 2 (2007): 227–246.

⁴⁹ Erick Reis Godliauskas Zen, *Imigração e Revolução: Lituanos, Poloneses e Russos sob Vigilância do Deops* (São Paulo: Editora da Universidade de São Paulo, FAPESP, 2010).

imprudently left his wife and son behind in the Soviet Union as hostages, and was forcibly returned to his homeland.” The topic is as follows: (We will note that the world famous Doctor of Chemistry, General Ipatiov stayed in the USA) and adds: ‘Here is the explanation of G. Wataghin’s sudden collaboration with the “Jews of the Red Cross” and Count E. Benningsten’ [the entity’s chairman].⁵⁰

While much of this report was inaccurate, it may explain why Wataghin left Brazil and returned to Italy a few years later. According to the aforementioned passage, for example, the physicist received reduced pay for two years, but it provided no further details, such as the amount by which it was reduced.

DEOPS also tracked Wataghin’s movements outside the Russian Red Cross, especially his international travel and the relations he established abroad. In 1945, USP itself informed DEOPS that Wataghin would make a trip to Argentina to check for any problems, “since he will be a representative of this educational institution.” It is not known why the university sought out the political police, but it may have had suspicions about the professor’s involvement in subversive activities, since the same document mentioned his work with the board of the Russian Red Cross, and was included in an extensive report on communists linked to the university.⁵¹

Wataghin’s scientific network under investigation in Brazil

A confidential report of January 1946 states that

Mrs. Estrela Mazzoli de Mathov (Buenos Aires), Mario Mathov’s sister-in-law, editor of the Soviet-based magazine *Selecciones soviéticas*, published in Buenos Aires, received a scholarship from the Faculty of Philosophy at USP under the influence of the reds.⁵²

Thus, DEOPS considered it noteworthy that Wataghin went to Argentina, where, despite representing USP, he met with alleged communists and, moreover, arranged scholarships in the FFCL Physics Department. DEOPS reports point out that these physicists came to Brazil in 1946, but the date of the correspondence between Wataghin and Teófilo Isnardi of the University of Buenos Aires, Professor of Estrela Mazzoli de Mathov, Waldemar Jorge Kowalewsky and Dóra Genijóvich Kowalewsky, is February 1947. Moreover, contrary to the DEOPS’ reports, the students had no scholarship when they arrived, which, incidentally, was a concern for Wataghin.⁵³ Isnardi, who wanted his students to work effectively with cosmic rays, sought funds for the students’ stay in Brazil.⁵⁴ He was also worried that the Physics Department was not autonomous, but subject to faculty and university decisions.⁵⁵

At the FFCL, Waldemar Jorge Kowalewsky and Dora Genijóvich Kowalewsky, along with other physicists, presented lectures to the Physics Seminar. This seminar has been a student activity of the Department of Physics and Mathematics since 1935, when Wataghin and the mathematician Luigi Fantappiè organized it (It was subsequently divided into two separate seminars for mathematics and physics). During their meetings, students were encouraged to present their research, as well participate in discussions about the research of their professors and guest professors.⁵⁶ During her exchange at the FFCL,

⁵⁰ APESP/DEOPS. Secret Service Circular Letter of 06/14/1965. Record 50-Z-030. Brackets added. Original in Portuguese.

⁵¹ APESP/DEOPS. Report of the Specialized Police Department of Social Order. Record 50-K-104, doc. 731. Original in Portuguese.

⁵² APESP/DEOPS. Secret Service Circular Letter of 06/14/1965. Record 50-Z-030. Brackets added. Original in Portuguese.

⁵³ AHIFUSP. Letter from Gleb Wataghin to Isnardi, 02/09/1947. Doc. 2,148, cx. 2, p. 7.

⁵⁴ AHIFUSP. Letter from Teófilo Isnardi to Gleb Wataghin, 02/20/1947. Doc. 2,151, cx. 2, p. 7.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Luciana Vieira Souza da Silva, Rogério Monteiro de Siqueira, “An Italian mission at the University of São Paulo: Science and education issues in the diplomatic relationships between Italy and Brazil in the 1930s,” *Mélanges de l’Ecole Française de Rome Italie et Méditerranée* 130, no. 2 (2018): 407–419.

Dora Kowalewsky talked about “Spectrons rotacionaes e vibracionaes de moleculas dia-tomicas,” while Waldemar Kowalewsky presented the paper “Teoria da descarga dos contadores Geiger Müller.”⁵⁷ Dora also participated in the Physics *Colloquium*, with a report on the debate “Conceitos fundamentais sobre os espectros de vibração e rotação,” as did Estrella de Mathov, with a paper on “Meson disintegration.”⁵⁸

While in Brazil, these young people were investigated by DEOPS agents, who sought information even from the FFCL,⁵⁹ and followed the students' footsteps since their arrival. An agent specific for the case, a.k.a. R.C., was designated to be in charge of “clarifying Mrs. Estrella Mazzoli de Mathov’s connections in this Capital,” and presented a report on her activities in Rio de Janeiro.⁶⁰ Waldemar and Dora Kowaleski were also closely observed during their stay in Rio de Janeiro, as part of investigations linked to the fight against communism.⁶¹ Waldemar was quoted as the chief of the Polish Communists of Buenos Aires, and the students were qualified as part of the “red agitators who have special missions in our country.”⁶²

It did not take an affiliation with the Communist Party to be classified by DEOPS as a Communist; simple friendships or even professional relationships were enough to become a target of its investigations. The FFCL Physics Department’s work, as well as its scientists and visitors, were closely monitored by law enforcement officials, especially due to the presence of Wataghin, who was classified as communist. The scientific field that was under formation with the FFCL Physics Department, if seen through Wataghin’s social movements, was structured in power relations not only according to scientific, cultural, political and diplomatic interests, but also to those of the police.

This “witch hunt” of communists at USP would not have been as effective without help from inside the university. Sometimes undercover agents were discovered among the students, which led them to advise the FFCL board to have “an element of total confidence by being on guard,” by taking care of the building whose laboratories and valuable materials could be damaged. According to information FFCL’s director, Astrogildo Rodrigues de Mello, gave to the Secret Service, that faculty had “various communist elements, not only among professors, but also among students,” especially in physics, such as the students Enio Sandoval Peixoto, Paulo Saraiva de Toledo, Roberto Aureliano Salmeron and Paulo Sergio de Magalhães Macedo. To the Deputy Delegate of the Police Department of Political and Social Order (DOPS), Paulo Rangel,

to control effectively the harmful activities of some members of the Faculty of Philosophy, Sciences and Languages, both among professors and students, the competent D.O.P.S. service should organize permanent surveillance and infiltration, not only to confirm the detail pointed out by the Board of Directors, but also safely control the activities of the elements concerned.⁶³

During the Cold War, special attention was also paid to research in the Department of Physics, especially that involving nuclear physics. In 1948, DEOPS produced a detailed report on each student and professor associated with the Department and their research. The document highlights the first experiments on cosmic rays carried out by physicists in Brazil, which would have placed São Paulo at the

⁵⁷ AHIFUSP. Schedule of the Physics Seminar, of 03/13/1947. Doc. 2.1.5, cx. 3, p. 11.

⁵⁸ AHIFUSP. Schedule of the Colloquium of Physics, from 03/03/1947 and 03/10/1947. Doc. 2.1.7, cx. 3, p. 11.

⁵⁹ APESP/DEOPS. Preliminary Information, of 01/04/1947. Dossier 30-Z-0-773.

⁶⁰ APESP/DEOPS. Topic of a reserved report from Rio, of 01/02/1947. Dossier 30-ZO-773. Original in Portuguese.

⁶¹ APESP/DEOPS. Report prepared by the O.E. Sector, 01/10/1947. Dossier 30-Z-0-773.

⁶² APESP/DEOPS. [Untitled document], s./d. Dossier 30-Z-0-773. Original in Portuguese.

⁶³ APESP/DEOPS. Report of the Deputy Delegate of the Political Order Paulo Rangel, of 09/29/1949. Dossier 50-H-32-25. Original in Portuguese.

forefront of South and Central America, still possessing little human and mechanical material, but much more than any other country. Less, of course, than the United States.⁶⁴

Even Gleb Wataghin's first theoretical work, which involved the study of relativistic electrodynamics and theory of electron equilibrium, positron and nuclei at elevated temperatures, were mentioned.

The report's political character, aside from DEOPS's concern with nuclear-related research, is apparent from comments about the ideology of each of the Department's members. With regard to Wataghin, it stated that he was the

oldest contributor to the Department of Physics [...] [He is] Russian by birth [and] a naturalized Italian. In July 1947, with the resignation of Count Emanuel Benningsen, he took over the board of the Subcomité Russo de Socorro às Vítimas de Guerra in S. Paulo (This subcommittee was a communist center).⁶⁵

It is noteworthy that Wataghin ceased to belong to the subcommittee in August 1947, according to a letter sent to Pedro Ayres, quoted above.

The report levelled one criticism in particular at Wataghin: the "learned man has ninety-six (96) published papers. Not one of them is in Portuguese."⁶⁶ For the police, this indicated that the Russian physicist was not engaged with Brazil's national cause. In fact, this was not true, since Wataghin had already published several works in Portuguese in the *Annals of the Brazilian Academy of Sciences* and in the *FFCL Physics Bulletin*.

Wataghin's involvement in the red cause was more than evident to the police, and Estrella de Mathov's arrival in Brazil left no doubt as to his real intentions. According to the report, the young physicist was Mario Mathov's sister-in-law,

editor of the Russian propaganda magazine *Selecciones Sovieticas*, published in Buenos Aires, took a scholarship from the Faculty of Philosophy of the University of São Paulo, influenced by Mario Schenberg, whose political ideology has already been described above, then went to Argentina, visited the University of Cordoba, and there invited Professor Guido Beck to come to Brazil. Upon acceptance of the invitation, that learned man was in our Nuclear Physics laboratories three or four times, saw, studied and researched what he understood...⁶⁷

At this point in the report, DEOPS expressed its concerns about the presence of communist elements at USP, and that their dangerous knowledge of nuclear physics might enable them to build an atomic bomb.⁶⁸

The police also recognized that Brazil had "need of these and other learned people, but it is also true that we should exercise greater, more efficient supervision, restricting to the national scope to what is most important for our defense."⁶⁹ In DEOPS's opinion, it was necessary to set limits on scientific work at FFCL. The police's strategy was linked to the broader one of promoting Brazilian nationalism. After all,

as it turns out, it was urgent to give the national field the place it needs to have: To be the first in everything. Within the dear and sacred image of the Homeland, let us forget hatred, anger, preference, partisan passion, political revenge. Let us put the National Cause above all causes, Brazil's interest above all interests.⁷⁰

The police's concerns were that Wataghin and his pupils' knowledge of nuclear physics could make constructing an atomic bomb feasible. Coupled with the presence of communist elements in their social network, this would be sufficient for them to be con-

⁶⁴ APESP/DEOPS. Report on nuclear physics research at the Department of Physics, Faculty of Philosophy, Sciences and Languages, Universidade de São Paulo, 1948. Dossier 50-H-32-24 "b", p. 1. Original in Portuguese.

⁶⁵ *Ibid.*, p. 9.

⁶⁶ *Ibid.*, p. 16.

⁶⁷ *Ibid.*, p. 16–17.

⁶⁸ *Ibid.*, p. 17.

⁶⁹ *Ibid.*

⁷⁰ *Ibid.*

sidered as threats to national security. To DEOPS, the national origin of the communists was less important than their Judaism. As they saw it, all

propaganda and disturbances come from the Jews (so-called North American, French, German, Russians, Argentines, etc.). Revolutions, freedom, progress – these all help Judaism, in Israel's march to world domination!⁷¹

Wataghin was not Jewish, but to the political police he was a still militant of the so-called International Judaism,⁷² which suggests considerable ignorance and prejudice among its agents.

Although Wataghin's scientific work was relevant, as well as critical for the development of physics in São Paulo, the police could not tolerate supporters of the “red belief” at the university. Those suspected of conspiring against national security had to be closely monitored.⁷³ One result was that almost all Russian émigrés in São Paulo were targeted by DEOPS as undercover agents of the communist cause.⁷⁴ Given the great political hostility to this community, one might wonder whether the pursuit of communists at the university itself was directly related to Wataghin's return to Italy in 1949.

According to a report by Jacow Sacharowitsch Suriz, who arrived in Brazil as the Soviet ambassador in 1945, among the émigrés who applied for Soviet citizenship was a request from Wataghin, which received no reply. After the closure of the Russian Red Cross and the new diplomatic rupture between Brazil and the Soviet Union in 1947, Wataghin may have received a friendly suggestion that he leave Brazil, but this only happened in 1949.⁷⁵

Conclusion

Wataghin never spoke publicly about his political beliefs. In an interview, Wataghin commented that

I, who considered myself socialist, was personally very much in favor of the Revolution. In a way, some of the violence disturbed me. Violence is not necessary, because great part of the population supports the revolution. Nevertheless, it is very difficult to judge and evaluate the movements of great masses. Of course.⁷⁶

The police concluded that Wataghin was communist for taking part in an entity that supported the USSR in the war against Hitler, although neither the Russian Red Cross nor Wataghin was communists. Despite the police complaints, this research did not find a single declaration of Wataghin, from the 1940s, that could corroborate the authorities' suspicions. Even before his participation in this entity, Wataghin had declared disposition to support the Allies in the Second World War. When he evoked his “Russianness,” the physicist joined the group of Russians in Brazil for whom “being Russian” meant to support the Soviet Union in the war against nazi-fascism – confirming what Ruseishvili (2016) discusses in her thesis.

His behavior in the face of Fascist Italy's foreign policy, which brought him to Brazil, as well as the accusations and investigations to which he was subjected as a Russian,

⁷¹ APESP/DEOPS. Corrections to reports made, s./d. Dossier 30-J-3-46, p. 3. Original in Portuguese.

⁷² Zen (2010) notes that the police's documents from the period show that, in the mid-1940s, the mythology that Jews conspired to take over the world had very much returned. According to the author, “although some documents manifest themselves as delusions of the disturbed mind of an anti-Semitic fanatic, what should be considered is the recurrence of this discourse” (Zen 2010, 163, original in Portuguese).

⁷³ In addition to Gleb Wataghin, another recurring name in DEOPS reports is that of one of his pupils and future FFCL professor, the theoretical physicist Mario Schenberg, a member of the Brazilian Communist Party.

⁷⁴ Erick Reis Godliauskas Zen, *Imigração e Revolução: Lituanos, Poloneses e Russos sob Vigilância do Deops* (São Paulo: Editora da Universidade de São Paulo, FAPESP, 2010).

⁷⁵ M.N. Moseykina, “Father of Brazilian Nuclear Physics. Gleb Vasilievich Vatagin in São Paulo,” *Rodina*, no. 10 (2013): 62–64.

⁷⁶ Wataghin, Gleb. *Gleb Wataghin (depoimento, 1975)*. Rio de Janeiro, CPDOC, 2010. P. 5.

must be analyzed with the care that any historical inquiry requires. Events must be put in their proper time. The accusations of DEOPS were unfounded since they were mainly based on the authorities' fear of a supposed communist conspiracy in Brazil. As a physicist and vice-president of an organization considered to be communist, Wataghin was automatically suspect.

Throughout his life, Wataghin tried to adapt to changes in national and international politics, beginning with his departure from Russia during the Civil War to his return to Italy some 30 years later. Wataghin continued to work with cosmic rays and maintain his social network, adapting to the opportunities and obstacles in his way. Despite the controversies regarding his ideological beliefs, we agree with Lesley Chamberlain (2008), who, in her book about intellectuals expelled from the Soviet Union in 1922, argues that it is necessary to consider the trajectories of intellectuals in light of how politics affected their daily lives. In his Brazilian years and even in later on, Wataghin was attentive to the cultural diplomacy relations and did his best to promote them as a scientist and university professor. By the same token, during his varied journey as an exile, he succeeded in setting his own path, according to the scientific, social, political, cultural, and diplomatic changes.

Рукопись поступила: 22 января 2020 г.

Submitted: 22 January 2020.

References

- Avagliano, Mario, and Palmieri, Marco. *Di pura razza italiana. L'Italia "ariana" di fronte alle leggi razziali*. Milan: Baldini & Castoldi, 2013 (in Italian).
- Bontempi Jr., Bruno. "Nacionalismo e regionalismo em dois inquéritos sobre o ensino superior brasileiro nos anos 1920." *Educar em Revista* 33, no. 65 (2017): 35–50 (in Portuguese).
- Boto, Carlota. "A intelectualidade paulista, o Manifesto dos Pioneiros e a Universidade de São Paulo em sua primeira "missão" (1932–1934)". In *História da Educação: global, nacional e regional*, 39–74. Vitória: Edufes, 2019 (in Portuguese).
- Bytsenko, Anastassia. *Imigração da Rússia para o Brasil no início do século XX. Visões do Paraíso e do Inferno*. São Paulo: University of São Paulo, 2006 (in Portuguese).
- Cardoso, Irene. *A universidade da comunhão paulista*. São Paulo: Autores Associados: Cortez, 1982 (in Portuguese).
- Carelli, Mario. *Carcamano e comendadores: os italianos de São Paulo: da realidade à ficção (1919–1985)*. São Paulo: Ática, 1985 (in Portuguese).
- Ceni, Franco. *Italianos no Brasil*. São Paulo: EDUSP, 2011 (in Portuguese).
- Chamberlain, Lesley. *A guerra particular de Lenin*. Rio de Janeiro: Record, 2008 (in Portuguese).
- Freire Jr., Olival, and Silva, Indianara. "Scientific Exchanges between the United States and Brazil in the Twentieth Century: Cultural Diplomacy and Transnational Movements". In *How Knowledge Moves: Writing the Transnational History of Science and Technology*, 281–307. Chicago: The University of Chicago Press, 2019.
- Garcia, Sylvia Gemignani. *Destino impar. Sobre a formação de Florestan Fernandes*. São Paulo: Editora 34, 2002 (in Portuguese).
- Gariboldi, Leonardo. "Giuseppe "Beppo Occhialini. Dal positrone alla mappa gamma della galassia." *Emmeci Quadro*, agosto (2007): 64–74 (in Italian).
- Levi, Primo, and Regge, Tullio. *Dialogo*. Milan: Arnoldo Mondadori Editore, 1994 (in Italian).
- Marie, Jean-Jacques. *História da Guerra Civil Russa: 1917–1922*. São Paulo: Contexto, 2017 (in Portuguese).
- Moseykina, M.N. *Uchenyy-fizik Gleb Vasil'yevich Vatagin: russkiy emigrant, grazhdanin Italii*. In *Russkiye v Italii. Ital'yantsy v Rossii. Vzaimovliyaniye kul'tur*, 79–90. St. Petersburg: SpbGASU Publ., 2012 (in Russian).
- Moseykina, M.N. "Father of Brazilian Nuclear Physics. Gleb Vasilievich Vatagin in Sao Paulo." *Rodina*, no. 10 (2013): 62–64 (in Russian).
- Mota, Carlos Guilherme. "Ecos da historiografia francesa no Brasil: apontamentos e desapontamentos". In *Do positivismo à desconstrução. Idéias francesas na América*, 137–158. São Paulo: Edusp, 2004 (in Portuguese).

- Motta, Rodrigo Pato Sá. “O Perigo é Vermelho e vem de Fora: O Brasil e a URSS.” *Locus: Revista de História* 13, no. 2 (2007): 227–246 (in Portuguese).
- Petitjean, Patrick. As missões universitárias francesas na criação da USP. In *A ciência nas relações Brasil-França (1850-1950)*, 259-330. São Paulo: Edusp, 1996 (in Portuguese).
- Pinault, Michel. “L’intellectuel scientifique: du savant à l’expert.” In *L’histoire des intellectuels aujourd’hui*, 227–254. Paris: Presses Universitaires de France, 2003 (in French).
- Predazzi, Enrico. “Gleb Wataghin”. In *La Facoltà di Scienze Matematiche Fisiche Naturali di Torino. 1848–1998. Tomo Secondo. I Docenti*, 283–294. Torino: Deputazione Subalpina di Storia della Patria/Università degli Studi di Torino, 1999 (in Italian).
- Ruseishvili, Svetlana. *Ser russo em São Paulo: os imigrantes russos e a (re)formulação de identidade após a Revolução Bolchevique de 1917*. São Paulo: University of São Paulo, 2016 (in Portuguese).
- Santos, Viviane Teresinha dos. *Italianos sob a mira da polícia política: vigilância e repressão no estado de São Paulo (1924–1945)*. São Paulo: Humanitas, 2008 (in Portuguese).
- Silva, André Felipe Cândido da. “A diplomacia das cátedras: a política cultural externa alemã e o ensino superior paulista – os casos da USP e da Escola Paulista de Medicina (1934–1942).” *História* 32, no. 1 (2013): 401–431 (in Portuguese).
- Silva, Luciana Vieira Souza da, and Monteiro, Rogério. “Luigi Fantappiè: mathematical analysis, education, and fascism in Brazil (1934–1939).” *Lett. Mat. Int.Ed.*, no. 6 (2018): 153–159.
- Silva, Luciana Vieira Souza da, and Siqueira, Rogério Monteiro de. “An Italian mission at the University of São Paulo: Science and education issues in the diplomatic relationships between Italy and Brazil in the 1930s.” *Mélanges de l’Ecole Française de Rome Italie et Méditerranée* 130, no. 2 (2018): 407–419.
- Sirinelli, Jean-François. “Le hasard ou la nécessité, une histoire en chantier: l’histoire des intellectuels.” *Vingtième Siècle, revue d’histoire*, no. 9 (1986): 97–108 (in French).
- Sirinelli, Jean-François. “Os intelectuais.” In *Por uma história política*, 231–269. Rio de Janeiro: Editora da FGV, 2003 (in Portuguese).
- Tavares, Heráclio Duarte. “Estilo de pensamento em física nuclear e de partículas no Brasil (1934–1975): César Lattes entre raios cósmicos e aceleradores.” Rio de Janeiro: Universidade Federal do Rio de Janeiro, 2017 (in Portuguese).
- Tragtenberg, Maurício. *A Revolução Russa*. São Paulo: Editora UNESP, 2007 (in Portuguese).
- Toma, Henrique E. “Alfred Werner e Heinrich Rheinboldt: genealogia e legado científico.” *Quím. Nova* 37, no. 3 (2014): 574–581 (in Portuguese).
- Videira, Antonio Augusto Passos, and Bustamante, Martha-Cecilia. “Gleb Wataghin en la Universidad de São Paulo: un momento culminante de la ciencia brasileña.” *Quipu* 10, no. 3 (1993): 263–284 (in Spanish).
- Vieira, Cássio Leite, and Videira, Antonio Augusto Passos. “História e Historiografia da Física no Brasil.” *Revista de História e Estudos Culturais* 4, no. 3 (2007): 1–27 (in Portuguese).
- Wataghin, Gleb. *Gleb Wataghin (depoimento, 1975)*. Rio de Janeiro: CPDOC, 2010 (in Portuguese).
- Zen, Erick Reis Godliauskas. *Imigração e Revolução: Lituanos, Poloneses e Russos sob Vigilância do Deops*. São Paulo: Editora da Universidade de São Paulo, FAPESP, 2010 (in Portuguese).

Информация об авторах / Information about the authors

Лучиана Виейра Соуза да Силва, кандидат наук по истории образования и историографии, Университет Сан-Паулу (Бразилия).

Luciana Vieira Souza da Silva, PhD in History of Education and Historiography, University of São Paulo (Brazil).

Бруно Бонтемпи мл., доцент педагогического факультета Университета Сан-Паулу (Бразилия).

Bruno Bontempi Jr., Associate Professor, Faculty of Education, University of São Paulo (Brazil).

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-979-995>

Научная статья / Research article

Russian-Central Asian Relations in the Works of Modern French Researchers

Rafael A. Arslanov, Elizaveta D. Trifonova

RUDN University; 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia; arslanov-ra@rudn.ru

Abstract: The article examines the views of modern French researchers on the relations between Russia and the post-Soviet republics of Central Asia. This allows us to identify various interpretations of Russian foreign policy, and to understand the main approaches of French scholars analyzing the goals and tasks of Russian geostrategy in the region. As the article demonstrates, French historiography, along with the objectivist view on the Central Asian vector in Russian foreign policy, also includes works of ideological nature. Special emphasis is put on French works that focus on Russian political authors who speak of Russia's neo-imperialism. These studies explain the Russian policy in Central Asia through the ruling elite's ambition to resurrect an empire in the post-Soviet space and to return superpower status to Russia. Of special interest is the position of authors who try to explain the Russian attitude to the Central Asian region as, on the one hand, an expression of nostalgic feelings harbored by a great part of the population about the nation's former greatness, assuming that these feelings have an impact on the leadership's policies, and on the other hand, as the Russian leadership's attempt to use Russia's active return to the international arena for the consolidation and self-identification of society. It is observed that some French authors speak of a New Great Game. This very popular concept considers the actions of Russia and other powers operating in the region (USA and China) as a continuation of the historical rivalry between the Russian and British empires in the late 19th and early 20th centuries. Russian authors have always been interested in French historiography; this is due to the latter's scientific prestige and objectivity, and in particular its application of methodologies that further develop the tradition of the Annales School. At the same time, the growing French scholarship on the issue of Russia and post-Soviet Central Asian republics has not yet been subject to close and complex consideration, which defines the novelty of the article.

Keywords: French historiography, Central Asia, geopolitics, relations, security, interests, imperial model, Great Game, energy resources, soft power

For citation: Arslanov, Rafael A., and Trifonova, Elizaveta D. "Russian-Central Asian Relations in the Works of Modern French Researchers." *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 4 (November 2020): 979–995. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-979-995>

Отношения России и стран Центральной Азии в работах современных французских исследователей

Р.А. Арсланов, Е.Д. Трифонова

Российский университет дружбы народов; 117198, Россия, Москва,
ул. Миклухо-Маклая, 6; arslanov-ra@rudn.ru

Аннотация: В статье выявляются и анализируются взгляды современных французских исследователей на отношения России и постсоветских республик Центральной Азии. Изучение работ французских ученых дает возможность установить различные трактовки внешней политики России, определить основные подходы к освещению целей и задач ее геостратегии в регионе. В статье отмечается, что наряду с объективистским взглядом на центральноазиатский вектор внешней политики России во французской историографии существует и его идеологизированная

интерпретация. В ее рамках политика России в Центральной Азии зачастую объясняется стремлением правящей верхушки возродить на постсоветском пространстве империю, вернуть стране статус сверхдержавы. Интерес вызывает позиция тех авторов, которые пытаются в отношении России к центральноазиатскому региону найти, с одной стороны, проявление ностальгических чувств значительной части населения о былом величии, их влияние на политику верхов, а с другой, – попытку руководства использовать активное возвращение России на международную арену как средство консолидации и самоидентификации общества. Отмечается, что в работах некоторых французских авторов используется популярная сегодня теория «Новой большой игры», в рамках которой действия России и ведущих государств мира в регионе (США и Китая) рассматриваются как продолжение исторического соперничества российской и британской империй эпохи 2-й половины XIX – начала XX в. Французская историография, благодаря заслуженному научному престижу и, прежде всего, объективности, использованию современных методов, продолжающих традиции школы «Анналов», пользуется вниманием отечественных авторов. Вместе с тем работы французских исследователей, все чаще обращающихся к проблеме отношений России и постсоветских республик Центральной Азии, еще не получили специального и комплексного рассмотрения, что определяет новизну данной статьи.

Ключевые слова: французская историография, Центральная Азия, геополитика, отношения, безопасность, интересы, имперская модель, Большая игра, энергоресурсы, «мягкая сила»

Для цитирования: Арсланов Р.А., Трифонова Е.Д. Отношения России и стран Центральной Азии в работах современных французских исследователей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 4. С. 979–995. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-979-995>

Introduction

The views of modern French scholars about the relations between Russia and the post-Soviet republics of Central Asia can tell us a great deal. First and foremost, they shed some light on how the western public today sees Moscow's foreign policy in general, as well as its dealings with its former "Asian colonies" in particular. Second, studying French scholarship on the question can help us compare its analysis to Russia's own views about restoring its former empire, a matter that has become particularly relevant in the wake of the events in Crimea in 2014. At the same time, it also provides a new perspective both on the region itself after the Soviet Union's collapse as well as on how Russia has reacted to the new situation.

Meanwhile, such a study provides valuable insights into recent developments in the disciplines of history and political science in France, as well as how the French currently understand modern Russian history and the country's foreign policy. And, by the same token, understanding foreign academic approaches promotes a more globalized, comprehensive and objective analysis.

Of course, Russian scholars have examined how their own compatriots have studied the history of their country's relations with Central Asia,¹ not to mention the current state of Moscow's ties with the region.² Yet they are also interested in the French literature, even if

¹ S.N. Brezhneva, *Istoriografiia prpbelemy prisoyedineniya Turkerstanskogo kraia k Rossii – vtoraiia polovina XIX v. – nachalo XXI* (Moscow: Moscow University Publ., 2005); S.N. Brezhneva, "Reflection of the idea of acculturation in the resettlement policy of the Russian Empire in Turkestan at the turn of the 19th–20th centuries," *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 3 (2017): 608–638; B.N. Mironov, *Upravlenie etnicheskim mnogoobraziem Rossiiskoi imperii* (St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publ., 2017); S.N. Abashin, *Tsentrāl'naiia Aziia v sostave Rossiiskoi imperii* (Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2008); R.A. Arslanov, A.L. Klimashin, "Periodicals in Russia at the turn of the 19th – 20th centuries on Russian migrants' sociocultural adaptation in Central Asia," *RUDN Journal of Russian History*, no. 3 (2017): 347–363.

² V.V. Naumkin, *Interesy Rossii v Tsentrāl'noi Azii: sodержanie, perspektivy, ogranichiteli* (Moscow: RAN Publ., 2013); A.A. Kazantsev, *«Bol'shaya igra» s neizvestnymi pravilami: mirovaya politika i Tsentrāl'naya Aziya* (Moscow: MGIMO-Universitet Publ, 2008); S.G. Luzianin, *Vostochnaiia politika Vladimira Putina. Vozvrashchenie Rossii na "Bol'shoi Vostok" (2004–2008)* (Moscow: AST Publ., 2007); K.E. Meshcheriakov, *Evolutsiia vnesheinei politiki Rossiiskoi Federatsii v Tsentrāl'noi Azii* (St. Petersburg: SPbSU Publ., 2014);

they are primarily focused on works about Russia's past,³ and the relevant methodology.⁴ Nevertheless, the views of French authors about modern Russia are not neglected.⁵

K.E. Meshcheriakov's work on the historiography of Russo-Central Asian relations, including its French component, is particularly comprehensive. Noting a sharp increase in the number of publications devoted to the Central Asian region after September 11, 2001, he stressed "their internationalization, ... a considerable increase in the quality of the works and the reliability of the conclusions drawn by the authors."⁶ At the same time, the existing historiography struck him as ambiguous and inconsistent. Along with the academic studies he analyzed, there were journalistic works which, in his opinion, were ideologically biased.⁷ To a certain extent, the publications of French authors adhered to this general pattern.

There is no study that specifically examines the French interpretation of relations between Russia and the countries of Central Asia. The main reason is that French scholars only began to study this topic relatively recently, i.e. when the region's states gained their independence as the USSR fragmented. However, the possibility of their seceding from the Soviet Union was foreseen. In her book, *L'Empire éclaté: La révolte des nations en URSS* (The End of an Empire: The Soviet Union in Revolt), the prominent French historian Hélène Carrère d'Encausse predicted the state's collapse. At the same time, she mistakenly attributed the cause to the rising birthrate in the Islamic republics, which, combined with declining standards of living and sharpening internal contradictions, would place tremendous stresses on the Soviet empire.⁸

The historian subsequently revised her conclusion and argued that the reason really lay in the metropole's misguided policy. In her opinion, in the 1970s on the pretext of fighting corruption, Leonid Brezhnev's team began to carry out "serious purges" in the Central Asian republics, which "the nations saw as an attack on their integrity and rights." During the subsequent perestroika era, the "Cotton Case," a campaign against corruption primarily in Uzbekistan,

stirred up memories of this practice and caused widespread discontent, and sometimes led to protests ... that all questioned Soviet feudalism, and ultimately, the whole system.⁹

Another historian, R. Yakemtchouk, had a different view. He questioned the notion that Mikhail Gorbachev's actions had had a major impact on the political behavior of the leaders of Central Asia and drove them to separatism. As he saw it, advocating independence on the one hand, and maintaining economic ties with Russia on the other,

Yu.N. Savichev, *Otshoseniia Rossii s tsentral'noaziatskimi stranami SNG v gumanitarnoi sfere (1991–2015)* (Moscow: MSU Publ., 2015).

³ N.G. Kostromina, *Teoriia i praktika totalitarizma v otsenke frantsuzskoi istoricheskoi i politicheskoi mysli v XX v.* (Kemerovo: Kemerovo State University Publ., 2012); K.A. Tsykova, *Rossia vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. v trudakh Anatolia Lerua-Bol'e* (Moscow: MSU Publ., 1991); D.A. Iatskova, *Vlast' i obshchestvennoe dvizhenie Rossii XIX vo frantsuzskoi istoriografii* (Moscow: MSU Publ., 2013).

⁴ Yu.L. Bessmertnyi, "Kak zhe pisat' istoriiu? Metodolicheskie veianiia vo frantsuzskoi istoriografii 1994–1997," *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 5 (1998): 29–42; A.Ya. Gurevich, *Istoricheskii sintez i shkola 'Annalov'* (Moscow: Indrik Publ., 1993); A.M. Inergin, *Global'naia istoriia' Fernana Brodelia: voprosy metodologii* (Tomsk: TSU Publ., 1995); "Mezhdunarodnyi sintez: uroki shkoly 'Annalov,'" *Metodologicheskii sintez: proshloe, nastoiashchee, vozmoshnye perspektivy* (Tomsk: TSU Publ., 2002): 156; N.V. Trubnikova, *Istoricheskoe dvizhenie 'Annalov'* (Tomsk: TSU Publ., 2007).

⁵ A.V. Gordon, "Russia in the history of French thought (XVII–XXI centuries)," *Russia and the modern world*, no. 4 (2013): 76–102; N.Iu. Lapina, "Double mirror reflection, or how modern Russia is perceived in France," *Russia and the modern world*, no. 4 (2013): 58–75; V.P. Chudnov, "Frantsuzskaia istoriografiia raspada SSSR i stanovleniia novoi Rossii," in *Rossia v mirovom politicheskom protsesse: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi-teoreticheskoi konferentsii* (Moscow: RUDN Publ., 1997), 145–149; R.A. Arslanov, T.S. Tolstova, "Outside viewpoint: French researchers about modern Russia," *RUDN Journal of Russian History*, no. 3 (2014): 155–162.

⁶ Meshcheriakov, "Evolutsiia vneshnei politiki," 206.

⁷ *Ibid.*, 204–205.

⁸ H. Carrère d'Encausse, *Yevraziyskaya imperiya* (Moscow: ROSSPEN Publ., 2007), 283.

⁹ *Ibid.*

they “... played only a negligible role in the collapse of the USSR.”¹⁰ Despite all its inconsistency, Yakemtchouk’s conclusion seems closer to the mark, especially since they were severely dismayed by the unilateral decision of the leaders of the three Slavic republics unilaterally to dissolve the unified state at Belovezh at the end of 1991.

This article analyses the French historiography of the Russian Federation’s Central Asian policy, to identify the stages of its development, features and trends. The source base consists of general works and special articles by French authors addressing the geopolitical problems of the region, as well as its political, economic and cultural ties with Russia. To help understand this foreign point of view, the author also relied on Russian scholarship.

French views of Russia's policy in Central Asia

Central Asia is a theme of great interest to Western researchers, including the French. The latter include the aforementioned historians H el ene Carr ere d’Encausse and R. Yakemtchouk, a professor of the Louvain Catholic University; the political scientist and orientalist Olivier Roy, the leading researcher at the Foundation for Strategic Research (FRS) Isabelle Facon; the political science professor Thierry Kellner; the international affairs specialist Mohammad-Reza Djalili; the researcher at the National Institute for Oriental Languages and Civilizations (INALCO) David Teurtrie and Professor Anne de Tinguy, who is also affiliated with the Center for International Studies at the Institute for Political Studies (CERI-Sciences Po); Marie Mendras, a political scientist at the National Center for Scientific Research (CNRS) and the Center for International Studies in Political Sciences; and the historian Fran oise Thom, who specializes in Russia’s regions; among others.

The term “Central Asia” to describe the former Central Asian republics (Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan) and Kazakhstan, was established only in the early 1990s. According to the French researchers, the pre-revolutionary name “Turkestan” was replaced by a new one – the Central Asian Soviet Republics and Kazakhstan – mainly to avoid any imperial associations.¹¹ At the same time, Western authors have noted the inconsistency and ambiguity of the expression “Central Asia,” which from a political point of view, included only the former Soviet republics, but to geographers also comprised Mongolia, Xinjiang, Tibet, Afghanistan, etc. Today, most scholars agree that the concept of Central Asia covers the five former Soviet republics – Kazakhstan, Kyrgyzstan, Turkmenistan, Tajikistan and Uzbekistan.¹²

Russians and foreigners concur that Central Asia was long under the control of Russia and has not had any independent relations with Western countries since the nineteenth century. Furthermore, during the Soviet era, this region was of no geopolitical interest to the US and Europe. Only after the collapse of the Soviet Union, when a “geopolitical hole” emerged there – and especially after the events of September 11, 2001 – did the region begin to attract their close attention.¹³

The Belovezh Accords that disbanded the USSR also led to the Commonwealth of Independent States (CIS) instead – a confederation of former union republics. Some

¹⁰ R. Yakemtchouk, *La politique  trang ere de la Russie* (Paris: l’Harmattan, 2008), 140

¹¹ H. Carr ere d’Encausse, *R formes et revolutions chez les musulmans de l’Empire russe. Bukhara 1867–1924* (Paris: Armand Colin, 1966), 272.

¹² I. Facon, “Les enjeux de s curit  en Asie centrale: la politique de la Russie.” *AFRI*, no. 5 (2004): 653–666; T. Kellner, M.-R. Djalili, *G opolitique de la nouvelle Asie Centrale. De la fin de l’URSS   l’apr s 11 septembre* (Gen ve: Graduate Institute Publications, 2015); C. Poujol, “L’Asie centrale, bilan: quinze ann es de discours et de pratiques sur l’int gration dans un espace d sint gr .” *Revue internationale et strat gique*, no. 64 (2006): 69–78; A. Sellier, J. Sellier, *Atlas des peuples d’Orient, Moyen-Orient, Caucase, Asie Centrale* (Paris: La D couverte, 1993); O. Roy, *L’Asie centrale contemporaine* (Paris: Presses Universitaire de France, 2010); D. Teurtrie, *G opolitique de la Russie. Int gration r gionale, enjeux  nerg tiques, influence culturelle* (Paris: l’Harmattan, 2010); Yakemtchouk, *La politique  trang ere de la Russie*.

¹³ Kellner, Djalili, *G opolitique de la nouvelle Asie Centrale*, 16.

French scholars believe that this development neglected the interests of the Central Asian republics, which caused bitterness and bewilderment, and, as a result, pushed them to closer ties with Western countries.¹⁴

In the early 1990s it was the West, rather than the neighboring “near abroad,” including the states of Central Asia, that became a priority of Russian foreign policy. Russians attributed this turn to a number of factors. First of all, the “European choice” of the Moscow’s new democratic leadership led to the perception of Central Asia as “...a bastion of backwardness and the communist *nomenklatura*.”¹⁵ Another cause was Russia’s difficult economic situation at the time, which encouraged the young government to move toward a market economy “... to distance itself from the subsidized region.”¹⁶ The void that emerged after Central Asia’s separation from Russia could not be filled by other international actors, including the US, the European Union, China, Turkey or Iran. Some were attracted by its rich natural resources, while others were interested in the geopolitical position of the region, which, especially after September 11, 2001, suddenly turned an international backwater into a stronghold of the fight against the main global threat – international terrorism. Attempts to limit Moscow’s influence combined with growing internal problems in the Central Asian countries forced it to return to the region.

French authors understand the relations between Russia and Central Asia in different ways. According to most, Moscow’s primary motive is the desire to strengthen its position and ensure the security of both the region and Russia itself. One advocate of this realist position seems to be Carrère d’Encausse. As she argues, in Central Asia, Russia is trying, above all, to strengthen regional security, which is impossible without addressing such urgent threats as Islamic extremism and terrorism.¹⁷ It should be noted that Carrère d’Encausse attributed Russia’s emancipation from Gorbachev’s authoritarianism, not to mention the Soviet empire, to internal developments without any support from abroad.¹⁸

According to Pradon, the Kremlin believes that most countries in the region cannot deal with the growing threats of terrorism, Islamic extremism, and drug trafficking on their own. These challenges to the region’s political and economic situation menace Russia, which

remains the only force capable of exerting military influence and contributing to the stabilization of the situation in Central Asia.¹⁹

As a result, according to most French analysts, despite foreign interference, economic problems, and political weakness, Russia managed to maintain and even strengthen its position there.²⁰ Moreover, Francophone Swiss scholars Djalili and Kellner believe that Russia will continue using all its strength and power to achieve its geopolitical goals.²¹

V. Bernard, L. Fort, M. Gangloff and others endeavor to adopt an objective point of view in identifying what drives Russia’s Central Asian policy. In their opinion, economic interests and, above all, the desire to take control of its energy resources, are what motivate Moscow.²² Using its potential, it eventually managed to restore its historical po-

¹⁴ A. Verdier, “Les relations russo-centrasiatique. Une nouvelle donnée géopolitique, entre méfiance, velléité et intérêt,” *Les Cahiers de l’Orient*, no. 89 (2008): 30.

¹⁵ Kazantsev, *Bol'shaya igra*, 127.

¹⁶ *Ibid.*, 128.

¹⁷ Karrer-d’Ankoss, *Evraziiskaia imperiia*, 318–319.

¹⁸ H. Carrère d’Encausse, “La Russie, ma vie, et mes combats pour la vérité,” <https://youtu.be/P0OvEAz51uk>.

¹⁹ H. Pradon, “Les enjeux de sécurité et de la stabilité en Asie central,” *AFRI*, no. 4 (2003): 169.

²⁰ Teurtrie, *Géopolitique de la Russie. Intégration régionale, enjeux énergétiques, influence culturelle*; Kellner, Djalili, *Géopolitique de la nouvelle Asie Centrale*; Yakemtchouk, *La politique étrangère de la Russie*.

²¹ M.-R. Djalili, T. Kellner, “La Russie et la ‘nouvelle’ Asie centrale,” *Géostratégiques*, no. 1 (2001): 12.

²² V. Bernard, P. Cvijic, L. Fort, M. Gangloff, R. Moreau, “Russie: Quelle stratégie de puissance?,” *Base de Connaissance de AEGE*, no. 12 (2006): 28.

sition in maintaining and even increasing its influence there.²³ According to some, such as Marlène Laruelle (now based in Washington, DC) Russian rapprochement with the region's governments is influenced by migration of the latter's citizens, the development of which is particularly important to Uzbekistan and Tajikistan.²⁴

Not all the French are free of bias. Their leadership is often accused intellectual inertia, which manifests itself in the revival of Cold War stereotypes. Thus, according to I. Facon, Russia continues to regard the US and NATO, rather than terrorism, Islamic extremism, organized crime, and drug trafficking as its major adversaries.²⁵

Such generalizations, not based on fact, often distort the real picture. Since the late 1990s, Moscow has considered it necessary to unite the international community in its fight against current threats, but the West largely ignores it. Furthermore, Washington pursues the policy of ousting Russia from the spheres of its vital interests, under the auspices of which the process of NATO expansion is ongoing. This strategy includes enlarging NATO as well as efforts draw closer to the countries of Central Asia. And, somewhat contradicting herself, Facon suggests that Moscow use Central Asia for joint actions to combat terrorism.²⁶

One French political scientist, F.-G. Dreyfus, had a more original explanation for Russia's attraction to Central Asia. As he put it, when analyzing Russia's policy

...one cannot ignore the sentimental aspect, since at first the Russian Empire and then the Soviet Union invested a great deal of effort in developing and supporting Central Asia. Moscow's pride for its sacrifices generates nostalgia.²⁷

These sentimental memories of the "great past," according to the author's logic, influence Russia's attitude today to the former Soviet republics. A number of scholars argue that Russians, nostalgic for the USSR Russia, see themselves as "the heir to the colonial past of the empire."²⁸ Guided by historical memory, they seek to restore its dominance of Central Asia, thereby confirming their country's status as a great power.²⁹

This interpretation resembles the "new imperial turn" in current Anglo-American Russian studies.³⁰ According to this approach, Russia sees itself as the rightful heir to both the pre-revolutionary empire and the Soviet Union. This continuity manifests itself in the metropole's relations with its former periphery, especially the independent Central Asian republics. On the other hand, Russian attitudes to the region, based on nostalgic memories of past unity, promote such imperial self-identification, to replace the ideological bonds of the Soviet era.

General H. Paris writes more directly about Russia's imperial intentions in Central Asia. In his opinion, Moscow's efforts to restore its former standing within the borders of the former empire and the Soviet Union are driven by its geopolitical interests.³¹ Meanwhile, Russian analysts attribute their country's renewed interest in Central Asia to such factors as geopolitics, rivalry with the US, domestic politics, as well as public opinion.

²³ V. Bernard, P. Cvijic, L. Fort, M. Gangloff, R. Moreau, "Russie: Quelle stratégie de puissance?," Base de Connaissance de AEGE, no. 12 (2006): 3; C. Reveillard, "La stratégie de la renaissance. Retour sur certaines évolutions de la situation géostratégique Russe," *Géostratégiques*, no. 24 (2016): 76.

²⁴ M. Laruelle, "Le nouveaux role de la Russie en Asie Centrale: les migrations de travail des Centre-asiatiques vers la Fédération russe," *Revue internationale et stratégique*, no. 4 (2006): 133.

²⁵ Facon, *Les enjeux de sécurité*, 653–666.

²⁶ *Ibid.*, 653–655; H. Carrère d'Encausse, *La Russie entre deux mondes* (Paris: Fayard, 2010), 116.

²⁷ F.-G. Dreyfus, "La Russie et l'Asie centrale," *Géostratégiques*, no. 12 (2006): 99–106.

²⁸ A. Leklerk, *Russkoye vliyaniye v Yevraziy. Geopoliticheskaya istoriya ot stanovleniya gosudarstva do vremen Putina* (Moscow: Al'pina Publisher Publ., 2014); P. Dombrowski, "La diplomatie de la Russie envers son voisinage," *Histoire & Liberté*, no. 30 (2007): 53.

²⁹ Th. Gomart, "Quelle influence russe dans l'espace post-soviétique?" *Le courrier des pays de l'Est*, no. 1006 (2006): 6; Roy, *L'Asie centrale contemporaine*, 77.

³⁰ V.V. Ageeva, "Exploring Russia as an Empire: Innovations in Anglo-American Historical Russian Studies in the 1990s-2010s," *Theory and practice of social development*, no. 2 (2015): 70–72.

³¹ H. Paris, "La politique russe en Asie centrale," *Géostratégiques*, no. 28 (2010): 43–52.

Thus, according to the prominent orientalist A. A. Kazantsev, the failure of the liberal reforms and the perception of the USSR's dissolution as a catastrophe by many voters forced Boris Yeltsin to "position himself as a supporter of the restoration of the union republics' unity" in his campaign for the 1996 presidential elections.³²

A look at the different views on the Russian presence in Central Asia suggests that, despite its diversity, French scholarship is dominated by realists, in other words, those who believe that Moscow is driven primarily by the need to protect its borders and maintain stability in the region. This is not necessarily the approach of the Anglo-American literature. For example, Stephen Blank, a Senior Fellow at the Foreign Policy Research Institute in Philadelphia, argues that

the dominance of Russia and China in the region is based solely on their willingness to support the local authoritarian regimes. The more repressive policies the local authorities pursue, the more dissatisfaction this causes among the population of the respective republics, which forces their leadership to constantly increase the degree of their interaction with Moscow and Beijing.³³

According to the Russian orientalist K.E. Meshcheriakov, Blank ignores the "peculiarities of the political culture of the region's countries," which leads him to erroneous conclusions about "the nature of their political system and the reasons for their interest in developing the dialogue with Russia and China..."³⁴ The American scholar's judgements reflect a revival of the ideological interpretation of Russia's foreign policy in the region.

Stages, forms and results of cooperation

How did the French see developments in the relations between the Russian Federation and Central Asia's newly independent republics? Having detected Moscow's waning interest in the region after 1991, they reported an upsurge when Yeltsin appointed Evgenii Primakov to be his foreign minister in 1996, and, four years later, when Putin's Foreign Policy Concept declared Central Asia to be a priority, concluded it would be lasting.³⁵ French analysts tend to link changes in Russian diplomacy to the country's leader. Thus, they ascribed the decline to Yeltsin and its revival to his successor.

French scholars believe that Russia's policy in Central Asia went through a series of stages, which were determined both by domestic factors and various changes in the region's countries. At the same time, they pointed to their leaders' somewhat contradictory endeavors to benefit from their historic links with Moscow without being overly captive to its influence, on the one hand, without retreating to isolationism on the other – and avoid the tragic fate of Tajikistan in the 1990s.³⁶

One effort to remedy the situation was their effort to establish the Commonwealth of Independent States (CIS). According to Yakemtchouk, the new institution was meant to mitigate the potential dangers of the Soviet Union's disintegration.³⁷ At the same time, the Central Asian republics, with the possible exception of Turkmenistan, hoped it would guarantee their integration. Thus, a number of French authors noted the enthusiasm of Kyrgyzstan, Tajikistan, and, in particular, Kazakhstan, to promote the CIS.³⁸

³² Kazantsev, "Bol'shaia igra," 132.

³³ Meshcheriakov, "Evolutsiia vneshnei politiki," 152.

³⁴ Ibid.

³⁵ I. Facon, "Les enjeux de sécurité en Asie centrale: la politique de la Russie," 653; Djalili, Kellner, "La Russie et la 'nouvelle' Asie centrale," 58; Kontseptiia vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii (23 June 2000), <https://dokipedia.ru/document/5187119>.

³⁶ Kellner, Djalili, *Géopolitique de la nouvelle Asie Centrale*, 63.

³⁷ Yakemtchouk, *La politique étrangère de la Russie*, 54.

³⁸ Carrère d'Encausse, *La Russie entre*; Kellner T., Djalili M. *Géopolitique de la nouvelle Asie Centrale*; A. de Tinguy, "La sortie de l'Empire: le poids de l'héritage," *Questions internationales*, no. 27 (2007); Yakemtchouk, *La politique étrangère de la Russie*.

Yet some of them discount the effectiveness of the CIS, since the organization continues to exist only due to large flows of migration between its members.³⁹ Most Central Asian economies rely on remittances by immigrants who live and work in Russia. According to political analyst M. Mendras, their secession from the CIS would mean the introduction of a visa regime with Russia and the forced return of migrant workers to their homeland, with the attendant social and economic disruption.⁴⁰ By the same token, Moscow also has an important stake in the matter, since it has been stepping up its efforts to put the process on a solid legal footing.

Uzbekistan's role in the CIS is of particular interest, since in 1999 it temporarily joined GUAM (the Organization for Democracy and Economic Development), a grouping that opposes Russia's influence in the post-Soviet space.⁴¹ Some authors consider this event as the beginning of the end of Russia's influence in Central Asia, not to mention the collapse of the CIS.⁴² However, this interpretation seems off base, and in any case Islam Karimov withdrew Uzbekistan's membership six years later.

The events of September 11, 2001, as well as the region's concurrent color revolutions, had a major impact on Russo-Central Asian relations. Among other, these developments led to accusations in the West of rising authoritarianism and violations of human rights by Central Asian governments, which, French analysts argued, accelerated their turn towards both Moscow and Beijing at the expense of Western influence.⁴³ As a result, the West itself forced the countries of Central Asia to act in the direction necessary for Russia.⁴⁴

However, a number of them believe that after 9/11, the West's involvement in the region actually increased, as American military bases operated in Uzbekistan until 2005 and in Kyrgyzstan to 2009.⁴⁵ They concluded that the main result was that the Central Asian states began to turn their backs on Russia. Furthermore, the US military presence was accompanied by significant financial support, which, in turn, led to a confrontation of China and Russia with the Americans.⁴⁶ However, this view may have overestimated the appeal of the West, as well as ignoring China's role. Historian H. Carrère d'Encausse may well have been closer to the mark when she argued that,

relying on the growing instability and referring to the principle of collective security, Russia managed to gain military advantages in the region by deploying its bases there. By acting as a defender of those states which were temporarily tempted to play the American game like Ukraine and Georgia, Moscow actually managed to improve their relations.⁴⁷

French analysts have considered the impact of regional organizations in advancing Central Asian integration. They paid particular attention to the Collective Security Treaty Organization (CSTO), established under the auspices of the CIS in 2002 on the basis of the Collective Security Treaty, signed on May 15, 1992 in Tashkent by Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan.⁴⁸ However, as already noted, Uzbekistan refused to extend this agreement in 1999. Although it rejoined in 2006, it did so within the framework of the CSTO. Some consider the CSTO to be a "NATO of the Near Abroad," the only

³⁹ Teurtrie, "Géopolitique de la Russie," 22.

⁴⁰ M. Mendras, "La Russie en mal de politique étrangère," *Pouvoirs*, no. 88 (1999): 111.

⁴¹ Teurtrie, "Géopolitique de la Russie," 93; Carrère d'Encausse, *La Russie entre*, 149.

⁴² Verdier, "Les relations russo-centrasiatique," 36.

⁴³ S. Peyrouse, "Quinze ans après l'indépendance, quels nouveaux enjeux en Asie Centrale?" *Revue internationale et stratégique* 64, no. 4 (2006): 66; Yakemtchouk, *La politique étrangère de la Russie*, 144.

⁴⁴ Teurtrie, "Géopolitique de la Russie," 101.

⁴⁵ Kellner, Djalili, *Géopolitique de la nouvelle Asie Centrale*, 51.

⁴⁶ Facon, *Les enjeux de sécurité*, 661.

⁴⁷ Carrère d'Encausse, *La Russie entre*, 118–119.

⁴⁸ I. Facon, "L'organisation de coopération de Shanghai. Ambitions et intérêts russes," *Le courrier des pays de l'Est* 1055, no. 3 (2006): 32; "Dogovor o kollektivnoy bezopasnosti ot 15 maya 1992 g.," https://odkbcsto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/.

security alliance that included not only Central Asian governments, but also former Soviet republics in Europe and the Caucasus.⁴⁹

To counter Western influence in the region, Russia turned to China. In 2001, the Shanghai Forum was transformed into the Shanghai Cooperation Organization (SCO), one of whose goals, according to French historian Françoise Thom, became “curbing the influence of Western countries in Central Asia.”⁵⁰ Initially meant to promote the region’s economic development, the SCO set more ambitious goals, including combating terrorism, US dominance, cooperation in drug trafficking control, etc. Some researchers believe that the SCO, which is the most effective regional body,⁵¹ is becoming an instrument for Russia, which is using it to try to draw the former Soviet Central Asian republics closer to itself, as well counterbalance American influence in the region – not to mention the latter’s global hegemony.⁵² At the same time, others believe that Moscow relies on the SCO, above all, to counter the economic ambitions of Beijing, as it tries to set up a free trade zone within the organization.⁵³

Since 2003, the SCO has been one of the instruments for Russia and China to try to limit the political influence of Western countries in Central Asia.⁵⁴ According to a number of scholars, in this context, the events in Andijan in May 2005 became an opportunity for Russia to advance its interests there with the help of the SCO.⁵⁵ By supporting Tashkent, which portrayed the city’s revolt as terrorism and extremism, Russia, along with the SCO, opposed West’s call for an international investigation and its accusation of “indiscriminate use of force” in suppressing the uprising.⁵⁶ As a result, Tashkent renounced the presence of NATO military bases on its territory, which led to its rapprochement with Moscow.⁵⁷

A number of French authors see the confrontation between the West and Russia in Central Asia as a renewal of the Great Game – the struggle of Russia and Great Britain for influence in the region a century earlier. Modern journalists increasingly used the term “New Great Game,” replacing the Americans for the British. At the same time, according to Colonel Vincent de Kytspotter, after 9/11, the interests of the players coincided, and “Russia became the first country to support the US in its war on terrorism.” He noted, with some surprise, a new development – “.. cooperation along with rivalry.”⁵⁸ However, at the end of 2003, Moscow and Beijing grew dissatisfied with Washington’s “prolonged military presence” in the region, which they saw as “undisguised expansion, ...a strategic threat to the interests of their national security.” And in the Central Asian states “...suspicion of the true motives of the American invasion grew.”⁵⁹ As a result, the French colonel correctly predicted the imminent withdrawal of the US troops from Central Asia and the change in the balance of forces in favor of Russia and China.

French authors also consider increasing Sino-Russian cooperation in the region as another aspect of the New Great Game. According to Isabelle Facon, the two states act together quite closely in the geopolitical sphere to confront other external players. At the same time,

⁴⁹ Teurtrie, “Géopolitique de la Russie,” 89–90; Carrère d’Encausse, *La Russie entre*, 112.

⁵⁰ Fr. Thom, “Une politique étrangère déterminée par les dynamiques internes,” *Boulevard Extérieur* (2012), <https://www.boulevard-exterieur.com/Une-politique-etrangere-determinee-par-les-dynamiques-internes.html>.

⁵¹ C. Poujol, “L’Asie centrale, bilan: quinze années de discours et de pratiques sur l’intégration dans un espace désintégré,” *Revue internationale et stratégique*, no. 64 (2006): 70; Facon “L’organisation de coopération de Shanghai”, 30–31.

⁵² Yakemtchouk, *La politique étrangère de la Russie*, 142.

⁵³ H. Rousselot, “Le club de l’énergie de l’OSC. Un élément (moteur) d’intégration régionale?” *Relations internationales*. no 145 (2011): 121.

⁵⁴ Facon, “L’organisation de coopération de Shanghai”, 31.

⁵⁵ Kellner, Djilili, *Géopolitique de la nouvelle Asie Centrale*, 80; Carrère d’Encausse, *La Russie entre*, 117–119.

⁵⁶ Carrère d’Encausse, *La Russie entre*, 119–120.

⁵⁷ *Ibid.*; Verdier, “Les relations russo-centrasiatique,” 38.

⁵⁸ V. de Kitspotter, “Bol’shaia igra v tsentrel’noi azii,” *Iadernyi kontrol’*, no. 1 (2005): 91.

⁵⁹ *Ibid.*, 93.

they also compete economically, which, according to Facon, leads to Russia's mistrust.⁶⁰ Yet, others believe that, while it is growing, Beijing's influence in the regions is still less than that of Moscow.⁶¹ Sebastien Peyrouse's suggestion⁶² that the Chinese may well eclipse the Russians there underestimates their reliance on the latter as the only guarantors of its security.

Most French authors believe that Vladimir Putin has managed to strengthen Russia's position in Central Asia. He reassures the leaders of its republics who fear the manifestation about Moscow's imperial ambitions by arguing that its previous dominance is not an obstacle to better relations, and even enhances them. By stressing Central Asia's security and stability as well as warning about the West's attempts to intervene in its affairs, the Kremlin, in the opinion of a number of French analysis, has brought about its rapprochement with its republics.⁶³

At the same time, they believe that both the Central Asian states and Russia prefer to cooperate not on a bilateral but on a regional basis. To do this, they use various organizations that, on the one hand, according to some authors, protect the region's countries from Russia's neo-imperial ambitions, and on the other hand, make it easier for the latter to control the post-Soviet space and create the conditions for Central Asian integration.⁶⁴ Most of them argue that, while the SCO is one of the most important regional organizations, the CIS is ineffective as a tool for consolidating Moscow's hold on the region, or even a "failure".⁶⁵ Such institutions as the CSTO or the Customs Union, later transformed into the EurAsEC, while promoting Russian influence, do not include all of Central Asia's governments.

Economic cooperation

The French also pay attention to Russian economic cooperation with Central Asia. First and foremost, they discuss the role of various relevant organizations. Thus, in 1995, Kazakhstan, Russia and Belarus established the Customs Union, which Kyrgyzstan and Tajikistan joined in 1996 and in 1998, respectively, and was transformed into the Eurasian Economic Community (EurAsEC) in 2000. The organization's purpose is to establish a common market and coordinate other economic activities. According to most of them, the Customs Union and the EurAsEC are the main priorities of Vladimir Putin's diplomacy in Central Asia, which is aimed at promoting integration.⁶⁶ However, some are highly skeptical of their effectiveness, and emphasize that Russia uses these economic associations primarily for political purposes to maintain its influence and counter such rivals as the EU and China in Central Asia.⁶⁷ At the same time, Russia had to make concessions, allowing the citizens of its partners to move freely within the the union, thereby increasing their presence in Russia. In addition, it also began to export hydrocarbons to its EurAsEC partners at a lower price.⁶⁸

The French conclude that Russia is less interested in economic cooperation with Central Asia than its republics themselves, with the probable exception of Kazakhstan.⁶⁹ As some suggest, despite all the fluctuations and difficulties, Russia remains the key part-

⁶⁰ I. Facon, "Asie centrale comme enjeux dans le 'partenariat strategique' sino-russe," *Recherches & Documents*, no. 6 (2008): 35.

⁶¹ R. Cagnat, "Asie centrale, jouet des grandes puissances: le très grand jeu," *Les notes de l' IRIS*, no. 3 (2010): 12.

⁶² S. Peyrouse, "La présence chinoise en Asie central: Portée géopolitique, enjeux économique et impact culturelle," *Les Etudes de CERI*, no. 48 (2008): 33.

⁶³ Leklerk, *Russkoye vliyaniye v Yevrazii*, 291–292; S. Peyrouse, "Quinze ans après l'indépendance, quels nouveaux enjeux en Asie Centrale?" *Revue internationale et stratégique*, no. 64 (2006): 66; Yakem-tchouk, *La politique étrangère de la Russie*, 144.

⁶⁴ Facon, *Les enjeux de sécurité*; Teurtrie D. "La langue russe"; Carrère d'Encausse, *La Russie entre*, 112.

⁶⁵ Kellner, Djalili, *Géopolitique de la nouvelle Asie Centrale*, 64.

⁶⁶ Leklerk, *Russkoye vliyaniye v Yevrazii*, 295–296; Facon, *Les enjeux de sécurité*; Kellner, Djalili, *Géopolitique de la nouvelle Asie Centrale*, 58.

⁶⁷ Teurtrie, "Géopolitique de la Russie," 69; Verdier, "Les relations russo-centrasiatique," 41–42.

⁶⁸ *Ibid.*, 64.

⁶⁹ Kellner, Djalili, *Géopolitique de la nouvelle Asie Centrale*, 59.

ner of the Central Asian states in the economic sphere.⁷⁰ While acknowledging the increasing importance of China in the region's economy, Russians tend to agree.⁷¹

Energy occupies a prominent place in French studies of the region, especially Russian policy in this regard. Thus, according to A. Leclerc, energy is “an effective tool that Russia uses to occupy the dominant position in the Central Asian region.”⁷² At the same time, some conclude that Russia uses energy as a tool to advance its interests not only in Central Asia, but throughout the post-Soviet space. Thom believes that “by using the gas pipelines of Central Asia, Russia is trying to restore its hegemony not only in the region, but also in Europe.”⁷³ Others emphasize that by “using the transport infrastructures left over from the times of the USSR as a lever of influence, Russia is trying to restore its traditional influence in Central Asia,” which it lost during Boris Yeltsin's reign.⁷⁴

Among other, Russia blocked the construction of the oil pipeline through the Caspian Sea, and, to maintain monopoly on the transportation of hydrocarbons in the region, it tried to force Kazakhstan and Turkmenistan to export them through its own territory.⁷⁵ As a result, these countries had to seek new export routes. For example, Turkmenistan began bypassing Russia by selling its gas at a low price to Iran through a small pipeline built at the end of 1997.

Faced with the threat of cutting its ties with its CIS partners, as well as with the possibility that Central Asian states bypass Russia to transport its gas, the Kremlin forced Gazprom to reverse its position and conclude an agreement with Turkmenistan in 1999, to resume the export of the latter's gas to Russia for export to Ukraine. D. Teurtrie considers that the 17 December 1999 agreement with Turkmenistan was extremely beneficial for Russia, since it not only allows “maintaining control over the export routes of Turkmenistan gas, but also questions the usefulness of the Trans-Caspian gas pipeline.”⁷⁶ As for the Caspian Pipeline Consortium (CPC), an oil transportation project Russia, Kazakhstan and the leading oil companies created to build and operate the oil pipeline connecting the coast of Kazakhstan with the port of Novorossiysk, to Teurtrie it was Russia's first victory in the struggle for the Caspian Sea, because it allowed the country to dominate oil transit in the region.⁷⁷

At the same time, according to French researchers, the Kremlin realizes that it will not be able to control all Central Asian exports of hydrocarbons. That is why it also relies on collective cooperation on a contractual basis, as long as it precludes the participation of such competitors as the US.⁷⁸ Russia has to

make significant efforts to maintain and strengthen in each case the dependence that binds its partners.⁷⁹

The economic recovery and increased coordination between the Russian government and its energy companies have allowed Moscow somewhat to restore the pattern of its energy and economic policy toward Central Asia. It also uses energy to restore its influence there, for example, by creating EurAsEC to, among other, restore its control over oil and gas exports from Kazakhstan and Turkmenistan.⁸⁰ However, growing competition

⁷⁰ Yakemtchouk, *La politique étrangère de la Russie*, 141.

⁷¹ Kazantsev, “Bol'shaia igra,” 150, 151.

⁷² Leklerk, *Russkoye vliyaniye v Yevrazii*, 293.

⁷³ Fr. Thom, “Politique énergétique de la Russie,” *European Security & Defence*, www.european-security.com/index.php?id=4338

⁷⁴ Gomart, “Quelle influence russe dans l'espace post-soviétique?,” 8.

⁷⁵ Thom, “Politique énergétique de la Russie.”

⁷⁶ Teurtrie, *Géopolitique de la Russie*, 181–182.

⁷⁷ *Ibid.*, 187.

⁷⁸ *Ibid.*, 181–185.

⁷⁹ Tinguy, “La sortie de l'Empire”.

⁸⁰ Fr. Thom, “Vladimir Putin's Russia,” *European Security & Defence*, www.european-security.com/index.php?id=3004

is increasingly challenging Russia's role as a key player in the regional energy sector.⁸¹ In general, the French have concluded that economic issues, including the transportation of hydrocarbons from Central Asia, have become political ones for Russia.

Protection of the Russian population and soft power policy

French studies examine the situation of the Russian-speaking population living in the region, as well as the Russian Federation's efforts to protect it. Russians have suggested more than once that their language and culture enabled the peoples of Central Asia to join European civilization and become a model for modernization for their Muslim neighbors.⁸² By the same token, the departure of Russians after the collapse of the USSR, especially the region's southern zone, i.e. the demise of the "Russian World," had dire economic and cultural consequences.

The French agree about the negative aspects of the nationalization policy pursued by a number of Central Asian states, which has hastened the exodus of many ethnic Russians. They are particularly concerned that Russian has lost the status of an official language and is no longer taught in school, despite the fact that it remains a necessary element of communication in the post-Soviet space.⁸³ On the other hand, they note that, with Vladimir Putin's rise to power, the attitude towards Russian culture and the Russian-speaking population in the region began to change. In many ways, Putin created an environment more favorably disposed towards Russia as well towards Russians living abroad through his deft use of "soft power."⁸⁴ Thus, Russian remains important throughout Central Asia, and even remains an official language in Kazakhstan and Kyrgyzstan.

L. Delcour and A. de Tinguy examined "The Russian Language 2006–10" initiative, whose goals included promoting the language's role in the CIS' integration, supporting the study of Russia's language and culture abroad, and meeting the needs of those who speak it outside of Russia.⁸⁵ For example, in the framework of this program, the Commission on the Affairs of Compatriots of the Government of Russia and the Moscow Mayor's Office for 2000–3 sent more than one hundred thousand Russian language textbooks to Tajikistan. This is one example of the Kremlin's cultural diplomacy, which is most pronounced in its relations with Dushanbe. Among other, in 2003 the two governments signed an agreement to build a television transmitting station to broadcast Russian programs.

Other examples of Central Asia's return to the Russian cultural space are the "Days of the Russian Language" in Turkmenistan, the opening of the joint Russian-Turkmen A.S. Pushkin School in Ashkhabad, and teaching the Russian language in Kazakh schools. In addition, the Russians who remained in the Central Asian states after the collapse of the USSR act as ambassadors for their culture there.⁸⁶ According to some authors, the Russian government's migration policy also contributes to the growing influence of its culture in Central Asia.⁸⁷

Marlène Laruelle, suggests that Putin's policy to support his compatriots abroad is a symptom of Russia's recovery from the "complex of a collapsed empire."⁸⁸ Thus, as she and

⁸¹ Carrère d'Encausse, *La Russie entre deux mondes*, 175.

⁸² Kazantsev, "Bol'shaia igra," 122.

⁸³ L. Delcour, "Un nouvel aplomb sur la scène internationale? Comment la Russie voit-elle le monde? Éléments d'analyse d'une politique étrangère en mutation," *Revue internationale et stratégique*, no. 68 (2003): 139–140; Teurtrie, *Géopolitique de la Russie*; Yakemtchouk, *La politique étrangère de la Russie*.

⁸⁴ Delcour, *Un nouvel aplomb sur la scène internationale*, 40.

⁸⁵ Ibid., 140; Tinguy, "La sortie de l'Empire," 19; "Federal'naia tselevoia programma 'Russkii iazyk (2006–1010 gody)," <https://elementy.ru/Library9/p833.htm>

⁸⁶ Teurtrie, *Géopolitique de la Russie*, 302.

⁸⁷ Ibid., 314.

⁸⁸ M. Laruelle, "La question des Russes de proche-étranger en Russie (1991–2006)," *Les Etudes de CERI*, no. 126 (2006): 41.

other French analysts suggest, “soft power” helps restore Russia's influence in Central Asia.⁸⁹ And, despite the fact that most of its governments have abandoned Russian as an official language, it still remains the main means of communication in the post-Soviet space.

Conclusion

French scholars pay particular attention to Russia's relations with Central Asia. They are primarily interested in the Moscow's geopolitical aspirations, as well as the methods and results of achieving these. To a lesser extent, they also examine the economic and cultural ties between Russia and the countries of the region.

The French literature can be divided into three stages. The first, from 1992 to 1995, was marked by Russia's withdrawal from the region as a result of a number external and internal political factors. The years 1996 to 2001 saw Russia's return and the priority it gave to the Central Asian vector in its foreign policy. By the way, an indirect evidence of this process, as well as the growing international importance of the region, was the growth of Russo-Central Asian relations as a distinct field of scholarship. Meanwhile, since 2003, as the Kremlin's role in the region has strengthened, French authors are beginning to consider it as the dominant force, although they also pay attention to other players there.

French scholarship, which is fundamentally positivist, is difficult to characterize. It is distinguished by a diversity of opinions, even in the works of the same author. There are two main approaches: the objective one, which explains Moscow's policy by its geopolitical interests and, above all, its desire to ensure its own security, and there is the ideological one, which sees it as neo-imperial. The main argument comes down to interpreting the goal of Russia's foreign policy as the desire of its leadership to revive power, regain the status of a superpower, and most importantly, to rally the population's support for its goals. This suggests that the cooperation between Russia and the countries of the region is based on the proximity of their authoritarian regimes, the Kremlin's desire to provide military assistance, as well as to prevent the establishment of democracy and civil liberties that would inevitably sweep aside the rulers and lead to the region's reorientation toward the West. At the same time, it seems that, after the events of the “Crimean Spring” in 2014, the neo-imperial approach has acquired certain relevance.

The neo-imperial paradigm, emphasizing continuity in the development of Russia as empire, Soviet Union, and now, federation is seen as relevant to understand the country's relations with its neighbors, above all, Central Asia. Russian perception of this region as the former part of a whole, cherished and reinvigorated by the center, and nostalgia for the past are catalysts for imperial self-identification to replace the Soviet era's ideological bonds. The ideological approach appears most often in journalism, which frees the author from the norms of scientific evidence and provides an opportunity for subjective conclusions and value judgments.

French scholars have contributed to the study of the relations between modern Russia and the countries of Central Asia. H el ene Carr ere d'Encausse has been particularly important. She sees virtue in the fact that Russia destroyed its empire on its own initiative and should be praised for enduring all the consequent negative socio-economic and political consequences.

Most French researchers do not see neo-imperialism as the dominant element of Russian national identity. At the same time, the argument of one scholar is quite characteristic of the ambiguities inherent not only of the French literature, but its political culture as a whole:

The Russian empire ceased to exist, but apparently quitting an empire is not complete: it is a long, painful process ... Russia's leaders face great difficulties in trying to turn the page, to present the post-

⁸⁹ Tinguay, “La sortie de l'Empire,” 19; Teurtrie, *G eopolitique de la Russie*, 319.

Soviet space not as their zone of influence, but instead to consider their partners as truly sovereign states free to pursue their own decisions, and to admit that the historical memory of Russia does not necessarily coincide with the memory of its neighbors.⁹⁰

Nevertheless, the prevailing opinion among the French authors is that Russia, by abandoning its historic great-power traditions and ideas of a special mission, is seeking a new path toward mutually beneficial and equal cooperation while also promoting its geopolitical interests in Central Asia.

Рукопись поступила: 26 апреля 2020 г.

Submitted: 26 April 2020.

References

- Abashin, S.N. *Tsentral'naia Aziia v sostave Rossiiskoi imperii*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2008 (in Russian).
- Ageeva, V.V. “Exploring Russia as an Empire: Innovations in Anglo-American Historical Russian Studies in the 1990s–2010s.” *Theory and practice of social development*, no. 2 (2015): 65–78 (in Russian).
- Arslanov, R.A., and Klimashin, A.L. “Periodicals in Russia at the turn of the 19th–20th centuries on Russian migrants’ sociocultural adaptation in Central Asia.” *RUDN Journal of Russian History*, no. 3 (2017): 347–363 (in Russian).
- Arslanov, R.A., and Tolstova, T.S. “Outside viewpoint: French researchers about modern Russia.” *RUDN Journal of Russian History*, no. 3 (2014): 155–162 (in Russian).
- Bernard, V., Cvijic, P., Fort, L., Gangloff, M., and Moreau, R. “Russie: Quelle stratégie de puissance?” *Base de Connaissance de AEGE*, no. 12 (2006): 28–35 (in French).
- Bessmertnyi, Iu.L. “Kak zhe pisat’ istoriiu? Metodolicheskie veianiia vo frantsuzskoi istoriografii 1994–1997.” *Novaya i noveishaia istoriia*, no. 5 (1998): 29–42 (in Russian).
- Brezhneva, S.N. “Reflection of the idea of acculturation in the resettlement policy of the Russian Empire in Turkestan at the turn of the 19th–20th centuries,” *RUDN Journal of Russian History* 17, no. 3 (2017): 608–638 (in Russian).
- Brezhneva, S.N. *Istoriografiia problemy prisoedineniya Turkerstanskogo kraia k Rossii vtoraiia polovina XIX v. – nachalo XXI*. Moscow: Moscow University Publ., 2005 (in Russian).
- Cagnat, R. “Asie centrale, jouet des grandes puissances: le Très Grand Jeu.” *Les notes de l’IRIS*, no. 5 (2010): 45–53 (in French).
- Carrère d’Encausse H. *Yevraziyskaya imperiya*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2007 (in Russian).
- Carrère d’Encausse, H. *L’Empire éclaté*. Paris: Flammarion, 1979 (in Russian).
- Carrère d’Encausse, H. *La Russie entre deux mondes*. Paris: Fayard, 2010 (in French).
- Carrère d’Encausse, H. *Réformes et révolutions chez les musulmans de l’Empire russe. Bukhara 1867–1924*. Paris: Armand Colin, 1966 (in French).
- Chudnov, V.P. “Frantsuzskaia istoriografiia raspada SSSR i stanovleniia novoi Rossii,” in *Rossiiia v mirovom politicheskom protsesse: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi-teoreticheskoi konferentsii*, 145–149. Moscow: RUDN Publ., 1997 (in Russian).
- Delcour, L. “Un nouvel aplomb sur la scène internationale? Comment la Russie voit-elle le monde? Éléments d’analyse d’une politique étrangère en mutation.” *Revue internationale et stratégique*, no. 68 (2007): 133–141 (in French).
- Djalili M.-R., and Kellner, T. “La Russie et la «nouvelle» Asie central.” *Géostratégiques*, no. 1 (2001): 10–23 (in French).
- Dreyfus, F.-G. “La Russie et l’Asie centrale.” *Géostratégiques*, no. 12 (2006): 99–106 (in French).
- Facon, I. “L’Asie centrale comme enjeu dans le partenariat stratégique sino-russe.” *Recherches et documents. Courrier des pays de l’Est*, no. 6 (2008): 23–32 (in French).
- Facon, I. “Les enjeux de sécurité en Asie centrale: la politique de la Russie.” *AFRI*, no. 5 (2004): 653–666 (in French).
- Facon, I. “L’organisation de coopération de Shanghai. Ambitions et intérêts russes.” *Le courrier des pays de l’Est* 1055, no. 3 (2006): 26–37 (in French).
- Gomart, Th. “Quelle influence russe dans l’espace post-soviétique?” *Le courrier des pays de l’Est* 1055, no. 3 (2006): 4–13 (in French).

⁹⁰ Tinguay, “La sortie de l’Empire”, 20.

- Gordon, A.V. "Russia in the history of French thought (XVII–XXI centuries)." *Russia and the modern world*, no. 4 (2013): 76–102 (in Russian).
- Gurevich, A.Ia. *Istoricheskii sintez i shkola 'Annalov.'* Moscow: Indrik Publ., 1993 (in Russian).
- Iatskova, D.A. *Vlast' i obshchestvennoe dvizhenie Rossii XIX vo frantsuzskoi istoriografii.* Moscow: MSU Publ., 2013 (in Russian).
- Inergin, A.M. *Global'naiia istoriia' Fernana Brodelia: voprosu metodologii.* Tomsk: TSU Publ., 1995 (in Russian).
- Kazantsev, A.A. «*Bol'shaya igra*» s neizvestnymi pravilami: mirovaya politika i Tsentral'naya Aziya. Moscow: MGIMO-Universitet Publ, 2008 (in Russian).
- Kellner, T., and Djalili, M.-R. *Géopolitique de la nouvelle Asie Centrale. De la fin de l'URSS à l'après 11 septembre.* Genève: Graduate Institute Publications, 2015 (in French).
- Kitspotter, V. de. "The Great Game in Central Asia." *Nuclear Control*, no. 1 (2005): 81–102 (in Russian).
- Kostromina, N.G. *Teoriia i praktika totalitarizma v otsenke frantsuzskoi istoricheskoi i politicheskoi mysli v XX v.* Kemerovo: Kemerovo State University Publ., 2012 (in Russian).
- Laruelle, M. "La question des Russes de proche-étranger en Russie (1991–2006)." *Les Etudes de CERI*, no. 126 (2006): 15–21 (in French).
- Laruelle, M. "Le nouveaux role de la Russie en Asie Centrale: les migrations de travail des Centre-asiatiques vers la Fédération russe." *Revue internationale et stratégique*, no. 4 (2006): 133–142 (in French).
- Leklerk, A. *Russkoye vliyanie v Yevrazii. Geopoliticheskaya istoriya ot stanovleniya gosudarstva do vremeni Putina.* Moscow: Al'pina Publisher Publ., 2014 (in Russian).
- Luzianin, S.G. *Vostochnaia politika Vladimira Putina. Vozvrashchenie Rossii na "Bol'shoi Vostok" (2004–2008).* Moscow: AST Publ., 2007 (in Russian).
- Mendras, M. "La Russie en mal de politique étrangère." *Pouvoirs*, no. 88 (1999): 107–120 (in French).
- Meshcheryakov, K.Ye. *Evolutsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii v Tsentral'noy Azii v 1991–2012 gg.* St. Petersburg: SPbGU Publ., 2014 (in Russian).
- Mironov, B.N. *Upravlenie etnicheskimi mnogoobraziami Rossiiskoi imperii.* St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publ., 2017 (in Russian).
- Naumkin, V.V. *Interesy Rossii v Tsentral'noi Azii: sodержanie, perspektivy, ogranichiteli.* Moscow: RAN Publ., 2013 (in Russian).
- Paris, H. "La politique russe en Asie centrale." *Géostratégiques*, no. 28 (2010): 43–52 (in French).
- Peyrouse, S. "La présence chinoise en Asie central: Portée géopolitique, enjeux économique et impact culturelle." *Les Etudes de CERI*, no. 48 (2008): 29–31 (in French).
- Peyrouse, S. "Quinze ans après l'indépendance, quels nouveaux enjeux en Asie Centrale?" *Revue internationale et stratégique* 64, no. 4 (2006): 65–68 (in French).
- Poujol, C. "L'Asie centrale, bilan: quinze années de discours et de pratiques sur l'intégration dans un espace désintégré." *Revue internationale et stratégique*, no. 64 (2006): 69–78 (in French).
- Pradon, H. "Les enjeux de sécurité et de la stabilité en Asie central." *AFRI*, no. 4 (2003): 161–176 (in French).
- Reveillard, C. "La stratégie de la renaissance. Retour sur certaines évolutions de la situation géostratégique Russe." *Géostratégiques*, no. 24 (2016): 75–80 (in French).
- Rousselot, H. "Le club de l'énergie de l'OSC. Un élément (moteur) d'intégration régionale?" *Relations internationales*, no. 145 (2011): 117–132 (in Russian).
- Roy, O. *L'Asie centrale contemporaine.* Paris: Presses Universitaire de France, 2010 (in French).
- Savichev, Iu.N. "Otnosheniia Rossii s tsentral'noaziatskimi stranami SNG v gumanitarnoi sfere (1991–2015)." Moscow: MSU Publ., 2015 (in Russian).
- Sellier, A., and Sellier, J. *Atlas des peuples d'Orient, Moyen-Orient, Caucase, Asie Centrale.* Paris: La Découverte, 1993 (in French).
- Teurtrie, D. "La langue russe. Un enjeu dans les relations entre la Russie et son étranger proche." *Le Courrier des pays de l'Est*, no. 1043 (2004): 67–75 (in French).
- Teurtrie, D. *Géopolitique de la Russie. Intégration régionale, enjeux énergétiques, influence culturelle.* Paris: l'Harmattan, 2010 (in French).
- Tinguy, de A. "La sortie de l'Empire: le poids de l'héritage." *Questions internationales*, no. 27 (2007): 6–21 (in French).
- Trubnikova, N.V. *Istoricheskie dvizhenie 'Annalov.* Tomsk: TSU Publ., 2007 (in Russian).
- Tsykova, K.A. "Rossiia vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv. v trudakh Anatolia Lerua-Bol'e." Moscow: MSU Publ., 1991 (in Russian).
- Verdier, A. "Les relations russo-centrasiatique. Une nouvelle donnée géopolitique, entre méfiance, velléité et intérêt." *Les Cahiers de l'Orient*, no. 89 (2008): 29–43 (in French).
- Yakemtchouk, R. *La politique étrangère de la Russie.* Paris: l'Harmattan, 2008 (in French).

Библиографический список

- Абашии С.Н.* Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 450 с.
- Агеева В.В.* Изучение России как империи: инновации в англо-американских историко-русских исследованиях в 1990–2010 годах // Теория и практика общественного развития. 2015. № 2. С. 65–78.
- Арсланов Р.А., Климашин А.Л.* Периодические издания России рубежа XIX–XX вв. о социокультурной адаптации русских переселенцев в Средней Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. № 3. С. 347–363.
- Арсланов Р.А., Толстова Т.С.* Взгляд со стороны: французские исследователи о современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2014. № 3. С. 155–162.
- Бессмертный Ю.Л.* Как же писать историю? Методические веяния во французской историографии 1994–1997 гг. // Новая и новейшая история. 1998. № 5. С. 29–42.
- Брежнева С.Н.* Историография проблемы присоединения Туркестанского края к России: вторая половина XIX – начало XX в. М.: МГУ, 2005. 320 с.
- Брежнева С.Н.* Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XIX – XX веков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2017. Т. 17. № 3. С. 608–638.
- Гордон А.В.* Россия в истории французской мысли (XVII–XXI вв.) // Россия и современный мир. 2013. № 4. С. 76–102.
- Гуревич А.Я.* Исторический синтез и школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. 240 с.
- Инергин А.М.* Глобальная история Фернана Броделя: вопросы методологии. Томск: ТГУ, 1995. 210 с.
- Казанцев А.А.* «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М.: МГИМО-Университет, 2008. 320 с.
- Каррер д'Анкокс Э.* Евразийская империя. М.: РОССПЭН, 2007. 360 с.
- Китспоттер В. де.* Большая игра в центральной Азии // Ядерный контроль. 2005. № 1. С. 81–102.
- Костромина Н.Г.* Теория и практика тоталитаризма в оценке французской исторической и политической мысли в XX в. Кемерово: КГУ, 2012. 310 с.
- Латина Н.Ю.* Двойное зеркальное отражение, или Как современная Россия воспринимается во Франции // России и современный мир. 2013. № 4. С. 58–75.
- Леклерк А.* Русское влияние в Евразии. Геополитическая история от становления государства до времен Путина. М.: Альпина Паблишер, 2014. 365 с.
- Лузианин С.Г.* Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004 – 2008). М.: АСТ, 2007. 435 с.
- Меццераков К.Е.* Эволюция внешней политики Российской Федерации в Центральной Азии в 1991–2012 гг. СПб.: СПбГУ, 2014. 250 с.
- Миронов Б.Н.* Управление этническим многообразием Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. 673 с.
- Наумкин В.В.* Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители. М.: РАН, 2013. 321 с.
- Савичев Ю.Н.* Отношение России с центральноазиатскими странами СНГ в гуманитарной сфере (1991 – 2015). М.: МГУ, 2015. 210 с.
- Трубникова Н.В.* Исторические движения «Анналов». Томск: ТГУ, 2007. 290 с.
- Цуканова К.А.* Россия второй половины XIX – начала XX вв. трудах Анатоля Леруа-Боле. М.: МГУ, 1991. 110 с.
- Чудинов В.П.* Французская историография распада СССР и становления современной России // Россия в мировом политическом процессе: материалы международной научно-теоретической конференции. М.: РУДН, 1997. С. 145–149.
- Яцкова Д.А.* Власть и общественное движение в России XIX в. во французской историографии. М.: МГУ, 2013. 510 с.
- Bernard V., Cvijic P., Fort L., Gangloff M., Moreau R.* Russie: Quelle stratégie de puissance? // Base de Connaissance de AEGE. 2006. № 12. P. 28 – 35.
- Cagnat R.* Asie centrale, jouet des grandes puissances: le Très Grand Jeu // Les notes de l' IRIS. 2010. № 5. P. 45–53.
- Carrère d'Encausse H.* L'Empire éclaté. Paris: Flammarion, 1979. 314 p.
- Carrère d'Encausse H.* La Russie entre deux mondes. Paris: Fayard. 2010. 336 p.
- Carrère d'Encausse H.* Réformes et revolutions chez les musulmans de l'Empire russe. Bukhara 1867–1924. Paris: Armand Colin, 1966. 311 p.

- Delcour L.* Un nouvel aplomb sur la scène internationale? Comment la Russie voit-elle le monde? Éléments d'analyse d'une politique étrangère en mutation // *Revue internationale et stratégique*. 2007. № 68. P. 133–141.
- Dreyfus F.-G.* La Russie et l'Asie centrale // *Géostratégiques*. 2006. № 12. C. 99–106.
- Djalili M.-R., Kellner T.* La Russie et la «nouvelle» Asie central // *Géostratégiques*. 2001. № 1. P. 10–23.
- Facon I.* L'Asie centrale comme enjeu dans le partenariat stratégique sino-russe // *Recherches et documents*. Courrier des pays de l'Est. 2008. № 6. P. 23–32.
- Facon I.* Les enjeux de sécurité en Asie centrale: la politique de la Russie // *AFRI*. 2004. № 5. P. 653–666.
- Facon I.* L'organisation de coopération de Shanghai. Ambitions et intérêts russes // *Le courrier des pays de l'Est*. 2006. Vol. 1055. № 3. P. 26–37.
- Gomart Th.* Quelle influence russe dans l'espace post-soviétique? // *Le courrier des pays de l'Est*. 2006. Vol. 1055. № 3. P. 4–13.
- Kellner T., Djalili M.-R.* Géopolitique de la nouvelle Asie Centrale. De la fin de l'URSS à l'après 11 septembre. Genève: Graduate Institute Publications, 2015. 457 p.
- Laruelle M.* La question des Russes de proche-étranger en Russie (1991–2006) // *Les Etudes de CERI*. 2006. № 126. P. 15–21.
- Laruelle M.* Le nouveaux role de la Russie en Asie Centrale: les migrations de travail des Centre-asiatiques vers la Fédération russe // *Revue internationale et stratégique*. 2006. № 4. P. 133–142.
- Mendras M.* La Russie en mal de politique étrangère // *Pouvoirs*. 1999. № 88. P. 107–120.
- Paris H.* La politique russe en Asie centrale // *Géostratégiques*. 2010. № 28. P. 43–52.
- Peyrouse S.* Quinze ans après l'indépendance, quels nouveaux enjeux en Asie Centrale? // *Revue internationale et stratégique*. 2006. Vol. 64. № 4. P. 65–68.
- Peyrouse S.* La présence chinoise en Asie central: Portée géopolitique, enjeux économique et impact culturelle // *Les Etudes de CERI*. 2008. № 48. P. 29–31.
- Poujol C.* L'Asie centrale, bilan: quinze années de discours et de pratiques sur l'intégration dans un espace désintégré // *Revue internationale et stratégique*. 2006. № 64. P. 69–78.
- Pradon H.* Les enjeux de sécurité et de la stabilité en Asie centrale // *AFRI*. 2003. № 4. P. 161–176.
- Reveillard C.* La stratégie de la renaissance. Retour sur certaines évolutions de la situation géostratégique Russe // *Géostratégiques*. 2016. № 24. P. 75–80.
- Rousselot H.* Le club de l'énergie de l'OSC. Un élément (moteur) d'intégration régionale? // *Relations internationales*. 2011. № 145. P. 117–132.
- Roy O.* L'Asie centrale contemporaine. Paris: Presses Universitaire de France. 2010. 128 p.
- Sellier A., Sellier J.* Atlas des peuples d'Orient, Moyen-Orient, Caucase, Asie Centrale. Paris: La Découverte, 1993. 194 p.
- Teurtrie D.* Géopolitique de la Russie. Intégration régionale, enjeux énergétiques, influence culturelle. Paris: l'Harmattan, 2010. 435 p.
- Teurtrie D.* La langue russe. Un enjeu dans les relations entre la Russie et son étranger proche // *Le Courrier des pays de l'Est*. 2004. № 1043. P. 67–75.
- Tinguy de A.* La sortie de l'Empire: le poids de l'héritage // *Questions internationales*. 2007. № 27. P. 6–21.
- Verdier A.* Les relations russo-centrasiatique. Une nouvelle donnée géopolitique, entre méfiance, velléité et intérêt // *Les Cahiers de l'Orient*. 2008. № 89. P. 29–43.
- Yakemtchouk R.* La politique étrangère de la Russie. Paris: l'Harmattan. 2008. 438 p.

Информация об авторах / Information about the authors

Арсланов Рафаэль Амирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов.

Rafael A. Arslanov, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor of the Department of Russian History, RUDN University.

Трифонова Елизавета Дмитриевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов.

Elizaveta D. Trifonova, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, RUDN University.

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-996-1000>

Рецензия / Book Review

Любичанковский С.В. Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи): монография. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2019. 480 с.

Масуми Исогай (рецензент)

Центр исследований Северо-Восточной Азии при Государственном университете Тохоку; 980-8576, Япония; Мияги, Сэндай, Аоба-ку, Каваути, 41; isomasu3@mbe.nifty.com

Для цитирования: Масуми Исогай. Рецензия на: Любичанковский С.В. Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на примере кочевых и полукочевых народов Российской империи). Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2019. 480 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 4. С. 996–1000. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-996-1000>

Lyubichankovskiy, S.V. Imperskaya politika akkul'turatsii i problema kolonializma (na primere kochevykh i polukochevykh narodov Rossiyskoy imperii): monografiya [Imperial policy of acculturation and problem of colonialism (based on the example of nomadic and semi-nomadic peoples in the Russian Empire): a monograph]. Orenburg: OGAU Publishing Center, 2019. 480 p.

Masumi Isogai (reviewer)

Center for Northeast Asian Studies, Tohoku University;
41, Kawauchi, Aoba-ku, Sendai, Miyagi, 980-8576, Japan; isomasu3@mbe.nifty.com

For citation: Masumi Isogai. “Review on: Lyubichankovskiy, S.V. Imperskaya politika akkul'turatsii i problema kolonializma (na primere kochevykh i polukochevykh narodov Rossiyskoy imperii): monografiya [Imperial policy of acculturation and problem of colonialism (based on the example of nomadic and semi-nomadic peoples in the Russian Empire): a monograph]. Orenburg: OGAU Publishing Center, 2019. 480 p.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 4 (November 2020): 996–1000. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-4-996-1000>

«Историк не дает оценку историческому событию с современной точки зрения», – такой образ мыслей является единым стандартом у историков, по крайней мере, в кругу рецензента. Историки, придерживающиеся данного мнения, логически объясняют свою точку зрения. С одной стороны, историк может внимательно устанавливать несомненные исторические факты на основании исторических источников и такие факты не так легко трактуются. С другой стороны, историк может оценивать исторические факты, но такие оценки легко теряют свою ценность, потому что они всегда

тесно связаны с популярным течением мысли своего времени. Следовательно, если историк хочет «более долгой жизни» своей научной работе, ему лучше заниматься установлением исторических фактов, а не размышлять над ними.

Коллективная монография под научной редакцией С.В. Любичанковского – это сопротивление вышеупомянутому широко распространенному среди историков мнению. В заглавии этой необычной работы используется по меньшей мере один термин, указывающий на определенное направление мысли или оценку. Это, разумеется, термин «колониализм», который имеет явный негативный имидж. Второй имеющийся в заглавии термин «аккультурация» воспринимается нейтрально. Но, как показывают некоторые статьи этой коллективной монографии, слово «аккультурация» может иметь положительное значение. Научный редактор этой коллективной монографии побуждает читателей к еще более глубокому размышлению над вопросами, связанными с концепциями анализа таких понятий, как «колониализм» или «аккультурация», и вариативностью трактовки исторических фактов при проведении исследований.

Коллективную монографию составляли довольно своеобразным способом. Научный редактор подготовил 12 вопросов и предложил специалистам по истории Российской империи, особенно экспертам по истории народов Урало-Поволжья и Центральной Азии, ответить на них. В качестве ответов на эти вопросы 23 специалиста написали статьи. В результате такого оригинального метода в книге собраны чрезвычайно интересные статьи и эссе, в которых многие авторы высказали свое мнение и продемонстрировали свои взгляды на исторические факты, что не так часто встречается в обычных научных трудах. Иными словами, читатели могут познакомиться с тем, как работают с историческими фактами известные историки не только из России, но и из разных стран мира: Степан Викторович Джунджузов, Сергей Николаевич Абашин, Александр Моррисон, Кимитака Мацузато и т.д. В этом-то и состоит самое большое преимущество рецензируемой коллективной монографии, и, насколько мне известно, это единственный опыт такого рода в научной литературе по истории России или Центральной Евразии. Сам научный редактор считает, что «научная новизна коллективной монографии... определяется тем, что она представляет собой первую в историографии попытку дать оценку имперской политики Российской империи... в отношении “освоения” специфического макрорегиона – территории кочевых и полукочевых народов Центральной Азии и Урало-Поволжья...» (С. 10).

Отвечая на поставленные научным редактором вопросы, авторы получили возможность выразить свои оценки историческим событиям. Например, первыми вопросами к специалистам были: «Как Вы понимаете концепты “аккультурация”, “имперская политика аккультурации”? Как эта модель соотносится с “колониальным подходом”, с иными моделями?..» (С. 11). Эксперты начали писать свои статьи или эссе после просмотра ряда таких вопросов. Можно сказать, что специалистам-участникам в этом необычном проекте была предложена платформа для обсуждения проблематики имперской политики и социальных изменений, происшедших от нее. Иногда, кажется, что сами вопросы наводят отвечающих на определенное мнение, но в данном случае отвечают известные специалисты, поэтому у рецензента такого беспокойства не возникло.

Кроме того, историки отдают себе отчет в том, что сами являются историческими личностями и не могут быть совершенно независимы от течений мысли своего времени, поэтому их деятельность не может сводиться только к установлению исторических фактов. Именно поэтому, на наш взгляд, необходимо хотя бы изредка составлять коллективные монографии подобного типа.

Тем не менее нельзя не упомянуть о том, что научный редактор уже с начальных страниц коллективной монографии указывает очевидное для читателей направле-

ние к пониманию характеристики политики Российской империи. Например, во введении он пишет: «Так называемый “колониальный подход”, ставший терминологической нормой и старательно формируемым стереотипом восприятия при описании истории многих окраин Российской империи в ныне независимых государствах постсоветского пространства, нуждается в совершенно конкретном историческом осмыслении...» (С. 5–6). Имея в виду ситуацию со свободой слова и историческими исследованиями в странах бывшего Советского Союза, мне и большинству читателей вполне понятно, что хотел сказать автор. Но все-таки было бы лучше, если бы научный редактор воздержался от высказывания собственной позиции в начале книги. Более убедительно, на наш взгляд, когда дискуссионное поле остается нейтральным.

Обращает на себя внимание и то, что, говоря о термине «колониализм», в коллективной монографии обсуждается лишь один элемент дискуссий и не анализируются постколониальные теории. Скорее всего, это связано с тем, что научные течения, связанные с постколониализмом, развивались за пределами Советского Союза (и стран бывшего СССР). Сейчас, спустя почти 30 лет после распада Советского Союза, взаимосвязь между учеными, специализирующимися в области исследований российской истории, усилилась, и мы можем пересматривать прошлые направления исследований, учитывая позицию западноевропейских и американских специалистов и их доводы в пользу признания постколониализма.

Приведем в качестве соответствующего примера статью С.В. Джунджузова, в которой он пишет о тенденциях в советских исследованиях. Особого внимания заслуживают следующие слова: «С приданием в Советской России марксистско-ленинской идеологии официально-государственного статуса в сознание советских граждан стало внедряться представление о дореволюционной России как “тюрьме народов”, освобожденных от национального гнета Великой Октябрьской социалистической революцией... Советская историография акцентировала внимание на социальном и политическом неравноправии народов России, на экономической эксплуатации инородческого населения...» (С. 12–13). «Концепция насильственного завоевания и последующего бесправного существования в составе Российской империи, – продолжает историк, – ...эксплуатируется в новых национальных историографиях бывших советских республик» (С. 13). Другими словами, автор подчеркивает, что советская историография по нерусским народам в Российской империи была сильно политизирована, находилась под влиянием марксистско-ленинской идеологии. Он пишет, что в своих трудах советские историки исходили из того, что в Российской империи нерусское население было угнетенным, находилось под русским господством, и эти взгляды в настоящее время отражены в историографиях не только независимых республик бывшего Союза, но и некоторых республик Российской Федерации. Однако, продолжает С.В. Джунджузов, в первые десятилетия этого века «имперский концепт изучения российской истории пополнился рядом исследований методологического характера» (С. 14). В частности, А.И. Миллер представил кругу специалистов новый подход к вопросу, как писать историю России как империи¹.

В статье С.В. Джунджузова не затрагивается ряд исследований по истории Урало-Поволжья и Центральной Азии, в которых выражены симпатии к постколониализму, причем так тенденции в сфере исследований рассматривает не только он. Например, Б.А. Азнабаев пишет: «Принятая в советской историографии концепция “Башкирия – колониальная окраина России” по существу является плохим композитом даже с точки зрения марксистских дефиниций...» (С. 20). Азнабаев тоже на-

¹ Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.

чинает дискуссию, имея в виду советскую историографию, и не упоминает об исследованиях, одобряющих постколониальную теорию. Это естественно для российских ученых, потому что идея постколониализма была выработана вне Советского Союза и России.

Тем не менее я могу смело предложить перечислить и рассмотреть все исследовательские тенденции, касающиеся термина «колониализм», с включением близких к постколониализму исследований. Между прочим, постколониальная теория была разработана и озвучена Эдвардом В. Саидом в его книге «Ориентализм»², изданной в 1978 г. Но задолго до появления «Ориентализма» в сфере исследований истории России (и Центральной Евразии) существовала книга, которой давали высокую оценку те историки, которые позже будут сочувствовать постколониальной идее. Это работа известного Александра А. Беннигсена о деятельности Мирсаида Султан-Галиева (1892–1940)³.

Рассуждения о термине «аккультурация» многие авторы начинают с определения или объяснения значения этого слова. Некоторые из них уточняют определение «аккультурация» в области антропологии первой половины XX в. Данный факт позволяет предположить, что этот термин еще не был хорошо известен в кругу историков. Однако даже в этом случае идея составления рецензируемой коллективной монографии дала историкам возможность поразмышлять о применении этого термина в области исторического исследования Российской империи, и, таким образом, цель научного редактора реализована вполне удачно. Во всяком случае несомненно, что коллективная монография вносит значительный вклад в изучение истории Российской империи и будет весьма полезна не только ученым, но и студентам, показав процесс размышления и основу, на которой делаются выводы. Она может также привлечь российских читателей-неспециалистов, так как содержит немало сведений по региональной истории. Книга должна заслужить высокую оценку и с этой точки зрения.

В заключение необходимо отметить, что коллективная монография под научной редакцией С.В. Любичанковского имеет большое значение для дальнейшего исследования истории Российской империи. Она знакомит читателей с тем, как думают над историческими фактами известные российские и зарубежные историки, что обычно весьма редко встречается в научной литературе. Таким образом, коллективная монография под редакцией С.В. Любичанковского побуждает читателей к дальнейшему обдумыванию концепций научного анализа фактов из истории Российской империи, а также вариативности их трактовки при проведении исследований.

Рукопись поступила: 17 февраля 2020 г.

Submitted: 17 February 2020.

Библиографический список

- Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.
- Bennigsen A., *Quelquejay Ch.* Les mouvements nationaux chez les musulmans de Russie: “Sultangalievisme” au Tatarstan. Paris: Mouton, 1960. 158 p.
- Said Edward W. Orientalism, 25th Anniversary Edition with a New Preface by the Author. New York: Vintage Books, 1994. 368 p.

² Said Edward W. Orientalism, 25th Anniversary Edition with a New Preface by the Author. New York, 1994.

³ Bennigsen A., *Quelquejay Ch.* Les mouvements nationaux chez les musulmans de Russie: “Sultangalievisme” au Tatarstan. Paris, 1960.

References

- Bennigsen, A., and Quelquejay, Ch. *Les mouvements nationaux chez les musulmans de Russie: "Sultan-galievisme" au Tatarstan*. Paris: Mouton, 1960 (in French).
- Miller, A.I. *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006 (in Russian).
- Said, Edward W. *Orientalism, 25th Anniversary Edition with a New Preface by the Author*. New York: Vintage Books, 1994.

Информация об авторе / Information about the author

Масуми Исогай, доктор философии, ассистент-профессор Центра исследований Северо-Восточной Азии Университета Тохоку (Япония).

Masumi Isogai, Doctor of Philosophy, Assistant Professor of the Center for Northeast Asian Studies, Tohoku University (Japan).

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

SUBMISSION GUIDELINES

Редакционная коллегия принимает к публикации рецензии объемом 10–12 тыс. знаков, статьи и историографические обзоры объемом до 50 тыс. знаков в формате MS Word с учетом пробелов, подстрочных сносок и элементов издательского оформления. Статья должна состоять из трех разделов: «Введение» (обоснование темы, определение цели и задач исследования, обзор источников и литературы (с обязательным анализом новейших зарубежных публикаций), «Исследование проблемы» (делится на смысловые блоки, которым даются подзаголовки), «Выводы» (должны быть развернутыми; объем – не менее 0,5 страницы). Ссылки на источники и литературу даются постранично с помощью продолжающихся номерных сносок на оригинальном языке опубликования.

Элементы издательского оформления включают в себя:

- заголовков статьи на русском и английском языках;
- ФИО автора, название и адрес организации, e-mail на русском и английском языках;
- англоязычную аннотацию (не менее 240 и не более 260 слов);
- русскоязычный исходный текст англоязычной аннотации;
- ключевые слова на русском и английском языках (5–10 слов);
- информацию об авторе на русском и английском языках (ФИО автора, ученая степень, звание, должность, название подразделения, название организации);
- дополнительную информацию на русском и английском языках, если имеется (финансирование, благодарности и пр.);
- библиографический список (приветствуется включение в библиографический список 2–3 англоязычные статьи из журналов, входящих в БД Scopus и WoS);
- references.

Публикации в References выстраиваются в порядке английского алфавита. При транслитерации необходимо использовать стандарт BSI (British Standard Institute, UK). Библиографическое оформление публикаций в этом списке отличается от оформления в подстрочных сносках и производится в соответствии с правилами “Чикагского стиля цитирования” (“Chicago Manual of Style”) в 17-й редакции в варианте “Note and Bibliography System”. При оформлении публикации необходимо указывать название издательства в транслитерированном варианте с обязательным добавлением слова Publ. (Press., если указывается типография). В случае его отсутствия ставить пометку [S.n.] ([Б.и.] при цитировании в Библиографическом списке).

Рукопись направляется по электронному адресу корпоративной почты журнала (rushistj@rudn.ru) и ответственного секретаря (kornouh@mail.ru).

Более полную информацию о правилах оформления рукописи см. на сайте:

<http://journals.rudn.ru/russian-history>

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПОРТФЕЛЬ ЖУРНАЛА НА 2021 г.**CALL FOR PAPERS FOR THE 2021 ANNUAL PROGRAM****История отношений центра и национальных регионов России**

Выпуск номера приурочен к 300-летию образования Российской империи. На страницах журнала предполагается всесторонне рассмотреть особенности складывания и функционирования имперской системы управления многонационального государства. Планируется обсудить не только проблему степени ее эффективности, но и выявить факторы, препятствовавшие процессу интеграции присоединяемых территорий и народов в общее имперское пространство. Предполагается также рассмотреть вопросы, посвященные восприятию национальными элитами регионов политики центра, отражению взаимодействия столичной и провинциальной бюрократии в публицистике и мемуарах. Попытаемся ответить на вопрос, ставший сегодня крайне актуальным: в какой степени политика центра учитывала интересы регионов и в чем заключались особенности его отношений с окраинами по сравнению с «классическими империями»?

Военное прошлое в культурно-исторической памяти народов России

Тематическая рубрика будет посвящена анализу факторов формирования и исторических репрезентаций образов военного прошлого в сознании и культуре народов, проживающих на территории России. Будут представлены исследования феномена культурной памяти народов и отображения в ней событий военного прошлого, общероссийских характеристик и особенностей восприятия и представлений о военном прошлом национальных, этнических, региональных и иных сообществ, существовавших и продолжающих свое существование на территории России. На страницах тематического номера предстоит ответить на следующие вопросы: как память о военном прошлом формировала и формирует национальную/этническую/региональную/социальную идентичность; в чем проявляется и как используется в политике памяти «символический репертуар», воплощающий знаковые события военной истории; как представления о военном прошлом воплощаются в общегосударственных и локальных практиках коммемораций, мемориальной культуре народов?

Модели политической коммуникации Российского государства с народами Урало-Поволжья, Сибири и Центральной Азии в XVI – XIX вв.

Тематическая рубрика будет посвящена рассмотрению различных моделей политической коммуникации и инкорпорации, применяемых Российским государством в отношении народов Урало-Поволжья, Сибири и Центральной Азии в XVI–XIX в. Раскрываются каналы, формы и технологии политической аккумуляции, возникшие в ходе интенсивного взаимодействия народов, обладавших разными политико-культурными практиками, основанными на культурных паттернах христианства (православия), ислама, буддизма и язычества, а также на анализе способов их отражения в ментальном пространстве и общественном сознании. На страницах тематического номера предстоит ответить на следующие вопросы: насколько широко в ходе политической коммуникации российская власть использовала компоненты азиатских традиций и культур, каковы были динамика восприятия российской стороной сибирских и азиатских народов, принципы их идентификации, как формировались приемы и инструменты легитимации Российским государством своей власти над азиатскими территориями и народами, в том числе с применением элементов монголо-тюркского политического наследия; как осуществлялась кооптация местной элиты и инкорпорирование управленческих структур нерусских регионов в российскую систему управления?

Общество и элиты многонациональной России в условиях трансфера

Тематический номер будет посвящен 100-летию НЭПа и 30-летию начала либеральных реформ в России. В этой связи предполагается рассмотреть особенности адаптации общества и региональных элит к социокультурным и политическим трансформациям, происходившим в переходные периоды развития страны. Надеемся на статьи, в которых на примере национальных регионов СССР и России будет проанализирована драма несовпадения утопических проектов и реальных результатов их воплощения, а в контексте персональной истории рассмотрена судьба представителей разных наций и народностей, которым пришлось жить в эпоху перемен. На страницах тематического номера попытаемся найти ответы на следующие вопросы: реформы в России – закономерный результат развития общества или продукт воли «гения на троне»; итог преобразований зависит от учета достижений европейской мысли и степени заимствования европейского опыта или от опоры на собственные силы и национальные традиции и отсюда защиту интересов не отдельной личности, а всего общества?